

В.Б. Колосова

**Лексика и символика
славянской народной
ботаники**

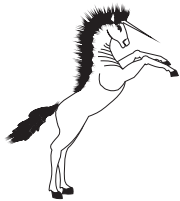

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Традиционная Духовная Культура Славян

ТД

Современные исследования

В.Б. Колосова

**Лексика и символика
славянской народной ботаники**
Этнолингвистический аспект

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2009

Европейский университет в Санкт-Петербурге

В.Б. Колосова

Лексика и символика
славянской народной ботаники
Этнолингвистический аспект

УДК 398
ББК 82
К 61

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Европейского университета в Санкт-Петербурге*

Колосова В. Б.

Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. — М.: «Индрик», 2009. — 352 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

ISBN 978-5-91674-026-4

Монография посвящена характерным для традиционной культуры славян представлениям о растительном мире. На материале фольклорных и этнографических фактов в их тесной связи с языковыми данными анализируется механизм формирования семиотического статуса растений, сопоставляются его особенности в разных славянских традициях.

В то же время демонстрируется системный характер народной ботаники, связь представлений о растительном царстве с другими фрагментами картины мира, которая проявляется во включенности растений в ряд базовых семантических оппозиций, а также в отражении в растительном коде других кодов традиционной культуры.

Книга адресована славистам-этнолингвистам, фольклористам, этнологам, специалистам по этносемиотике, а также всем интересующимся традиционной славянской культурой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1	
ПРИЗНАКИ, ФОРМИРУЮЩИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РАСТЕНИЙ	10
Цвет. — Размер. — Форма. — Свойства поверхности. — Количество. — Другие внешние признаки. — «Поведение». — Время. — Пространство. — Вкус. — Запах. — Звук. — Ядовитость. — Жгучесть. — Медицинское применение. — Магия. — Использование в быту.	
ГЛАВА 2	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОДОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	63
Анатомический код в народной ботанике. — Мужские и женские травы. — Глаз, зрение/слепота, плач. — «Чужие» растения. — Одежда. — Числовые мотивы в народной ботанике.	
ГЛАВА 3	
ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	142
Василек. — Зверобой. — Иван-да-марья. — Крапива. — Лютик. — Одуванчик. — Первоцвет. — Подорожник. — Полюнь. — Цикорий. — Чертополох. — Ятрышник.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	266
ЛИТЕРАТУРА	272
СОКРАЩЕНИЯ	295
УКАЗАТЕЛЬ ФИТОНИМОВ	302
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	344

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена описанию механизма отражения объективных признаков дикорастущих травянистых растений в их названиях и роли этих признаков в формировании их семиотического статуса и символического образа в традиционной культуре славян, а именно в той ее части, что образована традиционными представлениями о флоре (народная ботаника, этноботаника).

Термин *этноботаника* впервые употребил в речи, обращенной к университетской археологической ассоциации, ботаник Пенсильванского университета Джон Харшбергер (J.W. Harshberger) в 1895 г. Ее предмет он определил как «растения, используемые первобытными и туземными народами». После публикации речи в 1896 г. термин вскоре вытеснил прочие обозначения этого направления в науке (Ford 1994: 33). Будучи с самого начала междисциплинарной наукой, этноботаника вскоре стала самостоятельной специальностью в некоторых западных университетах¹.

В данной работе этноботаника рассматривается как часть этнолингвистики — «дисциплины, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» (СД 1995: 5). Это значит, что анализу подвергается не только лексика, обозначающая растения, но и тот круг представлений, который характеризует отношение к растительному миру в славянской традиционной культуре, фольклорные тексты о тех или иных растениях, а также связанные с ними обрядовые практики.

---

¹ Подробнее об истории развития западной этноботаники см.: (Ford 1994; Valick 1996), славянской этноботаники — (Колосова 2008). С подробной библиографией на тему славянской этноботаники можно ознакомиться на странице <http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/11596>

Разумеется, интерес к тому, как традиционная культура интерпретирует и использует мир растений, начался раньше, чем для данной сферы научных интересов нашелся термин. Среди обширного корпуса работ, так или иначе связанных с традиционными знаниями славян о растениях, есть такие, что сосредоточены на какой-то одной составляющей — словарном фонде или мотивационном аспекте номинации флоры, фольклорных текстах или использовании растений в народной медицине и магии; другие сочетают в себе интерес ко всем этим аспектам. Работы, посвященные растениям, различаются и географическим охватом — от одной деревни или диалекта до сравнительных работ на материале двух-трех языков или же славянской территории в целом.

Практически весь материал, собранный в книге, за редкими исключениями, касается травянистых дикоросов. Эти растения выбраны как объект исследования в связи с тем, что в большинстве работ, посвященных символике растений, основное внимание уделяется деревьям, роль же цветов и трав изучена не так глубоко. Поскольку признак в данной работе положен в основу анализа, то для работы привлекались такие контексты, в которых эксплицитно названы те или иные растения, как правило — с точностью до вида.

Основная цель монографии — показать зависимость названия, использования и семиотического статуса того или иного растения от его признаков и свойств (как объективных, так и приписываемых). Исходя из этой цели сложилась структура книги. Работа состоит из трех глав. Первые две главы касаются принципов номинации — «семантической категории, фиксированной в сознании носителя языка, которая подразумевает выбор признака реалии, подлежащей именованию, а формируется на основе обобщения мотивационных признаков со стороны речевого коллектива и служит как база для нового именованья» (Шпис-Тулум 1995: 407–408).

Первая глава представляет собой попытку классификации тех признаков растений, которые так или иначе были отмечены традиционной культурой и, очевидно, легли в основу их семиотического статуса. В ней демонстрируется, как признаки растений отражаются в наименованиях этих растений, во фразеологии, фольклоре, и, наконец, на акциональном уровне — в различных обрядах, в народной магии, медицине и ветеринарии. Здесь рассматриваются названия, мотивированные такими признаками, как цвет, запах, вкус, размер и т.д. В этой главе целью была не возможно более полная подборка фитонимов, фольклорных и этнографических контекстов, а выявление максималь-

ного количества признаков, которые в конечном итоге обусловили названия и образ растения в культуре. При этом рассматриваются разные мотивационные модели: 1) прямая: ‘признак’ → ‘название растения’, то есть признак прямо назван в фитониме; 2) метафорическая: ‘предмет, обладающий определенным признаком’ → ‘название растения’; 3) мифологическая: фитонимы, образованные по мотивационной модели ‘мифологический мотив’ → ‘название растения’. Для каждого признака приводится подборка примеров, иллюстрирующих его актуальность. При этом, поскольку каждое растение обладает более чем одним признаком, оно может упоминаться в нескольких разделах, посвященных разным признакам.

Вторая глава посвящена отражению в растительном коде традиционной культуры других ее кодов, что иллюстрирует системный характер народной ботаники, связь растительного царства с другими фрагментами картины мира. Эта связь проявляется также во включенности растений, наряду с другими объектами, в ряд базовых семантических оппозиций. В этой главе на первый план выступают метафорическая и мифологическая мотивационные модели, но контексты группируются уже исходя не из признаков, которыми обладают растения, а из лексико-семантических групп, объединяющих предметы, с которыми сравниваются растения.

Третья глава содержит ряд этноботанических очерков, посвященных более конкретному описанию отдельных растений и их символики. Выбор их обусловлен значимостью этих растений в народной культуре славян и, соответственно, количеством материала. В этой главе делается попытка продемонстрировать, почему и в каких случаях становится значимым использование данного конкретного растения, какими качествами растения мотивирована та или иная его роль. Для этого описаны фитонимы и их мотивировочные признаки; проанализирована интерпретация этих признаков народной культурой, их отражение в фольклорных текстах и этнографических данных. В этих очерках-фитопортретах важна возможно более полная подборка материала, позволяющая сопоставить особенности интерпретации и, соответственно, символики растений у разных групп славян.

При таком подходе к материалу неизбежны повторы: например, представления, связанные с чертополохом, будут рассмотрены в первой главе (раздел «Форма»), во второй (раздел «„Чужие“ растения») и в третьей (очерк «Чертополох»). Все же мы старались избежать обширных повторов материала за счет перекрестных отсылок.

Прежде чем перейти к изложению материала, я хочу выразить свою искреннюю признательность тем, чья помощь облегчила мой труд.

Диссертационное исследование, которое легло в основу монографии, было выполнено в Европейском Университете в Санкт-Петербурге под научным руководством А.К. Байбурина, и я благодарна всем преподавателям и слушателям факультета этнологии, принимавшим самое деятельное участие в обсуждении промежуточных результатов диссертации. Я также благодарна своему научному консультанту С.М. Толстой и всем сотрудникам отдела этнолингвистики Института славяноведения РАН, где проходила защита диссертации, как и своим оппонентам Е.Л. Березович и А.Б. Морозу, высказавшим ценные замечания при чтении рукописи.

Огромная часть материалов, вошедших в книгу, не могла быть найдена в Петербурге и вообще в России. Поэтому трудно переоценить помощь друзей и коллег, тем или иным образом помогавших мне в поиске источников. Выражаю свою глубокую благодарность В.Г. Арьяновой, М. Алексеевскому, А. Ипполитовой, А. Осиповой, А. Кушковой, С. Королевой, Е. Сафронову, И. Швед, Т. Володиной, А. Ивченко, Л. Потапенко, И. Кметь, И. Колодюк, М. Илийчевой, Л. Раденковичу, П. Пласу, Е. Бартминьскому, С. Небжеговской-Бартминьской, И. Шадуре. Моя особая благодарность — К. Рангочеву, Р. Малчеву и Г. Григорову за возможность принять участие в этнографической экспедиции в обл. Чепеларе (Болгария) и провести исследование в национальной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии.

Этнографические экспедиции в Черновицкую обл. (Украина) были поддержаны индивидуальным грантом RSS №: 1140/2000; стажировка в Университете им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша) — стипендией Кассы им. Мянковского (Kasa im. Józefa Mianowskiego i Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej). Публикация книги осуществлена при поддержке внутреннего гранта Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

ГЛАВА 1

ПРИЗНАКИ, ФОРМИРУЮЩИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РАСТЕНИЙ

**Цвет. — Размер. — Форма. — Свойства поверхности. —
Количество. — Другие внешние признаки. — «Поведение». —
Время. — Пространство. — Вкус. — Запах. — Звук. —
Ядовитость. — Жгучесть. — Медицинское применение. —
Магия. — Использование в быту.**

Анализируя фитонимы, нетрудно заметить, что многие из них указывают на какую-либо яркую черту (форму, запах, вкус). В названии выделен и подчеркнут один (иногда — больше) признак, позволяющий легче распознать и запомнить цветок, выделить его из многообразия травянистых растений.

В народной номенклатуре одно растение, обладая целым набором признаков, может иметь множество названий, и каждое из них подчеркивает различные признаки растения. И наоборот — растения разных видов, родов и даже семейств могут иметь одинаковые народные названия на основе обладания одним и тем же признаком, как, например, *первоцвет* для первых весенних растений или *молочай* для растений с млечным соком. Та же неоднозначность наблюдается и в использовании растений — одно и то же растение является, как правило, в нескольких «обликах» и имеет несколько функций (например, оберег, лекарство, посредник в гаданиях), а одна и та же функция присуща разным растениям. Следовательно, у разных растений прослеживается одна и та же символика. Важно отметить, что символика эта зачастую основана на одинаковых признаках растений — так, в качестве оберегов нередко используются колючие растения или растения с сильным, резким запахом.

В работах, посвященных легендам о происхождении растений (Родионова 2002; Усачева 2000), отчетливо прослеживается влияние их признаков и свойств на этиологические предания. Изучая роль растений в традиционной культуре, можно увидеть довольно стройную систему причинно-следственных связей: некое мифологическое событие, происшедшее в прошлом, оставляет о себе память на нескольких уровнях: рассказ об этом событии, одновременно объяс-

няющий происхождение того или иного растения (или его свойств); само растение; его название; рекомендации по его практическому применению. Так, зверобой, чей внешний вид в сербской традиции связывается с менструальной кровью Богородицы, получил название *богородичина трава* и употребляется при нарушениях менструального цикла, тяжелых родах и бесплодии (разумеется, далеко не для каждого растения удастся зафиксировать информацию на всех уровнях). Однако с точки зрения внешнего наблюдателя использование растений, этиологические рассказы, названия мотивируются извне — какими-то реальными признаками, свойствами этого растения¹. При этом те сюжеты, которые в этиологических рассказах развернуты подробно, могут содержаться в названиях растений в «свернутом» виде, то есть культура кодирует информацию, которая должна быть сохранена, на нескольких уровнях одновременно: «...представление о культуре традиционного типа, как о системе с единой семантической парадигмой в плане содержания и множественностью систем выражения, сводящихся в конечном итоге к двум основным (фольклорной и этнографической), нуждается в одной существенной коррективе. „Посредником“ между этими двумя системами является третья система — естественный язык. Будучи универсальным интерпретантом — интерпретантом всех систем, сосуществующих с ним в культуре (в обществе, в традиции — как бы ни обозначить эту макросистему), язык не только „обслуживает“ всю этнографическую реальность, но и моделирует ее, хотя бы такой существенной своей частью, как словарь. Каждому элементу этой реальности (будь то вещи, процессы, обрядовые действия или система родства) в словаре соответствует какой-то термин; таким образом, структура словаря (или, по крайней мере, структура его терминологического подраздела) оказывается моделью всего быта коллектива, всей системы его деятельности и представлений. В то же время словарь (или другая его часть, пересекающаяся с уже упомянутой тер-

---

¹ «С внешней точки зрения этиологический миф не мог появиться ранее того предмета, чье происхождение или изобретение (или получение культурным героем и т. п.) он описывает. Между тем для носителя соотношение будет прямо противоположным: события, описанные в мифе (а они, собственно, и являются для носителя „датой“ появления мифа), предшествовали — хронологически и причинно — появлению данной вещи, технологического процесса, социального установления и т. п.» (Байбурин, Левинтон 1983: 6).

минологической частью) составляет языковую базу фольклора, его лексическую парадигматику. Словарь языка в целом моделирует этнографический аспект культуры и в свою очередь реализуется (как в фактах „речи“, *parole*) в фольклорных текстах» (Байбурин, Левинтон 1983: 28–29).

Для понимания механизмов символизации важно выделить те конкретные признаки и свойства растений, которые обусловили их функции и проявили себя в народных названиях растений, в паремиях, в этиологических рассказах, в использовании растений в области магии и народной медицины. Для решения этой задачи логично сгруппировать растения по их признакам, отмеченным в языке и культуре².

ЦВЕТ

В фитонимах широко отражен цвет лепестков, листьев и других частей растений. При этом могут быть использованы разные мотивационные модели. Первая — и самая простая — ‘цвет’ → ‘название растения’, то есть цвет прямо назван в фитониме. Таких фитонимов очень много; приведем лишь по несколько примеров на каждый цвет:

Белый. *Белица, белоцвет, белоглазка, белоголовник* (Перм.) ‘ромашка’ (Русинова, Богачева 2003: 118); *белокорка* (Перм.) ‘польнь’ (Там же: 121); *белолистка* ‘белокрыльник болотный *Calla palustris* L.’ (Анненков 1876: 77); укр. *підбіл*, србх. *подбел, подбил, подбео*, болг. *подбяла* ‘мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara* L.’ (Там же: 366). В. Махек производит названия мать-и-мачехи от словосочетания *rodъ běľъ* ‘белый снизу’ — так как нижняя поверхность листьев имеет белесый, седоватый оттенок (Махек 1954: 250). *Лебеда* (варианты *лобода, лобуда*) ‘марь белая *Chenopodium album* L., марь красная *Chenopodium rubrum* L., лебеда поникшая *Atriplex patula* L.’ «восходит к общему корню со значением ‘белый’» (Меркулова 1967: 112).

Желтый. Названия, типичные для растений с лепестками желтого цвета: *желтоцвет, желтотысячник* (Ворон.) ‘адонис весенний *Adonis vernalis* L.’ (Анненков 1876: 10); *желтоголовик* (Перм.) ‘одуванчик’ (Русинова, Богачева 2003: 121); *желтоцвет, желтушка* (Ворон.), укр. *жовтобрюшник* (Хар.) (Анненков 1876: 289, 291), бел. *жаўтушкі* (Петр.) (РС 2001: 76) — названия различных видов люти-

² Все фитонимы даны в орфографии источников.

ков. Чистотел большой *Chelidonium majus* L. по ярко-оранжевому цвету сока, выступающего на изломе стебля, назван *желтый молочай* (Могил., Ворон., Нижег., Подол.), *желтомолочник* (Костр.) (Анненков 1876: 94).

Красный. *Красноголовик* (Вят.), *красноголовка* (Олон.), *красная кашка* (бол. ч. губ.) ‘клевер луговой *Trifolium pratense* L.’ (Анненков 1876: 359); *краснокорёнка* (Перм.) ‘зверобой’ (Русинова, Богачева 2003: 121); *красные корни* (Перм.), *бордоголовка*, *бордоголовник*, *красноголовник*, *краснокоренник* (Ср. Приоб.) ‘кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L.’ (Анненков 1876: 314; Арьянова 1: 136), чеш. *červánčí* ‘мак самосейка *Papaver rhoeas*’ (Machek 1954: 56).

Синий. *Синовица*, *синоцветка* (Вят., Арх.), *синошник* (Вят., Твер.), *синявка* (Яросл.), *голубые цветки* (Нижег.) (Анненков 1876: 89–90), *синеглазка* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 121), болг. *синецвет*, *синя билка* (Ахтаров 1939: 129), србх. *modrec*, *modrocvet*, *sinokvet* (Machek 1954: 259), чеш. *sinokvět*, пол. *modrzieniec* (Анненков 1876: 90), н.-луж. *módrak*, *modrack* (Nitsch, Mrozówna 1955: 94–95) ‘василек’; *борец синий* ‘аконит высокий *Aconitum excelsum* Reich.’ (Анненков 1876: 7); *синий цветок* (Ворон.) (Смирнова 2004: 41–42), србх. *модар цвијет* (Анненков 1876: 98), укр. *голубий* (Коломієць, Шамота 1979: 25), болг. *модрика*, *синя жльчка* (Ахтаров 1939: 135–136) ‘цикорий’.

Что касается **зеленого** цвета, то это цвет растительности вообще; он скорее воспринимается как фон, необходимое дополнение к яркому пятну цветка; поэтому его отражение в названии, как кажется, означает не столько цвет растения как такового, сколько то, что растение остается зеленым и зимой. В пользу этого предположения говорит то, что нередко названия разных растений совпадают, например: *зелёнка* (Черн.), србх. *rawenka zelenčko*, *зимзелен* (Анненков 1876: 380), болг. *зимзелен*, *зеленика*, *зелениче* (Ахтаров 1939: 310), чеш. *zimostráž*, *zim(o)zeleň*, *zimozel’* (Machek 1954: 183) ‘барвинок *Vinca*’; болг. *зимзелен*, *зеленика*, хорв. *zelenika*, *zelenica* (Ахтаров 1939: 119), чеш. *zimostráz*, *zimozel’*, *zim(o)zelen* (Machek 1954: 140–141) ‘самшит *Viburnum*’; чеш. *zimozel’*, *zim(o)zelen* ‘плющ *Hedera*’ (Machek 1954: 153). Зеленый цвет актуален в названиях травы (*зелье*, *зель*, *озель*) и незрелых ягод (*зелень*, *зеленец* и под.) (Русинова, Богачева 2003: 125). Очевидно, зеленый цвет интерпретируется как нейтральный, как

«не-цвет» и в чешском ивановском гадании: девушки скручивали стебли зверобоя и смотрели — красный сок: любит, зеленый или бесцветный — не любит (Machek 1954: 148)³.

Черный цвет в названиях травянистых растений встречается редко. Одно из исключений, например, *чернодырка* (Перм.) ‘лопух’. Это цветобозначение широко используется в названиях черемухи и черники (*черень*, *чернижница* и т.п.), а также в названиях определенной разновидности леса (лексемы типа *чернолесье*) (Русинова, Богачева 2003: 124). Он может не обозначать цвет частей растения, а объясняться другими причинами: например, чешские фитонимы *črnýš*, *černýš*, *černidlo* ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ мотивированы тем, что «семена этого растения, загрязняя рожь, дают горький хлеб синеватого цвета, а так как в народе оттенки хлеба обозначаются только формами от *белый* и *черный*, то семена марьянника, размолотые вместе с рожью, действительно „чернят“ хлеб» (Machek 1954: 214). Схожим образом, *чернобыль* ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ названа так, в отличие от полыни горькой *Artemisia absinthium* L., за красноватый (а не белый) цвет метелок (Меркулова 1967: 122), *черноголовка*, *черноголовник* (Ср. Приоб.) ‘кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L.’ — за темно-красные цветки (Арьянова 1: 136). Эпитет *черный* может быть экспрессивным и выражать негативное отношение к ядовитым растениям: *чёрное зелье* ‘лютик едкий *Ranunculus acris*’ — «На болотине чёрно зелье растет, у ево цветки красивы, а самое едовито» (Тавд.) (Коновалова 2000: 207).

Цвет растения может быть назван прямо и в фольклорном материале. В частности, в загадках цвет может быть подсказкой, основанием для отгадки: «Стоит колюка на вилах, Одета в багрянец; Кто подойдет, Того кольнет» (Шиповник) (Садовников 1995: 128. № 814); «Сви царихи у црвено, сам цар у зелено» (Шиповник) (Раденковић 1996: 300); «Црвен кур на тањур» (Паприка) (Сикимић 1996: 61); «Рос шар бел, дунул ветер — и шар улетел» (Одуванчик) (Митрофанова 1968: 70. № 1918); «Во лугах сестрички — Золотой глазок, белые реснички» (Ромашки) (Там же: 70. № 1919); «Мал мальшок в сыру землю зашел, синю шапку нашел» (Лен) (Там же: 75. № 2096).

³ Подробнее о семиотике зеленого цвета в народной культуре славян см.: (Потебня 2001: 28–29; Усачева 2001).

Цвет значим и на акциональном уровне, он играет большую роль в обрядовых практиках. Так, на Буковине те женщины, которые намеревались собирать лекарственные травы в дни св. Георгия и св. Иоанна, в день крещенского водосвятия украшали как сосуд с освященной водой, так и пучок базилика (используемый для окропления) разноцветными ниточками, в то время как остальные хозяйки ограничивались красной ниточкой (Маковій 1993: 114; ЕУ-Черновиц-2000). Делалось это для того, чтобы травницы могли в этот день освятить «йорданською водою» не только двор, постройки и скотину, но и поля, где собирали травы. При вязании ниточек приговаривали: «В'яжу ці бавнички на всякі чічочки. Як скропи їх Бог водою — си розв'яжуть з бідою. Прийми мою молитву, Боже, най цвіт цей на лік поможе» (Маковій 1993: 114). В данном случае разноцветные нитки должны были магически вызвать разноцветье трав и цветов. В следующем же примере красные и синие кисти на свадебной ширинке (полотенце) означали конкретные растения — розу и барвинок, нагруженные в народной традиции определенной символикой: «Ватагам (боярам), татові, мамі, які ширинькою брали з весільних калачів барвінковий віночок, аби покласти дитині на чоло, ширинька шилася з китицями — червоними (від ружі) і синіми (від барвінку) — теж на нев'янучу пречисту любов» (Там же: 92).

В целом корпусе фитонимов цвет назван не прямо, но метафорически, путем сравнения с предметом того же цвета (мотивационная модель 'предмет определенного цвета' → 'название растения'). При этом наиболее частотными представляются уподобления белого цвета молоку, желтого — огню и золоту, красного — огню и крови. На основании одного общего признака под одним и тем же названием могут объединяться растения разных семейств, не имеющие других схожих внешних признаков. Так, фитоним *молочай* характерен для целой группы растений, выделяющих на изломе стебля белый сок — козлобородника *Tragopogon*, осота огородного *Sonchus oleraceus*, латука *Lactuca scariola*, одуванчика *Leontodon*, молочая *Euphorbia* и других (Меркулова 1967: 99–100), ср. *молочай* (Вел. Росс.), укр. *молочак*, русин. *psiecze moloczko*, болг. *млечок*, србх. *mlěčer*, *mlěčika*, чеш. *mleč*, *žabi mléko*, *mlěčnik*, *vlčí mlěko*, луж. *mlóčen*, *wjelče mloko* 'молочай *Euphorbia*' (Анненков 1876: 139); *молочай* (Пск., Нижег.), *молочник* (Арх., Волог.) (Там же: 349), бел. *малачай* (зап.-полесск., окрестности Гродно, Минск. Минск., Понем.), *млечнік* (Латгал.) (РС 2001: 49), укр. *молочай* (Болтарович 1990: 93), болг. *млечка*, *желта млечка*, *магарешка млечка*) (Ахтаров 1939:

290), србх. *мљечњак* (Чайкановић 1985: 172), пол. *mlecz, mlic, swini mlecz* (Sprólnik 1990: 79; Szot-Radziszewska 2005: 151); луж. *млочнак, млочова рожца* (Софрић 1990: 162) ‘одуванчик’.

Растения с белым млечным соком использовались с соответствующей целью, в частности, одуванчик аптечный *Leontodon Taraxacum* L. употреблялся в Арзамасе роженицами «как к разбитию спершагося молока, так и для приумножения онаго» (Демич 1889: 38); отвар из молочая лозного *Euphorbia virgata* W. et K. в Казанской губ. пили женщины, «когда у них в грудях молоко портится» (Крылов 1882: 40). В Сербии молочай (србх. *млечика*) считался влияющим на удои коров. На Вознесение перед дойкой коров украшали молочаем на шее, на лбу и возле живота, а после доения его снимали (Чайкановић 1985: 174). То же поверье существует и в Полесье: «Молочјак коровам рвом, јак сметанки звэрху нэма» (Бейлина 1968: 426). Белый цвет ветреницы лесной *Anemone silvestris* отразился в болг. *овчо руно* (Ахтаров 1939: 32).

Серебристый оттенок растений отмечен в фитонимах *серебристая трава* (Дон.) ‘польнь обыкновенная’ (Брысына, Кудряшова 2003: 270), *серебристка, серебрянка, чёртово серебро* ‘василистник вонючий *Thalictrum foetidum* L.’: «положишь в воду, она серебром отдаёт» (Том.), *серебрянка* ‘василистник малый *Thalictrum minus* L.’ «она в лугах растёт, и листья у неё как серебром посыпань» (Яйск. Кемер.) (Арьянова 1: 47–48). Ст.-пол. *pleśniwies* и ст.-чеш. *plesnivec* ‘цмин песчаный *Helichrysum arenarium* Mch.; сушеница *Gnaphalium* L.’ обусловлены серым, как у плесени, цветом (Wróbel 1962: 121).

Названия *горицвет*, укр. *горицвіт*, србх. *gorovet*, чеш. *goržikwiat* ‘адонис весенний *Adonis vernalis* L.’ (Анненков 1876: 10) даны растению по желтому цвету лепестков. Подобные названия даются и другим растениям с желтыми и красными лепестками: србх. *гороцвет* ‘лютик едкий *Ranunculus acris* L.’ (Софрић 1990: 156), болг. *гороцвет* ‘то же’ (Ахтаров 1939: 258), *горицвет* (б.м.), *горица, горитва* (Курск.) ‘лихнис — татарское мыло *Lychnis chalcidonica* L.’ (Анненков 1876: 200) — от глагола *gorěti (ЭССЯ 7: 46). Желтый как цвет огня послужил основой для метафорических названий лютика: пол. *plomiennik*, чеш. *plamének, plamínek* (Анненков 1876: 291), лихниса — татарское мыло: *огненный цвет, огневик* (б.м.), србх. *plamenica*, чеш. *plamenčice, plamenčik*, пол. *plomieńczyk*, луж. *plotjenčica* (Там же: 200), купальницы азиатской: *жарки, огнецвет, огонёк* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 140). Путем сравнения с цветом золота образованы фитонимы болг. *златно цвете, златна чашка*,

хорв. *zlatica* (Ахтаров 1939: 258–259, 384, 394), србх. *златица* (Софрий 1990: 156), чеш. *zlatolěčka* (Machek 1954: 50) для различных видов лютиков.

В названиях зверобоя — *молодецкая кровь* (Умань), *семибратная кровь* (Калуж.) (Анненков 1876: 172), укр. *boža krivca, Xristova krovca, krovaves, krovavnyk* (Маковиеcki 1936: 185–186), бел. *заячча-кроў, сямёнова кроў, крываўнік* (Ганчарык 1927а: 205), чеш. *krevníček, krvavník* (Machek 1954: 149), луж. *konjaca krej* (Анненков 1876: 173) — отражен внешний вид растения (листья некоторых видов усеяны красноватыми пятнышками), а также красный цвет наста и сока растертых лепестков зверобоя. Кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L. по темно-красным цветкам названа србх. *krvara*, чеш. *krvavé kořeni* (Анненков 1876: 314). Польские названия гвоздики картузианской *Dianthus Carthusianorum* *krvavník, krvavik, jezěsová krevka* также подчеркивают красный цвет лепестков. Тот же признак выражен при помощи сравнения с искрой: пол. *iskarka*, кашуб. *křoska* (Непоп-Айдачич 2008)⁴.

Синий цвет опосредованно обусловил названия цикория: србх. *водопија, водоплав* (Чајкановић 1985: 98), болг. *водопийка, недопийка* (Ахтаров 1939: 135). Зеленый (наряду с формой) послужил основой для метафорического названия: болг. *жабица* ‘зеленый цветок с мясистыми листьями’ (Бизеранова 2003: 46).

В фольклорном материале прослеживаются те же метафорические связи, что и в названиях: «Иван Иванович, / Макар Макарович / Из земли выходит, / На себе огонь выносит (Маков цвет)» (Садовников 1995: 128).

Белый цветок ассоциировался с «белым светом» в обряде откупа брата-близнеца или одномесячника в западной Сербии. «Откупающийся» брат клал белый цветок на грудь мертвому брату, говоря: «Ja теби бели цвет, — ти мени бели свет!» (Толстой 1988: 86–87).

Огромную роль играет цвет растений в народной медицине. Так, с помощью растений желтого цвета лечили желтуху: «„дядинью живтачку“ успешно можно вылечить отваром из желтых диких бессмертников, в котором дитя купается и который в небольшом количестве дается ему внутрь» (Никифоровский 1897: 45. № 290). В Болгарии желтуху новорожденных лечили ваннами с цветами *жълти фунди* (Пирински... 1980: 484) или *жълти турти* ‘бархатцы

⁴ «*Křosać* и *krzesać* этимологически связаны с *iskra, jaskier, jaskrawy*» (Brückner 1970: 275, 193; цит. по: Непоп-Айдачич 2008).

Tagetes L.' (Софийски... 1993: 192); при первом купании новорожденного, чтобы предотвратить желтуху, повитуха клала в воду желтые цветы (Странджа 1996: 265). По народным представлениям, желтухи (желтая и синяя) «излечиваются цветками соответственных цветов» (Богаевский 1889: 104). В Кратове (Македония) желтуху лечили с помощью желтой розы (Раденковић 1996: 316), в Сербии — подсолнечника однолетнего *Helianthus annuus* (Чажкановић 1985: 224), на Украине — ястребинки волосистой *Hieracium pilosella* L. (Носаль, Носаль 1960: 144) и адониса весеннего *Adonis vernalis* L. (Торэн 1996: 62). Цмин песчаный *Helichrysum arenarium* (L.) DC. в украинской народной медицине считался лучшим желчегонным средством, поскольку цвет его цветков «связывали с цветом лица человека, больного желтухой» (Носаль, Носаль 1960: 61). *Золотая трава, золотуха* 'василистник *Thalictrum majus* Jacq.' называлась так «потому, что листья растения, облитые водой, получают блеск», и использовалась от золотухи (Потанин 1899: 233).

Красный цвет тоже наделялся свойствами исцелителя от болезни, а также оберега. Неудивительно поэтому, что столь важную роль в народной медицине и магии играют растения красного цвета: например, кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L., согласно чешской традиции, хранила от чар (Machek 1954: 107); в Хорватии красный лук клали в колыбель ребенку — отгонять от него злые силы; в лесковацком крае тяжелобольного поливали отваром красной вербы (Раденковић 1996: 300).

Растения, своим цветом напоминающие кровь, наделялись способностью останавливать кровь, ср. в заговорах на унятие крови: «Йшли калікы черезь тры рікы: ружу сіялы, а розу вітгыналы. Як тая роза не прынялась, так и ты, кровь, не зьявайся, угамуйся у хрещеного, мольтвенного, на имя нареченного» (Чубинский 1872 (I, 1): 127); «Там на горе туры орали, красну рожу сияли; красна рожка не зошла; там стояла девка; коло синя моря безребра овечка стояла; кры червоного моря червоний камень лежить. Де сонце ходить, там кровь знимається; де сонце заходить, там кровь запикається» (Ефименко 1874: 13).

Народная медицина не ограничивалась словесными формулами. Еще в конце XIX в. была отмечена связь между цветом растений и теми лечебными свойствами, которые им приписывались. В детальном исследовании, посвященном народному акушерству и гинекологии, В.Ф. Демич отмечал: «Нередко в деревне лечатся от расстройства менструаций красными растениями, имеющими красные цветы

и ягоды, или дающими окрашенный настой» (Демич 1889: 7). В соответствии с той же логикой от белей лечились с помощью растений белого цвета: тополя серебристого *Populus alba* L., клевера ползучего *Trifolium repens* L. и других (Там же: 31–33). Это подтверждают и современные свидетельства: растение с названием укр. *білий камінець* (с мелкими белыми цветками), по словам информанта, помогает от белей (ЕУ-Черновиц-2000). Противопоставление белого цвета красному видно из следующего приговора для регулирования менструации: «ружо румена, дај ти мени твоје црвенило, ево ти моје белило» (Чајкановић 1985: 209). В народной медицине и другие цвета могут «притягиваться» к определенным заболеваниям: «Вот запомни, все цветы, все желтые цветы очень хорошо при болезнях печени. Вот тоже пустоцвет огурцов, теперь тыква» (Бел. Кемер.) (Арьянова 2: 64); «...растения, имеющие желтый цвет венчика, плода или сока, употребляют при заболеваниях желчного пузыря и печени; имеющие красный или розовый цвет — при заболеваниях крови и сердца; синий цвет — селезенки; белый — почек...» (Эльдемуров 1997: 66–67; цит. по: Ипполитова 2002: 276, прим. 11).

Примеров, подтверждающих использование лекарственных растений в зависимости от их цвета, множество: зверобой «употребляется от различных кровотечений»; в Вологодской губ. настоек *вороньих ягод* (вороний глаз четырехлистный *Paris quadrifolia* L.) пьют, чтобы не было менструаций, но только пока ягоды красные, незрелые; в Тверской губ. полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. с зелеными стеблями, как полагали, останавливала обильные кровотечения, а с красными — открывала «задержанные крови»; в Пермской губ. *прострел белый* (ветреница лесная *Anemone silvestris* L.) употреблялся от белей, а *желтоцветка* (ветреница лютиковая *Anemone ranunculoides* L.) — от *желтой грыжи* (Анненков 1876: 387, 390; Демич 1889: 8–9). От белей употреблялась разновидность ветреницы с белыми цветами в Вологодской губ.; однако растения с красными цветами там пили «для открытия регул» (Иваницкий 1890: 150). Кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L. в Саратовской губ. употреблялась женщинами «от излишнего кровотечения» (Анненков 1876: 315). При неправильных регулах в Барнауле употребляли марену красильную *Rubia tinctorum* L. (Демич 1889: 8), в Тверской губ. при «трудном месячном очищении» — клевер луговой *Trifolium pratense* L. (Анненков 1876: 360) (ср. тж.: «Красная (кашка) от кровей (женских)» (Влад., Ряз.) (СРНГ 15: 271). Чай из клевера лугового на южнославянской территории пили женщины, у которых

не было менструации. В Боснии и Герцеговине женщина, не желающая иметь менструацию, должна была во время очищений вымыться и использованной водой полить розу, и тогда менструации не будет до следующего года, пока роза опять не зацветет (Чайкановић 1985: 87, 209).

На основании признака за разные виды принималось (и по-разному использовалось) одно и то же растение; так, знахарки различали два вида растения горец почечуйный *Polygonum persicaria* L.; мужской имел розовые цветы и применялся от геморрое, а женский — белые, им лечили остановившиеся регулы; в Пермской губ. тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L. с розовыми цветками пили от маточного кровотечения, а с белыми — от белей (при этом недомогания назывались *красная грыжа* и *белая грыжа* соответственно) (Демич 1889: 8–9, 13–14).

К вопросу о связи красных цветов с кровью можно добавить, что шиповником лечили кровохарканье (Там же: 209). В Закарпатье зверобой четырехгранный *Hypericum quadrangulum* L. под названием *кроуник* пили при кровоизлияниях и кровавом поносе (Торэн 1996: 67). В Тобольской губ. корень кровохлебки аптечной *Sanguisorba officinalis* L. использовали при геморроидальных кровотечениях, а в Томской — от кровавого поноса (Там же: 70).

Очанка лекарственная *Euphrasia officinale* L., имеющая в венчике цветка пятнышко, напоминающее зрачок, получила названия *глазница*, *глазная трава*, *очанка*, *очная трава*, укр. *очанка* и употреблялась для лечения глаз (Анненков 1876: 141, Горницкий 1887: 73, Носаль, Носаль 1960: 48, Machek 1954: 215).

В третью группу можно выделить фитонимы, образованные по мотивационной модели ‘мифологический мотив’ → ‘название растения’. В основе возникновения этиологического рассказа об определенном растении также лежит признак цвета, но он не назван ни прямо, ни метафорически, а фитоним является как бы предельно сжатым пересказом мифологического мотива, его квинтэссенцией.

Проанализированная выше ассоциация красного цвета растений с кровью характерна и для этиологических рассказов. Так, красные пятнышки на листьях зверобой в сербской народной традиции объясняются так: кровь Богородицы во время менструации капала на листья, поэтому зверобой и получил название *богородичина трава*, *гостино зелье* и др. (см. очерк «Зверобой»). Очевидно, этот этиологический рассказ объясняет и употребление зверобой при нарушениях менструального цикла (Чайкановић 1985: 35, 259).

Горец почечуйный *Polygonum persicaria* L., который имеет темно-красные пятна на листьях, в одной из сербских локальных традиций также связывается с менструальной кровью Богородицы, и носит название *трава мајке боже*. Это же растение известно под именами *голготска трава* и *христова крв*, так как росло на Голгофе, где на него капала кровь Христа (Шпис-Ћулум 1995: 425) (см. раздел «Анатомический код в народной ботанике»).

Необычная окраска дала повод к возникновению названий типа *иван-да-марья* (повсем.), *брат и сестра* (Зап. Росс.), *брат с сестрой* (Тамб.), бел. *брат-сестра*, укр. *Иван да Марья* ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ (Анненков 1876: 211). В действительности цветы марьянника только желтого цвета, но листья, расположенные в верхней части — фиолетовые, и поэтому могут тоже восприниматься как цветы: «так называется, потому что желтые цветочки и синие» (ЕУ-Хвойн-98); «на одном корче и синий, и желтый» (ЕУ-Черновиц-99). Цветы медуницы, вначале розовато-красного цвета, потом становятся синими — отсюда фитонимы *брат и сестра*, *иван-да-марья* ‘медуница аптечная *Pulmonaria officinalis* L.’ (Анненков 1876: 279; Залесова, Петровская 2: 410).

История о происхождении цветка *иван-да-марья* ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ в результате инцеста брата и сестры встречается как в качестве этиологического рассказа, так и в качестве купальской песни (Земцовский 1970: 603): узнав о невольном совершенном преступлении, брат и сестра «посеялись» цветами — брат синим, а сестра — желтым. Двухцветная окраска растения отразилась в использовании его как оберега: в Иванов день этот цветок клали по углам избы, чтобы вор, услышав разговор «брата и сестры», не стал подходить к дому (Макаренко 1913: 86). Думается, что представление о происхождении этого растения из супружеской пары обусловило и другое магическое применение: эту траву знахари использовали «для водворения согласия между супругами» (Анненков 1876: 211).

Цвет важен для возникновения этиологических рассказов и в тех случаях, когда соответствующего фитонима не возникает. Так, о пионах говорят, что красный цвет приобретен ими от крови сербов, пролитой на Косовом поле, а разная окраска пионов в Добриче объясняется так: черные выросли из крови цыган, синие — из крови турок, а красные — из крови сербов (Чајкановић 1985: 36–37). Согласно польской легенде, белая гвоздика появилась из слез святой Кинги, а красная — из капель ее крови: св. Кинга шла в замок в Пенинах, а поскольку она шла босиком, скалы ранили ей ступни и она

плакала: где падала ее слеза, там вырастала белая гвоздика, где падала капля крови, там вырастала красная гвоздика (Wisła 1895: 101; цит. по: Непоп-Айдачич 2008).

Тот или иной цвет не всегда наделялся однозначной символикой. Белый цвет, имеющий вообще положительную символику (Раденковић 1996: 282), может, тем не менее, ассоциироваться и с загробным миром: «Собирать во сне белые цветы — к покойнику» (Ряз. Ряз.) (Семенова 1898: 228).

Желтый цвет, с одной стороны, мог восприниматься как нежелательный, например, в свадебном венке невесты: «В цей білий вінок були вкраплені з окрашеного воску квіточки рожеві, блакитні, червоні, тільки не жовті» (Белінська 1970: 426); «Желтый цвет — разлука» (ЕУ-Хвойн-98). Он считался даже опасным: «Лопух шо цвете жолтими (т.е. кувшинку) нел'з'а вносити у дому. Лопух (кувшинку) у хату внесешь, док куры послепнут» (Черн., ПА, XVI 2). С другой стороны, желтый цвет может вызывать и положительные ассоциации. Так, на Буковине на Иванов день маленьким детям надевали венки из ромашек, связывая цвет их серединок с солнцем (Маковій 1993: 148).

Желтый цветок, как и белый, может ассоциироваться с «белым светом»: в сербской области Гружа вышеупомянутый обряд откупа брата-близнеца или одномесячника проводился с использованием желтого (а не белого) цветка; соответственно изменялось и его вербальное оформление: «Ja теби жут цвет, а ти мени бео свет!» (Толстой 1988: 87). Очевидно, в этом случае желтый и белый объединяются по принадлежности к одному и тому же члену оппозиции светлый/темный.

Цвета могут и противопоставляться; например, в Сербии при заболевании желтухой брали желтую шелковую нитку, обвивали себе шею, а другую нитку, красную, вешали на красную розу в саду. По прошествии ночи желтую нитку снимали с шеи и вешали на розу, а красную — на шею больному, говоря: «Ружице, Богом сестрице, дај ми твоје руменило, а узми моје жутило!» (Милићевић 1894: 271). В данном случае противопоставление «красный цвет» — «желтый цвет» отражает противопоставление здоровья и болезни. Та же оппозиция отмечена в украинских приметах: если увидишь первым в году желтый цветок — будешь болеть, красный — к здоровью (ЕУ-Черновиц-2000)⁵.

---

⁵ Красный цвет может иметь положительные коннотации в противопоставлении не только желтому, но и белому цвету, как, например, в

Черный цвет сохраняет свою негативную семантику: так, в народной песне из Косова «сестра, оклеветавшая золовку, которая якобы убила ребенка брата, хочет взять красный цветок, но у нее в руках цветок чернеет» (Ајдачић 1992: 310).

***

Даже при различных способах лексического выражения (прямое название цвета, метафорическое название путем сравнения с другими предметами той же окраски, название как свернутый сюжет этиологического рассказа) глубинная связь цвета и названия растения остается неизменной.

Символика цвета нередко определяется не только его ассоциациями с предметами, окрашенными в этот цвет, а еще и комбинаторикой, сочетанием цветов, то есть выявляется не сама по себе, а в сопоставлении. С одной стороны, принадлежа к светлым цветам, желтый может приравниваться к белому (= свет, жизнь) и наделяться положительной символикой; как цвет огня он равнозначен красному. С другой стороны, противопоставляясь красному цвету (= красота, румянец, здоровье), желтый начинает считаться плохим признаком, знаком болезни. В противопоставлении синему цвету (цветок иванда-марья) оценочные коннотации отсутствуют.

При этом одна и та же пара цветов, которая в одних контекстах является синонимичной, в других может оказаться парой-оппозицией.

Такая неоднозначность особенно заметна в сфере народной медицины. Одна из причин этого в том, что в одних случаях цвет воспринимается как признак болезни, в других — как признак здоровья.

интерпретации цвета в болгарском гадании по грудной кости петуха, которого едят перед началом пахоты или после молотбы — если она красноватая, в доме будет богатство, если светлая — хозяйский кошелек будет пуст (Раденковић 1996: 286).

В некоторых случаях был важен не конкретный цвет, а наличие окраски вообще; при этом белый противопоставлялся всем остальным цветам: «Строение гнезда и посадка „квоктухи“ делается обыкновенно „узapyрь“, при чем, во все продолжение работы хозяйка остается в белой (чистой) одежде, чтобы „курки“ вывелись белыми, голову же украшает „краскыми“, если хочет получить разноперых цыплят» (Никифоровский 1897: 167. № 1267).

Красные цветы наделяются способностью останавливать кровотечение по признаку подобия болезни, а способностью вызывать его — по признаку подобия результату. Соответственно в лечении возможны две противоположных модели: «красное» притягивает «красное»; «красное» отгоняет «красное».

Таким образом, символика цвета — явление неоднозначное, формируемое, с одной стороны, символикой предметов — носителей цвета, с другой — набором возможных рядов, в которые входит тот или иной цвет.

РАЗМЕР

Серб. *крупна титрица, крупна камила/камилица* ‘пупавка полевая *Anthemis arvensis* L.’ с крупными соцветиями названа так в отличие от растения с мелкими цветочными головками — ромашки аптечной *Matricaria chamomilla* L.: *камила, камилица, титрица*. Лопушник большой *Arctium lappa* L. называется серб. *чичак* в отличие от растения с более мелкими плодами, *ситни чичак* ‘репейничек аптечный *Agrimonia eupatoria* L.’ (Шпис-Ђулум 1995: 412). Ср. тж. болг. *прострел* ‘горечавка перекрестнолистная *Gentiana cruciata* L.’ и *голям прострел* ‘ластовень *Vincetoxicum laxum* Godr. et Gren.’ (Ахтаров 1939: 354, 489). В чешской народной фитонимике существует целый ряд «параллельных» названий для маргаритки *Bellis* и хризантемы *Chrysanthemum*, которые при внешнем сходстве различаются размером: *malá dorotka* и *velká dorotka*, *malá* и *velká husička*, *malá* и *velká čičetka/šešetka* соответственно (Hladká 2000: 110, 112, 119–120).

Коровяк черный *Verbascum nigum* получил название *атаман-трава*: «Атаман-трава сама высока трава на лугу» (Каменск.) (Коновалова 2000: 21). Как показала С.Ю. Дубровина, в фитонимике размер растений может быть отражен через зоонимический код: растениям небольшого размера часто даются названия с прилагательными *мышинный* и под., а крупным — *коровий, медвежий* и т.д. (Дубровина 1991; 2008).

ФОРМА

Как и в рассмотренных выше случаях с цветом, растение получает название на основании своей формы или формы какой-либо из своих частей, а также наделяется определенными свойствами. Так, общая форма растения обусловила фитонимы *плетень* ‘вьющаяся дикая гречиха; горошек мышинный’ (Том.) (СРНГ 27: 123), *плетун* ‘горец

почечуйный *Polygonum persicaria* L.' (Дон.) (Там же: 129), *ползунка* 'стелющееся растение' (Брян.) (СРНГ 29: 67). Земляника лесная *Fragaria vesca* L., у которой стебель стелется по земле, носит белорусское название *пазёмка* (Ганчарык 1927а: 194). Крестообразная форма барвинка отражена в украинских народных песнях в его постоянном эпитете — *хрещатый*. Гвоздика травянка *Dianthus deltoides* в XV в. имела лат. название *filius ante patrem*; в XVI в. оно стало основой для польского фитонима *syn nad ojcem*; объясняется он тем, что «веточки полевых гвоздик (*ojciec* 'отец') выпускают из себя густые молодые ростки (*syn* 'сын'), которые соответственно находятся выше, то есть *syn nad ojcem* 'сын над отцом'» (Непоп-Айдачич 2008). Многие растения (копытень *Asarum*, вербейник *Lysimachia*, просвирняк *Malva*, очиток *Sedum* и др.) носят название *расходник*, поскольку имеют лежащие стебли в виде плетей (Анненков 1876: 323, 404; Мачек 1954: 95). Гравилат прибрежный *Geum rivale* L. по склоненной форме получил название бел. *панікніца* (Ганчарык 1927а: 194), а смолевка поникшая *Silene nutans* L. — метафорическое *потоскуйка* (Перм.), так как ее цветочные кисти как бы тоскливо склоняются к земле. Она считалась способной излечить от тоски (Крылов 1876: 81). Ястребинка волосистая *Hieracium pilosella* L. получила название *нечуй-ветер* (б.м.) «потому, что растение по невысокому росту своему недоступно действию ветров» (Анненков 1876: 167; тж. в Курской губ. (СРНГ 21: 209)), укр. *нечуй вітер*; очевидно, этим же свойством растения можно объяснить и его применение от лихорадки (Рогович 1874: 16) — заболевшему человеку стремились передать актуальное в данном случае свойство растения⁶.

Разнообразные формы цветов, корней и других органов растений способствовали их сравнению с различными предметами. Так, многие растения, принадлежащие к различным видам, получили название *колокольчик* или же *звонок* (и производные от них) на основании сходства их цветков с колокольчиками, бубенчиками. Фитонимы *колокол'чик*, *звоночки*, *звон'чики*, *звонкунцы*, *звонцы*, *звонковки*, *звонец* употребляются в различных населенных пунктах Полесья

---

⁶ Название *нечуй-ветер* зафиксировано также для следующих растений: ястребинка синяковидная *Hieracium echiioides* L. (Екат.); зопник клубненосный *Phlomis tuberosa* L. (Екат.); лапчатка серебристая *Potentilla argentea* L. (Курск.); вероника белойойлочная *Veronica incana* L. (Астрах.); *нечуй* — для метлицы обыкновенной *Apera spica* (СРНГ 21: 209), однако без мотивации.

для колокольчика персиколистного *Campanula persicifolia* L., прострела лугового *Pulsatilla pratensis* L., наперстянки крупноцветной *Digitalis grandiflora* Mill. и др. (Бейлина 1968: 421); *званкі* (в разных районах Белоруссии) — для различных видов рода колокольчик *Campanula* (Ганчарык 1927а: 194). Известны и другие варианты, при повторяющейся модели: бел. *бубны*, *званок лесавы* (Могил.) ‘колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia* L.’, *званок* (Минск., Могил.), *дзванкі* (Гродн.) ‘к. раскидистый *C. patula* L.’, *званок* (Могил.) ‘к. скупенный *C. glomerata* L.’, *дзвонак* (Гродн.) ‘к. жестковолосый *C. cervicaria* L.’, *баравая звонка* (Минск.) ‘к. круглолистный *C. rotundifolia* L.’, *званкі*, *дзванкі*, *дзвончыкі* (Гродн.) ‘к. крапиволистный *C. trachelium* L.’ (Ганчарык 1927б: 7); *лопотун* ‘колокольчик’ (Петерб.) (СРНГ 17: 141), *болоболки* (Олон.) ‘кубышка желтая *Nuphar luteum* Smith.’, *балаболка* (Перм.) ‘кувшинка белая *Nymphaea alba* L.’ (Анненков 1876: 227–228). Поскольку металлические колокольчики, как считалось, своим звоном разгоняли нечистую силу, растение колокольчик у западных славян также считалось оберегом от богинки (Виноградова, Толстая 1994: 36). Поляки приписывали ему силу оберега «от богинок, или мамун, которые крадут новорожденных детей» (Зеленин 1999: 121). На Подгалье (Южная Польша) для защиты души от злых духов использовали колокольчики; например, колокольчики, освященные в Успенье, могли положить с этой целью в гроб (Lehr 1999: 123).

Среди предметов, с которыми сравниваются растения, встречаются различные виды выпечки: *калачик* (Ср. Приоб., Курск., Дон., Том.) (СРНГ 12: 338); *калачник* (Ворон., Куйбыш., Терск.) (СРНГ 12: 339); *лепёшник* (Ряз., Пенз.) (СРНГ 16: 363) ‘просвирыняк *Malva* L.’; укр. *калачики* ‘просвирыняк низкий *Malva borealis* Wallm.’ (Августиневич 1853: 39; Анненков 1876: 207); для различных видов мальвы также отмечены названия *просвирка*, *просвирки* (Вел. Росс.), *проскурка*, *проскурки* (Курск.), *просвирыняк* (Орл.), *пряничник* (Алт.), *пышечник*, *пышечка* (Сарат., Тамб.), бел. *проскурник* (Могил.), укр. *проскурки*, *проскурень*, *проскурник* (Анненков 1876: 207–208).

Продуктивна и модель ‘посуда’ → ‘название растения’. Она используется, как правило, для растений с цветами поллой, закрытой формы: *кубышечник* ‘кубышка желтая *Nuphar luteum* L.’ (Твер.) (СРНГ 15: 386); *кувшинник* ‘водяная лилия’ (Влад.) (СРНГ 15: 391); *кувшинка*, *кубышка* (Калуж.), *самоварчики* (Перм.), *кувшины* (Смол.), *кувшинчик* (Твер.), *кувшинчики* (Арх., Влад.), бел. *жбанки*, укр. *збанок*, *збаночки*, *гличики* ‘кувшинка белая *Nymphaea alba*, ку-

бышка желтая *Nuphar luteum*’ (Анненков 1876: 228; Меркулова 1967: 31); *котелки* ‘колокольчик раскидистый *Campanula patula* L.’ (Вят.) (СРНГ 15: 102); *боровые кувшинчики* ‘ястребинка волосистая *Hieracium pilosella* L.’ (Влад.) (Анненков 1876: 167), *подойница*, *подойнички* ‘одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* Wigg.’ (Калуж.) (СРНГ 28: 114), *кукушкин рукомойничек*, *кукушкин умывальничек* ‘венерин башмачок настоящий *Syrpidium calceolus* L.’ — «Цветок у него как кувшинчик с крышечкой» (Том. Том.) (Арьянова 1: 28–29). Возможно, полая форма цветка вызвала название *квашня* ‘колокольчик жестковолосый *Campanula cervicaria* L.’ и применение: «его пьют после родов, чтоб „золотник“ не ходил» (Потанин 1899: 233).

Растения с цветами закрытой формы часто сравниваются с обувью или с головными уборами: *колпачки* (Даур.), бел. *боцікі*⁷, укр. *зозулины черевички*, србх. *клубучик*, *клубучић*⁸, пол. *kapturki niebjeskie*⁹, луж. *stupnički*¹⁰ ‘аконит’ (Анненков 1876: 6–7; Ганчарык 1927а: 194). На растения переносили названия не только самих головных уборов, но и тех, кто их носит: пол. *mniszek*¹¹, чеш. *zly mnišek* (Анненков 1876: 6–7), болг. *калугери*¹² ‘рогоз широколистный *Typha latifolia* L.’ — поскольку соцветия «черные, цилиндрической формы и стоят вертикально; экземпляры растут по много рядом, и производят впечатление группы монахов» (Ахтаров 1939: 42).

Предметы, с которыми сравниваются растения, крайне разнообразны: укр. *сокирки* ‘живокость полевая *Delphinium consolida* L.’ (Августинович 1853: 29; Носаль, Носаль 1960: 142); *мешочница*, *солдатские сумочки* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 126), србх. *кесица*, *кесица мајке божје* (Чайкановић 1985: 63) ‘пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris* L.’; *звездяца*, *звиз’дин’анка* ‘ветреница дубравная *Anemone nemorosa* L.’ (Полес.) (Бейлина 1968: 421); *звездянка* ‘вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris* L.’ — «Мы называем её так, что цветы-то как звездочки» (Яшк. Кемер.) (Арьянова 1: 49). Бел. *мячэўнік* ‘рогоз широколистный *Typha latifolia* L.’ назван так потому, что листья его напоминают меч (Ганчарык 1927а: 194); те же ассоциации вызвали названия *косатик*, *косатник*, *косарь*, *ко-*

⁷ Бел. *боцікі* ‘башмачки’.

⁸ Србх. *клубук* ‘шляпа, клубук’.

⁹ Пол. *kaptur* ‘капюшон, капор’.

¹⁰ Луж. *stupjeń* ‘туфля’.

¹¹ Пол. *mniszek* ‘монашек’.

¹² Болг. *калугер* ‘монах’.

сица, укр. *kosateń, kosyteń, kosatyk, kosaryky* ‘касатик Iris’ (Меркулова 1967: 136). Сходство кисти первоцвета со связкой ключей обусловило народные названия *ключики* (Зап. Росс.), бел. *ключыкі святого Пётра і Паўла, ключыкі*, укр. *ключики* ‘первоцвет аптечный *Primula officinalis* Jacq.’ (Анненков 1876: 273; Ганчарык 1927б: 225). В кашуб. *v'atrãčk* ‘гвоздика травянка *Dianthus deltoides* L.’ отразилось сравнение цветка, состоящего из пяти лепестков, «с маленькой ветряной мельницей» (Suchta 6: 124). Приведем еще несколько примеров с предметами из других лексико-семантических групп: *фонарики* ‘коровяк медвежье ухо *Verbascum thapsus* L.’ — «У него цветов на стебле столько много и желтые, издавдала на фонарики похожи» (Яшк. Кемер.); *граммофончик* ‘лилия кудреватая *Lilium martagon* L.’, *веретённик, веретёшечник, веретёшки* ‘рогоз широколистный *Typha latifolia* L.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 132; 2: 26, 107).

Некоторые растения названы по другим растениям, которые они напоминают: *берёзка* ‘горец вьющийся *Polygonum convolvulus* L.’, *морковник* ‘купырь лесной *Anthriscus sylvestris* (L.) Hoffm.’ — «Морковник — травка как у морковки» (Том. Том.) (Арьянова 1: 66, 141).

Большую группу составляют фитонимы, образованные от названий животных¹³. Так, аистник цикутolistный *Egodium sicutarium* L. Herit. по форме плодов-коробочек с длинным отростком назван *журавелка, клювики* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 18). Растения, имеющие вытянутые части, нередко получают названия по модели ‘название животного + хвост’: серб. *мишију реп* ‘лисохвост луговой *Alopecurus pratensis* L.’, *мачков реп, мачју реп* ‘тимOFFEEBKA луговая *Phleum pratense* L.’ (Шпис-Тулум 1995: 418).

Копытень европейский *Asarum europaeum* L. имеет листья, похожие по форме на конское копыто, и носит названия *копытень* (Вел. Росс.), укр. *копитняк, підкопитник*, србх. *копитњак, коњско копито*, словен. *kopitnik*, болг. *kopitnjak* (Анненков 1876: 51; Machek 1954: 53; Носаль, Носаль 1960: 35; Чајкановић 1985: 136). По той же модели образованы фитонимы србх. *копитњак, коњско копито, оселско копито*, пол. *kopyto* ‘мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara* L.’, так как она имеет схожую форму листьев (Носаль, Носаль 1960: 120; Чајкановић 1985: 192). Название травы, вызванное ее отличительной чертой, включилось в последующие связи с фонетически близкими словами, и вызвало дальнейшие ассоциации и практики. Так, *копит-*

¹³ О названиях растений, образованных от зоонимов см.: (Дубровина 1991).

њак ‘копытень европейский *Asarum europaeum* L.’ сербские девушки собирали на Юрьев день, «јер ће онда момци копнети за њима» (србх. *копнети* ‘изнывать, томиться по кому-л.’) (Чајкановић 1985: 136). Здесь имеет место народная этимология, которая, «часто не приводя к осязаемым сдвигам в фонетическом облике слова и его значении, называется на его морфонологическом строении и/или его месте в языковой картине мира» (Булыгина, Шмелев 1999: 103).

Клевер пашенный *Trifolium arvense* L. носит название *кытки*, *кыточник* (Калуж.) «по отдаленному сходству своей головки с рунном ягненка, а ягнята здесь назыв. „китками“» (Анненков 1876: 358). Лядвенец рогатый *Lotus corniculatus* L. на Волини назывался *лапчатый горошек*, поскольку его стручки напоминают лапки птицы (Торэн 1996: 73). Горец змеинный *Polygonum bistorta* L., чье корневище отличается красноватым цветом и покрыто рубцами, носит названия *раковыя шейки*, *рачыи шейки* (Моск., Ряз.), *рачики* (Смол.), укр. *раковы шейки*, *рачки*, *ракові шийки*, *рачешейки* (Августинович 1853: 53; Анненков 1876: 264). Ландыш майский *Convallaria majalis* L. получил названия *собачий язык* (Олон., Гродн.), *заячьи уши* (Олон., Новг., Нижег.) — по форме листьев (Анненков 1876: 106).

Названия типа *адамова голова*¹⁴, *иванова голова* принадлежат в основном тем растениям, которые имеют какие-либо элементы шарообразной формы (Родионова 2002: 38). К ним относятся клевер средний, чистец болотный и другие растения, например, *иванова голова* ‘колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia* L.’ (Полес.) (Бейлина 1968: 422).

Травы с листьями, напоминающими кисть руки, носили соответствующие названия и нередко применялись от раздражения кожи между пальцев, напр. *межперстица*, *межпарстица* (Смол.) ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ использовалась для лечения припухлости рук (при *межпарстица* ‘сыпь на руках, чесотка, короста’ (Смол.)) (СРНГ 18: 85, 90). Свежими или высушенными листьями того же растения под названием *межперстица* лечили опрелости ног также в Смоленской губ. (Добровольский 1914: 407). На Украине эта трава носит название *гусяча лапка* (Носаль, Носаль 1960: 24). Хрящевецник *Platystemon* получил название србх. *pokatas*, так как его листики напоминают ногти по форме (Machek 1954: 76).

---

¹⁴ Подробно о семантике растительных образов, связанных с Адамом, см. Часовникова 2003: 90–142.

Сердцева трава (Ср. Урал.) ‘василистник простой *Thalictrum simplex*’, с листьями в форме сердечка, использовалась «от сердца» (Пышм., Ирбит.) (Коновалова 2000: 182).

Те растения, различные органы которых напоминают по форме гениталии, имели соответствующие названия и применялись в продуцирующей магии. Так, ятрышник болотный *Orchis palustris* Jacq. получил название *красные султанчики*; «корни их собираются здесь во время цветения... Им приписывают также свойство возбуждения половых органов» (Августинович 1853: 50); ср. тж. *петушок* ‘касатик желтый *Iris pseudacorus*’: «Мужику своему петушок давай в питье, он тебя будет шибче любить, закомуриста така травка» (Шадр.) (Коновалова 2000: 156). Ятрышник, «по народным представлениям, является растением, возбуждающим любовь и способствующим увеличению половой силы. Ятрышники использовались у славян как приворотное средство, по корню женщины гадали о поле своего будущего ребенка, у гуцулов с помощью ятрышника лечили от мужской слабости» (комментарии Е.Е. Левкиевской в: Зеленин 1995: 343, прим. 20). На Украине ятрышник известен под именем *любка*; он употреблялся в качестве приворота из-за формы корней, которые воспринимались как мужские (продолговатые) и женские (круглые) (Хатемкин 1900: 8–9). (подробнее см. раздел «Анатомический код в народной ботанике» и очерк «Ятрышник»).

Форма растений не могла не повлиять и на поверья об их происхождении. Так, в Белоруссии было записано поверье о растении *dalonka Najświetszej Matki* ‘ятрышник шлемоносный *Orchis militaris*’, которое выросло из рукавички, оброненной Богородицей (Докш. Вит.) (Werenko 1896: 116), а трава *чертогрыз* ‘сивец луговой *Scabiosa succisa* L.’ «имеет передеденный корень», так как его «подгрыз» черт (Анненков 1876: 318). Вероника широколистная *Veronica latifolia* L. в Пермской губ. называлась *змеиный скус* по форме наземной части — «цветочная кисть вероники выходит сбоку и вырастает выше стебля, который кажется как-бы скушенным». В Смоленской губ. она же носила название *Иван безголовый*, и о ней рассказывали, что в цветок вероники превратился Иван, которому отрубили голову (Демич 1899: 1169) (см. раздел «Анатомический код в народной ботанике»). Пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris* получила название србх. *мачкине сузе* из-за формы стручков (Чажкановић 1985: 63).

Общий вид растения может вызывать те или иные ассоциации с эмоциональным состоянием. Так, гравилат прибрежный *Geum gi-*

vale L. благодаря поникшим цветам получил диалектное белорусское название *панікніца* (Ганчарык 1927а: 194). Эти же ассоциации послужили основанием для практического применения: в Пермской губ. растение смолевка поникшая *Silene nutans* L. называется *потоскуйкой*, так как цветочные кисти как бы тоскливо склоняются к земле. Это растение, как считалось, обладало свойством излечивать от тоски, печали и подобных душевных недугов; его же давали «для *присушки*» (Крылов 1876: 81). Различные виды прострелов получили названия из-за поникшей формы растения, цветов которого почти касается земли: *сонник*, *сончик* (Ворон.), *сон*, *сон-трава* (Малор.) ‘прострел раскрытый *Pulsatilla patens* Mill.’, *сон*, *сон зелье* (Харьк.) ‘прострел луговой *Pulsatilla pratensis* Mill.’, *сон-трава* (Екат.), *сончик* (Гродн.), *сон*, *сон зелье* (Малор.) ‘прострел обыкновенный *Pulsatilla vulgaris* Mill.’ (Анненков 1876: 34–35).

Некоторые растения отличаются особым строением листовых розеток, в которых долго сохраняется дождевая вода. Эта особенность ворсянки раздельной *Dipsacus laciniatus* L. послужила причиной того, что этим «природным колодцем, как верили, пользовались хайдуки, и она называется *ајдучки бунар*» (Шпис-Ћулум 1995: 425). На Буковине и сейчас считают, что полезно мыть глаза росой, собравшейся в розетках *черсаков* (ворсянки) (ЕУ-Черновиц-2000). Звездчатка средняя *Stellaria media* L., которая хорошо сохраняет влагу, носит характерные народные названия *мокрица*, *мокрец* и под., бел. *мокруха* (Меркулова 1967: 138), укр. *tokravnyk*, *tokrec*, *tokreć*, *tokroveć*, *tokрусa*, *tokрунеć* (Маковиеcki 1936: 360). Бел. *расічка* ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ получила имя по долго держащейся в пазухах листьев влаге, принимаемой обычно за росу (Ганчарык 1927а: 195); согласно поверью, ее можно найти только пока на ней не обсохла роса. Как только роса опадет, манжетка сразу прячется в землю и найти ее невозможно (БМ 2004: 426); ср. болг. *слязовка* ‘манжетка обыкновенная’ (Ахтаров 1939: 93).

Неровная, рваная форма листьев аконита послужила основанием для этиологического рассказа: по легенде, листья аконита изорваны копьём, «которым жиды кололи Христа, спрятавшегося под листьями этого растения» (Волог.). Этот сюжет отражен в названиях разных видов аконитов: *христов укрой* (Шенк. Арх.), *христово копьё* (Тотем. Волог.), *прикрыт* (Сиб.), *большой прикрыт* (Даур.), *укрыт* (Волог.), *хранитель* (Волог.) (Анненков 1876: 6–7).

У зверобоя пронзеннолистного *Hypericum perforatum* L. листья усеяны прозрачными вместилищами, которые похожи на дырочки,

что и послужило причиной таких названий, как укр. *диравик* (Анненков 1876: 172), укр. *prozirnik* (Маковиеcki 1936: 186), болг. *порязаното биле, порязниче, посеково биле, посечена трева, сечено биле, шуплек*¹⁵ (Ахтаров 1939: 184), србх. *прострелник, прострельено зелье* (Софрић 1990: 13), хорв. *prostrjeljenik*, чеш. *prošťrelenec* (Machek 1954: 149).

Целая группа названий по типу *прострел* обусловлена особой формой стебля либо корня: *трубник луговой* ‘прострел луговой *Pulsatilla pratensis* (L.) Mill.’ (Полес.) (Бейлина 1968: 433); для растений семейства зонтичных типичны названия *дудка, дудки, дудель*, укр. *дудва, дудла* (Меркулова 1967: 67); ср. тж. укр. *простріл* ‘*Pulsatilla pratensis* Mill.’ (Рогович 1874: 25); *полая трава* (Волог.) ‘одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* L.’ (Иваницкий 1890: 151). В Малоархангельском у. Орловской губ. говорили, что *прострел-трава* раньше была сплошной, но ее прострелил громом архангел Михаил, когда преследовал спрятавшуюся в ней нечистую силу (Якушкин 1844: 42). Использование трав с полым стеблем основано на этой их особенности. Так, *прострел боровой*, или *стрельную траву* (прострел сон-трава *Pulsatilla patens* Mill.) охотники пропускали в ствол ружья, что якобы придавало оружию особые свойства (Волог.) (Иваницкий 1890: 147). Здесь сходство формы полого стебля растения и ружейного ствола подкрепляется сходством фитонима *стрельная трава* и глагола *стрелять*. По принципу этимологической магии воздействие *прострела* приравнивается к воздействию уголька, «выстреленного» из печи: «Родильница пьет... воду с углей, выскочивших из печи, заранее собираемых и хранимых, для того чтобы родить так же скоро, как уголь выскочил из печи. С этою же целью пьют настой травы, называемой *прострел*» (Иваницкий 1890: 108–109). В Архангельской губ. траву *прострел* вплетали в гривы лошадям или около рогов прочему скоту при заболевании *прострел* (Харитонов 1848: 13). У сербов при болезни скота с тем же названием также давали траву *прострел*; под этим именем была известна горечавка перекрестнолистная *Gentiana cruciata* L. (Туцаков 1965: 66).

Особенности строения колючих растений отражены в их названиях. Как и в случае с фитонимами, обусловленными цветом растений, здесь присутствуют разные мотивационные модели: 1) прямое отражение признака, напр., *колюха, колюшник, осот*, укр. *kolkovnyk, bodak, bod'ak*, болг. *осът* и под.; 2) метафорические названия, напр.,

¹⁵ Болг. *шуплест* ‘пористый’.

волчек, волчок, собачки, татарин, мордвинник и мн. др.; 3) фитонимы, отражающие представления о магических свойствах растения: *чертополох, чертогон, шишобар*, ст.-пол. *czartoploch* (Меркулова 1967: 93–99; подробнее см. очерк «Чертополох»). Последняя группа названий отражает широкое применение колючих растений в народной медицине и магии (отпугивание нечистой силы, лечение *переполоха*).

Тот же признак отражен в загадке: «Цвітки ангольскіі, а кіхті диявольський» (Будяк) (Чубинский 1877 (I, 2): 305). Воздействие растений сближалось с самой болезнью, и поэтому нередко колючие растения применялись от *колотья*: например, рекомендовалось пить и обмывать больного отваром из девяти колючих растений (Никифоровский 1897: 270. № 2106). Та же ситуация наблюдается с группой названий типа *егорьево (егорьевское, георгиево) копьё* — им наделяются растения с длинными или заостренными частями, с шипами, а используются эти растения «от колотья». Так, на Урале *егорьевым копьём* называется гвоздика-травянка *Dianthus deltoides* с зазубренными лепестками или герань луговая *Geranium pratense* с острыми отростками в виде копья, которыми лечат колики в животе (Коновалова 2000: 61, 80). В Сибири от колотья употреблялась живокость, поскольку она имеет цветки, напоминающие стрелки; из-за своей формы она также служила оберегом от злых духов (Торэн 1996: 234, 412). Сок лебеды, чья колючая оболочка похожа на занозу, считался лучшим средством для извлечения занозы (Попов 1996: 390).

Осока *Carex L.* с острыми краями листьев носит показательные названия: *острец* (Самар.), серб. *oumpuk, oštrica*, чеш. *ostříž*, пол. *rzeżucha* (Анненков 1876: 85; Шпис-Пулум 1995: 412), *резец, резун, резунец, резуница, резунка, резучка* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 69). В песнях она — символ горя; «резучая» осока сравнивается с «чужой стороной», с жизнью у «свекра-батюшки» (Автамонов 1902: 261). На Украине растение резак обыкновенный *Falcaria vulgaris* с заостренными кромками листьев, напоминающими серп, известный под названием *ризак трава*, пили от рези желудка (Маркович 1891: 425). В Екатеринославской губ. оно также употреблялась от рези в животе. Названия этого растения в других языках: србх. *serpak, srpak*, чеш. *srpek, srpenec*, пол. *sierpnica* (Анненков 1876: 143). Телорез обыкновенный *Stratiotes aloides L.* на Украине (где он был известен под названием *резак*) пили от поноса с резью и кровью, а в Тобольской губ. — от рези в животе, поскольку у этого растения колючие листья с режущими краями (Анненков 1876: 344; Торэн 1996: 233).

Ковыль волосатик (*Stipa capillata* L., *Stipa pennata* L.) имеет названия *иголка* и *овечья смерть* (Анненков 1876: 344); это объясняется тем, что семена его с «винтовым стержнем» зарываются в землю, а иногда, попадая в овечью шерсть, и в кожу животных, причиняя им боль (Автамонов 1902: 261–262); ср.: «Семена ковыля, внедряясь в шерсть овец, трудно от нее отделяются; иногда они проникают и в самое тело животного» (Горницкий 1887: 162).

СВОЙСТВА ПОВЕРХНОСТИ

Поверхность листьев, гладкая и холодная на ощупь с одной стороны и мягкая и теплая с другой, обусловила фитоним *мать-и-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara* L.’ (повсем.) (Анненков 1876: 366). Гладкой поверхностью листьев обусловлено также белорусское название *гладыш* (Смол.) ‘ландыш майский *Convallaria majalis* L.’ (Ганчарык 1927б: 22).

Те растения, чьи части в силу строения поверхности обладали способностью цепляться к какой-либо поверхности, не только носили соответствующие названия, но и наделялись способностью привлекать друг к другу людей: «...растениям липким приписывается свойство привлекать любовь. Так в старинных травниках и цветниках часто упоминается „любим-трава“ (гравилат городской *Geum urbanum* L.), как растение, привораживающее любимого человека, вероятно, потому, что семена его прилипают к платью. Подмаренник цепкий *Galium aparine* L. — *прилип* — слывет у русин за растение, способствующее привлечению к себе возлюбленного» (Анненков 1876: 157, 400; Демич 1889: 47), ср. другие названия этого растения: *липкая трава*, *липушник* (Вят.), *липчица*, *лепчица* (Курск.), укр. *лепец*, серб. *леплива трава* (Шпис-Ћулум 1995: 412), србх. *lipavica*, *prilipača*, болг. *lepka*, *lepeška*, *lepavec* (Анненков 1876: 151; Machek 1954: 220; а тж. болг. *липик* ‘липкое растение’ (Бизеранова 2003: 52). Растения с подобными плодами носят и образные названия: *собачка*, *собачки* ‘гравилат прямой *Geum strictum* Ait.’ — «Собачки прицепляются» (Юрг. Кемер.); *собачка* ‘липучка ежевая *Lappula echinata* Gilib.’ — «Собачка к платью прилипает» (Топк. Кемер.) (Арьянова 1: 66; 2: 28), *собачка* ‘народное название многих растений с плодами, снабженными цепкими щетинками, крючками и т.п., а также название плодов этих растений’ (СРНГ 39: 149); ср. *любима* ‘мелкие семена ковыля, пристающие к одежде’ (Сиб.), ‘семена любых растений, пристающие к одежде’ (Сиб.) (СРНГ 17: 235).

КОЛИЧЕСТВО

Для формирования символики растения играет роль также и число, количество отдельных его органов. Поскольку эта тема подробно рассмотрена в разделе «Числовые мотивы в народной ботанике», здесь приведем лишь краткие выводы.

Число отдельных органов растения отражается в фитонимике, а также влияет на использование растений и/или их образ в фольклорных текстах, играя роль в формировании символики растения. Одно и то же число может оцениваться как положительно, так и отрицательно, в зависимости от контекста. Те или иные числа ассоциируются с определенными предметами (например, пять — с пальцами руки, два — с братом и сестрой или днем и ночью), что оказывает влияние на использование растений, этиологические рассказы о них, их диалектные названия. Большое значение имеет количество органов, отличное от обычного: пять лепестков у цветка сирени, клевер с четырьмя или пятью листиками.

Числа могут не только называть реальное количество органов растения, но и просто передавать понятие «много»; в большей мере это относится к числительным *сорок*, *сто* и *тысяча*, но также и к числительным *семь* и *девять*.

ДРУГИЕ ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ

Еще одной внешней особенностью растений, отмеченной в языке, является масляный блеск лепестков, из-за которых, в частности, лютик получил названия бел. *блашчышнік* (Житк., Стол.), *бліскушка* (Пух.), *бліскуны* (Брасл.) (РС 2001: 76), чеш. *blysk*, *blyskáč*, *blišť'ačka* и др. (Machek 1954: 49–50). А поскольку лепестки лютика желтого цвета, в сочетании с блеском они обусловили фитонимы *маслянка* (Полт.) (Анненков 1876: 289–290), луж. *масленка*, *бутрове кветки* (букв. «масляные цветы»), *бутрове рожички* (Софрий 1990: 156) ‘*Ranunculus acris* L.’; србх. *маслице* ‘лютик едкий *Ranunculus acer* L.’ (Симоновић 1959: 391), болг. *мазнец*, *мазни-кокалче*, *мазно кокалче* ‘чистяк весенний *Ranunculus ficaria* L.’, *мазни-кокалче* ‘лютик ползучий *Ranunculus repens* L.’¹⁶ (Ахтаров 1939: 259), чеш. *maslenka*, *masná buchta* ‘лютик’ (Machek 1954: 49). Тем же признаком обусловлен фитоним *восковница* ‘зимолобка зонтичная *Chimaphila umbellata* (L.) Nutt.’: «Она так блестит, как воском намазана, цветочки масляны и как не живы, будто слеплены» (Мар. Кемер.) (Арьянова 1: 94).

¹⁶ Болг. *мазина* ‘жир’.

Дербенник иволистный *Lythrum salicaria* L. назван *плакун-трава* из-за капелек жидкости на листьях; под именем *плакун красный* его в виде отвара пили от *тоски* (Казан.) (Крылов 1882: 49). В Малоархангельском у. записано поверье, согласно которому *плакун* зарождается из слез; он может вырасти на дворе, если хозяева дома благочестивы (Якушкин 1844: 42).

Среди других примечательных черт растений, которые были отмечены традиционной культурой — «фактура», особенности внутреннего строения, напр., бел. *мучанічник* ‘медвежья ягода, толокнянка аптечная *Arctostaphylos uva ursi* Spr.’ — по мучнистым плодам, или *зялезьнік* ‘хвощ лесной *Equisetum sylvaticum* L.’ — по необычной «жесткости стебля, который употребляется для полировки дерева» (Ганчарык 1927а: 194–195). *Кашкой* называли растения, образующие при перетирании подобие крупы (Меркулова 1967: 90).

Мыльник, мыльный корень (Новг.), укр. *мыльная трава* ‘мыльнянка аптечная *Saponaria officinalis* L.’ получила свое название по свойству мылиться, что обусловило ее использование: «В простонародии свежие листья мыльной травы употребляются для мытья белья вместо обыкновенного мыла» (Августинович 1853: 60–61; Анненков 1876: 316). Еще одно украинское название этой травы — *ди́ке мыло*; в прошлом аптеки торговали им как средством для стирки и выведения пятен, а также как косметическим средством (Носаль, Носаль 1960: 112).

«ПОВЕДЕНИЕ»

Хотя применительно к растениям о движении можно говорить лишь отчасти, тем не менее некоторые из них получили имена согласно своему «поведению»: цветки *солнцевой сестры* — цикория — поворачиваются за солнцем (Булашев 1909: 369; Machek 1954: 230), а ковыль волосатик (*Stipa capillata*) назван так по глаголу «ковылять-колыхаться», так как волны ковыля колышутся на ветру (Автамонов 1902: 262; Даль 2: 129)¹⁷. Стебли одуванчика, если их расщепить, сворачиваются, что отразилось в украинских фитонимах *кульбаба, кульбака* (подробнее см. очерк «Одуванчик»). Недотрога *Impatiens* L., спелые плоды которой с силой «выстреливают» семена, названа чеш.

¹⁷ Ср.: **kovylati* «формально этимологически родственно» **kovylъ* ‘гнущаяся, своеобразно качающаяся трава’ (ЭССЯ 12: 15–16). А.Г. Преображенский считает эту этимологию народной и возводит фитоним *кавыль* к осм. *кавылык* ‘гладко вышелушенный’ (без листьев) (Преображенский 1959: 279–280).

netýkalek, netýkalka, серб. *netik*; недотрога обыкновенная *Impatiens noli tangere* L. — *недотыка* (Твер.) (СРНГ 21: 34), *недотрога, не замай меня, не тронь меня* (б.м.), *прыгун* (Волог., Вят., Сиб.), *прыговка* (Могил.), *розрив, не руш мене* (Малор.), серб. *netik*, пол. *nietykalek*, луж. *njedótka, njedótkliwe zele, njedotkliwka* (Анненков 1876: 175), *не-тронь-меня* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 26), бел. *прыгаўка* (Ганчарык 1927а: 195); чеш. *nedotyka*, словен. *nedotika*, словац. *nedotyka*, возможно, являются «(книжной?) калькой с западноевропейского ботанического термина» (ЭССЯ 24: 123–124)¹⁸.

ВРЕМЯ

О том, что время первого в году появления растений отмечено в языке, говорят такие названия, как *подснежник* и *первоцвет* (для разных растений), *веснянки* ‘подснежники’ (Пск.) (СРНГ 4: 187), *зимоцвета* ‘подснежник’ (Перм.) (СРНГ 11: 281), *веснянка* ‘ветреница лютиковая *Anemone ranunculoides*’ (Коновалова 2000: 51), бел. *раньнік* ‘фиалка собачья *Viola canina* L.’ (Ганчарык 1927а: 195), серб. *млађ, млађа* ‘подбел гибридный *Petasites hybridus* (L.) Sch.; подбел белый *Petasites albus* (L.) Gaertn.’ (Шпис-Ђулум 1995: 413), *первенец* (Волын., Подол.) (Анненков 1876: 273), *первоцветики* (Урал.) (Коновалова 2000: 154) ‘первоцвет’, *первоцвет* ‘первоцвет кортузовидный *Primula cortusoides* L.’, *первенец, первоцвет, первоцветка* ‘первоцвет Палласа *Primula pallasii* Lehm.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 76), пол. *pierwiasnka polna, pierwiosnka kluczyki* ‘первоцвет истинный *Primula veris* L.’ (Spólnik 1990: 36).

---

¹⁸ Не всегда можно однозначно решить вопрос о том, являются ли схожие наименования одного и того же растения в разных языках калькой с латыни (самостоятельной в каждом языке или калькой в одном языке, заимствованной другими) или семантической универсалией, основанной на ярком признаке растения. Более того, калька со временем может слегка трансформироваться под влиянием культурных особенностей. Например, В. Махек решает в пользу праславянского происхождения вопрос о сходстве названий вороньего глаза *Paris*, но не колокольчика *Campanula* (Machek 1954: 229, 271). В данной работе мы не ставим целью выяснить способы проникновения книжных или иностранных фитонимов в диалекты; скажем лишь, что процессы взаимного влияния народной и научной номенклатуры в рамках одного языка, травников и лечебников и диалектных фитонимов, различных языков и диалектов — в частности, народных и научных латинских и славянских названий — друг на друга изучены явно недостаточно.

Месяц цветения отражен в болг. *марта, баба марта, мартенче* ‘мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara*’ (Ахтаров 1939: 37, 320), пол. *majki* ‘безвременник осенний *Colchicum autumnale* L.’ — «по названию месяца сентября, который тут зовут *majkiem* и в котором цветет это растение» (Оскжесиньце) (Gustawicz 1882: 244).

Прострел луговой *Pulsatilla pratensis* на Урале в шутку называется *бестолковчик*: «оне не понимают вроде, што рано вылезли, снег ишшо» (Талиц.) (Коновалова 2000: 31). В болгарском фитониме греческого происхождения *гъоче, гъолчел* ‘подснежник’ (перен. ‘хитрец, шутник’) также отражено время появления растения, которое «обманывает» людей, что уже наступила весна (Бизеранова 2003: 45). В названии *сираче*¹⁹ ‘мерендера отпрысковая *Merendera sobolifera*’ отражаются как время цветения, так и место произрастания: «цветет очень рано весной по таким местам, где в это время другие цветы не встречаются; при этом побегов обычно располагаются отдельно одно от другого» (Ахтаров 1939: 43).

Растения, появляющиеся первыми, использовались в различных обрядах. Они, как правило, оценивались положительно²⁰. Так, кто весной в первый раз увидит фиалку (фиалка душистая *Viola odorata*), тот должен ей «оторвать венчик и съесть, чтобы быть целый год молодым и здоровым» (Чайкановић 1985: 169–170). Свойство «первого» стремились придать и другим объектам (подробнее см. раздел «Числовые мотивы в народной ботанике»).

Многолетнее растение звездчатка Бунге *Stellaria Bungeana* Fenzl. получило название *долголет* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 89). Отмечены и вечнозеленые растения: так, плющ получил названия чеш. *zimozel’*, *zim(o)zelen* (Machek 1954: 153), самшит — болг. *зимзелен* (Ахтаров 1939: 119), чеш. *zimostráz*, *zimozel’*, *zim(o)zelen* (Machek 1954: 140–141), барвинок — србх. *зимзелен* (Анненков 1876: 380), болг. *зимзелен* (Ахтаров 1939: 310), чеш. *zimostráž*, *zim(o)zeleň*, *zimozel’* (Machek 1954: 183).

То же свойство барвинка отмечено и в песне:

В літі росте, — не в’яває,
В зимі росте — не вмерзає. (Яківчук 1970: 297)

В белорусской народной медицине василек горькушу *Centaurea jacea* давали пить детям, чтобы унять их плач, что и обусловило кос-

¹⁹ Болг. *сираче* ‘сирота’.

²⁰ О семантике *первого* подробнее см.: (Валенцова 2002).

венным образом название *rótnocnik*, так как именно около полуночи дети чаще всего просыпаются и кричат (Orzeszkowa 1888: 8). Болг. *вампир* 'повой заборный *Calystegia sepium*' «цветет ночью, когда выходят вампиры» (Ахтаров 1939: 43). Сербские фитонимы *добро-жупро* и *добровече* относятся к растению, которое по утрам открывает цветки («глаза»), а в полдень складывает лепестки, и снова их открывает уже после полудня (Ђорђевић 1958б: 42). Польский фитоним *jit dleži tim lep'è* 'гвоздика картузианская *Dianthus Carthusianorum*' (букв. «чем дольше, тем лучше») связан с длительным периодом цветения гвоздики (Непоп-Айдачич 2008).

Поздно цветущие растения также получили соответствующие названия: *зимовик*, *осенний цвет* (Анненков 1876: 104), укр. *мороз* (Коломієць, Шамота 1979: 24), србх. *jesenji kaђun* (Чајкановић 1985: 172), болг. *есенен минзухар*, *есенна каченка* (Ахтаров 1939: 382) 'безвременник осенний *Colchicum autumnale* L.'; укр. *осинь*, *осиначак*, *осиначук* 'астра ромашковая *Aster amellus* L.' (Коломієць, Шамота 1979: 24); болг. *есенче* 'шафран *Crocus pallasianus*' (Ахтаров 1939: 37). Нарушение порядка появления органов у безвременника оценивается негативно: *несчастливец* — «Сам нешшасной, цветка ешшо нет, а плод уж вылез, и в дом нешшастья приносит» (Сысерт.) (Коновалова 2000: 144).

Растения получают названия по событиям, которые происходят одновременно с их появлением; так, одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* Web. называется серб. *гушчије цвеће*, поскольку в это же время выводятся гусята (*гушчићи*), или *змијино цвеће* — поскольку весной, с первым солнцем, вылезают и змеи (Шпис-Ђулум 1995: 423). Погремок большой *Rhinanthus vernalis* L. носит название *сенокоска* (Арх.), так как время созревания его семян считалось началом сенокоса (Анненков 1876: 295); в Среднем Приобье таким знаком служило цветение *сенкосника* 'нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam.'; «Она цветет — косить траву надо» (Том.) (Арянова 2: 59). Безвременник осенний *Colchicum autumnale* L., который цветет осенью, с первыми морозами, получил название серб. *мразова сестрица* (Шпис-Ђулум 1995: 423), болг. *мразовец*, *мразец* (Ахтаров 1939: 455). На Урале его называют *безвременный цвет*, *поздноцвет*, так как он «цветет, когда уж ничё не цветет» (Коновалова 2000: 26, 162). Цмин песчаный *Helichrysum arenarium* L. в силу своего позднего цветения (до октября) получил названия *мороз трава* (Дон.) (Анненков 1876: 164), укр. *безсмертники польові* (Носаль, Носаль 1960: 60).

Широко распространены названия растений по календарным праздникам: так, бел. *купальнік* ‘арника горная *Arnica montana* L.’, *купалка* ‘мелколепестник едкий *Erigeron acer* L.’ цветут в период праздника Ивана Купалы (Ганчарык 1927а: 195); укр. *петровы батогы* ‘цикорий обыкновенный *Cichorium intybus* L.’ цветет с июля по сентябрь (Августинович 1853: 26). *Юрьевой росой* в разных районах Урала именовались разные виды первых весенних трав (Коновалова 2000: 214). Србх. фитоним *ђурђевак* ‘ландыш майский *Convallaria majalis*’ связан с именем св. Георгия (Чайкановић 1985: 96), как и болг. *гергьовче* ‘вероника Буксбаума *Veronica buxbaumii*’, *гергьовче* ‘дубровка *Ajuga* L.’, *гергьовденче*, *гергевка*, *гергьови баби*, *гергьви бабки*, *гюргьовденче* ‘ландыш майский *Convallaria majalis* L.’ (Ахтаров 1939: 37, 92, 141). Болг. *гергевка*, *гергьовче* ‘будра плющевидная *Glechoma hederacea* L.’ собирается только на *Гергевден*; из нее плетут венки для жертвенного ягненка и для овец, которых доят первыми в стаде. Этими цветами окружают летний передвижной загон для овец; тогда, по поверью, в течение года в стаде не будет болезней, а *обирачка* не сможет отобрать у них молоко. Будрой также украшают дома и конюшни; ее отвар пьют кормящие матери и дают пить домашней скотине для увеличения количества молока; детям дают пить от испуга (Маринов 2003: 104; Каблешкова 2002: 105–106)²¹.

Срб. *видовска трава*, *видовчица*, *видовица*, *видовка* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’ находится в полном цвету накануне *Видовдана* (Шпис-Ђулум 1995: 413). А поскольку «имя св. Вида ассоциируется с глаголами „видеть“, „прозреть“», то отваром ее промывали глаза слепые и плохо видящие, а девушки и парни гадали на ней, чтобы увидеть лицо будущего супруга (Попов 2004: 134).

Подмаренник настоящий *Galium verum* L. (болг. *еньовка*) собирают в Болгарии на *Еньовден*; из него плетут *еньовският венец*, через который пролезают девушки и молодые женщины. Он наделяется способностью отгонять змей, самовил и разные болезни (Маринов 2003: 104). По букетикам этого растения девушки гадают о судьбе: самая старшая женщина в селе достает *китки* (букетики) по одной из корыта и раздает девушкам со словами: «на теб богатство», «на теб сватба» и под.; букетики оставляют на ночь на имя каждого из семьи; свежесть или увядание означает зло или добро для его обладателя (Каблешкова 2002: 106). По тому же празднику названы ро-

²¹ Ср. тж. болг. *гергьовденче* ‘народное название весенних цветов, цветущих в мае’.

машка аптечная *Matricaria chamomilla* L. — болг. *енево цвете*, *енево пиленце*; подмаренник настоящий *Galium verum* — *енювче*, *иванковка*; тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L. — *енюво биле*, *яновица* и др. (Ахтаров 1939: 37, 87, 207, 398).

Болг. *великденче* ‘вероника аптечная *Veronica officinalis*’ собирают только на Пасху (болг. *Великден*); ее кладут в котел с водой и моют ею девушек и детей, чтобы они весь год были здоровы (Маринов 2003: 104); разные виды яснотки получили названия *великденче*, *великдень* ‘яснотка стеблеобъемлющая *Lamium amplexicaule*’, *жълто великденче* ‘зеленчук желтый *Lamium galeobdolon*’, *червено великденче* ‘яснотка пурпурная *Lamium purpureum*’ (Ахтаров 1939: 37, 193). Одуванчик тоже называется *въликдънче*, астра же, как осенний цветок — *думитрофчъ* (Бизеранова 2003: 46), *димитровче* (Ахтаров 1939: 37).

Время суток также имеет значение: чародейную силу имеют лишь те травы, что собраны в «потайна доба», в «ранни зори», или во время пения первых петухов (Каблешкова 2002: 95), ср. укр. *до схід сонця* ‘до восхода солнца’.

Бытовали также поверья о том, что во время цветения растений гром, преследуя нечистую силу, бьет в цветущие растения, поражая цветы (ср. поверья о «рябиновых» или «воробыиных» грозовых ночах в период цветения рябины, папоротника, орехов, фруктовых деревьев, когда молния якобы «выедает», «сжигает», «опаливает» цвет). В Полесье считается, что срок появления русалок на земле привязан к цветению ржи (Виноградова 1995а: 234); кроме того, между Юрьевым днем и Маковеем в травах и цветах обитает водяной черт (Романов 1891 (4): 6). В Ковельском у. верили, что «Бог три раза выпускает мертвецов с того света: в первый раз в пасхальный четверг, когда они ночью служат в церкви, во второй раз, когда цветет жито, и в третий — на Спаса» (Чубинский 1872 (III): 14).

Цветение растений, как и другие природные явления, входило в круг хозяйственных примет: оно указывало на время сева хозяйственных культур, предсказывало погоду и урожай. Время цветения растений — например, по польским данным, ржи и папоротника — (наряду с календарными праздниками и первым громом) может служить временным ориентиром при запрете на купание (Виноградова 1996: 179). Напротив, начало цветения могло отменять какой-либо запрет: в полесском селе Бурмаки (Дрог.) считается, что нельзя купаться до цветения льна (Гриб 1983: 119).

Время расцветания играло роль в гаданиях: «При наступлении огородных посевов, девушки одной или нескольких соседних дере-

вень вспахивают отдельную грядку и сеют односортные «краски», преимущественно — руту: чьи «краски» скорее расцветут, те скорее выйдут замуж» (Никифоровский 1897: 54. № 344). Гадание по расцветанию/увяданию могло быть приурочено к различным датам. В Белоруссии цветы *купаленки* ‘купальница европейская *Trollius europaeus*’ 24 июня святили в церкви, потом втыкали в стену для гадания: «разовьется — хорошо, засохнет — неудача». Так же гадали и на цветах *богатки* (или *букоуки*). Цвет *богатки* ‘мелколепестник едкий *Erigeron acris*’, освященной в день св. Иоанна, предсказывал удачу: «Ежели разовьется, вешает счастье, в противном же случае беду» (Киркор 1858: 158; Дмитриев 1869: 229).

В народной культуре отмечено также и «неправильное» цветение (несвоевременное или отсутствующее). Поверье о том, что повторное цветение плодовых деревьев предсказывает беду (мор, голод, смерть членов семьи, рождение внебрачного ребенка), известно всем славянским народам (Никифоровский 1897: 127. № 925, 926; Семенова 1898: 228; Демич 1899: 1262; Кабакова 1992: 97; Агапкина 1994: 85)²². Очевидно, в данном случае сыграло свою роль устойчивое сравнение жизни человека с жизненным циклом растения. Поэтому несвоевременное цветение (раннее, позднее, повторное) осмыслялось как дурной признак, предвестие беды. Подобное поверье касается и травянистых растений. Так, на Буковине *бриндушки*²³, цветущие весной, можно вносить в дом и везти на продажу, в то время как те, что цветут осенью и называются «мертвыми», «для умирлых», в дом вносить нельзя, а можно лишь отнести на кладбище. Однако это не относится к цветам, которые всегда цветут только осенью — например, к астрам (ЕУ-Черновиц-2000).

ПРОСТРАНСТВО

Растения могут получать имена на основании того локуса, где они растут. Так, растения, произрастающие на воде или в мокрых, заболоченных местах, носили названия *мокруша* (Твер.) ‘чистяк весенний *Ranunculus aquaticus* L.’, укр. *криничник* (Киев.) ‘лютик золотистый *Ranunculus auricomus* L.’, русин. *болотне зілле* ‘лютик’ (Анненков 1876: 289–290), болг. *блатна трева* ‘лютик *Ranunculus* L.’ (Ахтаров 1939: 258), *водянка* (Дон.) ‘кувшинка *Nymphaea*’, *водянка* (Кемер.) ‘лютик ползучий *Ranunculus repens* L.’ (СРНГ 4: 350); бо-

²² Подробнее о негативной оценке *второго* см.: (Седакова 2002).

²³ Предположительно шафран сетчатый *Crocus reticulatus* M.B.

лотина ‘клевер’ (Олон.), *болотник* ‘стреловидный стрелолистный *Sagittaria sagittifolia* L.’ (Твер.) (СРНГ 3: 79); бел. *багно*, *багун*, *багульнік* ‘багульник болотный *Ledum palustre* L.’ (Ганчарык 1927а: 195), укр. *калужниця*, *калюжниця*, србх. *kaljužnica* ‘калужница болотная *Caltha palustris*’ (при укр. *калюжа* ‘лужа’) (Анненков 1876: 78–79), *болотина*, *мочажина* (Перм.) ‘трава, растущая на болоте’ (Русинова, Богачева 2003: 118), болг. *блатник* ‘калужница болотная *Caltha palustris*’ (Ахтаров 1939: 36).

Названия водных и болотных растений могут отражать место их произрастания опосредованно. Так, для всех славянских языков типично образование фитонимов от слов со значением ‘лягушка’ или ‘жаба’. Болотные растения калужница болотная и вахта трехлистная называются укр. *жабник*, а зеленая тина — *жабур*; отмечены также фитонимы србх. *жабòкрек* ‘нитчатка водяная *Conferva* L.’, *жабòчун* ‘частуха подорожниковая *Alisma plantago* L.’, чеш. *žabník*, *žabinec*, *žabí trava* (для ряски, звездчатки, гореца, частухи, болотника, очного цвета), *жабник* (Перм.) ‘вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata*’ (Меркулова 1963: 74). Для разных видов лютиков отмечены названия србх. *жабљак*, *жабокрек* (Софрић 1990: 156), хорв. *žabinaс*, *žablјak*, болг. *жабуњак*, *жабьрњак* (Ахтаров 1939: 258–259), для калужницы болотной *Caltha palustris* L. — *лягушатник*, *лягушачий цветок*, *лягушачье мыло*, *лягушачьи слёзы*, *лягушачья трава*, *лягушечник*, *лягушник*: «В озере растет. лягуши в ём живут» (Яшк. Кемер.); «Лягушачья трава все по болотам растет» (Арьянова 1: 107). Водные растения калужница *Caltha* и кувшинка *Nymphaea* названы чеш. *hastrmánek*²⁴ — также по месту произрастания, как и чеш. *hastrmaní šaty* ‘забвудка болотная *Myosotis palustris*’ (Hladká 2000: 116, 172).

В народной медицине травами, растущими у воды, во многих случаях лечили лихорадку, очевидно, уподобляя место происхождения болезни и средства, способного ее вылечить. К таким травам относятся: вахта трилистная, лютик болотный, лютик ядовитый, калужница болотная (Торэн 1996: 173). Название может быть мотивировано одновременно двумя признаками, как, например, в болг. *метил*, *метилява трева* ‘вербейник луговой чай *Lysimachia nummularia*’: он растет по влажным травянистым местам, поэтому пастухи верят, что именно от этого растения овцы заражаются болезнью *метил*²⁵; кроме того, его листья имеют форму печени (Ахтаров 1939: 42).

²⁴ Чеш. *hastrman* ‘водяной’.

²⁵ Болг. *метил*, *митил* ‘двуустка’.

В названиях отражены и другие локусы, например: *лядник* ‘зубровка *Hierogloha*’ растет по пустошам (при *ляда*, *лядина* ‘пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля; низкая, мокрая и плохая почва’) (Даль (2): 286); бел. *пяшчанка* ‘грыжник гладкий *Herniaria glabra* L.’ — растет по песчаным местам; бел. *пралескі* ‘печеночница обыкновенная *Hepatica triloba* Chaix’, ‘ветреница дубравная *Anemone nemorosa* L.’ — растут по пролескам; бел. *дуброўка* ‘ветреница лесная *Anemone silvestris* L.’ — в дубравах; бел. *пажарнік* ‘клевер каштановый *Trifolium spadiceum* L.’ — на лесных пожарищах, выгоревших местах (Ганчарык 1927а: 195); *луговка* ‘кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L.’ (Влад.), *луговник* ‘цикорий’ (Ворон.) (СРНГ 17: 176) — на лугах, болг. *потайник* ‘лазурник трехлопастный *Siler trilobum*’, *подплет* ‘ясотка пурпурная *Lamium purpureum*’ (Ахтаров 1939: 36) и т.д.

Травы, растущие вдоль дорог, также получают соответствующие названия. Особенно многочисленны и разнообразны такие фитонимы для подорожника: *подорожник*, *дорожник*, *попутник* (в большей части России), *подорожница* (Перм.), *попутный лист* (Олон.), *путник* (Вят.), *путик* (Твер.), бел. *дарожнік*, *пріпутнік* (Могил.) (Анненков 1876: 258–259; Ганчарык 1927б: 15–16; СРНГ 28: 122); кашуб. *prědrožnik* (Suchta 4: 196), *тропинник* (Иван., Костр., Нижег. и др.), *тропняк* (Влад.) (Алешина, Вендина 2007: 540–541, 544) и мн. др. (подробнее см. очерк «Подорожник»). Однако фитонимы сходной структуры отмечены и в других значениях: *придорож* (б.м.), *подорожник* (Полт.), пол. *podróżnik* ‘одуванчик’ (Анненков 1876: 349–350); бел. *падароўшнік*, *падрожнік* (Ганчарык 1927б: 4), укр. *prydorožnyk*, пол. *podróżnik* (Анненков 1876: 97–98), пол. *podorożnik* (Paluch 1989: 65) ‘цикорий’; *придорожник* ‘горец птичий *Polygonum aviculare*’ (Даль 3: 411), болг. *пріпътница* ‘грыжник Весера *Herniaria incana* Lam.’ (Ахтаров 1939: 376), и даже *подорожник* ‘любая трава, растущая вдоль дороги’ (Новосиб.) (СРНГ 28: 121). Этот локус мог отражаться в фитонимах и опосредованно: так, чешское название цикория *čekanka* происходит оттого, что он растет возле дорог, как бы ожидая кого-то (чеш. *čekat* ‘ждать’) (Sobotka 1879: 252). Существует и чешская легенда о девушке Чеканке, которая была наказана за неверность превращением в растение *čekanka*, стоящее у дороги (с красными цветами и колючками) (Zíbrt 1897: 569). Здесь очевидна роль места произрастания для образования фитонима: разные растения, растущие в одном и том же месте, получили одинаковые названия.

Народные названия василька, который обычно встречается среди хлебов, следующие: *синий цвет во ржи* ‘василек’ (Голев 1983: 87); *ржаные синюшки* (Потанин 1899: 234), *жытнички* (Бейлина 1968: 420) ‘василек синий *Centaurea cyanus* L.’.

Пространственные «предпочтения» растения отразились в фитониме *благородник* ‘?’ «Он, как женьшень, не везде растет, выбирает, где получше, не зря благородником зовут» (Ревд.) (Коновалова 2000: 34).

ВКУС

Горький вкус лютика обусловил такие названия, как *горчица*, *горькуха* (Твер.) ‘все виды лютиков’, *горчак* (Волог.) ‘лютик многоцветковый *Ranunculus polyanthemos* L.’ (Анненков 1876: 289, 291), *горькая трава* (Тюм.) ‘лютик’ (Торэн 1996: 155); собственно, и сам фитоним *лютик* отражает тот же признак. В сербскохорватском, болгарском и македонском языках названия, производные от корня **l’utъ*, означают и другие растения, чей вкус отличается горечью или резкостью: лук, щавель, перец (ЭССЯ 15: 220–231). Полынь горькая *Artemisia absinthium* L. получила названия *горькуха* (Пск.), *горькуша* (Новг., Ряз.), *горечь* (Анненков 1876: 47; СРНГ 7: 82), ср. *горчаница* (Перм.) ‘полынь’ (Русинова, Богачева 2003: 118), *горькая трава* (Дон.) ‘полынь’ (Брысина, Кудряшова 2003: 270). Из других фитонимов можно отметить *горькуша*, *горькушник*, *горчица*, *горчак* ‘горец почечуйный *Polygonum persicaria* L.’ (Даль 1: 384); *горькуха* (Пск.) (СРНГ 7: 82), болг. *жлъчка*²⁶ ‘одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* Web.’, *горчива трева* ‘тысячелистник желтый *Achillea clypeolata* Sm.’; ‘горечавка перекрестнолистная *Gentiana cruciata* L.’; ‘вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.’ (Ахтаров 1939: 290, 357); серб. *горчика* ‘жерушник лесной *Roripa silvestris* (L.) Bess.’; *горчин* ‘пулавка полевая *Anthemis arvensis* L.’ (Шпис-Ђулум 1995: 411), хорв. *vučji čemer*²⁷ ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ (Šulek 1879: 450). Горький вкус отражен и в названиях бел. *цямяржыца* (окрестности Гродно) ‘лютик’ (РС 2001: 76), словац. *čemerice*, *čemerka* ‘лютик ядовитый *Ranunculus sceleratus* L.’ (Анненков 1876: 291), ср. названия типа *чемерика/чемерица* для горьких и ядовитых растений (ЭССЯ 4: 52). Как считают некоторые этимологи, в названии *полынь* также отражен вкус, т.к. оно родственно глаголу *palić* —

²⁶ Болг. *жлъчка* ‘желчь’.

²⁷ Србх. *чemer* ‘желчь, горечь; яд’.

по горькому, жгучему вкусу (Потебня 2000: 16; Младенов 1941: 417, Brückner 1970: 414; Фасмер 1996 (3): 320). В болг. *катраника* ‘полынь лечебная *Artemisia abrotanum*’ отражено сравнение вкуса и запаха растения с дегтем (Ахтаров 1939: 35). Горький вкус полыни ассоциировался с горькой долей вдовы: «Глистник еще вдовьей травой называют. Потому что горький он. Говорят, что в нем все людские страдания и находятся» (Чаин.) (Арьянова 2: 92).

Кислый вкус обусловил фитонимы *кислица* (Вост. Росс.), *кисличка* (Оренб.), *киселица* (Арх.), *кислец* (Волог.) и т.д.; бел. *кисленица*, укр. *квасец*; србх. *кисельак* ‘щавель кислый *Rumex acetosa* L.’ (Анненков 1876: 305), болг. *киселец* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’; *киселец*, *кишлек*, *кишляк* ‘щавель кислый *Rumex acetosa* L.’ (Ахтаров 1939: 409–410). Вероятно, и само слово *щавель* означает ‘растение с кислым соком’, ср. болг. *щавя*, србх. *штава* ‘кислота, жидкость для дубления’ (Меркулова 1967: 72). Серб. *кисельак* может относиться не только к щавелю, но и к кислице прямой *Oxalis stricta* L. (Шпис-Тулум 1995: 411).

Сладкий вкус также отражен в фитонимике, напр., *сладкая трава* ‘борщевик обыкновенный *Heracleum spondylium* L.’ (Иркут.); ‘паслен черный *Solanum nigrum* L.’ (б.м.); ‘клевер’ (Вят.); *сладкие дудки* ‘дудник лесной *Angelica silvestris* L.’ (Олон.); *сладкий корень* ‘солодка *Glycyrrhiza* L.’ (б.м.) (СРНГ 38: 223–224), серб. *слатковина* ‘вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L.’; *слатка трава* ‘ежовник, просо петушиное *Panicum crus-galli* L.’ (Шпис-Тулум 1995: 411). Опосредованно тот же признак выражен в названиях *медовник* (Сарат., Арх., Волог.), *медовик*, *медовник* (и под.) (Вят., Казан., Моск., Сарат.) ‘клевер’ (Анненков 1876: 359–360; Меркулова 1967: 90); укр. *медунка* ‘медуница узколистная *Pulmonaria angustifolia* L., м. аптечная *P. officinalis* L.’ (Рогович 1874: 25), укр. *медунка болотьяна* ‘лабазник вязолистный *Spigaea ulmaria* L.’ (Носаль, Носаль 1960: 49). Образования с корнем *мед-* вообще характерны для медоносов (Меркулова 1967: 106).

Упоминается вкус и в поговорках, как, например: «Горек, как полынь (*перец, горчица*)» (Даль 1997 (2): 271) (подробнее см. очерк «Полынь»).

В песнях полынь обычно символизирует горькую жизнь; с ней ассоциируется несчастный, страдающий человек; нелюбимый человек; чужое место. Горький вкус полыни обусловил ее использование как оберега от русалок. Причем считалось достаточным просто произнести слово *полынь*, чтобы русалки разбежались (Зеленин 1995:

162, 213) (подробнее см. очерк «Полынь»). Кроме того, горькие растения, как правило, использовались как лекарство от заболеваний пищеварительного тракта.

ЗАПАХ

Запах, как и другие признаки растений, отразился на всех уровнях — в фитонимах, фольклоре, этиологических легендах, магии, медицине.

Из названий говорят о запахе растения следующие: *вонючая трава* (Сарат.) ‘болиголов’ (Голев 1983: 86); *вонёк* ‘род травы’ (Новг.) (СРНГ 5: 91); *вонюка* ‘название некоторых растений сем. зонтичных, имеющих неприятный запах’ (напр., цикута, омежник) (Курск., Липец.) (СРНГ 5: 93); *духмяник* ‘мята длиннолистная *Mentha silvestris* L.’ (Новг., Пск.) (СРНГ 8: 278); *пахучка* ‘душистый, ягодный, восковой вереск *Mugística clinopodium*’ (Даль 3: 26); бел. *пахучка* (Могил.) ‘мята водяная *Mentha aquatica* L.’ (Ганчарык 1927б: 14); серб. *смрдуша*, *смрдуша*, *смрдлива трава* ‘двойчатка лучистая *Bifora radians* MB.’; *смрдуша* ‘болиголов крапчатый *Conium maculatum* L.’; *миришавка* ‘мята водяная *Mentha aquatica* L.’ (Шпис-Ђулум 1995: 411); *душки* ‘базилик душистый *Ocimum basilicum* L.’, *душица*, *духмянка*, *душмянка* ‘душица обыкновенная *Origanum vulgare*’ (Меркулова 1967: 139). Душистый запах базилика обусловил его постоянный эпитет *запахниий* в украинских народных песнях; *медовник* (Ср. Приоб.) ‘дербенник иволистный *Lythrum salicaria* L.’ пахнет медом (Арьянова 1: 75); пол. *smółka* ‘гвоздика’ также подчеркивает запах цветка (Непоп-Айдачич 2008). Чеснок метафорически назван чеш. *židovská vanilka* (Березович 2007: 435).

О том, что именно запах сыграл важную роль в формировании семиотического статуса фиалки, говорит сербская песня: «Кад би знале дјевојчице Што је мирис од љубице, Све би цв’јеће потргале, Љубицу би пољевале» («Если бы девушки знали, Что за запах у фиалки, Вырвали бы все цветы, Поливали бы фиалку») (Чажкановић 1985: 284).

В этиологических рассказах растения, возникшие из добрых, праведных или невинных людей, обладают приятным запахом, те же, что обязаны своим появлением отрицательным персонажам, — резким и неприятным. Так, в украинской сказке (Харьк.) дети, рожденные от мужа-ужа, превратились после убийства отца в растения: предательница Горпуша — в крапиву, а Вася — в «душистый василек». Мать перед превращением сказала ему: «Люди будут наслаждаться твоим запахом и будут всегда держать тебя в своих хатах и в своих церк-

вах!» (П.И. 1891: 125–128). В сербской песне молодая жена Павла завидует его сестре и ревнует ее к мужу; она убивает коня, сокола и, наконец, своего ребенка, обвиняя в этом сестру. Павел казнил сестру, и из ее крови выросли пахучие цветы — бессмертник и базилик. Из крови же преступной жены выросли крапива и колючки (Караић 1845: 14–18; Софрић 1990: 202). Трупный запах бузины появился после того, как на ней повесился Иуда (Кабакова 1999: 8).

В ряде легенд появление базилика связано с именем того или иного святого. Так, согласно легенде из Купянского уезда (Харьк.), св. Василий Великий всегда украшал свою келью цветами и зеленью. В гробу с его мощами нашли пахучее растение и назвали Васильком. По другой легенде, вокруг умершего юродивого Василия Блаженного нашли траву, которая очень приятно пахла, и ее назвали васильками; «и теперь та трава пахнет ладаном и мертвецом». В одной из легенд базилик противопоставляется ядовитым растениям: над закопанным крестом Спасителя евреи посеяли *дйїдереву* ‘дурман обыкновенный *Datura stramonium* L.’ и *блекоту* ‘белена черная *Hyosciamus niger* L.’. Тогда Бог велел св. Василию посеять там же семена «пахучаго зилья». По месту, поросшему базиликом, царица Елена и нашла крест — «с тех пор и убирают крест васильками» (П.И. 1891: 122–123).

Согласно легенде из Галицкой Руси, запах базилика помог найти крест, на котором распяли Христа. Когда царица Елена искала крест, на котором умер Иисус Христос, и не могла найти, то почувствовала сильный запах — это и был базилик, «що зі всього зїля найкрасше пахне». Когда на этом месте стали копать, то выкопали крест. Поэтому базилик стали воздвигать с крестом на праздник Воздвиженья, и поэтому на церковной службе люди его разбирают — хорошо, если такое освященное растение есть в хате (Гнатюк 1902: 139). Очевидно, вера в такое происхождение базилика и обусловила его высокий семиотический статус в народной культуре: «По указанию А. Веселовского, в одной греческой легенде о нахождении честного креста рассказывается, что на месте, где евреи умышленно закопали крест спасителя, выросла трава, пахучая и врачующая: врачи зовут ее *ѡкцѡв*, а народ *ѡасїлѡв*. Это *osimum basilicum*, наш базилик, душики, малороссийские васильки, которые в народной русской обрядности до сих пор связаны с культом креста: их кладут в церквах под распятие, делают из них кропило, откуда, может быть, и самое название кропила — василек» (Мочульский 1887: 169). Возможно, именно запах базилика обусловил его использование в качестве кропила во время водосвятия (ЕУ-Черновиц-99).

Растения с сильным запахом обычно служили оберегом, причем не только растения с резким, неприятным запахом, как полынь или чеснок. Оберегом от русалок является и зоря (любисток) (Забылин 1996: 68). Базилик с его приятным, душистым ароматом также служит мощным апотропеем. Петрушка и мята, напротив, привлекают нечистую силу (Зеленин 1916: 1103). И полынь, и любисток оберегали также от лихорадки; в Вятской губ. говорили, что «лихорадка не любит запаха зори», и разводили любисток в садах (Зеленин 1995: 214); «...полынь, любисток, редька, конопля и другие пахучие растения — также обереги» (Зеленин 1999: 132). Растения с резким запахом служат и защитой от ходячего покойника (Кабакова 1999: 8). Пахучие растения и чеснок подкладывали под подушку в качестве отгонного средства (Виноградова 1988: 82–83).

Запах, как и цвет, может служить основанием различия между двумя разновидностями одного растения: «Огородные васильки бывают двух родов: один род с белыми цветами „для мертвых“, — они и пахнут мертвецом, а другой, — с синеватыми цветами „для живых“: этот род употребляется для украшения икон и проч.». Кроме того, «если новый стол надушить васильками, тогда он крепкий будет и долго просуществует» (Иванов 1898 I: 319).

Любисток использовался для купания девочек, чтобы их потом любили мужчины, а также детей вообще, «щоб їх, як виростуть, усі любылы»; девушки носят это растение подмышкой, надеясь скорее понравиться мужчинам (Чубинский 1872 (I, 1): 81–82). Запах имеет значение и в погребальном обряде: «Васильки кладут в домовину мертвому, щоб тило мертвого не смердило: те тило, шо обложено василькамы, не так скоро тліе — васильки не дають» (П.И. 1892: 192).

В Сербии мяту водяную *Mentha aquatica* ставили около больного, «чтобы она своим запахом отогнала болезнь» (Чајкановић 1985: 285). «Скільки паху, стільки помочі», — говорят об аире полешуки (Полесск. Киев.) (Болтарович 1990: 90).

Отсутствие «ожидаемого» запаха при общем сходстве также отмечено: *собачья мята* 'будра плющевидная *Glechoma hederacea* L.' — «Собачья мята, она такая мята, токо не пахнет» (Ср. Приоб.) (Арьянова I: 44).

ЗВУК

Этот признак редко бывает актуален, когда речь идет о растениях; однако и он сыграл свою роль в номинации. Так, растение астрагал *Astragalus* носило у уральских казаков название *хлопунцы*, так как

зерна его помещаются во вздутой оболочке: «Сорвав такой пузырь, хлопают им по руке, отчего он, разрываясь, производит треск» (Анненков 1876: 56). На Урале лесное травянистое растение, издающее скрип при срывании, получило имя *скрипун*: «он скрипит, раншо в сапоги ложили» (Шадр.); «он када рветца скрипит» (Красноуф.) (Коновалова 2000: 183), или: *скрипун*, *скрыпун* ‘очиток едкий *Sedum acre* L.’ — «Скрипун трава растет. В руки возьмешь, она и скрипит» (Пар.); это свойство обусловило и применение: «Болит в этом месте рука, скрипит прямо, ее сорвешь, привяжешь, дня через два пройдет» (Пар.) (Арьянова 2: 71). Дербенник иволистный *Lythrum salicaria* L. получил имя *водяной-скрытый* «от скрипа при мятии травы» (Анненков 1876: 206; Даль 4: 209). *Звонец* (больш. часть Росс.), *звонница* (Курск.), *позвонок* (Влад.), *позвонки* (Калуж.), бел. *дзвонец* (Гродн.), *звонец-сковородка* (Могил.), серб. *звонца* ‘погремок большой *Rhinanthus vernalis* L.’ назван так из-за зрелых плодов-коробочек, внутри которых семена гремят во время ветра (Анненков 1876: 295), ср. *шеркунчик*, *шумиха*, *щелкунец* ‘погремок обыкновенный *Rhinanthus crista galli* L.’: «Это денежник, он будет греметь, когда итцветет» (Том.); *щелкунец* ‘дрема белая *Melandrium album* (Mill) Garcke.’ (Ср. Приоб.): чашечка цветка «во время образования плодов вздувается, покрывает коробочку с семенами, при раздавливании может издавать щелкающий звук» (Арьянова 1: 96; 2: 85). Бел. *званец*, *грамкі* относится к погремку большому *Alectorolophus major* Rchb., так как «спелое растение, задетое чем-нибудь или от ветра „звонит“, „гремит“» (Ганчарык 1927а: 195); то же относится к болг. *звъника* ‘зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum*’, *скрипалка*, *скрипалец*, *плюскавиче* ‘смолевка широколистная *Silene inflata*’ (Ахтаров 1939: 36).

Украинские названия мака самосейки *Papaver rhoeas* L. отражают особенности его размножения — зрелые семена высыпаются из семенной коробочки: *тріскавець*, *тріскатий*, *тріскучий*, *хруставець*, *шелест* (Зяблюк 2000: 356). Напротив, мак без отверстий в головках называется *глухой мак*: «Глухой мак был и неглухой, глухой дырок не было, не сыпался» (Крап.) (Арьянова 2: 40). Очевидно, характерным звуком при растрескивании стручков вызваны названия бальзамина садового *Impatiens balsamina* L. *неумолкай*, *неумолкайка*, *неумолканка* (Дон.) (СРНГ 21: 194).

Имеет значение и опосредованная связь растений со звуком; так, в Черниговской губ. считали, что полезнее те травы, «которые не чуже пивнячого гласу», то есть растут в тех местах, куда не достигает пе-

тушиный крик (Гринченко 1895: 36); в Лесковацком Поморавье на Юрьев день шли собирать травы, «куде се пет'л не чује и мачка не про'оди» (Ђорђевић 1958б: 378).

ЯДОВИТОСТЬ

Растениям, которые оказывали отравляющее воздействие на человека, давали соответствующие названия: *бешанец* (Пск.), *бесиво* (Орл.), *дуртрава* (Смол.), бел. *дурнап'ян* (Минск., Могил.), *дурнец*, *чортавы гарлачыкі* 'белена черная *Hyoscyamus niger* L.' (Рогович 1874: 17; Ганчарык 1927б: 227; Бейлина 1968: 420, СРНГ 2: 266, 286); это же растение получило названия *бешеная трава* (Урал.), *бешенница* (Приарг.), *пьяный корень*, бел. *блэкот*, укр. *блекота*, *блекот* (Рогович 1874: 17; Анненков 1876: 171), серб. *буника*²⁸ (Шпис-Ђулум 1995: 414). Схожие названия получили дурман обыкновенный *Datura stramonium* L.: укр. *дурман*, *дурнопьян*; бел. *дурнап'ян*, *дурмап'ян*, *дурац*, *дурэц*, *шалей*, *шалянец*, *шалянея* (Рогович 1874: 13; Ганчарык 1927а: 195; 1927б: 227) и вороний глаз четырехлистный *Paris quadrifolia* L.: бел. *п'яница* (Смол.) (Ганчарык 1927б: 22). Основная реакция человека на воздействие болиголова крапчатого *Conium maculatum* L. отразилась в названиях *болиголов*, *головолом*, укр. *bolyholov*, серб. *главоболно зелье*, *boleglav*, *boliglav* (Августинович 1853: 26; Автамонов 1876: 105; Machek 1954: 76; Чайкановић 1985: 151), цикуты ядовитой *Cicuta virosa* L. — в фитонимах *болиголов*, *головолом* (Анненков 1876: 98), морозника черного *Helleborus niger* — в серб. *главоболка*, *главоболчица*; о последней говорят, что ее «нельзя вносить в дом, так как от нее болит голова, и куры не несутся, если ее внести под крышу дома» (Чайкановић 1985: 75). Безвременник осенний *Colchicum autumnale* L. на Урале называют *бедовник*, *несчастливец*, так как он «содержит ядовиты вещества, которы в быту людям приносят огорченья» (Коновалова 2000: 26). Негативное отношение может быть выражено через соответствующие эпитеты: *чёрное зелье* 'лютик едкий *Ranunculus acris*' (Урал.) (Коновалова 2000: 207), бел. *чортаў агурэчнік* 'дурман обыкновенный *Datura stramonium* L.' (Рогович 1874: 13).

Подобные названия могут относиться не только к ядовитым растениям, но и к тем, которым вредные свойства ошибочно приписываются из-за ядовитых растений, произрастающих по соседству. Например, голубика *Vaccinium uliginosum* L. называется *пьяная ягода*, бел. *дурницы* (Минск., Могил.), *дурава* (Могил.), *дурника* (Смол.),

²⁸ Серб. *бунило* 'бред; бредовое состояние'.

дурнічник, галаваболь (Вил.), п'янішніца (Смол.), балагалоўнік (Вил., Гродн.) из-за ядовитого «соседа» — багульника (Ганчарык 1927а: 195; 1927б: 8).

Воздействие ядовитых растений отразилось в поговорках: «Дурману, белены объелся (*одурел, ошалел*)» (Даль 1997 (1): 365); «О дурне говорили: „Наївся блекоти“»; о несвязной речи — „Говорить, мов блекоти об'ївся“» (Номис 1864: 123, 255). По сербскому поверью, человек, попробовавший белены, теряет память, ср.: «Као да се бунике најео» (Карацїћ 1965: 144. № 2140). В Бачке о человеке, который говорит бессмыслицу, говорят: «као да се напијо бунике» (Шпис-Ћулум 1995: 414).

Имя *сон-травы* давалось таким растениям, чей сок, отвар или запах «производят на человека одуряющее действие», в частности, красавке белладонне *Atropa belladonna*, белене черной *Hyosciamus niger* и др. (Афанасьев 1994 (2): 421–422; По страницам... 1987: 180, 182). Отсюда, очевидно, и применение: «Цветок сон-трава должно класть под подушку, и что приснится, то сбудется» (Маркевич 1860: 86). В Пермской губ. применялся другой вид гадания, также, однако, связанный со сном — растение *сон Пресвятой Богородицы* 'живокость высокая *Delphinium elatum L.*' давали безнадежным больным: «если больной после приема этого лекарства заснет и будет спать спокойно, то он выздоровеет, в противном же случае умрет» (Анненков 1876: 398).

ЖГУЧЕСТЬ

Растения, способные вызвать волдыри на коже, получали соответствующие названия. Так, обычные названия для крапивы — *жалышница* (Свердл.), *жгучка* (Курск., Орл., Пск., Смол.) (СРНГ 9: 68, 93), укр. *жгучка* (Горницкий 1887: 174), серб. *жара, жаруља, жаршца, жежење, жежа, жежара, жежика, жагра* (Шпис-Ћулум 1995: 413–414). Напротив, яснотка, внешне напоминающая крапиву, но не жалящая, называется *мертвая крапива* или *глухая крапива*; яснотка белая *Lamium album L.* — *белая глухая крапива* (б.м.), *глуха біла крапива* (Малор.), серб. *мртва коприва, мртва жагра* (Анненков 1876: 184, Шпис-Ћулум 1995: 420).

Различные виды лютиков получили названия *прыщинец, нарыв, нарывная трава*, бел. *нарыўнік*, а также укр. *натяж, натягач* («натягивает пузырь») (Анненков 1876: 290–291; Торэн 1996: 158). Нищие и солдаты-симулянты употребляли лютик едкий *Ranunculus acris L.*, чтобы вызвать раны у себя на теле (Чайкановїћ 1985: 170). В

Вологодской губ. одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* L. называли *болячки* — «на здоровых местах от этого сока появляются прыщи, сыпь, особенно у детей; отсюда и название *болячки*» (Иваницкий 1890: 151).

Жгучесть крапивы обусловила возможность ее использования вместо купальского костра, причем крапивный куст сменил в этой роли зажженную солому (Харьк., Полт.). Это же свойство сделало крапиву в глазах крестьян сильным оберегом от ведьм и русалок — в ночь на Ивана Купалу ее клали на окна, пороги дверей, вешали в хлеву, бросали в реку перед купанием. Высушенный крапивный корень предохраняет лицо, руки и ноги, натертые им, от замерзания (Быковский 1868: 78; Забылин 1996: 424; Зеленин 1995: 272).

МЕДИЦИНСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Поскольку в предыдущих разделах уже были рассмотрены те растения, использование которых в народной медицине основано на их признаках, то здесь мы коснемся лишь фитонимов, образованных на основе такого применения растений в лекарственных целях, которое нельзя привязать к признаку, а также таких растений, которые не определены и признаки их поэтому неизвестны.

В образовании фитонимов этой группы прослеживаются несколько мотивационных моделей. Во-первых, фитонимы могут быть обусловлены названием больного органа. Так, горец змеинный *Polygonum bistorta* L., который широко используется от расстройства желудка, называется *животный корень*, *жолуничный корень* (Вят.) (Анненков 1876: 264), србх. *желудьак* (Меркулова 1965: 77). Трава *сэрдэчник*, *сердечник* 'фиалка душистая *Viola odorata* L.' в Полесье использовалась при лечении сердца: «Сэрдэчник дл'а сэрца, дл'а жылу́тка дóбре» (Бейлина 1968: 430). Чистотел по употреблению от бородавок назывался *бородавник*, *бородавочник*. В Курской губ. в его отваре купали детей, страдающих от кожных болезней (Анненков 1876: 94). *Горлянкой* (Волог.) 'лапчатка норвежская *Potentilla norvegica* L.' в виде отвара лечились от опухоли в горле; точно так же применялась кошачья лапка двудомная *Gnaphalium dioicum* L., известная под тем же названием (Иваницкий 1890: 149; 151). Лапчаткой серебристой *Potentilla argentea* L. под названиями *горлянка* и *жабная трава* лечили болезни горла и жабу в большей части России (Торэн 1996: 42). Из *материнки* 'душица обыкновенная *Origanum vulgare* L.' на Украине делали ванны «в маточных припадках, неправильном и прекратившемся месячном очищении» (Августинович

1853: 51). Ромашка лекарственная, носящая в Пермской обл. название *маточник*, используется там от женских болезней (СРНГ 18: 34).

Во-вторых, фитонимы могут быть обусловлены целью лечения, его желаемым результатом. Так, горец змеинный *Polygonum bistorta* L. получил название *завязный корень* (Моск., Арх.) (Анненков 1876: 264), ср. тж.: «В простонародии корень завязника дается внутрь от застарелого поноса и кровотечения из матки» (при укр. *завязник* ‘узик стоячий *Tormentilla erecta* L.’) (Августинович 1853: 73–74). Как видим, схожие названия давались разным растениям на том основании, что они применялись с одной и той же целью.

В отваре *толстушки* ‘багульник *Ledum acro* L.’ детей купали от *сухотки*: «листья растения *толстые*, сочные. Отсюда и дети должны „потолстеть“» (Маркович 1891: 426)²⁹. *Чистотелом* ‘чистотел большой *Chelidonium majus* L.’ выводили бородавки (Волог.) (Иваницкий 1890: 148). В Казанской губ. настоем *чистотела* или *чистухи* использовался «для очищения дрянной крови», а травой натирались в бане от чесотки (Крылов 1882: 69). От болезни *крикливцы* постель больного ребенка посыпали цветком *дремой* (Ветухов 1907: 360). В Казанской губ. от настоя *дремы* ‘смолка клейкая *Viscaria vulgaris* Röhl.’, как полагали, «приходит сон и болезнь проходит сном» (Крылов 1882: 60). *Живокость* (Волог.) ‘окопник аптечный *Symphytum officinale* L.’ в виде припарки из листьев использовали при переломах костей (Иваницкий 1890: 152). На Украине это же растение (укр. *живокість*) при вывихе терли на терке, смешивали со смальцем и прикладывали к ноге; от этого, как считалось, «кість прийде на своє місце» (Пастернак 1929: 343); траву *żywokost* ‘?’ использовали от переломов костей (Lud Ukrainśki 1857a: 168); корнем живокости, сваренным в освященном подсолнечном масле и растертым, лечили переломы (Франко 1898: 167).

Некоторые растения считались универсальными лекарствами. К ним относится, в частности, *девясил*, укр. *devasył*, *devatosyl*, србх. *devesil*, *девесилье*, *девесиль*, *велико зелье*, *велики корен*, болг. *devesil* ‘девясил *Inula*’ (Machek 1954: 241; Меркулова 1967: 105; Чајкановић 1985: 181). Согласно украинскому поверью, девясил, освященный на девяти заутренях, помогает от любой болезни (Франко 1898: 167). В данном случае фитоним образовался из поверья, что это растение дает человеку «девять сил».

²⁹ Возможно, у автора опечатка. Листья багульника кожистые; скорее всего, имелся в виду очиток едкий *Sedum acro* L. с сочными листьями.

В-третьих, фитонимы могут быть образованы от названий тех болезней, которые ими лечили, напр., *тайнишная трава* (Алт.) ‘копытень европейский *Asarum europaeum* L.’ (при *тайник* (Сиб.) ‘детский родимец’); *чильчажная трава* (Алт.) ‘зопник клубненосный *Phlomis tuberosa* L.’ (при *чильчаги* ‘шишки подкожные на животе (у лошадей)’ (Анненков 1876: 52, 249–250). *Суставницей* ‘смолка клейкая *Lychnis viscaria* L.’ в Красноуф. у. лечили болезни суставов, а *худобной* (Перм.) ‘марьянник луговой *Melampyrum pratense* L.’ — худобу (Там же: 404). Сами за себя говорят такие названия, как *грыжница*, *золотушник*, *золотушная трава*, *прострельная трава*, *кильная трава*, *укосная трава* (Меркулова 1969: 171–172), бел. *валасень*, *падучнік*, *вераднік*, *зубнік*, *касталом* (Ганчарык 1927а: 194–196), србх. *жутеница* (при србх. *жутеница*, *жутица* ‘желтуха’), *мукавица* (при србх. *мукавица* ‘ревматизм’) (Ђорђевић 1909: 222), болг. *страшник*, *страшниче* ‘акант длиннолистный *Acanthus longifolius* Host.’ (Ахтаров 1939: 86).

Примеров названий растений, производных от болезни, можно привести множество. Так, лютиком (*лихорадочная трава*, укр. *зілля од трясці*) лечили лихорадку во многих губерниях России, а также на Украине (Анненков 1876: 289, 291). В Сербии в случае лихорадки (*грозница*) у ребенка ему привязывали на шею траву *грозничар* (Брезин 1879: 496) или давали в еду плоды травы *од грознице* ‘пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris*’ (Чайкановић 1985: 63). Травы, носящие названия типа *курослеп* или *куриная слепота* — напр., ветреница лесная, лютик многоцветковый — применялись от болезни *куриная слепота* (Торэн 1996: 42, 65, 181) (подробно см. раздел «Глаз, зрение/слепота, плач») ³⁰. Среди растений, которыми лечились от заболеваний горла, часто встречаются лексемы с корнем *жаб-*: *жабная* (Моск., Влад., Ворон., Тул., Твер.), *мужская жабная* (Моск.), *мужской жабник* (Калуж.), *жабовник* ‘лапчатка серебристая *Potentilla argentea* L.’ (Анненков 1876: 270); *жабная трава* ‘кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* Gärtn.’, ‘очанка лекарственная *Euphrasia officinalis* L.’, ‘жабник полевой *Filago arvensis* L.’, ‘сушеница топяная *Gnaphalium uliginosum* L.’, ‘грудница шерстистая *Linosyris*

³⁰ Ср. тж.: *куриная слепота*, *курячья слепота*, *курослеп*, *слепокурник*, укр. *курача сліпота*, *болотне сліпокурник зілля*, бел. *курыная сьляпата*, *курачча сьляпата*, *кураслеп*, *курасьлеп жоўты* ‘лютик’ (Анненков 1876: 289–291; Ганчарык 1927а: 200).

villosa DC.', 'ярутка полевая *Thlaspi arvense* L.' (Там же: 37, 141, 145, 160, 195, 353)³¹.

Кильная трава (Костр., Волог.) как считалось, избавляла от зоба или от килы (Забылин 1996: 429). *Грыжсная трава* (Волог.) 'очиток едкий *Sedum acre* L.' в виде настоя употреблялась от грыжи. Под тем же названием в той же местности была известна горечавка горьковатая *Gentiana amarella* L., и употребляли ее с той же целью (Иваницкий 1890: 149, 152). *Золотушник* 'золотарник золотая розга *Solidago virga aurea* L.' считали «противузолотушным средством, приписывая ему мочегонное свойство», и давали в виде отвара от золотухи и водяной болезни (Августинович 1853: 66). Настоем *перелоя* (Волог.) 'белозор болотный *Parnassia palustris* L.' у детей лечили «понос, который назывался перелоем»; в Вятской губ. той же травой под названием *перелойка*, *перелойная трава* лечили коров от заболевания, при котором «молоко перемежается или отделяется с кровью» и которое также называлось *перелоем* (Анненков 1876: 242). *Резная трава* 'пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.' использовалась в Казанской губ. в виде настоя «от рези при мочеиспускании», а *падучую траву* 'синюха голубая *Polemonium coeruleum* L.' принимали от падучей болезни (Крылов 1882: 44, 56). Кипрейник сродный *Epilobium tetragonum* L. под названием *стрельник* во Владимирской губ. пили «от колотья или стрельбы» (Анненков 1876: 133). Серб. *рањеникова трава* 'репейничек аптечный *Aggrimonia eupatoria* L.' использовалась в Бачке для остановки кровотечения и ускорения заживления ран; *трава от кашля*, *кашляра* 'цикорий обыкновенный *Cichorium intybus* L.' — для лечения кашля (Шпис-Тулум 1995: 416). В Ср. Приобье *ранником* 'володушка золотистая *Vupleurum aureum* Fisch.' лечили раны (Арьянова 1: 53–54), а в Вятской губ. *норичной травой* 'горечавка горьковатая *Gentiana amarella* L.' — болезнь лошадей *норицу*³² (Анненков 1876: 154).

Существует также группа фитонимов, образованных от причины заболевания: *змеевка*, *ужовка* 'истод обыкновенный *Polygala vulgaris* L.' употреблялась в Казанской губ. «для припарки от ужала змеи или ужа»; под названием *змеевка* известна была также и зубчатка осенняя *Odontites rubra* Pers., которую применяли для той же

³¹ Семантическая связь лексем *žaba* 'земноводное' и *žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных' проанализирована в работе (Меркулова 1963).

³² *Норица* 'глубокая язвина на загривке' (Даль 2: 554).

цели (Крылов 1882: 23–24). В Могилевской губ. *червивец* ‘аистник цикутолистный *Erodium cicutarium* L.’ применяли «для присыпки червивых ран у скота» (Анненков 1876: 136).

Наконец, пятая группа — названия, образованные от «объектов» лечения. Так, фитонимы, образованные от корней *дет-* или *млад-*, применялись от различных детских заболеваний, напр., *младенческая трава* (Сиб.) ‘василек русский *Centaurea ruthenica* Lam.’ применялся от детской бессонницы (Торэн 1996: 64); *детская трава* ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.’ служила детям лекарством от боли живота (Крылов 1882: 21). В Пермской губ. *чистотел детский* ‘крупка перелесковая *Draba nemorosa* L.’ служил «внутренним средством от наружных нечистей у детей» (Анненков 1876: 398) (хотя этот фитоним может быть отнесен одновременно и ко второй группе). На Урале *бабий переполох/девичий переполох* ‘колючник обыкновенный *Carlina vulgaris*’ применяется от заболевания *переполох* у женщин, *мужицкий переполох* ‘колючник Биберштейна *Carlina biebersteinii* ?’ — у мужчин (Коновалова 2000: 22, 139) (еще ряд примеров см. в разделе «Мужские и женские травы»).

Возможна и ситуация, когда несколько мотивировочных признаков сочетаются в одном фитониме, напр. укр. *болыголов* ‘болиголов крапчатый *Conium maculatum* L.’: «при головной боли мочат настоем этой травы» (Маркович 1891: 425); выше упоминалось о том, что этот фитоним мог быть мотивирован и воздействием растения на человека. Как уже отмечалось, названия, включающие лексему *голова*, принадлежат в основном растениям с круглыми элементами, но также и тем, которыми лечили головную боль. Эти две группы могут пересекаться (см. раздел «Анатомический код в народной ботанике»). Составные фитонимы, содержащие прилагательные *мужской/мужичий* и *женский/бабий*, относятся к растениям, которые различались по какому-нибудь признаку, соотносимому с полом (цвет, форма и т.д.), но и применялись в лечении больных соответствующего пола.

МАГИЯ

Среди магических действий, производимых с помощью растений, встречается любовная магия, и это применение отражается в фитонимах. Так, *приворотный корень* ‘горец змеиный *Polygonum bistorta* L.’ в Казанской губ. употреблялся для приворота (Крылов 1882: 56). *Лып трава* использовалась на Украине, «щоб дивчата хлопчив любылы и до них лыплы»; *развод траву*, напротив, дава-

ли пить тому из супругов, от которого хотели добиться развода (Маркович 1891: 429). В Македонии девушки перед ритуальным качанием на качелях в день св. Георгия надевали венки, в состав которых входили *дебелика* (переступень белый *Vrugonia alba*) «за да бъдат дебели» (чтобы быть полными, здоровыми) и *лепаец* «за да се лепат до тех ергените» (чтобы липнуть к парням) (Спространов 1900: 31). В районе Косова переступень белый назывался *дебелица*; им девушки опоясывались в Юрьев день с той же целью (Дебельковић 1907: 268). Он играл большую роль в магии Юрьева дня: в Верхней Пчиньи им опоясывались женщины, «да би млеко било дебело». Этим же растением они обвязывали ведра. В Лесковацком Поморавье из него плели венок, через который доили овец накануне Юрьева дня и в сам праздник (Чайкановић 1985: 302–303). Фиалку душистую *Viola odorata* — србх. *љубичица* — женщины и девушки давали своим мужьям и суженым, «да би је увек љубио» (Там же: 169). По болгарскому поверью, *обичниче* ‘копытень европейский *Asarum europaeum* L.’ «возбуждает чувство любви»³³, поэтому им украшаются девушки и юноши... склеивают медом два листа обичниче и кладут их под порог избранной девушки или юноши» (Ахтаров 1939: 108). В *Гергьовден* украшают ворота геранью *Geranium* L. (*здравец, здравинче, здравчец*) «за здраве»; с той же целью пьют воду, в которую погружена герань (Там же: 173–174). Зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum* L., которому приписывалась «волшебная сила в любви», получил чеш. название *láska* (Hladká 2000: 138).

Невеста, согласно обычаю, приносила своему будущему мужу букет календулы *Calendula* L. (србх. *невен*), «да би венуо за њом» (Чайкановић 1985: 178). Способность этого растения вызывать любовную тоску отражена в песне:

*И у стопе невен посадила,
Да м'не вене срце за дево'ком.*

(Бушетић, Мокрањац 1902: 71)

Верой в силу волшебного растения одолевать «злых людей» и всяческие препятствия в пути обусловлено название *одолень-трава*; в соответствии с названием, трава эта упоминается в заговоре «на путь-дороженьку» (Забылин 1996: 289; Нижегородские заговоры 1997: 63; № 255).

³³ Болг. *обич* ‘любовь’.

Как видно, здесь, как и в сфере народной медицины, имеет огромное значение этимологическая магия, ср. в песне:

*На что ж тебе гардамон?
— Чтобы мальчик горден был.
На что ж тебе василек?
— Чтобы мальчик весел был.
На что ж тебе люб цветок?
— Чтобы девки любили.*

(Автамонов 1902: 253)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В БЫТУ

Мольная трава (Алт.) ‘донник *Melilotus L.*’ служит средством от моли (Голев 1983: 83); с помощью мяты болотной *Mentha pulegium L.* избавлялись от блох, поэтому она носила названия *блоховник*, *блохогонка* (Екат.), *блошник* (Анненков 1876: 215), ср. *блошник* ‘багульник болотный *Ledum palustre L.*’ — «А блошник вроде как от блох. Вместо нафталина клали» (Том. Том.) или *мухомор* ‘живокость высокая *Delphinium elatum L.*’ «Мы их в букеты собирали, дома ставили. От их мухи и дохли» (Том. Том.) (Арьянова 1: 25, 86). Схожим образом, от хозяйственного использования растений образованы бел. *хварбідла* ‘дрок красильный *Genista tinctoria L.*’, так как оно используется для окраски ткани; *хамутнік* ‘рогоз широколистный *Typha latifolia L.*’ — его «листья идут на плетение хомутины — части хомута» (Ганчарык 1927а: 196). Подмаренник настоящий *Galium verum L.*, который употреблялся для свертывания молока, носил названия *сывороточная трава*, *сычужник* (Курск.), укр. *сыворотень* (Анненков 1876: 152). В Олонецкой губ. через *чедильник* ‘плаун годичный *Lycopodiumannonitum L.*’ процеживали молоко (Там же: 404). По использованию в качестве косметики синяк обыкновенный *Echium vulgare L.* назван *румянка*, *румянок*: «Это румянка, его цветами девки щеки румянили» (Мар. Кемер.) (Арьянова 2: 124).

Названия некоторых трав обусловлены играми, в которых их использовали дети, напр., *петушки-или-курочки* ‘вейник Лангсдорфа *Calamagrostis Langsdorffii*’: «Ак с детства имя играли, колосок срываши и спрашиваш: „Петушок ли курочка?“ Еси длинный хвост останетца — петушок, еси короткий — курочка. Надо отгадать» (Североур.) (Коновалова 2000: 157). Тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium L.*, известный под названием *кравник* или *серпоріз*, использовался следующим образом: «Хлопці граючись з носа кровь ним спускають,

тоді як він ще молодий і зветься серпоріз, настромляють свіжого зілля в ніс і тогді б'ють або душать легенько за ніздрі» (Рогович 1874: 1). Сербський фитоним *пусти баба коњу крв* 'горец птичий *Polygonum aviculare*; тисячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.' обусловлен аналогічними ігровими практиками: «Дјеца метну један струк ове траве у нос, па држећи га једном једном руком под носом другом стиснутом бију у ону одоздо говорећи: „Пустѝ, баба, коњу крв и телету млека!“ И тако чине док не удари крв из носа» (Бјелетић 1996: 96–97). Ср. также: «название Ломоноса произошло от того, что если скрутить лист *Clem[atis] recta* и вложить в нос, то делается кровотечение из носа» (Анненков 1876: 102). Большую подборку болгарских фитонимов, образованных по употреблению растений в детских играх, приводит Б. Ахтаров: *бий-бий-котър*, *пус-пус-кръвчица*, *кън-кън-къната* 'свиной пальчатый *Cynodon dactylon* Pers.', *вий-вий-караджа* 'аистник длинно-клювый *Erodium ciconium* Willd.', *нижи-нижи-сламка* 'бальзамин садовый *Balsamina hortensis* DC.', *пиши-пиши-кукла* 'мак самоежка *Papaver rhoeas* L.', *тъчи-тъчи-платно*, *скърбуц-скърбуц-платънце* 'подорожник большой *Plantago major* L.', *ноп-ноп-нопадия* 'белена черная *Hyoscyamus niger* L.', *чук-чук-гърне* 'гадючий лук кистевидный *Muscari racemosum* DC.', *сън-сън-котка* 'прострел обыкновенный *Anemone pulsatilla* L.', *бий-бий-тъпанче* 'смолевка широколистная *Silene inflata* Sm.' (1939: 45). К сожалению, описаний игр автор не дает.

По названиям некоторых растений видно, что их использовали в пищу: *смоктушки*, *смокота* 'клевер луговой *Trifolium pratense* L.; медуница неясная *Pulmonaria obscura* Dum.' (Бейлина 1968: 431), *сосульки* 'цветы клевера' (Олон.) (Меркулова 1967: 91).

Травы могут называться и по употреблению их животными, так, бел. *зубраўка*, *зубрава трава* 'зубровка душистая *Hierochloa odorata* Wah.' — пища зубров в Беловежской пуще (Ганчарык 1927а: 195); *свиновник*, *свинячья радость* (Перм.) 'молочай' (Русинова, Богачева 2003: 118), укр. *свиняче зілле* 'горец птичий *Polygonum aviculare* L.' — корм свиней (Носаль, Носаль 1960: 89). Урожайная трава получила название *богова скатерка* '?': «Этой вот травке нету ровни, она даже в сушь лучше всех родит, потому и богова скатерка, что ись дает» (Алап.); напротив, растение, не отличающееся хорошими кормовыми качествами — *нищя трава* 'разные виды осоки': «Молода, как только взойдет, дак нечѣ, а так-ту колюча, не ес скотина, это уж с голодухи если чѣ пожует, вот и нищца» (Богдан.); «нищя трава, потому што беднеки в матрасы набивают, боуаты-те пуховы перины делают» (Слобод.) (Коновалова 2000: 35–36).

* * *

Итак, рассмотрев ряд различных признаков, мы проследили, каким образом они отражаются в названиях растений, в фольклорных текстах; как эти признаки способствуют формированию определенного символического образа своих носителей; как растения получают тот или иной семиотический статус в традиционной культуре славян. Приведенные материалы иллюстрируют актуальность объективных, реальных признаков растения для создания его символического образа на всех уровнях языка и культуры. Признаки, положенные в основу номинации растений, в то же время становятся и основой их фольклорного образа, который нередко тесно связан с использованием растений в магических и медицинских практиках.

В названиях признак может быть назван прямо; он может быть использован как основа для сравнения с другими предметами, обладающими тем же признаком; наконец, за названием может стоять сюжет этиологической легенды, объясняющей происхождение той или иной характерной приметы растения.

Поскольку каждое растение обладает более чем одним признаком, оно может иметь несколько названий и, соответственно, несколько целей применения. Напротив, поскольку одним и тем же признаком могут обладать разные растения, они нередко имеют общее название.

Возможна и такая ситуация, когда в силу внутривидовой вариативности в чем-либо отличаются друг от друга растения одного вида. Тогда они считаются разными растениями и поэтому по-разному используются, что подтверждает зависимость роли растения в народной культуре от его признаков.

Символика растения нередко определяется не только его ассоциациями с другими предметами, имеющими такой же признак, но также и отношениями признаков между собой. Уже упоминались синонимичные или антонимичные отношения цветов. Другие признаки также могут восприниматься в парах, причем как в пределах одного растения (как, например, противопоставление мягкой нижней и гладкой, производящей впечатление более холодной верхней поверхностей листьев мать-и-мачехи), так и в рамках целой группы растений (ср. противопоставление полезных и бесполезных растений, растений с приятным и неприятным запахом).

В «отношениях» человека с растениями возможны две модели: человек либо старается заимствовать у растений какие-либо свойства, либо пытается избавиться от какого-либо признака с помощью

растения, обладающего тем же признаком. Эти отношения также проявились в народных названиях растений, особенно в тех, что обусловлены их использованием в народной медицине. В таком случае название растения обусловлено либо названием болезни, либо ожидаемым результатом. Среди названий одного и того же растения встречаются фитонимы обоих видов.

ГЛАВА 2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОДОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Анатомический код в народной ботанике. — Мужские и женские травы. — Глаз, зрение/слепота, плач. — «Чужие» растения. — Одежда. — Числовые мотивы в народной ботанике.

Коды традиционной культуры, в частности растительный код, можно изучать не только изолированно, но и в их взаимодействии. На «возможность перехода на другой код» (то есть выхода за пределы народной ботаники), по замечанию Т.В. Цивьян, указывают уже этиологические легенды, рассказывающие о появлении растений из каких-либо других предметов (1990: 45). В названиях трав и цветов встречается большое количество слов из других лексико-семантических групп. Как пишет Т.И. Вендина, «семантическая структура этого вида фитонимов носит ярко выраженный антропоцентрический характер, в связи с чем среди этих имен преобладают характеризующие названия. С помощью словообразовательных средств актуализируются те признаки и свойства растений, которые отражают практическое и культурно-мифологическое освоение человеком мира природы» (1998: 90). Среди лексем, от которых образованы названия растений, встречаются имена собственные и термины родства, зоонимы и фитонимы, названия частей тела человека и животных, названия еды и различных предметов обихода.

За последнее время взаимодействие различных кодовых систем культуры неоднократно обращало на себя внимание исследователей. Так, анализируя мотивировку названий растений в сербском языке, М. Шимундич распределил фитонимы в десять мотивационных групп: по названиям растений, по названиям органов растений, по названиям животных, по названиям органов людей и животных, по выделениям человеческого тела, по телесным и душевным недостаткам и состоянию здоровья, по душевному расположению и особенностям характера, по еде и питью и по терминам родства и свойства (Šimundić 1978: 292–297). Список этот можно продолжить; так, в

фитонимике есть названия, образованные от названий различных объектов — посуды, одежды, обуви, инструментов и пр.

Отдельные исследования посвящены конкретным кодам традиционной культуры, отраженным в народных представлениях о растениях: отражение териоморфного кода в растительном было рассмотрено в диссертации С.Ю. Дубровиной (1991), библейские мотивы в народной ботанике — в статье И.В. Родионовой (2002). Еще одним примером такого взаимодействия могут служить отношения телесного и растительного кодов.

АНАТОМИЧЕСКИЙ КОД В НАРОДНОЙ БОТАНИКЕ

Образ человека отражается в растительном коде традиционной культуры¹ на разных уровнях: в фитонимической лексике, в фольклорных текстах (по большей части в этиологических легендах), наконец — на акциональном уровне, в народной магии и медицине. Отраженный в представлениях о мире растений, он не ограничивается частями тела или его субстанциями: растениям, по аналогии с людьми, приписывались различные физические или эмоциональные состояния, мужской или женский пол, что, в свою очередь, позволяло использовать их в медицинских или магических целях.

1. ЧАСТИ ТЕЛА

Голова. Названия с компонентом *голова* обычно даются растениям с элементами шарообразной формы: *собачья голова* (Влад.) ‘василек горькуша *Centaurea jacea* L.’; *адамова голова*² (Сиб.), *головик* (Твер.), *головач* (Гродн.), *красноголовки* (Курск.) ‘василек скабиозовидный *Centaurea scabiosa* L.’, *иванова голова* ‘колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia* L.’, укр. *адамова голова* ‘синеголовник полевой *Eryngium campestre* L.’ (Анненков 1876: 90–91; Булашев 1909: 349; Бейлина 1968: 422); *адамова голова* ‘мордовник русский *Echinops ritro* L.’ (Перм.), русин. *головатень*, *иванова голова* ‘мордовник шароголовый *Echinops sphaerocephalus* L.’ (Анненков 1876: 398). В загадках растение тоже может иметь «голову» (см. очерк «Чертополох»).

---

¹ Об обратном соотношении кодов, т.е. об использовании растительных образов для именованя человека, частей его тела, возраста и под. см.: (Толстая 2008).

² Подробнее о семантике растительных образов, связанных с Адамом, см.: (Часовникова 2003: 90–142).

Фитоним иногда подкрепляется объясняющей его легендой; так, вероника широколистная *Veronica latifolia* L. в Смоленской губ. называлась *иван безголовый*, и о ней рассказывали следующее: «девка отрубила некоему Ивану голову, а тот пошел жаловаться Богородице, неся свою голову на копье. Богородица превратила Ивана в цветок вероники. В том виде, как шел к Богородице, Иван и умер» (Демич 1899: 1169).

Реакция человека на воздействие болиголова крапчатого *Conium maculatum* L. отразилась в названиях *болиголов*, *головолом*, укр. *bolyholov*, србх. *главоболно зелье*, *boleglav*, *boliglav* (Августиневич 1853: 26; Анненков 1876: 105; Machek 1954: 76; Чајкановић 1985: 151), цикуты ядовитой *Cicuta virosa* L. — в фитонимах *болиголов*, *головолом* (Анненков 1876: 98), морозника черного *Helleborus niger* — в србх. *главоболка*, *главоболчица*; последний опасались даже вносить в дом, так как от него болит голова (Чајкановић 1985: 75).

Как видим, названия с компонентом *голова* (*адамова голова*, *иванова голова*) даются и растениям, которые имеют «какие-нибудь шарообразные элементы (соцветия, плоды и т.п.)», и растениям, вызывающим головную боль. Однако это справедливо и в отношении растений, которые применялись от головной боли. Нередко эти группы пересекаются: «высока, тоненька, две-три головки беленьки у нее, адамова голова от больной головы помогает, вон, гляди, по угору шарики голубые, колючие» (Родионова 2002: 38); или: укр. *болыголов* ‘болиголов крапчатый *Conium maculatum* L.’: «при головной боли мочат настоем этой травы» (Маркович 1891: 425).

Считалось, что на формирование и рост культурных растений влияет день, в который их сажают. Например, капусту, «которая в огородной обрядности устойчиво связывается с головой вообще и с головой св. Иоанна Предтечи в особенности», сажали в день *Головатого Ивана* (25.05./7.06.). Голова ассоциируется не только с капустными кочанами, но и с другими круглыми овощами, поэтому у восточных славян были распространены «запреты ходить в огород и срезать капусту, дергать редьку и вообще какие бы то ни было круглые овощи, чтобы это действие не напоминало об усекновении главы св. Иоанна Предтечи». Чтобы капуста выросла большой и крепкой, женщины должны были взяться обеими руками за голову (Брест.), обвязать голову полотенцем (Курск.). На вербальном уровне посадка могла сопровождаться заговором: «Расти, капуста, по моей голове» (Мороз 2000: 133–134, 143).

Волосы. Полевица белая *Agrostis alba* L. — злак с раскидистой мелтелкой — получила названия *волосник*, *волосец*, *волосянец*; просвирняк курчавый *Malva crispata* L. с кудрявыми листьями — *царские кудри* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 91, 96). Кардаминопис песчаный *Arabis agenosata* называется пол. *panieńczone włosy*, так как после цветения его околоплодники закрученной формы сравниваются с волосами девушки (Усачева 2000: 263). Есть и другие фитонимы, связанные с волосами: укр. *богородишина коса* ‘астрагал хлопонец *Astragalus cicer* L.’, *богоматерина коса* ‘зверобой стелющийся *Hypericum humifusum* L.’; укр. *борода чортова* ‘ластовень аптечный *Vincetoxicum officinale* L.’ (Булашев 1909: 349). Внешний вид мог вызвать и обратные ассоциации: пол. *lysina, lysina św. Piotra* ‘сивец луговой *Succisa pratensis*’ — «возможно, из-за толстых блестящих листьев» (Spólnik 1990: 116).

Названия *волошка*, *волошки* в восточнославянских говорах относятся в основном к таким растениям, различные органы которых покрыты волосками: клеверу пашенному, короставнику полевому, куколю посевному, сушеннице топяной и др. (Залесова, Петровская 2–4: 472, 513, 540, 949) (подробнее см. очерк «Василек»).

Глаза. Яркое пятно, «глазок» в середине темного цветка фиалки повлияло на образование следующих фитонимов: *веселые глазки* (Волог.), *анютины глазки* (Моск.) (Торэн 1996: 42), *анютины глазки* (Курск.) (Мизгер 1869: 242), *ан’утины гла́ски* (Бейлина 1968: 415), србх. *дикино око* (Чайкановић 1985: 84), болг. *диви очета* ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’.

В загадке с глазом сравнивается ромашка: «Во лугах сестрички — Золотой глазок, белые реснички» (Митрофанова 1968: 70. № 1919). В украинской легенде виновницей превращения в василек молодого красивого юноши по имени Василь является русалка, которая в Троицын день заманила его в поле, защекотала и превратила в цветок; василек получил яркий синий цвет его глаз (Маркевич 1860: 86–87).

Очанка лекарственная *Euphrasia officinale* L., в соответствии со своими народными названиями *глазница*, *глазная трава*, *очанка*, *очная трава*, *светлик*, *свет очей*, *свечка*, укр. *очанка*, србх. *видац*, *видова трава*, *о́чанica*, *vidac*, *vidica*, *zornica* употреблялась для лечения глаз, поскольку «в венчике ее цветка находится пятно, как бы похожее на зрачок» (Торэн 1996: 74, 232; см. тж.: Анненков 1876: 141; Даль 2: 664; 4: 159; Горницкий 1887: 73). Об использовании очанки

преимущественно для лечения глаз читаем также в: (Machek 1954: 215; Носаль, Носаль 1960: 48). (Подробнее см. раздел «Глаз, зрение/слепота, плач»).

Зубы. Согласно украинской легенде, чеснок вырос из зубов колдуньи, поэтому есть его считается грехом (Булашев 1909: 379). Корень одного из видов ятрышника, внешне похожий на зуб, считался целительным при зубной боли (в.-полес.)» (СД 3: 596). Зубянка клубненосная *Dentaria bulbifera* L. в различных диалектах получила фитонимы *бабьи зубы*, *зубянка*, *зубница*, серб. *zubatka*, *zubatac*, пол. *babie zęby*, *zubowa bylina*, луж. *zubica* (Анненков 1876: 124). Конечно, наличие латинского названия идентичной внутренней формы увеличивает вероятность заимствования с латыни, ср.: «В чешском гербарии Маттиола латинское название *dentaria* переведено как *zubowa bylina*». Однако при выразительной форме («Сырениуш так объясняет ее источник: „...корень шнурообразный, как бы сплетенный из многих, которые, если разделить на части, выглядят как человеческие зубы...“») (Spólnik 1990: 117) фитонимы могли образоваться и независимо.

Руки. Первоцвет истинный *Primula veris* L. благодаря форме своих соцветий (в форме кисти) получил названия *божьи ручки* (Курск.) (СРНГ 3: 64), укр. *божа ручка*, *божьи ручки* (Полт.), *божі ручки* (Рогович 1874: 24; Анненков 1876: 272) (подробно см. очерк «Первоцвет»). Хрящевецник *Шлесебург* получил название сrbx. *nokatac*, поскольку его «хрящеватые, желобчатые прогнутые листики имеют форму узких ногтей» (Machek 1954: 76).

У растений семейства орхидных схожие названия вызваны формой клубней: *пятипалечник*, *соломонидина ручка* (Приарг.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’; *пятипалечная трава* (Ворон.), *пятипалешник* (Арг.), *соломонидина ручка* (Приарг.), *чертова ручка* (Могил.), пол. *dłoń chrystusowa* ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’; *божья ручка* (Могил.) ‘ятрышник мужской *Orchis mascula* L.’ (Анненков 1876: 233–234), бел. *dalonka* ‘ятрышник шлемоносный *Orchis militaris*’ (Werenko 1896: 116), болг. *ръчица* ‘ятрышник’ (СД 2: 596). Растения в форме руки находили соответствующее применение: «Роженица пьет траву „рука Фатимы“ или „Богородична рука“: как раскрывается эта трава, формой напоминающая руку³, так раскроется и ее тело (ю.-слав.)» (СД 3: 596).

³ Вероятно, иерихонская роза *Anastatica hierochuntica* L.

Значимы были различия в форме корня различных экземпляров кокушника комариного *Gymnadenia conopsea* R. Br., также из семейства ятрышниковых, которые на основании этих различий применялись либо как приворот, либо с противоположной целью (Крылов 1882: 35–36) (подробнее см. очерк «Ятрышник»).

Аистник цикутолистный *Erodium cicutarium* L. пили от судорог, «основываясь на том, что черешочки этой травы сведены локтями, как будто от судорог» (Калуж.) (Анненков 1876: 136). Травы, имеющие листья в форме кисти руки или лапы и носящие соответствующие названия, применялись также от раздражения кожи между пальцев: *межперстицей*, *межпарщицей* ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ лечили руки: «Если меж пальцев делается пухлина, так ее укладывают сухими листьями межпарщицы» (Смол.) (ср. *межпарщица* ‘сыпь на руках, чесотка, короста’ (Смол.)) (СРНГ 18: 85, 90). Листьями манжетки (*межперстица*) лечили и опрелости ног (Смол.) (Добровольский 1914: 407).

Туловище, внутренние органы. Некоторые фитонимы связаны с библейскими персонажами — укр. *адамове ребро* ‘*Thysellinum palustre* L.’, *чортове ребро* ‘валериана сомнительная *Valeriana dubia* Bung.’ (Булашев 1909: 349). Русская легенда говорит, что картофель вырос на могиле волхва, из его ребра (Усачева 2000: 273). Василек скабиозовидный *Centaurea scabiosa* L. под названием *христосовы ребра* применялся в Пермской губ. от поясничных болей (Анненков 1876: 91).

Сердечная трава майник двулистный *Majanthemum bifolium* (L.) Schidt. Получил название по форме листьев: «Его зовут сердечная трава. Он лист как сердечком, он маленький» (Том.) (Арьянова 2: 39). На Урале травянистое растение *сердечник*, *сердечная трава* с листочками в форме сердца употреблялось как укрепляющее для сердечной мышцы: «У этой сердечной травки листки вытянуты, сбоков округлы, как бы сердечко... От сердца пьют, цветки вкусны, ароматны»; те же свойства приписываются василистнику простому *Thalictrum simplex*, с листьями схожей формы и местным названием *сердцева трава*: «У сердцевой травы листки сердечкам»; «Сердцева трава от сердца помогают» (Коновалова 2000: 181–182). На Западной Украине на Иванов день маленьким детям надевали венки из ромашек, «би таким же гарним та сонячним сердечко росло та розвивалося у грудях» (Маковій 1993: 148).

Горец змеинный *Polygonum bistorta* L., который широко используется от расстройства желудка, называется *животный корень*, *жо-*

луничный корень (Вят.) (Анненков 1876: 264), србх. *желудњак* (Меркулова 1965: 77).

Гениталии. Из фитонимов этой группы можно отметить, например: *ребячьи м...ушки* ‘сатириум *Satyrium L.*’; србх. *попова муда* ‘бересклет европейский *Evonymus europaea L.*’; болг. *момински срам, мъжко срамниче*, србх. *стидак, срамак* ‘дикая морковь’ (Анненков 1876: 142, 316; СД 3: 301). Целый ряд растений включен в блок загадок с эротическим подтекстом. Эти растения могут восприниматься как мужские или женские — виноград, кукуруза, огурец vs. инжир, фасоль, тыква, хотя некоторые воспринимаются как амбивалентные — паприка, капуста, грецкий орех (Сикимић 1996).

Растения, чьи органы напоминают по форме гениталии, имея соответствующие названия, использовались в любовной магии и в магии плодородия. Среди них одним из наиболее значимых является ятрышник. При различных диалектных фитонимах его использование практически одинаково. Например, ятрышник широколистный *Orchis latifolia L.* считался способным привлечь любовь и излечить от импотенции (Потанин 1899: 233; Зеленин 1995: 343). По корню этого растения молодые женщины гадали о поле будущего ребенка: круглый корень означал девочку, длинный — мальчика (Кедрина 1912: 102, 108). Есть и другой вариант гадания: два отростка предвещали рождение девочки, три — мальчика (без указания места; Афанасьев 1994 (3): 227).

Ятрышник болотный *Orchis palustris Jacq.* назывался *красные султанчики*, а его корни использовали как афродизиак (Августинович 1853: 50). Корни растения *любка*, также из рода ятрышников, считались «мужскими» или «женскими» в зависимости от формы — продолговатой или круглой соответственно, а их смесь служила приворотом (Хатемкин 1900: 8–9; см. тж. Носаль, Носаль 1960: 84). Схожие свойства приписывались растениям рода *Orchis* и в чешской народной культуре (Machek 1954: 299).

В Калужской губ. корнем ятрышника поили мужа, ссорившегося с женой, причем черный корень обозначал мужа, а белый — жену⁴ (Кедрина 1912: 107–108). Об использовании ятрышника пятнистого *Orchis maculata L.* в любовной магии свидетельствует и

---

⁴ Растения семейства орхидных обладают клубневидным корнем, причем прошлогодний сгнивающий корень соседствует с крепким молодым.

Н.И. Анненков (1876: 233). Очевидно, также к орхидным относится упомянутая в архангельском травнике *кукуша* (Харитонов 1848: 15) (подробно см. очерк «Ятрышник»).

В огороднической магии распространены эротические мотивы: если огурцы плохо завязывались, было много пустоцвета, нагой мужчина должен был помахать косой над грядками или прыгать через грядки (Гомел., Калуж., Брян.)» (СД 3: 498; Мороз 2000: 135). Чтобы огурцы выросли большими, «жена просила мужа лечь в борозду» (Гомел.) (СД 3: 498).

Кожа. *Чистотелом* (чистотел большой *Chelidonium majus* L.) в Вологодской губ. выводили бородавки (Иваницкий 1890: 148). В Казанской губ. травой *чистотела* или *чистухи* натирались в бане от чесотки (Крылов 1882: 69). Чистотелом лечили вообще разные кожные заболевания: чесотку, вереды, бельма, бородавки, лишай, сыпи (Торэн 1996: 195). По причине такого употребления он назывался *бородавник*, *бородавочник*. В Курской губ. в его отваре купали детей, страдающих от кожных болезней (Анненков 1876: 94). У южных славян он также считался средством от чирьев и бородавок (Чайкановић 1985: 143). В Пермской губ. *чистотел детский* ‘крупка перелесковая *Draba nemogosa* L.’ служил «внутренним средством от наружных нечистей у детей» (Анненков 1876: 398).

2. СУБСТАНЦИИ

Слезы. Фитоним *адамовы слезы* в уральских говорах относится к лесному растению с характерным признаком: «цветок-от склонятца, дак из его капелюшки падают, как есь адамовы слезы» (Коновалова 2000: 19). Рябина, по белорусской легенде, выросла из кровавых слез Евы, когда бог изгнал ее из рая (Никифоровский 1897: 129. № 946). Украинская легенда говорит, что горох вырос из слез Адама, когда он впервые после изгнания из рая пахал землю и плакал (Булашев 1909: 378). Согласно поверью, записанному в Малоархангельском у., *плакун* зарождается из слез и может вырасти на дворе у благочестивых хозяева (Якушкин 1844: 42). В сербском языке растение пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris* носит название *мачкине сузе* (букв. «кошачьи слезы»), очевидно, благодаря характерной форме стручков (Чайкановић 1985: 63) (подробнее см. раздел «Глаз, зрение/слепота, плач»).

Кровь. Кровохлебка *Sanguisorba* L. — *кровокопка*, србх. *krvara*, *kervara lekarska*, чеш. *krvavé kořeni*, *krvistrěb*, пол. *krwiściąg* (Аннен-

ков 1876: 314–315)⁵ — названа так по своим кроваво-красным цветкам. Большое количество фитонимов, образованных от корня *кров-*, относятся к зверобойно-пронзеннолистному *Hypericum perforatum* L.: *молодецкая кровь* (Умань), *семибратная кровь* (Калуж.) (Анненков 1876: 172), укр. *biža krovca*, *boža krivca*, *Xristova krovca*, *Ivan krov*, *krov Is*, *Xrysta*, *krov św. Ivana*, *krovavec*, *krovavnyk*, *molodečka krov* (Маковиеcki 1936: 185–186), бел. *заячча-кроў*, *сямёнова кроў*, *кываўнік*, *кывавец* (Ганчарык 1927а: 205), чеш. *krevníček*, *krvavník* (Machek 1954: 149), луж. *konjaca krej* (Анненков 1876: 173), пол. *krewiec*, *zajęcza krewka*, *męska krewia*, *krew Chrystusa*, *krew św. Jana* (Henslowa 1976: 231). Эти названия обусловлены красноватыми пятнышками на листьях, а также цветом настоя и сока лепестков. Согласно сербской легенде, это кровь Богородицы, которая во время менструации капала на листья зверобоя, потому ему и дали имя: *богородичина трава* (Чајкановић 1985: 259), другие легенды объясняют такую особенность кровью св. Иоанна Крестителя или Иисуса Христа (подробно см. очерк «Зверобой»).

О пионах в Сербии говорят, что красный цвет они получили от крови сербов, пролитой на Косовом поле, а черный, синий и красный цвет пионов связывается с кровью цыган, турок и сербов (Раденковић 1996: 36–37).

Горец почечуйный *Polygonum persicaria* L. имеет темно-красные пятна на листьях. Их, по поверью, использовала Богородица во время месячного кровотечения, и в одной из сербских локальных традиций оно носит название *трава мајке божје*. Это же растение носит и название *голготска трава*, поскольку она, согласно легенде, «росла на Голгофе, откуда и распространилась по всему свету». Она же называется *христова крв*, так как верят, что «кровь распятого Христа капала на растение, которое поэтому имеет пятнистые листья» (Шпис-Пулум 1995: 425).

В сербской песне из крови невинно казненной сестры вырастают бессмертник и базилик, а из крови преступной жены — крапива и колючки (Карадић 1845: 14–18; Софрић 1990: 202).

---

⁵ Названия типа *кровохлебка*, *кровососка* (как и многие другие) могут оказаться как кальками с латыни, прижившимися в речи носителей диалекта, так и семантической универсалией. Отметим, что в современных материалах фиксируются не только фитонимы (напр., Арьянова 1: 136), но и толкования их внутренней формы: «она будто крови напилась, вот и кровохлебка» (Коновалова 2000: 113).

3. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО В ЦЕЛОМ

Широко известен на восточнославянской территории сюжет о превращении брата и сестры в цветок иван-да-марья в наказание за кровосмешение. Он послужил основой для фитонимов типа *братки*, *брат-сестра*, *иван-да-марья*, которые в большинстве случаев относятся к двум растениям: марьяннику дубравному *Melampyrum nemorosum* L. и фиалке трехцветной *Viola tricolor* L., обладающим специфическим признаком — сочетанием двух цветов (Чубинский 1872 (I, 1): 82; Богданович 1895: 120; Котаў 1927: 213; Смирнов 1986: 261; ПА, XXI 10е.). Этот сюжет существует и в виде песни; варианты ее записаны, например, в Белоруссии (Вил.) (Шейн 1887: 233–234. № 247), на Украине (Маркевич 1860: 87–88). Не все легенды связаны с incestом: в украинской легенде брат рассердился на сестру и задушил ее; она пожелтела, а он от испуга посинел (Рогович 1874: 33). В белорусской легенде брат и сестра, которых отец отвел в лес, от горя превратились в растение *братки* с белым и синим цветками» (Усачева 2000: 282).

По кашубскому поверью, «цветы мака во ржи, пшенице и т.д. — дети, превращенные полевыми демонами за порчу колосьев» (Судник, Цивьян 1979: 101). В хорватской песне полынь вырастает из тела свекрови-клеветницы, которое не принимает земля (HNP 1909. №. 100; цит. по: Усачева 2000: 273). Табак вырос из праха дьявола или из тела женщины, которая отрезала голову Иоанна Крестителя (Булашев 1909: 380, 384). Трупный запах бузины, по легенде, появился оттого, что на ней повесился Иуда (Кабакова 1999: 8).

С цикорием (чеш. *čekanĕka*) связана чешская легенда о девушке по имени Чеканка, которая совершила самоубийство на могиле возлюбленного, а потом превратилась в это растение (Софрий 1990: 41).

В некоторых обрядах растения использовались как заместитель человека, особенно при коммуникации с миром мертвых, как, например, в уже упомянутом обряде откупа брата-близнеца. В Михайловградском крае (Болгария) зафиксирован обычай «венчать» умерших юношей с камнем, обвязанным женской косынкой, а девушек — с веткой ежевики (причем венчали в церкви или дома с участием священника) (Виноградова 2000: 325).

Мужское/женское. Поскольку мужские и женские травы будут подробно рассмотрены в следующем разделе, скажем лишь, что традиционная культура делит растения на мужские и женские на основании целого ряда признаков — цвета, размера, формы — и применяет в медицинских целях для лечения людей соответствующего пола.

Бесплодие/плодовитость. Появление детей на свет чаще всего связывался (особенно в коротких формулах о происхождении детей) с растениями⁶. Детям говорят, что их нашли в капусте, картошке, огурцах, луке, тыкве, в цветах, в крапиве, репейнике, на деревьях (Виноградова 2000: 353–354). Растительный код также является ведущим в названиях внебрачного ребенка — типичны такие наименования, как *капустничек*, *крапивник*, чеш. *korřivník*, пол. *pokrzywnik* (СРНГ 15: 169; 369; Machek 1971: 275).

Женщина, имеющая менструации, была способна передать свою способность «цвести» дереву, если оно не давало плодов. Но бесплодная женщина считалась способной одним прикосновением или даже взглядом лишить дерево способности плодоносить. Для избавления же от бесплодия женщина должна была съесть «три почки с фруктовых деревьев, зацветших впервые, или первые плоды яблони, сливы, винограда» Еще одним способом избавления от бесплодия было подвешивание сорочки на фруктовом дереве воротом вверх на ночь; «утром, найдя в ней что-либо живое (муравья, жука, бабочку), она должна была съесть это» (СД 1: 167; Агапкина 1994: 85–86). И в наши дни бытует поверье о рождении двойни после съедения двойного плода — например, сросшихся яблок.

Все эти материалы демонстрируют взаимовлияние мира людей и мира растений. Они обмениваются плодородием, но этот процесс должен быть сбалансирован. Чрезмерное сосредоточение жизненной энергии на одной из сторон нарушает естественное равновесие, и положение может быть исправлено только за счет жертв с другой стороны — как, например, в общеславянском поверье о повторном цветении плодовых деревьев, предвещающем несчастье (мор или голод в деревне, смерть или незаконнорожденного ребенка в семье) (Никифоровский 1897: 127. №№ 925, 926; Семенова 1898: 228; Демич 1899: 1262; Кабакова 1992: 97; Агапкина 1994: 85). Здесь излишняя концентрация жизненной энергии в одной из частей целого, образованного природным и культурным, должна быть скомпенсирована за счет другой части.

К телесному коду можно отнести и различные эмоциональные и физические состояния человека.

---

⁶ Детей также могут «приносить» животные и птицы (заяц, аист, ворон, гусь, журавль, ястреб, лебедь, кукушка, чайка), реальные персонажи (старуха, цыгане, путешественники); они посылаются богом; их приносят реальные персонажи (баба, цыгане, странники), их покупают (Виноградова 2000: 349–350).

Болезнь. Ястребинкой волосистой *Hieracium pilosella* L. — укр. *не-чуй вітер* — лечили лихорадку (*трясці*) (Рогович 1874: 16) — очевидно, надеясь, что низкое и потому не колышущееся от ветра растение излечит дрожащего в лихорадке больного. Белорусы «передавали» лихорадку осине; восточные славяне обещали рябине не ломать ее ветви и не есть ягод в обмен на излечение зубной боли. Угроза дереву также была возможна; она могла сопровождаться пригибанием его верхушки к земле (СД 2: 65).

Характер. Названия растений могут быть использованы для обозначения характера человека. Так, злые, «клотые» люди часто сравниваются с крапивой, особенно в свадебных песнях (подробно см. очерк «Крапива»).

Эмоциональное состояние. Печаль. Вид растения может вызывать те или иные ассоциации с эмоциональным состоянием. Так, гравилат прибрежный *Geum rivale* L. благодаря поникшим цветам получил белорусское название *панікніца* (Ганчарык 1927а: 194). Те же ассоциации послужили основанием для использования растения: в Пермской губ. растение смолевка поникшая *Silene nutans* L. называется *потоскуйкой*, так как ее цветы склоняются к земле. Ею лечили тоску, печаль, давали для *присушки* (Крылов 1876: 81).

Страх. Многие этиологические легенды объясняют происхождение не самого растения, а каких-либо его отличительных свойств, например, дрожания осины. Так, в болгарской легенде змей женится на девушке, у них рождается дочь Треперушка, которая выдает своим родственникам по материнской линии тайну отца. Они убивают его; умирая, он обращает дочь в дерево, трясущееся день и ночь, и прокликает ее: «Тизе, Треперико, дрво да станеш и ден' и ношк'а мирка да немаш, зиме и лете се да трепереш!» [Треперика, пусть ты станешь деревом, день и ночь покоя не знаешь, зимой и летом трепещешь!]] (СД 3: 570). Ствол березы от испуга побелел, когда Иуда захотел на ней повеситься.

Стыд. Прицепник *Caucalis grandiflora*, србх. *стидак*, *срамак*, имеет белый цветок с красным пятном в середине; сербы говорят, что красного цвета раньше было больше, но с каждым днем его становится все меньше, потому что исчезает стыд между людьми (Чајкановић 1985: 223; Софрић 1990: 207).

Сон. Прострелы, цветки которых почти касаются земли, получили названия *сонник*, *сончик* (Ворон.), *сон*, *сон-трава* (Малор.) ‘прострел раскрытый *Pulsatilla patens* Mill.’, *сон*, *сон зелье* (Харьк.) ‘прострел луговой *Pulsatilla pratensis* Mill.’, *сон-трава* (Екат.), *сончик* (Гродн.), *сон*, *сон зелье* (Малор.) ‘прострел обыкновенный *Pulsatilla vulgaris* Mill.’ (Анненков 1876: 34–35).

В приведенных примерах прослеживается зависимость символического образа растения и его использования от его признаков, таких как форма, цвет и т.д. Эти признаки отражаются в фитонимах, фразеологии, фольклоре (прежде всего в этиологических легендах) и, наконец, в использовании растений в народной магии и медицине⁷. Ведущее место, как представляется, занимает форма растения — точнее, сходство по форме с какой-либо частью тела, по крайней мере в том, что касается пересечения с телесным кодом. В тех случаях, когда название растения основано на его применении, за этим нередко стоит опять-таки форма (как, например, при лечении головной боли). Размер становится актуален в действиях с растениями только в тех случаях, когда речь идет об огородных культурах.

Антропоцентричность традиционной культуры, «в рамках которой практически все явления осмысливаются сквозь призму человеческого существа» (Пашина 2000: 96) действует как структурирующая сила, регулирующая сумму знаний о мире. Телесный код взаимодействует не только с растительным, но и с целым рядом других кодов традиционной культуры. Таким образом, рассмотренные связи — не просто взаимные отношения двух кодов, а часть системы, где устойчивость поддерживается по меньшей мере двумя способами: «вертикальным» (возможность выразить один и тот же смысл в слове и в фольклорном тексте, использовать растение с соответствующей символикой в ритуале), и «горизонтальным» (возможность выразить один и тот же смысл с помощью разных кодов). Например, мотив «жена ужа» реализуется не только в растительном, но и в териоморфном коде: дочь-предательница превращается в лягушку, сын — в соловья (СД 3: 39). Наличие таких «разнокодовых» вариантов одного сюжета демонстрирует системный характер мифологической модели мира.

---

⁷ По материалам травников, в любовной магии главная роль тоже отводилась форме и цвету корней растений (Ипполитова 2004). Таким образом, признаки и функции трав могут быть использованы для идентификации растений, описанных в травниках.

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ТРАВЫ

Классифицирующая роль оппозиции по признаку мужской/женский уже была продемонстрирована на примере других лексико-семантических групп: музыкальных инструментов (Цивьян 1991), деревьев и дней недели (Толстой 1995) и др. В данном разделе речь пойдет о том, какие признаки растения могут дать традиционной культуре стимул для наделения его мужским или женским «полом» и для его последующего использования на этом основании.

Нередко отнесение предмета к мужской или женской сфере поддерживается грамматическим родом его названия; для растений естественным образом маркером «женственности» становится также **способность цвести и плодоносить**: «є женське, а є мужчинське зілля. Мужчинське не цвіте, а женське з квітками» (Болтарович 1994: 81). Это свойство растений считалось возможным передать людям: «Пуповину нужно перевязывать прядивом — „матиркою“, а не „плоскою“, т.к. в последнем случае ребенок, выросши, будет бесплодным или бездетным» (Волян.) (Беньковский 1904: 3). У сербов невеста, не желающая иметь детей, брала с собой на венчание мужские растения конопли, без семян (СД 3: 315). То же касалось и животных: «Кто хочет навсегда охолостить какое-нибудь животное, т.е. лишить его плодородия, тот должен собрать в полночь поскони (мужская пыльниковая конопля) и отваром ее напоить животное» (Никифоровский 1879: 184). Смешение же мужского и женского считалось опасным: «у словаков конопля, цветущая одновременно мужскими и женскими цветками, называлась *sverepé* (букв. «ярая, страшная»), ее тщательно отбирали и выбрасывали, т.к. верили, что если хоть одно волоконец из нее попадет в полотно, то человек, которые будет носить белье из этого полотна, утопится (з.-словац.)» (СД 3: 312).

Однако более интересными нам представляются случаи, когда мужскими или женскими считаются экземпляры однодомных растений.

Цвет. Тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.' может именоваться *женский тысячелистник* либо *мужской тысячелистник*: «Это тысячник. Розовый — мужской, а белый — женский»; более темная окраска обычно связывается с мужским полом: «Женский белый. Ну, наверно женщина посветлей, так и назвали». Однако возможен и противоположный вариант: «Мужской цветет сбела, а женский — срозова». В таком случае цвет соотносится с конкретным расстройством, от которого применяется лекарственное растение: «Вот он если в розовым светочки — это женский, а еслив бе-

лый — то уже мужской... Кода сильна менструаца, он помогает хо-рошо» (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 155–157). Тот же принцип может привести и к обратному распределению цветов: различали два вида растения горец почечуйный *Polygonum persicaria* L. «мужской — с розоватыми цветами и потому даваемый ими при геморрое, и женский — с белыми цветами, даваемый при остановившихся регулах» (Демич 1889: 13–14). Потемневший прошлогодний клубень ятрышника и молодой, более светлый воспринимались как «муж» и «жена» (Харитонов 1848: 15)⁸. *Видова трава* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’, ритуальный сбор который был приурочен ко дню св. Вида (*Видовден*) в Сербии и западной Болгарии, также могла считаться мужской и женской: «у первой — синие, у второй — розовые цветки». Ее отваром лечили плохое зрение и слепоту, а гадающие надеялись «увидеть лицо будущего супруга или супруги» (Сврлиг) (Петровић 1992: 278, цит. по: Иванова 2002: 160; Попов 2004: 134). О привязке конкретной разновидности травы к полу больного или гадающего не сообщается, но логично предположить, что оно соответствует распределению цветов.

Форма. Обычно растения получают принадлежность к мужской или женской сфере в силу сходства некоторых своих органов с частями тела, характерными для мужчин либо женщин. Так, польский фитоним *panna-baba* ‘шитовник мужской *Polystichum Filix mas.* Roth.’ обусловлен, вероятно, тем, что корень этого папоротника сплетен, как женская коса (форма обусловила и применение: на листьях папоротника спят, чтобы избавиться от колтуна (Rokossowska 1889: 185)). Кардаминопис песчаный *Arabis agenosа* носит название пол. *panieńczone włosy*, так как «по отцветании околоплодники резухи закручиваются, как волосы у девушки (паненки)» (Усачева 2000: 263), ср. тж. *девичья коса* (Дон.) ‘ячменник стелющийся’ (Брысина,

---

⁸ Та же тенденция наблюдается и в названиях комнатных растений. Так, колокольчик ломкий *Campanula fragilis* Cyrill. (с белыми цветами) получил названия *невестка* (Перм.), *девичья красота*, *невеста*, *невестка*, *венчальный цвет* (Ср. Приоб.); похожий на него внешне, но с синей окраской цветов колокольчик равнолистный *Campanula isophylla* Moret. назывался *жених* (Арьянова 1: 128; С. Королева (письменное сообщение)). Интересно, что информант неверно называет цвет растения, но отмечает более темный цвет как мужской: «А вот это жених. Он как вроде красным цветет. Так он жених и называется. Он темный» (Том.) (Арьянова 1: 128).

Кудряшова 2003: 272), болг. *вилена коса* ‘повилика тимьянная *Cuscuta epithimum* L.’ (Ахтаров 1939: 321).

Напротив, «растительность» могла приписываться и персонажам мужского пола: укр. *борода чортова* ‘ластовень аптечный *Vincetoxicum officinale* L.’ (Булашев 1909: 349). Ср. тж.: «шнурообразные, тонко разделенные листовые пазухи являются основной причиной создания целого ряда метафорических названий, основой которых является сема „нить“, а концептуализациями — „волосы“, „борода“, „ус“ с различными определениями в разных языках», в частности, болг. *мустачки* (букв. «усы») ‘чернушка полевая *Nigella arvensis* L.’ (Калезич 2008). Внешний вид одуванчика после облета семян послужил основанием для фитонима *гуменцо попово* (Дон.) (Брысина, Кудряшова 2003: 272), вейника незамеченного *Calamagrostis neglecta* с колосками в виде метелок — *архирейская метла*: «Архирейска метла, наверно, что груба дак, да ишшо на бороду похожа» (Полевск.) (Коновалова 2000: 21).

В польской народной медицине различали два вида растения бутень ароматический *Chaerophyllum aromaticum* — мужской и женский (*gers* и *gerszyca*); одним пользовались для лечения мужчин, другим — женщин и детей. Оба растения похожи, но *gerszyca* отличается мохнатыми листьями (Rostafiński 1904: 12).

Корни ятрышника с «отростками наподобие пальцев» воспринимались как мужские, а «в виде сердца, без отростков» — как женские. Настойку смеси таких корней давали выпить поровну «парубкови й дивчыни» как любовный эликсир (Хатемкин 1900: 8–9).

Отдельные части растения выпуклой или вытянутой формы обычно служат причиной их отнесения к сфере мужского: *женская пижма, мужская пижма* ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L.’ «От пижма. Она есть женская и мужская. У женской пижма ямочка [на соцветии], а у этой выпученная така вот эти сами вот. Щас покажу. Вот этот ямочками вот, а вот этот без ямочек, мужской. С ямочками женский» (Том.) (Арьянова 2: 79–80); или: *надсадная трава* ‘вероника беловойлочная *Veronica incana* L.’ — «Мужская и женская, женская так, а мужская стрелками» (Яшк. Кемер.) (Там же: 49). Та же особенность растения тайник овальный *Listera ovata* послужила основанием для сербского гадания: *обзев* имеет два листочка с колосом (мужской) и без колоса (женский); вечером накануне первой среды после новолуния, «предназначив» *мушки обзев* юноше, которого любит, девушка скрепляет одно и другое растение медом и оставляет их на ночь: если листочки не

разделиться, она выйдет замуж за желанного юношу (Лесковацкое Поморавье) (Чајкановић 1985: 305–306). (Подробнее о растениях, вызывающих ассоциации с гениталиями, см. раздел «Анатомический код в народной ботанике».)

В современной польской экспедиционной записи из Билгорая «...зернышко ржи — это лицо пана Иисуса, а пшеницы — лицо богоматери, которое можно различить в зернышке. [Потому что] пан Иисус продолговатый, и у ржи зернышко такое длинное, а богоматерь более такая округлая — это пшеничка такая» (Adamowski et. al. 1995: 173–174).

Можно предположить, что различием в форме вызвано и восприятие некоторых растений как парных у белорусов Понеманья: так, черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris* называлась *станоўнік мужыцкі* и, соответственно, ею лечили «розныя мужычынскія хваробы», а женщинам его использовать было нельзя. Напротив, *станоўнік кабецін* ‘колокольчик скученный *Campanula glomerata*’ лечил только женщин (Ажэшка 2000: 479) (соцветия черноголовки вытянуты и расположены вертикально, а цветы колокольчика имеют полную, закрытую форму).

В единичной записи растение осмысляется как мужское или женское на основании оппозиции **правый/левый**: «Согласно народным поверьям, есть мужской и женский *брей* [‘тамус обыкновенный *Tamus communis* L.’]: мужской вьется направо, а женский — налево» (Ахтаров 1939: 290).

Время. Бел. *babie lato* ‘иван-чай *Chamaenerion*’ отражает время цветения растения — осень (Orzeszkowa 1888: 7).

Числовая символика. То или иное число не может быть однозначно соотнесено с мужской или женской символикой. Так, в гадании о поле будущего ребенка (Яросл.) два отростка на клубне ятрышника обещали девочку, три — мальчика (Архангельский 1853: 59). Однако значение чисел могло быть и другим, как в следующем примере из Полесья: для лечения больного ребенка надо было выкопать определенный экземпляр растения: «Оце коров’як є, шо два стеблі з одного виходить, а є — шо одне. Одне стебло, то на дівку, а як дві стеблі — то на хлопця» (Колодюк 2006: 102). Сочетание двух цветов в окраске фиалки, марьятника и некоторых других растений дало повод для образования многочисленных фитонимов типа *брат-сестра*, *братки* и под. (подробно см. очерк «Иван-да-марья»).

Фитонимы могут основываться на представлениях о нормативных чертах мужского или женского характера, поведения, внешности: *девичья травка* ‘гвоздика травянка *Dianthus deltoides*’ (Ирб.): «Цветочки скромненьки, а таки баски» (Коновалова 2000: 70); болг. *момина сълза* ‘ландыш майский *Convallaria majalis*’; ‘маргаритка многолетняя *Bellis perennis* L.’; ‘трясунка средняя *Briza media* L.’; ‘незабудка болотная *Myosotis palustris* With.’; ‘вероника трехлистная *Veronica triphyllos* L.’ (Ахтаров 1939: 32, 454); *бабьи сплетни* ‘вика лесная *Vicia sylvatica*’: «Обвиват все собой, вот и бабьи сплетни» (Красноур.) (Коновалова 2000: 23). Василек фригийский *Centaurea phrygia* получил название по внешнему виду: «Дедовник⁹, потому что на верхушечке как бы головки седеньки» (Ирбит.) (Коновалова 2000: 72); но на мотивацию названия могло параллельно повлиять и применение растения: «стары от серса пьют, от бессоннисы» (Каменск.); этот же фитоним относится к лопуху войлочному *Arctium tomentosum* Mill.: «он имеет такие больши, темные, зеленые листки, которы кабы сморщены. Поэтому он схож на деда» (Бакч.) (Арьянова 2: 32).

Некоторые фитонимы обусловлены применением растений: *бабьи румяна* ‘бодяга (?)’ «Имя шшоки терешкают для румянцу» (Асб.); *бабья трава* ‘змееголовник тимьяноцветковый *Dracosephalum thymiflorum*’ «применяется как противовоспалительное средство при женских болезнях — «от бабьих болестей» (Турин.) (Коновалова 2000: 22, 23, 72). Конечно, нередки случаи, когда мотивация названия остается затемненной, например: *муженёк* ‘подмаренник настоящий *Galium verum* L.’ (Сарат.); *мужик-корень* ‘молочай Палласа *Euphorbia Pallasii* Turcz.’ (Забайк.); *мужичок* ‘ясменник красивый *Asperula tinctoria* L.’ (Ворон.), ‘подмаренник настоящий *Galium verum* L.’ (Тамб.), ‘полынь лечебная *Artemisia abrotanum* L.’ (б.м.) (Анненков 1876: 152; СРНГ 18: 333, 334) и мн. др.

Различие между мужскими и женскими экземплярами может проводиться и по нескольким признакам одновременно. Т. Северин, цитируя труд Иеронима Спичиньского (Hieronim Spiczyński. O ziołach. Kraków, 1556), сообщает о существовании двух видов мандрагоры — *mandragora samiec* и *mandragora samica*. «Самец» отличался беловатым оттенком зелени, приятным запахом, имел более крупные, широкие и мягкие листья, а плоды — в два раза больше,

⁹ В данном случае затруднительно разделить употребление слова в значении ‘отец отца или матери’ или в значении ‘мужчина пожилого возраста’, то же относится и к фитонимам, образованным от корня *баб-*.

чем «самка», у которой был более темный цвет и неприятный запах (Seweryn 1948–1951: 304).

К сожалению, отсутствуют указания на причину соответствующего разделения растений *бабий переполох/девичий переполох* ‘колючник обыкновенный *Carlina vulgaris*’ и *мужицкий переполох* ‘колючник Биберштейна *Carlina biebersteinii*?’ Оба они применяются от заболевания *переполох*, однако у разных пациентов: испуг от «насыльного беса», «который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появляется перед женщиной, засидевшей за полночь за домашней работой», лечится *бабым переполохом*, заикание у мужчин — *мужицким* (Урал) (Коновалова 2000: 22, 139). Неясны мотивации противопоставления и в случае таких пар фитонимов, как бел. *парушэнец жаночы* ‘вероника лекарственная’ (окрестности Гродно) и *парушэнец мужчынскі* ‘фиалка’ (окрестности Гродно; зап.-полесск. говоры) (PC 2001: 87, 248), болг. *дядово винце* ‘ясотка белая *Lamium album* L.’ и *бабино винце* ‘герань *Geranium* L.’; *мъжка клинава трева* ‘кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* L.’; ‘лабазник шестилепестный *Spiraea filipendula* L.’ и *женска клинава трева* ‘ятрышник-дремлик *Orchis morio* L.’; ‘чистяк весенний *Ranunculus ficaria* L.’; *мъжко клинавиче* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllus* L.’; ‘герань пиренейская *Geranium rupeaicum* L.’; ‘аистник цикутолистный *Erodium cicutarium* L.’ и *женско клинавиче* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllus* L.’ (Ахтаров 1939: 193, 385, 458). Возможно, они обусловлены использованием этих растений для лечения одинаковых заболеваний у мужчин и женщин.

Мы уже упоминали такой фитоним, как *брат-сестра*, для обозначения растений с двуцветной окраской. Использование других терминов родства, как представляется, обусловлено чертами характера, которыми наделяется тот или иной родственник. Так, широко распространенный фитоним *мать-и-мачеха* ‘мать-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara*’ мотивируется приписываемым им отношением к детям: «Лопухи у ей большие, с одной стороны светлые, мягкие, с другой — темные, холодные, вот мать, а вот и мачеха» (Серовск.) (Коновалова 2000: 132). Болг. *зла свекърва, свекървини очи* ‘гравилат кроваво-красный *Geum saccineum*’ (Ахтаров 1939: 19, 174, 373) отражает болгарский стереотип свекрови, который соответствует русскому стереотипу тещи; показательно, что фитониму *тещин язык* (Дон.) ‘разновидность кактуса’ (Брысина, Кудряшова 2003: 273) соответствует болг. *свекървин езикъ* ‘опунция обыкновенная *Opuntia vulgaris* Mill.’ (Ахтаров 1939: 222); ср. болг. *съкървин изик*

‘кактус с удлиненными листьями’, *съкървина глава* ‘вид кактуса в виде шара с большими колючками’ (Бизеранова 2003: 43, 44). Болгарские фитонимы *етърва* ‘живокость полевая *Delphinium consolida* L.’, *зли етърви* ‘живокость полевая *Delphinium consolida* L.’; ‘сочевичник весенний *Orobus vernus* L.’ (Ахтаров 1939: 382, 394) отражают особенности строения растения: цветки повернуты «спинами» друг к другу, как ссорящиеся ятровки; по той же модели образовано и название комнатного цветка болг. *три етървъ* ‘амариллис *Amaryllis*’ (Бизеранова 2003: 43). Еще один стереотип отражается в болг. *невестина сълза* ‘вероника Диллена *Veronica Dillenii*’ (Ахтаров 1939: 32). Болг. *булкин вьньц* ‘?’ назван так по сходству цветка с «головным украшением, которое служит фатой невесты» (Бизеранова 2003: 43–44).

Большее количество фитонимов, связанных с матерью, в разных славянских традициях относится к чабрецу обыкновенному (тимьяну) *Thymus serpyllum* L. Латинский источник этого названия — *matris animula* — происходит из Севильи и восходит к VI в. (Hegi G. *Illustrierte Flora von Mitteleuropa*, 1927, t. V-4, s. 2307; цит. по: Henslowa 1977: 165); тем не менее, не являясь родными, эти названия широко распространены у славян: пол. *macierzyszka*, чеш. *materi douška*, *materie dausska*, рус. *materduszka*, *matkina duška*, луж. *babduška* (Там же), а тж. бел. *мацержанка* (Гродн.), *мацердушка* (Минск.), укр. *чепчик-матерзанка*, русин. *материнка*, србх. *мајкина душица*, *материна душа*, чеш. *materi dauška* (Анненков 1876: 354–355), болг. *майчина душица*, *материна душица*, *материка*, *матерка* (Ахтаров 1939: 293), србх. *матерка*, *материнка*, *мајчина душица* (Бјелетић 1996: 90).

Сырениуш объясняет название *macierzyszka* целебным действием растения: «Тимьян, что в сильной тошноте... и других тяжелых случаях, когда кажется, что уже душа тело покидает, дает быструю помощь и душу, как бы убежавшую, возвращает, и становится как мать, укрепляющая силы сердечные и оживляющая тело» (цит. по: Henslowa 1977: 165). Очевидно, названия чабреца, первоначально переводные, действительно глубоко вошли в культуру славян, так как вторая часть названия, связанная с душой, стала восприниматься как обозначение душистого растения, а первая — стала обозначать также и матку: так, по Фасмеру, *macierzyszka* означает растение, которое влияет своим запахом на «*utrzymanie macicy w spokoju*»; Мошинский толкует его как «*wonne ziele maciczne*» (Там же); Рос-тафиньский объяснял этот фитоним так: *macierz* означает матку, а *duszka* — благовоние, *macierzyszka* означает растение, душистый

настой которой полезен для матки (цит. по: Budziszewska 1993: 93). Такое понимание, видимо, обусловило и применение растения: тимьян (*maciorka*, *maciurka*) использовали при лечении женских болезней (Szot-Radziszewska 2005: 120); ванны с этой травой использовали замужние женщины, желающие иметь потомство (Келецкий регион) (Szot-Radziszewska 1999: 112).

Существует и ряд этиологических легенд об этом растении. По сказанию из Крушевца, *мајкина душица* выросла на могиле матери, куда дети приходили каждый день и горько плакали; однажды, вновь придя туда, они нашли очень красивый душистый цветок — это мать отозвалась на слезы своих опечаленных детей. Из-за своего происхождения цветок и получил название (Софрић 1990: 157); схожая легенда легла в основу болг. *майчин лис* ‘?’ (Бизеранова 2003: 43). По словацкой легенде, это растение возникло из слез девочки-сироты, когда она ходила на могилу, чтобы оплакивать мать; есть и подобный чешский вариант (Budziszewska 1993: 93). Касатик русский *Iris ruthenica* Ker.-Gawl. получил название *мамины слёзы*, а тж. *кукушечьи/кукушкины слёзки* (Ср. Приоб.): «мать прокляла свою дочь, и вот она стала кукушкой... И она, кукушка, кукует, а у ней его... слёзы капают. И его, тут синенькие листочки, а тут так беленько. Вот и зовут их кукушкины слёзки» (Том. Том.) (Арьянова 1: 101–102).

Термин родства *мать* используется также в «величаниях», отмечающих особую роль того или иного растения в разных традициях: так, дербенник иволистный *Lythrum salicaria* на Урале назван *всем травам мать*: «Всем травам мати, она нечисту силу превозмогат» (Ирбит.); «она надо всеми главна, лечит, кормит, хошь куды» (Североур.) (Коновалова 2000: 59). В разных регионах Польши такой «титул» получили чернобыльник (*matka zielna*), помогающий от бесплодия (Seweryn 1947: 262); подорожник (*sičkich zielów matka*), крушина и вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris* L. (*matka wszystkiego ziela*); ср. тж. словац. *všetkým zelinám mati* ‘лапчатка семилисточковая *Potentilla opaca* Koch.’ (Budziszewska 1993: 94).

Второй термин родства, широко представленный в названиях растений — баба/бабка. Так, в русских говорах фитоним *бабка* означает подорожник средний (юго-зап.), зопник клубненосный (Курск.), различные виды шалфея (Волог., Новорос., Южн., Ворон.), шлемник колпаконосный (Курск.), пастушью сумку (Олон.), кубышку желтую (Курск.), плод репейника в виде шишечки (Яросл.), белый гриб (Смол.) (СРНГ 2: 21); в белорусских — горец (зап.-полесск.), подберезовик (повсем.) и некоторые другие виды грибов (РС 2001: 68, 251,

253, 295), в сербском: *бабука* ‘подорожник *Plantago*’, *бабица* ‘маргаритка многолетняя *Bellis perennis*’, *банка* ‘подснежник снеговой *Galanthus nivalis*’ (Бжелетић 1996: 90), в словенском: *babna*, *babji trebuh* ‘шалфей луговой *Salvia pratensis* L.’ и др., болг. *babka*, *babuch* ‘шалфей *Salvia*’ (Piškur 1965: 7, 9). Однако некоторые растения получили подобные названия на более широкой территории. Так, к уже упомянутому выше тимьяну относятся србх. *бабина душица*, *бакина душица* (Чайкановић 1985: 170), словен. *babja dušica* (Piškur 1965: 9), луж. *babduška* (Henslowa 1977: 165), болг. *бабина душица* (Ахтаров 1939: 293). Рассматриваемый корень также представлен в названиях подорожника: *баба*, *бабка* ‘подорожник средний *Plantago media* L.’ (юго-зап.) (Анненков 1876: 260), бел. *бабка*, *бабкі* (Гродн., Вил.), *баба*, *бабка* (Гродн.) (Ганчарык 1927б: 15–16), укр. *бабка* (юго-зап. диалекты). Однако более обоснованной представляется точка зрения В. Махека, который полагает, что укр. *бабка* (как и пол. *babka*, чеш. *babi list*) происходит оттого, что подорожник — наипервейшее лекарство *баб*, то есть народных целительниц, знахарок (Machek 1954: 218). Это мнение разделяется и другими исследователями: так, Е. Павловский приводит мнение Брюкнера: «*że leczą rany, bo baby leczyły*» (Brückner 1970: 9; цит. по: Pawłowski 1974: 168). Также употреблением различных трав в народной медицине объясняет М. Пишкур целый ряд славянских фитонимов с корнем *bab-* (Piškur 1965: 9). Многие растения, которые в русских говорах носят названия, образованные от корня *баб-*, являются лекарственными (СРНГ 2: 21).

Впрочем, как это часто бывает со столь многозначными словами¹⁰, возможно соединение нескольких мотиваций; так, согласно одной из версий, фитонимы типа *maciorka*, *babicha* основаны на том, что растения используются для лечения женских заболеваний (Szot-Radziszewska 2005: 120). Многозначность слова послужила основой для загадки: «*Jaka najstarsza trawa na świecie? — Babka*» (Folfasiński 1975: 160; цит. по: Myl 1999: 60).

Клевер горный *Trifolium montanum*, который быстро вянет, будучи сорванным, получил название *бабы слёзы* (Челяб.) (Коновалова 2000: 22). Интересны в этом контексте два антонимичных фито-

¹⁰ В слав. **baba* предполагают «простейший древний звукокомплекс (редупликация) с чертами древнего полисемантизма или даже пансемантизма, ввиду которого едва ли оправданы предположения об обязательной исторической иерархии всех известных значений» (ЭССЯ 1: 107–108).

нима — пол. *męska stałość* («мужское постоянство») и *panieńska stałość* («женское постоянство») — относящиеся к одному и тому же растению, одуванчику (Myl 1999: 113), и отражающие взаимные стереотипы двух групп.

Наконец, такие сочетания, как пол. *babie uszy* (а тж. *babi uch, babie ucho, babieusz, babyjusy*) ‘строчок обыкновенный *Gyromitra esculenta*’, реже другие виды грибов, или рус. диал. *bab'e uxo* ‘деформированный, патологически изменённый гриб’ (чаще в севернороссийских говорах) (Budziszewska 1972: 117), болг. *бабино уо, бабино ушинць* ‘древесный гриб, похожий на ухо, *Pezeza L.*’ (Бизеранова 2003: 43), как представляется, входят скорее в ряд таких сочетаний, как *женская логика, девичья память* и стоят ближе к понятию ксеномотивации (см. раздел «„Чужие“ растения»).

Не менее велико разнообразие толкований для образований от корня *ded-*, напр., *ded, дедовник, дедовина, дедки*, укр. *did, d'adok, didovnyk*, бел. *dzed*, србх. *ded, djed, dede*, пол. *dziady*, словен. *dèd* ‘лопушник большой *Arctium lappa L.*’. В основу номинации мог быть положен внешний вид, так как колючки этого растения схожи с бородой (Фасмер 1: 494). А.Н. Афанасьев в духе мифологической школы пытался связать название *дедовник* с «Дедом-Перуном» (Афанасьев 1868 (2): 415). Видели в нем и отражение структуры большой патриархальной семьи, где старик управляет своими потомками (Потанин 1899: 170–171) (подробно см. очерк «Чертополох»).

Из прочих терминов родства в фитонимах можно упомянуть *траву девяти братьев* ‘адонис сибирский *Adonis sibiricus*’: «Эта легенда така есь про девить братьев, как ани в цвиты привратилися а тнищаснай любви, и стала трава называться дивити братьев» (Красноуф.) (Коновалова 2000: 193). Фитоним *девятибратник* ‘девясил высокий *Inula helenium*’ скорее отражает скученное расположение цветков на кисти: «Цветки как девять братьёв, вместе» (Шадр.) (Там же: 71). Необычная очередность развития органов растения отражена в фитонимах *сын без отца, сын раньше отца* ‘безвременник осенний *Colchicum autumnale*’: «Плод появлятца раньше цветка, потому ево еще зовут сын без отца или сын раньше отца» (Полевск.); «Это сын раньше отца у ево, знать-то, цветки есь, а листьев нету» (Там же: 190). С этиологической легендой о сестре, превращенной в цикорий и ждущей на дороге возвращения брата, связаны польские фитонимы *siostrzyczka, królewna, czekanka* (Kalinowska 1949: 185); польские названия фиалки трехцветной — *wdówki, macoszki, siostra z bratem* — связаны с легендами о сиротах, имеющих злую мачеху и

превращенных в это растение (Spólnik 1990: 98). Остается невыясненной мотивация таких фитонимов, как болг. *титало* ‘сухой цветок с лиловыми цветками’ — возможно, от *тета* ‘сестра матери’; болг. *брат* ‘можжевельник’ (Бизеранова 2003: 43).

Еще один способ обозначить отнесение растения к сфере мужского или женского — использование в его названии личного имени.

Если фитоним полностью совпадает с именем, то найти мотивацию переноса, как правило, затруднительно. К таким именам-фитонимам относятся, например, *авдотки* ‘купальница азиатская *Trollius asiaticus* L.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 140), *акулька* ‘шлемник копьелистный *Scutellaria hastifolia* L.’ (Харьк., Курск.) (СРНГ 1: 197, 228), *дуняшка* ‘гриб свинушка’, *еремей* ‘черный груздь’ (Яросл.) (Бакулина 2001: 135), укр. *ивасик* ‘клевер горный *Trifolium montanum* L.’ (Булашев 1909: 349) и мн. др. Так же обстоит дело, если имя-фитоним сопровождается определением: *болотный ванька*, *ванька кочкин*, *иван белый*, *иван болотов*, *иван качало* ‘лабазник вязолистный *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 18).

В некоторых случаях причину перенесения личного имени на растение следует искать в фонетическом сходстве, когда непривычное слово или сочетание подвергается изменению, искажается и сближается с личным именем схожего звучания: *онисим* ‘анис’ (Яросл.) (Бакулина 2001: 136); *аверьянка*, *аверьяновка* ‘валериана лекарственная *Valeriana officinalis* L.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 45); болг. *иринкина душица*, *марина душица* ‘чабрец *Thymus*’ с высокой степенью вероятности образовались от уже рассмотренного сочетания *материна душица* (Ахтаров 1939: 293). Возможности рифмовки сыграли свою роль и в образовании фитонима *дунька-медунка* ‘медуница мягкая *Pulmonaria molissima*’ (Урал.) (Коновалова 2000: 76).

Иногда объяснение изнутри традиции присутствует, но тоже многого не объясняет, напр., *матрешка* ‘душица обыкновенная *Oriганum vulgare*’: «Мы ее ласково матрешкой зовем, уж шибко она красна да душиста» (Красноур.) (Коновалова 2000: 132), или: *трава-мария*, *марийка* ‘?’ — лесное лекарственное травянистое растение, которое «поят и пьют от женской тоски» (Шадр.) (Там же: 193–194). Вероятно, в данном случае женское имя призвано выразить идею женского вообще. То же можно сказать и о «мужских» фитонимах *ванька красный*, *ваня красный* ‘лихнис — татарское мыло *Lychnis chalconica* L.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 62) или о фитониме *василёк* и его многочисленных вариантах, напр., *васёк* (Тамб.), *васькины глазки* (Влад.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67) (подробнее см. очерк «Василек»).

Наиболее распространенное имя (или, скорее, два имени) используемые в фитонимике — это *иван-да-марья*. Этот фитоним относится приблизительно к десяти различным растениям, чаще всего — к марьяннику дубравному *Melampyrum nemorosum* L. (в основном в северных губерниях) и фиалке трехцветной *Viola tricolor* L. (на западе и юге) (Анненков 1876: 19, 211, 241, 279, 313, 382; Брокгауз, Ефрон 1894: 769; СРНГ 12: 54). В данном случае использование двух имен одновременно вызвано контрастной окраской органов растений: разным цветом лепестков; цветов и верхних листьев; цветов и прицветников. О возникновении растений с подобными названиями сложены этиологические легенды. Сюжет их может быть разным: брат и сестра превратились в цветок от стыда за совершенный инцест; брат убил сестру в пылу ссоры; отец отвел брата и сестру в лес, и от горя они стали цветами; пленных брата и сестру убили при побеге. Однако в каждом случае рассказ заканчивается возникновением растения с приметной «двойной» окраской (подробнее см. очерк «Иван-да-марья»).

Одна из наиболее частотных в таком случае моделей — называние растения по календарному празднику, приблизительно совпадающему со временем цветения растения: *аграфена-купальница* ‘растение с мелкими листочками, растущее по берегам рек и цветущее к началу купального сезона’ (Яросл.) (Бакулина 2001: 136); *Аграфена-купальница* 1) ‘День 23 июня (по ст. ст.), с которого начинают купаться и собирать лекарственные травы’; 2) ‘лечебная трава *Ranunculus acris* L.’ (Енис. Вост.-Сиб.) (СРНГ 1: 22). Так, в ряде славянских языков названия зверобоя, зацветающего около дня св. Иоанна, связывают его с этим святым (подробнее см. очерк «Зверобой»). Из других растений можно назвать болг. *гергьовче* ‘вероника Буксбаума *Veronica buxbaumii*’; *енювче*, *иванковка* ‘подмаренник настоящий *Galium verum*’; *енюво биле*, *еневичка*, *енювче*, *яновица*, *яничево биле*, *янювичка* ‘тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.’; *енево цвете* ‘ромашка аптечная *Matricaria chamomilla* L.’; *еневка*, *яньовка* ‘донник белый *Melilotus albus* Desr.’; *еневка*, *енювка* ‘донник аптечный *Melilotus officinalis* Desr.’; *димитровче* ‘астра ромашковая *Aster amellus*’ (Ахтаров 1939: 37, 87, 207, 209, 398).

Юрьевой росой в разных районах Урала именовались разные виды первых весенних трав: «Название связано с обычаем на Юрьев день собирать росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также окроплять домашний скот... С течением времени обряд сбора росы забывается, а название закрепляется за первыми

весенними травами, затем переходит к конкретному растению, как правило, наиболее сочной весенней кормовой траве» (Коновалова 2000: 214).

Имя св. Иоанна связывается, кроме зверобоя, и с другими растениями: пол. *Jana św. pas* ‘плаун булавовидный *Lycoperidium clavatum*’, *św. Jana głowa* ‘арум пятнистый *Agum maculatum*’, *Iwanowa holowa* ‘мордовник шароголовый *Echinops sphaerocephalus*’, *św. Iwana batizkie* ‘цикорий обыкновенный *Cichorium intybus*’, *św. Iwana hrabki* ‘герань лесная *Geranium sylvaticum*’ (Morawski 1884: 40). Нередко фитоним в сжатой форме отражает тот или иной библейский сюжет¹¹. Как видно из названных фитонимов, с именем св. Иоанна устойчиво связывается лексема *голова*, что напоминает о библейском сюжете об отсечении головы Иоанна Крестителя: *иван головастый* ‘чистец болотный *Stachys palustris*’ «Иван головастый в мокром месте растет, у ево цветок, как бы голова» (Берез.) (Коновалова 2000: 94–95). Полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. получила названия пол. *swietojańskie ziele*, чеш. *pás sv. Jana*, так как этой травой опоясываются вечером накануне праздника, чтобы предотвратить болезни поясницы, а также чеш. *bylina sv. Jana*, «так как ее надо копать на св. Яна Крестителя, иначе она не имеет силы» (Анненков 1876: 50; Machek 1954: 249).

Еще один персонаж христианской мифологии, с которым связано большое число фитонимов — св. Петр, а самое распространенное словосочетание с его именем — *петров крест*¹². Оно может относиться к разным растениям: астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllus* L. (Тамб.) (Анненков 1876: 57), (Дон.) (СРНГ 26: 329), княжик альпийский *Atragene alpina* L. (Вят., Алт.), ландыш купеновый *Convallaria polygonatum* L. (Влад.), горечавка перекрестнолистная *Gentiana cruciata* L. (Тамб.), петров крест чешуйчатый *Lathraea squamaria* L. (б.м.), сочевичник весенний *Orobus vernus* L. (Нижег.), норичник шишковатый *Scrophularia nodosa* L. (Ворон.) (Анненков 1876: 58, 106, 154, 186, 236, 322, 392, 396), чина лесная *Lathyrus silvestris* (Урал.) (Коновалова 2000: 156), ладьян трехнадрезный

¹¹ Анализ номинаций, отражающих библейские «прецедентные тексты», проведен в работах: (Дубровина 1999б, Родионова 2001).

¹² Семантика и бытование *петрова креста* детально рассмотрены в работе (Часовникова 2003: 25–89). О том, что именно сочетание в целом притягивает к себе разные понятия, говорят такие примеры: *петров крест* ‘созвездие Ориона’ (Арх., Ряз., Новг., Волог.); ‘созвездие’ (Тобол., Калуж., Амур., Том., Казаки-некрасовцы) (СРНГ 26: 330).

Corallorhiza trifida Chatel. (Перм.), чина гороховидная *Lathyrus pisiformis* L. (Казан.) (Торэн 1996: 70), ср. тж. *петров крест трава* ‘ладьян трехнадрезный *Corallorhiza innata* R.Br.’ (Сиб.) (Анненков 1876: 108). Известно это сочетание и другим языкам: укр. *петров крест* (Полт.), *петрів хрест*, србх. *Petrov kèrst* ‘петров крест чешуйчатый *Lathraea squamaria* L.’ (Анненков 1876: 186, 375; Булашев 1909: 349). По большей части такие имена даются растениям с разветвленным, крестовидным корнем (что, видимо, особенно актуально для образа св. Петра, распятого вниз головой) или с крестообразно расположенными листьями (Часовникова 2003: 28–29, 56).

Следующее растение, «принадлежащее» св. Петру — цикорий: *Петровы батоги* (Урал.) (Коновалова 2000: 156), *петров кнут* (Дон.), укр. *петрів батіг*, *петрові батоги* ‘цикорий обыкновенный *Cichorium intybus*’ (Анненков 1876: 97; Меркулова 1967: 120). Согласно украинской легенде, святой Петр сорвал прутик цикория, чтобы гнать овец, и с тех пор это растение получило имя *Петрив батиг* (Купян.). По другой легенде, стеблем цикория св. Петр отгонял детей от Христа; к тому же там, где св. Петр кинул стебель цикория, хлеба не страдают от насекомых (П.И. 1891: 113–114) (подробно см. очерк «Цикорий»).

С образом св. Петра как хранителя ключей от райских врат связаны названия первоцвета (его желтые цветы, собранные в кисть, напоминают связку ключей): пол. *kluczki*, чеш. *petrklič* ‘первоцвет *Primula* L.’ (Анненков 1876: 272), бел. *ключики святого Пётра і Паўла*, русин. *ключики*, чеш. *Petrůw klič*, пол. *kluczki*, луж. *kluče pět zolty* ‘первоцвет аптечный *Primula officinalis* Jacq.’ (Анненков 1876: 273; Ганчарык 1927: 225), србх. *кључарица* ‘первоцвет высокий *Primula veris elatior*’ (Чажкановић 1985: 119), словац. *kľučiky* (Sobotka 1879: 273). Этиологическая легенда объясняет польский фитоним *kluczki świętego Piotra* (Dubisz 1977: 125; цит. по: Усачева 2000: 281); в чешской традиции *petrklič* помогает в поисках клада (Machek 1954: 172)¹³ (подробно см. очерк «Первоцвет»).

Название пол. *Świętego Piotra korzenie* ‘зубянка девятилистная *Dentaria enneaphylla*’ объясняется тем, что «у него много корешков, каждый корешок на конце откушен так, как его св. Петр откусил»; растение употребляют от зубной боли в виде отвара для полоскания

---

¹³ К водосбору обыкновенному *Aquilegia vulgaris* L. относится лужицкий фитоним *kluč petrowy modry* (букв. «синий петров ключ») (Анненков 1876: 42).

(Kolberg 7: 130). Корни полыни и лопуха в Келецком регионе называли *korzeniami św. Piotra* и лечили ими больные зубы (Szot-Radziszewska 2005: 120). Сивец луговой *Succisa pratensis* получил название *lysina ś. Piotra*, видимо, по форме листьев, толстых и блестящих (Spółnik 1990: 116).

Такие фитонимы, как *егорово копые* ‘вероника ложная *Veronica spuria* L.; в. длиннолистная *V. longifolia* L.’ (Волог.); *егорьево копые* ‘в. ложная *V. spuria* L.; в. длиннолистная *V. longifolia* L.’ (Волог.), ‘коровяк медвежье ухо *Verbascum thapsus* L.’ (Том.), ‘герань луговая *Geranium pratense* L.’ (Енис., Иркут., Свердл.), ‘герань лесная *Geranium sylvaticum* L.’ (Иркут.); ‘гвоздика полевая *Dianthus* L.’ (Вост. Сиб., Сиб., Иркут.); *егорьевское копые* ‘герань луговая *Geranium pratense* L.’ (Ср. Урал.), ‘синюха голубая *Polemonium coeruleum* L.’ (Арх.) (СРНГ 8: 317) отражают сюжет о сражении св. Георгия со змеем. Названия относятся к таким растениям, у которых есть органы вытянутой, заостренной формы: «у Егорьева копыя шипы водлинны, востры, вот копыё и есь» (Урал.) (Коновалова 2000: 80). Как и во многих других случаях, название и внешний вид обусловили и применение: «Егорьево копые-то от колотья пьют» (Свердл.) (СРНГ 8: 317); «егорьево копые на лугу берётся, ево от колотья в животе пьют» (Урал.) (Коновалова 2000: 80); «егорьево копыё... употребляется от болей в животе, для промывания ран» (Шег.) (Арьянова 1: 132).

Как видно из приведенных примеров, словосочетание, связывающее растение с тем или иным персонажем, «активируется» при наличии у растения какой-либо характерной отличительной черты. Так, названия типа *адамова голова*, *иванова голова* принадлежат в основном растениям с круглыми плодами или соцветиями (Родионова 2002: 38). Народное название растения напоминает о стоящем за ним мотиве головы Адама или отсечения головы Иоанна Крестителя. Фитоним *соломонова печать* ‘купена аптечная *Polygonatum officinale*’ (Урал.) обусловлен тем, что «каждый год отмершие стебли отставляют на своем толстом узловатом корневище рубец» (Коновалова 2000: 186); пол. *aaronowa broda* ‘арум пятнистый *Agum maculatum* L.’ (калька с лат. *barba aron*, *barba aronis*) — характерным соцветием с мелкими, невзрачными цветками, «которые складываются как бы в бороду» (Spółnik 1990: 34, 110, 112). Название *сон богородицы* ‘ветреница лесная *Anemone sylvestris* L.’ (Черн.), вероятно, основывается на склоненной, поникшей форме растения; другие виды ветрениц, а также прострелов получили названия *сон*, *сон-трава* и под. (Анненков 1876: 34–35).

В некоторых случаях на формирование фитонима повлияли и изображения, как, например, в случае с сочетанием *егорьево копые* (подробнее см. Родионова 2001); ср. тж.: «На религиозных изображениях богородица и святые часто представлены с растениями, символизировавшими определенные черты, ценимые церковью. Например, св. Иосиф на картинах в деревенских домах держит белую лилию (*Lilium candidum* L.), которую — не только в Келецком крае — называют *lilią świętego Józefa*» (Szot-Radziszewska 2005: 121).

С именем Иисуса Христа связаны некоторые названия зверобоя; они мотивированы красными крапинками на листьях некоторых видов, а также красным соком лепестков. Нередко травы называют «христовыми» по их лекарственным свойствам: *трава иисуса христа* ‘пыльцеголовник красный *Sephalanthera rubra* Rich.’ — «Трава иисуса христа кровь останавливает, ей всякую немочь можно заговорить» (Урал.). Прочие полезные свойства также могли вызвать подобные названия, так, ценное кормовое растение манник водный *Glyceria aquatica* Wahlb. получило название *трава иисуса христа*: «Называют трава иисуса христа, потому што всегда есь чё поись» (Тугул.) (Коновалова 2000: 193). Название манжетки (?) *христова роса*, вероятно, образовалось в результате контаминации с выражением *божья роса*: «у ей листочки-те таким бы кружавщикам, а посередке копелюшешця есь» (Слобод.); «со христовой росой глазки промывают, благостна трава» (Турин.) (Там же: 201).

В этиологической легенде из Вологодской губ. говорится, что листья аконита высокого *Aconitum excelsum* Reich., имеющие неровную форму, изорваны копьем, которым *жиды* кололи спрятавшегося под ними Христа (Волог.). В свернутом виде этот сюжет отражен в фитонимах *христово копые*, *христонпродавка* (Волог.), а также *прикрыт* (Сиб.), *большой прикрыт* (Даур.) (Анненков 1876: 7). То же поверье было известно и в Пермской губ., как и фитонимы *христов прикрыт*, *хриstopокрой*, *прикрыт*, *хранитель*, причем «для врачебного употребления берут его только истыканный, гладкий же считается смертным» (Там же: 387). Схожие фитонимы могут относиться и к другим растениям: *христа прикрыт*, *христов прикрыт* ‘княжик сибирский *Atragene sibirica*’ — «широко используется в народной медицине при нарушениях обмена веществ, ревматизме, простудных заболеваниях» (Коновалова 2000: 200). В польских диалектах фитоним *kwew Jezusa* может относиться к горичвету кукушкин цвет *Lychnis flos-cuculi* L., гвоздичнику и зверобою. У гвоздичных в центре цветка есть темно-пурпурное пятнышко — это капли крови Хри-

ста, упавшей с креста. Говорят также, что гвоздики выросли из окровавленных гвоздей, вырванных из креста. У зверобоя же основой названий послужил кроваво-красный сок (Budziszewska 1993: 89–90). Отмечены также фитонимы *dłońki/rączki/dłoń Krystowa/Chrystusowa* ‘иглица подъязычная *Ruscus hypoglossum*’, *dłoń Chrystusowa* ‘орляк обыкновенный *Pteris aquilina*’, *rączki/dłoń Chrystusowa* ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea*; кокушник душистый *Gymnadenia odoratissima*’ (Morawski 1884: 40).

Среди персонажей библейской мифологии наибольшее количество растений, очевидно, «принадлежит» богородице. Часто эта «принадлежность» растения выражается лишь в фитониме, напр., *богородичник* (Перм.), *богородка* (Ср. Урал) ‘змеевик’; *богородка* (Свердл.), *богородная трава* (Кемер.) ‘чабрец обыкновенный’ (СРНГ 3: 53); *богородицкая трава* (Дон.) ‘чабрец обыкновенный, тимьян’ (Брысина, Кудряшова 2003: 272), укр. *ручка божої матері* ‘иерихонская роза *Anastatica hierochuntica* L.’, *черевички божої матері* ‘недотрога обыкновенная *Impatiens noli tangere* L.’, *богородишна коса* ‘астрагал хлопунец *Astragalus cicer* L.’, *богоматерина коса* ‘зверобой стелющийся *Hypericum humifusum* L.’ (Булашев 1909: 349). Иногда о мотивации можно лишь догадываться; так, о польском фитониме *Inek Matki Bożej* ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* L.’ можно предположить, что название имеет культовое значение — льнянка цветет в августе, возможно, она освящалась среди прочих трав (Spólnik 1990: 99). Пол. *pantofelki Matki Boskiej* ‘ваточник *Asclepias*’ обусловлено формой: «У него действительно была форма как туфелька, у того цветочка. Фиолетовый был и белый был, и вот так, такой формы, как туфелька, как на куколке» (Adamowski et. al. 1995: 162). Бел. *dalonka Najświentszej Matki* ‘ятрышник шлемоносный *Orchis militaris*’ связано с легендой о происхождении растения из потерянной перчатки Богоматери (Weregno 1896: 116).

Фитоним может быть связан с применением растения: растением *kosa bożej maciery* ‘чилига древовидная *Saragana arborescens* Lam.’ в Западном Полесье моют волосы (Michajłow 1993: 107). У македонцев в Охриде под именем *рака од Пречиста* (рука Богородицы) было известно растение иерихонская роза *Anastatica hierochuntica* L. Охридские турки полагали, что эта трава появилась в Назарете, где Мария родила Христа и оперлась рукой о землю. И турчанки, и македонки клали сушеное растение в воду и, когда оно распускало веточки, давали роженице пить эту воду (Ђорђевић 1958a: 126). Ср. тж. современную запись из Пловдивского региона (без

идентификации растения): при трудных родах в корыто с водой на ночь кладут травку с пятью цветами — *рѣчичка на св. Богородица*. Утром роженица пьет ее. Ночью цветы раскрываются в воде; верят, что как легко раскрываются цветы растения, так же легко и быстро раскроется лоно роженицы (Каблешкова 2002: 95–96; см. тж.: Седатова 2007: 179).

Как правило, с образом богородицы связываются растения полезные, лекарственные. По мнению В. Махека, такие фитонимы, как хорв. *bogorodičina trava*, чеш. *kvítí Panny Marie* и подобные им названия связаны с тем, что Богородица оберегает людей от злых сил (Machek 1954: 148)¹⁴. В Польше растением *warkoczki*¹⁵ *Najświętszej Pani* *enki* ‘коровяк медвежье ухо *Verbascum thapsus*’ окуривают скот от разных болезней, так как оно «охлаждает и успокаивает»; *koszyczki*¹⁶ *Najświętszej Pani* *enki* ‘вербена аптечная *Verbena officinalis*’ — также служит для окуривания скота и помогает роженицам; *osetek Najświętszej Pani* *enki* ‘татарник обыкновенный *Onopordon acanthium*’ — служит для окуривания, когда вымя коровы вздуто после отела (Kolberg 7: 128). Астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllos* в Тарнопольском крае назывался *włosami Matki Boskiej*, коровяк — *warkocze Matki Boskiej*, *warkocze Najświętszej Pani* *enki* или *jabluszka Najświętszej Pani* *enki*, а зверобой — *dzwonki Matki Boskiej*. Кровохлебка аптечная *Sanguisorba officinalis* звалась *barankami Najświętszej Panny*¹⁷, водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* — *rękawiczką Matki Boskiej*, а репейничек аптечный *Agrimonia eupatoria* — *warkoczykiem Najświętszej Panny Marii* (Paluch 1989: 36).

В ряде случаев фитониму сопутствует этиологическая легенда, которая объясняет как сам фитоним, так и использование растения с той или иной целью. Так, в сербской легенде красные пятнышки на листьях зверобоя связываются с менструальной кровью Богородицы, а само растение получило названия *богородичина трава*, *богородица*, *богородичица*, *госпино цвеће*, *госпина трава*, *госпино зелье* (Чайкановић 1985: 35, 259). Другой этиологический рассказ также связан с именем Богородицы: замесив хлеб, она вымыла руки, и от капель, которые упали на листья, растение получило белые

¹⁴ О связи богородицы с растительным миром как отражении архаического мифа Матери-Земли см.: (Бартминьский 2004).

¹⁵ Пол. *warkoczek* ‘косичка’.

¹⁶ Пол. *koszyczek* ‘корзиночка’.

¹⁷ Пол. *baranek* ‘ягненок’.

пятнышки, а также название *богородичино тесто* (Ниш) (Софрий 1990: 13–14).

В словацких и чешских легендах менструальной кровью богородицы объясняют происхождение темных пятен на листьях других растений — ср. словац. *zelina Panny Marie* ‘горец щавелелистный *Polygonum lapathifolium* L.’ и ст.-чеш. *Svaté Maři košile* ‘горец *Polygonum* L.’ Это объясняет, почему горец используют от маточных кровотечений и для регулирования менструаций. К богородичным травам относится и горец почечуйный *Polygonum persicaria* L., называемый *Matki Boskiej ziele*: «когда люди собирали травы, богородица указала на него пальцем; от этого прикосновения остался след — треугольное коричневое пятнышко на каждом листочке» (Budziszewska 1993: 88–89).

Белые пятна на листьях расторопши пятнистой *Silybum Marianum* (L.) Gaertn. появились из грудного молока богородицы, которое падало на листья этого растения во время кормления младенца Иисуса. Это растение называется чертополохом богородицы (*osetkiem Najświętszej Panny*) (Kołodziejczyk 1957: 64); ср. тж. пол. *marie mlecz, oset Panny Mary* (Spólnik 1990: 35).

Отдельную большую группу фитонимов составляют словосочетания типа *богородицыны слезы*. Подобные сочетания встречаются в разных языках и относятся к разным растениям. Так, пол. гурал. *matki boskiej lezki* ‘трясунка *Briza*’, как и словен. *solzice Marijine*, по поверью — слезы Марии, которая плакала по Иисусу во время его мук, поскольку соцветие трясунок выглядит как множество плоских темных капелек на тонких стебельках, отходящих от основного стебля. Та же легенда отмечена в Словении (а аналогичные фитонимы — в литовском языке и в немецких диалектах). Основываясь на том, что подобные легенды происходят «исключительно с славянско-немецкого пограничья», В. Будзишевска делает предположение, что эти фитонимы — кальки с немецкого (Budziszewska 1993: 89). Однако фитоним *богородицыны слезы* в значении ‘трясунка’ отмечен также в Архангельской обл. (Мороз 1997: 33). Название *богородицыны слезки* (б.м.) может относиться и к бусеннику обыкновенному *Coix lacrymajobi* L. — его плоды походят на слезы и по форме, и по цвету, ср. тж. србх. *suznica*, чеш. *slzowka*, пол. *Jobowa łze* (Анненков 1876: 104). Прозрачные вместилища эфирного масла на листьях зверобоя также могли вызвать представление об упавших на листья слезах, что отразилось в названии *Матери Божией слезы* (Малор.) ‘зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum* L.’ (Там же: 172); как и круглые цветы ландыша купенового *Convallaria polygonatum* L. — *пречистья сле-*

зы (Черн.) или белые пятнышки на лепестках гвоздики картузианской *Dianthus carthuasiorum* L. — чеш. *slzički Sw. Marie* (Там же: 107, 125). Чеш. *slzički Panny Marie* ‘гвоздика *Dianthus sylvestris* L.’, также с белыми пятнышками, как считается, еще хранит следы слез Марии и наделяется свойством лечить болезни глаз, если весной, увидев ее в первый раз, трижды потереть ею глаза, поцеловать и бросить через голову. Действие сопровождается заговором: «Marie Panny slzički, aby mne nebolely očički» (Zibrt 1896: 569, цит. по: Усачева 2000: 267; Вельмезова 2004: 62, 90).

Пол. *Izy Matki Boskiej* ‘скрученник *Spiranthes spiralis*’, как пишет Т. Северин, являлся «предметом мечтаний паломников, прибывающих на отпущение грехов в праздник вознесения божьей матери (15.08.) в Калварии Зебжидовской». По легенде, они выросли из слез богородицы, что падали с ее лица и впитывались в землю. В день погребения богородицы (13.08.) эти растения «высовывают свои стебельки из трав, чтобы посмотреть на богородицу, несомую на погребение». В данном случае фитоним связан не только с этиологическим сюжетом, но и с применением: «слезы эти должны вылечить всякую боль». Кроме того, считалось, что и расти эти цветы могли «только на лужайках при дороге, по которой идут толпы пилигримов за гробом с деревянной статуей богородицы», и никакие попытки вырастить их в саду успеха не имеют (Seweryn 1946: 307).

В формировании символики лилии как цветка богородицы решающую роль сыграл цвет. Культурная коннотация чистоты эксплицировалась в сравнении пол. *czysty jak lilia*. Поскольку «чистота... может пониматься равным образом как черта физическая, так и моральная, психическая», то лилия получили также коннотации «невинности», «безгрешности», «девственности». Конечно, в формировании символики лилии сыграло свою роль и звуковое подобие слов *lilija* и *Maryja* (Piekarczyk 2004: 92–95).

Те растения, которые воспринимаются как мужские или женские посредством привязки к конкретным персонажам (как правило, в первом слове сложного фитонима), через активацию представлений о каком-либо событии (во втором слове), оставляют возможность причислить растение к персонажам как женского, так и мужского пола. Так, мы уже говорили, что зверобой, ассоциируясь с кровью, может «притягиваться» как к мужским, так и к женским персонажам, в чьей жизни какие-либо события были связаны с кровью — Иисус Христос, Иоанн Креститель, богородица. Трясунка называется не только *Богородицыны слёзы*, но и *Боговы/Богуш-*

кины/*Божьи слёзы* (Арх.) (Мороз 1997: 33). Различные виды ятрышников с пальчатыми клубнями получили названия *соломоницина ручка* (Приарг.), *чертова ручка* (Могил.), *божья ручка* (Могил.), пол. *dłoń chrystusowa* (Анненков 1876: 233–234), бел. *dalonka Najświętszej Matki* (Wereńko 1896: 116).

Восприятие растений как мужских или женских не остается просто в сфере фитонимии или фольклора, но влияет на их использование. Выше мы уже касались такой сферы, как народная медицина. Из других сфер, где является актуальным противопоставление мужского и женского, можно назвать гадания о поле будущего ребенка. Так, молодые женщины, участвовавшие в обряде «крещение кукушки», вырывали корень ятрышника: длинный корень предвещал мальчика, а круглый — девочку (Кедрина 1912: 108). В Сургутском крае «рубашку после месячных очищений вымывают в корыте и поганую воду выливают в подполье, под передний угол. Потом эту ямочку прикрывают горшком, а через три месяца смотрят: если под горшком появится цветок, то будут дети, если вырастет белый цветок, то первый ребенок будет дочь, а если синий или голубой, то — сын» (Русские дети 2006: 130).

Пол ребенка считалось возможным и «запрограммировать», например, во время купания. В воду для купания кладут базилик (*васильку*), чтобы следующий ребенок был мальчик. Если же хотят девочку, кладут цветы (*квиточок*) (ЕУ-Черновиц). Еще одна значимая ситуация — крещение: «Если женщина хочет родить мальчика (после девочки), тогда нужно, когда понесет последнюю девочку крестить, украсить базиликом и трижды сказать: „Киту носим, киту да родим“» (Мијатовић 1909: 391). У сербов бытовал обычай «относить рубашку роженицы на женское или мужское дерево, в зависимости от того, хочет ли она в будущем иметь мальчика или девочку» (Толстой 1995: 335).

* * *

Итак, растения, как и другие предметы окружающей действительности, могут считаться мужскими или женскими на основании присущих им признаков. К таким признакам могут быть причислены форма, число или цвет различных органов растения, которые, в свою очередь, влияют на его название, использование в народной медицине, магии и пр. Будучи основано на объективных признаках, причисление растений к мужскому или женскому «полу» отражается в фитонимике (использование в названиях растений имен соб-

ственных, терминов родства, прилагательных «мужской» и «женский») и фольклоре (легенды о происхождении растений из персонажей мужского или женского пола). При этом разделение растений на мужские и женские — частный случай более общего процесса антропоморфизации, свойственной традиционной культуре вообще. Антропоморфизация растений находит соответствие в аналогичном восприятии дней недели, предметов утвари, других объектов.

ГЛАЗ, ЗРЕНИЕ/СЛЕПОТА, ПЛАЧ

В этом разделе рассмотрены традиционные представления о таких растениях, которые своим внешним видом или иными свойствами вызвали ассоциации с глазом, а также с его функциями: зрением/слепотой, плачем и т. д.

Некоторые растения уже в названии содержат интересующие нас корни, причем семантические основания номинации могут быть различными. Так, очанка лекарственная *Euphrasia officinalis* L. получила названия *глазун* (Урал.) (Коновалова 2000: 62), *глазница*, *очанка*, *свет очей* — «все по употреблению ее в болезни глаз» (Анненков 1876: 141); однако есть основания полагать, что названия цветка, как и медицинское его применение, вызвано своеобразной окраской: цветок с темным пятном в центре венчика напоминает глаз. Однако ассоциацию с глазом могли вызвать и просто яркие цветы на фоне зелени, напр., *зырки* ‘лихнис — татарское мыло *Lychnis chalcedonica* L.’ «Они вот такие зрячие. Яркие. Они выдаются и называются зырки¹⁸» (Том. Том.) (Арьянова 1: 62).

Из схожих фитонимов упомянем еще такие, как *очанка* (Урал.) ‘вероника береговая *Veronica anagallis*’ (Коновалова 2000: 151); *очи трава* (Арх.) ‘гвоздика пышная *Dianthus superbus* L.’; *глазун* (б.м.) ‘бересклет бородавчатый *Evonymus verrucosus* L.’ (Анненков 1876: 126, 142); болг. *очица* ‘маргаритка *Bellis perennis* L.’ (Геров 1: 95). Отдельную группу составляют двусловные фитонимы типа *желтый глаз* (Вят.) ‘девысил иволистный *Inula salicina* L.’ (Анненков 1876: 177); укр. *блокитны очки* ‘вероника дубровка *Veronica chamaedrys* L.’ (Там же: 376); *весёлые глазки* (Турин.) (Коновалова 2000: 50), србх. *дикино око* (Чајкановић 1985: 84), болг. *дивы очета* (Геров 1973/1: 293) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’.

---

¹⁸ Отметим, что на фитоним могло повлиять и другое название этого растения — зорька горичвет.

Наиболее частотная модель построения составных фитонимов, включающих слово *глаз* — сочетание притяжательного прилагательного с существительным типа *глазки/очи* и т.п.; самое, наверное, известное из них — *анютины глазки*. В литературном языке это словосочетание обычно означает один из видов фиалок. В том же значении этот фитоним отмечен в некоторых говорах: *анютины глазки* (Моск.) (Анненков 1876: 382); *анютины глазки* (Курск.) (Мизгер 1869: 242) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’. Однако в других говорах тот же фитоним может относиться и к другим растениям: *анютины глазки* (Арх.) ‘вероника дубровка *Veronica chamaedrys* L.’ (Анненков 1876: 376); *анютины глазки* (Ряз.) ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ (Там же: 211).

Та же ситуация повторяется и с другими названиями, образованными по этой модели: одно растение имеет несколько фитонимов, а одно название относится к нескольким денотатам. Даже если считать за одно название такие похожие сочетания, как *вороний глаз/воронови глаза/вороньи очки*, то количество фитонимов составит восемнадцать, а обозначаемых ими растений — тридцать один, поэтому удобнее все же группировать материал, исходя из названий. Так, название *воловьи очки* (Волын.) получил девясил иволистный *Inula salicina* L., пол. *wolowe oczu* — одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* Wigg. (Там же: 177, 350), а болг. *волово око* может означать мальву или алтей (Героу 1: 148; 5: 429).

Наиболее длинный ряд в этом блоке названий составляют сочетание *вороний глаз* и подобные ему. Иногда фитоним совпадает с номенклатурным названием — *вороний глаз* четырехлистный *Paris quadrifolia* L.: *вороний глаз* (бол. ч. губ. Вел. Рос.), *вороний глаз* (Малор.), серб. *vranjino oko*, пол. *wronie oko*, чеш. *vraní oko* (Анненков 1876: 241–242). Однако он же может относиться и к нескольким другим растениям, например: *вороний глаз* (Влад.) ‘живокость высокая *Delphinium elatum* L.’, *вороньи глазки* (Калуж.) ‘калужница болотная *Caltha palustris* L.’, *вороньи очки* (Могил.) ‘седмичник европейский *Trientalis europaea* L.’, *вороньи глаза* (Нижег.), *воронови глазки* (Тамб., Калуж.) ‘ландыш купеновый *Convallaria Polygonatum* L.’ (Там же: 78, 106, 124, 357). Если в случае *вороньего глаза* название дано по черной ягоде, напоминающей *глаз птицы*¹⁹, то в других случаях мотивации не всегда ясны. Из других фитонимов схожей структуры можно отметить *сорочьи глазки* (Нижег.)

¹⁹ Ср. тж.: *соколиные глаза* ‘?’: «у ево ягодки маленьки таки, как соколыи глазки» (Берез.) (Коновалова 2000: 185).

‘грушанка круглолистная *Pyrola rotundifolia* L.’, *сорочьи глазки* (Волг.) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’, *воробыно око* (Укр.), *чижов глаз* (б.м.) ‘пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris* Moench.’, укр. *курячі глазки* (Полт.), *курячі очки* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’ (Там же: 31, 82, 281, 382, 390). Из других птиц упоминается павлин: *павлиньи очки* (б.м.), болг. *паюново око* ‘водосбор *Aquilegia Tourm.*’, *павлиньи глазки*, *павлині очі* (Малор.) ‘адонис осенний *Adonis autumnalis* L.’ (цветки адониса — ярко-красные или бледно-желтые, с черным пятном в основании околоцветника), *павани вічки* (Подол.) ‘незабудка болотная *Myosotis palustris* With.’ (Там же: 10, 42, 220)²⁰. Есть и другие названия незабудки, образованные по той же модели: *жаби очки* (Гродн.), чеш. *žabi oko* (Там же: 220), србх. *мајкине очи*, *мачије очи* (Чайкановић 1985: 221); пол. *żabie oczka* также относится к растению с мелкими голубыми цветками — веронике дубровке *Veronica chamaedrys* L. (Анненков 1876: 377). Бурые ягоды паслена сладко-горького *Solanum dulcamara* напоминают глаз животного, почему растение и получило название *звериный глаз* (Урал.) (Коновалова 2000: 89).

Нельзя не упомянуть и о мотиве слепоты, также довольно широко представленном в народной фитонимике. Мак восточный *Rapaver orientale* L. получил названия *слепой мак*, *слепец* (б.м.), укр. *сліпий мак*, *сліпак*, так как «семенные коробочки не раскрываются и семена не высыпаются из головок» (Анненков 1876: 240)²¹. В то же время мак самосейка *Rapaver rhoeas* получил названия укр. *видун*, *видух(а)*, *видюк*, *видяк*, *відук*, *відун*, *здрікан*, *здрячий*, *зиркач*, *зіркатий*, *зіркач* (Зяблюк 2000: 355–356), русин. *видюк*, *видюх*, *здрячий мак* (Анненков 1876: 241) (плод этого растения представляет собой яйцевидную коробочку с дырочками). *Слепая крапива* ‘ясотка белая *Lamium album*’ обязана своим именем тем, что не обладает густостью обычной крапивы: «Похожа на крапиву, но не крапива, не кусатца» (Шадр.) (Коновалова 2000: 184). Для прочих «слепых» рас-

---

²⁰ В этом случае, вероятно, имеет место даже двойной перенос — под павлиньими глазками имеются в виду скорее всего не глаза птицы, а узоры на павлиньем хвосте.

²¹ Ср. чеш. *slépý mak* ‘адонис летний *Adonis aestivalis* L.’ (Анненков 1876: 10) Цветки адониса, с красными лепестками и черным пятном у основания, действительно похожи на цветы мака. Подсолнечник однолетний *Helianthus annuus* получил название србх. *сунцоглед* по той причине, что его цветки в течение дня поворачиваются за солнцем (Чайкановић 1985: 223).

тений основания наименования неясны, напр. *слепец* (Тамб.) ‘смолевка поникшая *Silene nutans* L.’ (Анненков 1876: 330). Можно выдвинуть предположение, что такие названия характерны для растений с темными цветками — так, *слепота* (Полт.) ‘воловик аптечный *Anchusa officinalis* L.’ и *слепка* (б.м.) ‘ноннея коричневая *Nonnea pulla* (L.) DC.’ (Там же: 32, 227) обладают темными цветками — хотя материала для твердых выводов все же недостаточно. Еще более затрудняет обобщения тот факт, что растения, имеющие «зрячие» названия, одновременно могут быть и «слепыми», например, очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L., имеющей фитонимы *очный цвет* (б.м.), *курячі очки* (Малор.), в то же время носило названия *слепушник* (Тамб.), *куриная слепота* (б.м.), *курослепник* (б.м.) и др. (Там же: 31). Последние два наименования особенно широко распространены: в фитонимической лексике корень *слеп-* в подавляющем большинстве случаев встречается либо в составе сложений *курослеп(ник)/слепокур(ник)*, либо в сочетании *куриная слепота*. Оснований номинации в этом случае может быть несколько. Первое — внешний вид растения: «У куриной слепоты просто цветки желты, как куричы глазки, а куры дальше своёво носа не видят, вот и зовется так» (Михайл.) (Коновалова 2000: 117–118).

Травы, носящие названия типа *курослеп* или *куриная слепота*, применялись (в разных формах) от болезни *куриная слепота* (ухудшение зрения в сумерках). Так, ветреница лесная *Anemone sylvestris* L. «в Витебской губ. называлась курослеп. Отваром ее промывали глаза при куриной слепоте»; в Казанской губ. под именем *куриная слепота* от этой болезни применяли лютик многоцветковый в виде припарок на глаза (Торэн 1996: 42, 65, 181); там же распаренную траву *куриной слепоты* (лютик едкий *Ranunculus acris* L.) прикладывали к глазам «от куриной слепоты (когда больной вечером, после захода солнца, плохо видит)» (Крылов 1882: 34).

В данном случае название болезни совпадает с названием растения, которое использовали для лечения. Однако существует и прямо противоположная мотивация: растения с таким названием не излечивают куриную слепоту, а, напротив, являются ее причиной: «*Caltha palustris* в простонародье у нас называют „курослепом“. В глазах народа он является воплощением болезни куриной слепоты... Болезнь и цветок отождествляются» (Познанский 1995: 187). Схожие представления отмечены для растения *куриная слепота/курослеп* (не отождествлено): «Кураслеп куры паедят и видеть будут плохо» (Красноуф.); «если сначала траву подержать, а потом глаза

потереть, сильно щиплет» (Байк.) (Коновалова 2000: 117); «Когда мы были маленькие, мальчишки наелись цветков куриной слепоты, и им соломинка стала казаться поленом, но через некоторое время всё прошло» (Коверн. Горьк.) (Доронин 2006).

Всего растений с такими названиями (по данным словарей Анненкова и Даля) тридцать четыре вида; приведем лишь несколько примеров. Чаще всего название *куриная слепота* относится к лютику едкому *Ranunculus acris* L. — в «Ботаническом словаре» Анненкова при этом фитониме вместо ареальной пометы стоит «мног. места» (1876: 290) — а также еще к пяти видам этого же рода. Отметим также фитонимы *куриная слепота* (Там же: 31), *курослеп* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’ (Августинович 1853: 12; Торэн 1996: 74); *слепота курячья*, *слепота куриная* ‘незабудка *Myosotis Dill.*’ (Анненков 1876: 220); *куриная слепота* (Калуж.) ‘свидина кроваво-красная *Cornus sanguinea* L.’; *куриная слепота* (Ворон.) ‘колокольчик скученный *Campanula glomerata* L.’; *слепокурник* (б.м.) ‘бересклет европейский *Evonymus europaeus* L.’; *куричьа слепота* (Перм.) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’; *куриная слепота* (Волын.) ‘ястребинка зонтичная *Hieracium umbellatum* L.’ (Там же: 80, 109, 142, 167, 382); *курья*, *курячьа слепота* ‘ясотка пурпурная *Lamium purpureum*’ (Даль 1991: 22). За пределами восточнославянских языков удалось найти лишь болгарское соответствие *кокоша слепота* ‘звездчатка средняя *Stellaria media* L.’, для которого отмечено и рус. *курослеп* (б.м.) (Анненков 1876: 343, Ахтаров 1939: 414), болг. *кокоша слепота* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’ (Ахтаров 1939: 414), а также пол. *kurzysłép*, *kuroślép* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’ (Анненков 1876: 31), ст.-пол. *kuroślep* ‘первоцвет истинный *Primula veris* L.’ (Wróbel 1962: 131). Некоторые фитонимы дополняются уточняющим прилагательным; так, ветреница дубравная *Anemone nemorosa* L. получила названия *белый курослеп* (Малор.), ветреница лесная *Anemone sylvestris* L. — *белая куриная слепота*, *біла куряча сліпота* (Малор.) — по окраске цветов. Турча болотная *Hottonia palustris* L. называлась *водяной курослеп* (Смол.) (Анненков 1876: 170).

Конечно, при таком количестве денотатов трудно говорить о каком-то едином основании номинации. Н.И. Анненков отмечает: «Курослепник, слепокур и тому под. назв. общие с многими растениями, имеющими желтые цветы и носящими те же названия» (1876: 78). Из рассмотренных тридцати четырех видов одиннадцать действительно имеют желтые цветы, однако встречаются и растения с голубыми,

синими, розовыми цветами; среди них есть и травянистые растения, и кустарники. Однако самое интересное в этой группе фитонимов то, что при слове *слепота* не удалось обнаружить другого зоонима; это особенно примечательно на фоне длинного ряда притяжательных прилагательных, сочетающихся со словом *глаз*.

Дальнейшее рассмотрение концепта выводит нас на два крупных блока фитонимов. Один из них строится вокруг центрального слова *плакун*, другой — вокруг слова *слезы*, причем денотаты, обозначаемые фитонимами из обеих групп, в ряде случаев пересекаются.

Плакун русских говоров не более однозначен, чем *курослеп* или *вороний глаз*. В «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова этот фитоним относится к двенадцати видам растений, например: «Название плакуна придается многим растениям, но преимущественно этим именем называются *Epilobium angustifolium* L. и *Lythrum salicaria* L. в Европ. России и еще *Hypericum ascyron* L. [зверобой большой. — В.К.] в Сибири» (1876: 132–133); «Словарь русских народных говоров» добавляет к ним еще несколько видов (СРНГ 1992: 77–78). Дербенник иволлистный *Lythrum salicaria* L. получил имя *плакун-трава* из-за капелек жидкости, выступающей на листьях при повышенной влажности воздуха: «она к дождю плакать начинат, показыват, што дож будёт» (Каменск.) (Коновалова 2000: 59)²². В Казанской губ. отвар этой травы пили «от тоски: когда на сердце тяжело и не радостно» (Крылов 1882: 49). Другой вид того же рода — дербенник лозный *Lythrum virgatum* L. — также носит имя *плакун* (Влад., Сарат., Астрах.) (Анненков 1876: 206). Последние два растения, имеющие длинные кистевидные соцветия розовых цветков, внешне очень похожи.

Из прочих трав, получивших имя *плакун*, следует назвать кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich. (Олон.), касатик сибирский *Iris sibirica* L. (Нижег.), донник белый *Melilotus alba* Desf. (Перм.), сивец луговой *Scabiosa succisa* L. (Орл.), а также *плакун-траву* (Ворон.) ‘лабазник вязолистный *Spiraea ulmaria* L.’ и *плакунь* (Калуж.) ‘вероника длиннолистная *Veronica longifolia* L.’ (Анненков 1876: 161, 178, 212, 318, 340, 377). К ним можно добавить *плакун желтый* (Кунг. и Осин. у.) ‘вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris* L.’ с желтыми цветами и *плакун черный* (Перм.) ‘эспарцет

---

²² К этому же виду относятся названия *белый плакун*, *красный* или *речной плакун* (Перм.); чеш. *plakun* также относится к дербеннику *Lythrum* Juss. (Анненков 1876: 205, 404).

песчаный *Onobrychis sativa* L.' (Там же: 404, 406) — с цветками темно-фиолетового цвета²³.

С названием *плакун-трава* ассоциируется сюжет о Богородице, оплакивающей своего сына:

*Почему Плакун трава всем травам матери?
Мать Пречистая Богородица
По своем по сыне по возлюбленном,
По своем по сыне слезно плакала,
А роняла слезы на землю пречистыя,
А от тех от слез от пречистых
Зарождалася Плакун трава травам матери.*

(Федотов 1991: 128)

Этот сюжет²⁴ объединяет две группы названий — уже рассмотренный *плакун* и *богородицыны слезы*. Фитоним *Богородицыны слезы* (Каргоп. Арх.) отмечен для трясушки средней *Briza media* L. (Мороз 1997: 33), *Богородицыны слезки* (б.м.) — для бусенника обыкновенного *Coix lacryma-jobi* L. (Анненков 1876: 104)²⁵. Соцветие трясушки похоже на капельки на тонких стебельках, а белые плоды бусенника имеют каплевидную форму. Прозрачные пятнышки на листьях зверобоя стали причиной возникновения фитонима *Матери Божией слезы* (Малор.) ‘зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum* L.’; отметим также фитоним *пречистыя слезы* (Черн.) ‘ландыш купеновый *Convallaria polygonatum* L.’ и чеш. *slzički* Sw.

²³ К плакуну примыкает «травя-ревенька, которая ревет и стонет по зорям» (Афанасьев 1994: 396) — народно-этимологическое осмысление заимствованного слова ревень ‘*Rheum*’ (Журавлев 2005: 531). Образ травы, издающей крики и стоны, находит соответствие в поверьях о мандрагоре: «Согласно поверьям, тот, кто услышит стон, издаваемый мандрагорой при ее выкапывании из земли, должен умереть» (Топоров 1982: 102).

²⁴ Тот же сюжет в разных славянских традициях связывается с происхождением гороха, клевера, дикой гвоздики. Представительную подборку этиологических легенд о происхождении различных растений из слез тех или иных персонажей см. (Булашев 1909: 372, 378, 389–390; Усачева 2000: 266–269).

²⁵ Здесь могло произойти (частичное) заимствование, так как это же растение носит названия пол. *Jobowa łze*, чеш. *slzowka*, серб. *suznica*; схожие названия отмечены в немецком, французском и английском языках (Анненков 1876: 104).

Marie ‘гвоздика картузианская *Dianthus carthuasinozum* L.’ (Там же: 172, 107, 125). Близкий вид *Dianthus sylvestris* L. именуется чеш. *slzički Panny Marie* и наделяется способностью лечить заболевания глаз (Усачева 2000: 267; Вельмезова 2004: 62, 90)²⁶ (см. выше).

В эту же группу можно отнести фитонимы типа *слезки* (Могил.), болг. *съзлица* ‘трясунка средняя *Briza media* L.’ (Анненков 1876: 70; Ахтаров 1939: 30); *слезки* (Смол.) ‘грушанка круглолистная *Rugola rotundifolia* L.’; *слезки* (Черн.), *божьи слезки* (Нижег.) (Анненков 1876: 125, 281). *Адамовы слезы* (Урал) относится к лесному цветку, из которого «капельюшки падают»; фитоним *полевые слезки* ‘гвоздика травянка *Dianthus deltoides* L.’ имеет сразу две мотивации: «У ей, знать-то, крапинки на листочках, на слезки похожи» (Сухолож.); «цветочки-те нежны, а как бы пониклы, плачут вроде» (Красноуф.) (Коновалова 2000: 19, 162). Пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris* носит название србх. *мачкине сузе* по форме стручков (Чайкановић 1985: 63). Фитоним *богова слезка* (Костр.) для манжетки обыкновенной *Alchemilla vulgaris* L. (Анненков 1876: 19) обусловлен, по-видимому, совсем другой причиной, а именно долго держащейся на листьях влагой, принимаемой обычно за росу²⁷. В этой группе встречаются и другие названия, образованные по модели [притяжательное прилагательное + существительное *слезы/слезки*], однако из их числа можно выделить отдельный ряд растений, принадлежащих к разным семействам, но объединенных названием *кукушкины слезы/слезки*: ятрышник пятнистый *Ochis maculata* L. и некоторые другие виды ятрышников; трясунка средняя *Briza media* L.; льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.; лапчатка гусиная *Potentilla anserina* L. и целый ряд других (подробнее о фитониме *кукушкины слезки* см. очерк «Ятрышник»).

Наконец, в фитониме *бабьи слёзы* ‘клевер горный *Trifolium montanum*’ слово *слезы* не может быть интерпретировано вне сочетания целиком: «Если в букет добавишь, вянут быстро, недолго стоят, как бабьи слезы недолги» (Челяб.) (Коновалова 2000: 22). Болг.

²⁶ Уподобление глаза и цветка, поддерживаемое внешним сходством, проявляется, помимо этиологических преданий, и в заговорах; в частности, Е.В. Вельмезова приводит еще ряд заговоров, обращенных к другим цветам, в чьих именах не содержится корень *глаз-* или подобные ему (2004: 89–90).

²⁷ К этому же растению относятся фитонимы *росник*, *росница* (б. м.), *росянка* (Волог.) (Анненков 1876: 20), бел. *расічка* (Ганчарык 1927а: 195).

невестина сълза ‘вероника Диллена *Veronica Dillenii*’, *момкова сълза* ‘купена широколистная *Polygonatum latifolium* Desf.’ (Ахтаров 1939: 32, 320), вероятно, обусловлены представлением о том, что невесте положено плакать.

Народная медицина — наиболее трудная область для изучения. Многие растения используются для лечения целого ряда заболеваний, независимо от наличия необходимых лекарственных свойств. Тем не менее здесь тоже можно проследить привязку к признаку. Особенно интересно то, что здесь снова повторяются многие упомянутые выше растения, то есть из тех растений, что используются для лечения болезней глаз, многие имеют названия, отражающие их внешний вид; конечно, могут сочетаться обе мотивации — использование растения и его вид. Так, очанка лекарственная *Euphrasia officinalis* L. использовалась преимущественно для лечения глаз в украинской и чешской народной медицине (Носаль, Носаль 1960: 48; Machek 1954: 215). Помимо уже упомянутых ее названий, она называлась еще *очная помощь*, *очная трава*, *глазная трава* (Анненков 1876: 141). Незабудка болотная *Myosotis palustris* With. и незабудка лесная *Myosotis sylvaticum* получили одинаковое название — *глазопарка* (Перм.): «Собирается растение без корня для приготовления отвара, которым примачиваются больные глаза» (Там же: 405). В той же Пермской губ. от болезни «куриная слепота» поили отваром *куричьей слепоты* (Перм.) ‘фиалка скальная *Viola agenaria* DC.’ (Там же: 381). Ястребинка зонтичная *Hieracium umbellatum* L. употреблялась от куриной слепоты и носила название *куриная слепота* (Волын.) (Там же: 167). Вероятно, на то же использование указывает название *чистик очный* (Черн.) ‘кривоцвет полевой *Lycopsis argvensis* L.’ (Там же: 204).

Влагой, собравшейся в розетках ворсянки, на Буковине моют глаза (ЕУ-Черновиц-2000, ПФ-16, ПФ-17). Наоборот, некоторые растения, например, кувшинка, считались способными вызвать слепоту; в Полесье ее запрещалось вносить в дом, чтобы не ослепли куры (с. Макишин Черниговской обл.) (ПА, XVI 2).

Употребление трав для лечения глаз, для «просветления» зрения обусловило еще одну группу названий, образованных от корня *свет-*: *светлик* (Новг.) (Даль 1991: 158), *свечи* (Курск.) (Анненков 1876: 399), чеш. *světlik* (Machek 1954: 215), пол. *swietlik*, *swieczki*, луж. *swětlik* (Анненков 1876: 141) ‘очанка лекарственная *Euphrasia officinalis* L.’; *светлая* (Вят., «по действию на глаза») ‘чистотел большой *Chelidonium majus* L.’ (Анненков 1876: 94); *светозар* (Ни-

жег.) ‘мелкопестник канадский *Erigeron canadensis* L.’ — его отваром лечили глаза (Там же: 135). К этой группе примыкает и *белозор* ‘белозор болотный *Parnassia palustris*’: «Белозор так зовут, что ко глазам приложиш, воспольенье снимат, узориш все» (Талиц.) (Коновалова 2000: 28). Серб. *видовска трава, видовчица, видовица, видовка* ‘очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.’, чье название ассоциируется с глаголом *видети*, также применяется для лечения слепоты и слабого зрения (Шпис-Тулум 1995: 413; Попов 2004: 134). В области Сврлиг (Сербия) глаза лечили травой под названием *видова трава, видовка трава, виденова трева, видовача, видованка*, различая два вида: *мъжка* (синяя) и *женска* (красная). Ее клали в чашу с водой и оставляли так до утра, чтобы промыть ею глаза до восхода солнца (Петрович 1992: 278, цит. по: Иванова 2002: 160).

Наконец, последняя группа растений, которую хотелось бы упомянуть — те, которые так или иначе связаны со сном. Несколько растений получили название *сон-травы*: красавка белладонна *Atropa belladonna*, прострел раскрытый *Pulsatilla patens*, смолка клейкая *Viscaria vulgaris* (последняя также носит название *дрема*) (Даль 1991: 270). Прострел луговой *Pulsatilla pratensis* и прострел широколистный *Pulsatilla latifolia* также получили имя *сон-трава* (бел. *сон лугавы, сон-трава*) — из-за поникшей формы растения, цветок которого почти касается земли (По страницам... 1987: 180, 182). В украинской легенде внешний вид цветка объясняется следующим образом: «У всех цветов есть мать; не имеет матери только сон-трава; у него злая мачеха; ежегодно она выгоняет его из земли ранее, чем покажутся какие-либо другие цветочки. „Сон, сон, ступай вон, — говорит она, — бо вже вси цвитки зацвили, тилько тебе нема“, и послушный сон вылезает из земли, оглядывается по сторонам и не видит ни одного товарища. Свесит тогда она свою умную головку на бок, как сиротка, и дремлет до тех пор, пока не появятся его товарищи: козельцы (*Anemone ranunculoides*), медунки (*Pulmonaria*), фиалки и др.» (Сумцов 1889: 115). По другой легенде, «охотник увидел однажды, что медведь выдрал корень этого растения и начал его лизать, а потом охмелел. Охотник тоже начал лизать этот корень и вскоре его одолел сон» (Анненков 1876: 34). Слово *сон*, очевидно, «притянуло» к растению словосочетание «сон богородицы», ставшее фитонимом: *сон богородицы* ‘ветреница лесная *Anemone sylvestris* L.’ (Черн.), а тж. *сон пресвятой богородицы* ‘живокость высокая *Delphinium elatum* L.’ (Перм.). Последнее растение в Пермской губ. давали «в виде отвара трудным больным, потерявшим уже надежду на выздо-

ровление»; если после этого больной спокойно засыпал, это обещало выздоровление, обратное сулило смерть (Там же: 34–35, 398). Таким образом, не только название, но и (частично) функции перешли с религиозного текста на растение.

Рассмотренные выше ассоциации с глазом, зрением/слепотой, плачем или сном могут быть вызваны самыми разными причинами — окраской цветков или листьев, строением листьев и прикорневой розетки, общим внешним видом растения, его эмоционально-экспрессивной оценкой. При этом название растения может иметь развернутое объяснение в виде фольклорного текста и/или соответствующее применение в народной медицине.

Наиболее интересным в рассмотренном материале представляется то, что определенные растения встречаются в нескольких группах одновременно. Такие «культурные знаки», «термины особой культурной значимости» (Толстые 1995: 8), как *кукушкины слезки*, *плакун-трава*, *сон-трава*, несомненно, заслуживают отдельного исследования.

«ЧУЖИЕ» РАСТЕНИЯ

Данные раздел посвящен растениям, чьи названия в славянских языках образованы от этнонимов. Эта группа — частный случай более широкого явления — образования языковых единиц от названий чужих этносов, которое вслед за Е.Л. Березович будем обозначать термином ксенономинация²⁸. При ксенономинации выбор производящей основы может быть мотивирован местностью, откуда в действительности происходит растение: *зырянская рожь* (Арх.) ‘сорт ржи, выращиваемой в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии’: «К Архангельску сплавляется между другими сортами рожь усть-сысольская, или, как ее называют, зырянская, потому что скупается у зырян» (СРНГ 12: 40), или: *карелка/корелка* ‘сорт льна, который выращивали в Олонецкой губернии’ (СРНГ 13: 86). Если речь идет о культурных растениях, пришедших из других стран, им нередко дают соответствующие названия, то есть здесь ксенонимы используются для обозначения новых, необычных растений: *турок*, *турецкая пшеница*, *турецкое пшено* ‘кукуруза *Zea mays* L.’ (Анненков 1876: 385); *сарацинское пшено*, србх. *сарацинско пшено* ‘рис полевой *Oryza sativa*’ (Чажкановић 1985: 191).

²⁸ См.: (Березович, Гулик 2002; Березович 2007: 112–137, 404–467).

Однако одно и то же растение может определяться через несколько разных этнонимов. Так, орех грецкий *Juglans regia* L. в русских диалектах может называться *волоцкие орехи* (т.е. волошские) (Брян.) (СРНГ 5: 46), *китайские орехи* (Вост.-Сиб.) (СРНГ 13: 241), причем даже в пределах одного говора: *турецкий орех*, *греческий орех*, *азовский орех* (Дон.) (Брысина, Кудряшова 2003: 271); ср. в других языках: пол. *orzech włoski* (букв. «итальянский орех»), болг. *гръцки орех* (Иванов, Ланджев, Нешев 1971: 25) — но и *гръцки орехъ* ‘миндаль обыкновенный *Amygdalus communis* L.’ (Ахтаров 1939: 29, 361). Кукуруза *Zea mays* L. носит названия болг. *аранка*, *гръчка* или *влашка* (Там же: 319). Таким образом, далеко не всегда внутренняя форма фитонимов может служить указанием на происхождение растения или источник его проникновения в культуру. Более того, сам этноним может оказаться результатом народной этимологии. Так, в одной из работ, анализирующих польские названия гречихи посевной *Fagopyrum esculentum* = *Polygonum Fagopyrum*, пол. *gryka* возводится к этнониму Грек ‘грек’, поскольку «ее родина — северная и центральная Азия... монгольские народы принесли ее во время своих набегов к Черному морю, а греки, имея там колонии, распространили ее выращивание». Другое название — пол. *tatarka/taterka* — объясняется авторами тем, что татары также были посредниками в распространении гречихи, а пол. *pohanka/poganka* считается производным от латинского *pagana*, что также указывает на татар (Nitsch, Mrozówna 1955)²⁹. Однако А. Стеффен склонен толковать пол. *pohanka/poganka* как переосмысленное греч. *παγώνιον* (*παν-* ‘весь, целый’ + *γωνία* ‘угол’), то есть «многостороннее зерно» — поскольку зерно гречихи похоже на пирамидку с треугольной основой. Еще одно греческое народное название — **τέτρι(ον)*, с черноморско-греческим выговором **τάτρι(ον)* — являясь сокращением выражения **τετραγώνι(ον)* (*τετρα-* ‘четыре’ + *γωνία* ‘угол’) «нечто четырехстороннее», как полагает автор, дало польское название *tatarka*. Итак, считает Стеффен, «нет нужды связывать наше название *tatarka-*

²⁹ Эту точку зрения поддерживают и другие авторы: гречиха — это зерно, привезенное с Востока, «от татар-язычников либо греков, также считавшихся язычниками» (Spólnik 1990: 61). Пол. *gryka* — заимствование с лит. *grikai* со значением «греческое растение», а специфичное для кашубов название гречихи *lëtevka* объясняется как дериват от *Litwa*, указывающий на заимствование этого растения из Литвы, куда оно попало из Греции через Русь (Spólnik 1990: 93; Rogowska 1998: 56).

taterka с названием татар... она [гречиха] должна была быть известна здесь задолго до их набегов» (Steffen 1963)³⁰.

Особенно представительен ряд обозначений крыжовника отклоненного *Ribes grossularia* в болгарском языке: *влашко грозде*, *немско грозде*, *руско грозде*, *татарско грозде*, *френско/французско грозде*, *цариградско грозде* (Ахтаров 1939: 262, 462); близки к нему названия смородины красной *Ribes rubrum* L.: болг. *немско грозде*, *руско грозде*, *френско грозде*, *татарско грозде*, *цариградско грозде* (Там же: 262, 522). Появление этого ряда можно объяснить тем, что в данном случае наименования указывают не на реальное происхождение растения, а на восприятие его как «не совсем винограда».

При таком длинном ряде этнонимов может показаться, что их выбор случаен. Однако в этом выборе есть логика, и признаки растений тут все же играют роль, хотя их восприятие опосредовано культурными стереотипами. Особенно ярко видна мотивация в выборе этнонимов (при сильной негативной оценке) в названиях целого ряда колючих растений. В разных языках их названия образованы от разных этнонимов: *татарин*, *татарник* (Волог., Вят.) ‘чертополох *Carduus Gaertn.*’; *мордвинник*, *царь мордвин* (Нижег.), *мордовник* (Арх.), *татарин* (Орл.) ‘чертополох курчавый *Carduus crispus* L.’; *мордвин*, *мордвинник*; *татарин*, *татарник* (б.м.) ‘бодяк *Cirsium Toum.*’; *татарки* (Орл.) ‘бодяк польский *Cirsium eriophorum* Scop.’; *татарин*, *татарник* (б.м.) ‘бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.’; *мордовник*, *мордвинник* (Казан., Нижег., Саратов.), *татарка* (Твер., Ржев.), *татарник* (Нижег., Курск.), ‘бодяк ланцетолистный *Cirsium lanceolatum* Scop.’; *жидовское кресло* (Волог.), *мордовник* (Тамб.) ‘бодяк болотный *Cirsium palustre* (L.) Scop.’; *бусурманская трава*³¹ (Симб.) ‘бодяк съедобный *Cirsium esculentum* С.А.М.’; *армянский бурьян* (б.м.), *польский репей* (Киев.) ‘дурнишник колючий

---

³⁰ Подвергаться переосмыслению может и непонятное слово родного языка, например: «В Польше использовался род табака, называемый *бессарабским*. Народ, однако, принял это выражение как *bez arabski* («арабская сирень». — В.К.), поэтому часто можно было слышать слуг, требующих в лавках *bzu arabskiego*)» (Malinowski 1885: 135).

³¹ Такие «конфессиональные» названия появились в славянской фитонимике довольно давно: так, уже в средневековых польских травниках фигурировали *herba iudaica* («иудейская трава») ‘козлобородник *Tragopogon*’ и *herba catholika* («католическая трава») ‘волчегородник волчье лыко *Daphne mezereum* L.’ (Kołodziejczyk 1957: 203).

Xanthium spinosum L.’ (Анненков 1876: 84, 99–100, 384); србх. *turka* ‘чертополох *Carduus* L.’ (Šulek 1879: 422); болг. *влашки ябълки* ‘колючник бесстебельный *Carlina acanthifolia* All.’, *турчен* ‘чертополох *Carduus candicans* W.K.’, *вахлачка* ‘бодяк *Cirsium Toum*’, *казашки бодил*, *казачки*, *московско тръње*, *руски трън*, *черкезко тръње*, *черкезки тръни* ‘дурнишник колючий *Xanthium spinosum* L.’ (Ахтаров 1939: 125, 136, 313, 344, 528, 544). Обобщающее название *нерусская пучка* было дано дягилю избегающему *Archangelica decurrens* Ledb. в противоположность *русской пучке* — дуднику лесному *Angelica sylvestris* L. (Арьянова 1: 78, 81). Здесь принимаются во внимание не конкретные особенности, присущие (или приписываемые) одним этносом другому, а только негативное отношение к этому этносу. В результате его имя дается вредным растениям. К признаку «вредный» близок признак «бесполезный»: болг. *арабско просо* ‘трясунка средняя *Briza media* L.’ (Ахтаров 1939: 319); болг. *циганско грозде* ‘арум пятнистый *Arum maculatum* L.’; болг. *циганско жито* ‘костер *Bromus* L.’; ‘марьянник *Melampyrum* L.’ (Там же: 537).

Через образ инородца могут осмысляться суррогатные свойства растений: *калмыцкий чай* ‘солодка шиповатая *Glycyrrhiza asperifolia* L.’ (Анненков 1876: 159); *монгольский/сибирский чай* ‘каменеломка *Saxifraga crassifolia* L.’: «листья старые, пролежавшие зиму под снегом, собирают и употребляют калмыками вместо чая» (Там же: 317); *мансийский чай* ‘лабазник вязолистный *Spigaea ulmaria* L.’ (Слинкина 2006: 65). В данном случае неважность выбора конкретного этноса подчеркивается тем, что употребляют растение в качестве чая калмыки, а растение называется монгольским чаем. Сходным образом, лихнис — татарское мыло *Lychnis chalcidonica* L. называется в русских говорах *татарское мыло* (Вят.) (Анненков 1876: 200), *китайское мыло*, *остяцкое мыло*, *татарское мыло*, *цыганское мыло* (Ср. Обск.): «Цветок этот кто называет татарское мыло, а кто медвежье мыло. Им, наверно, по утрам медведь умывается» (Чебул. Шест.); «Татарское мыло цветёт розовеньким или красным, в руках терёшь, оно мылится. Не знаю, может, татары привезли» (Том. Бог.) (Арьянова 1: 62). Ср. тж. болг. *гръцка маточина* ‘котовник кошачий *Nepeta cataria* L.’ в противоположность *маточина* ‘лимонная мята аптечная *Melissa officinalis* L.’; болг. *гръцки киселец* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’ при *киселец* ‘щавель’ (Ахтаров 1939: 226, 361, 445).

Негативные коннотации могут усиливаться при актуализации признака «опасный, вредный для здоровья». Ср. примеры названий

ядовитых растений: *вишня жидовская, яблоко жидовское*, укр. *груши жидівські* ‘песья вишня обыкновенная *Physalis alkekengi* L.’ (Анненков 1876: 250); пол. *żidowska wisznia* ‘то же’ (Rokossowska 1889: 184); чеш. *židovská jahoda, židovská čerešňa, židoviny* ‘песья вишня *Physalis*’ (Machek 1954: 206); чеш. *žid* ‘несъедобный гриб вообще, поганка’ (Березович 2007: 435); жалящих растений: *крапива свиная, остяцкая крапива, остяцко коноплѣ* ‘крапива двудомная *Urtica dioica* L.’: «Крупная крапива остяцкая, а наша русская мелка» (Колп. Род.); «Две крапивы есь: крупная — остяцко коноплѣ называется, есь мелка» (В.-Кет. Мох.) (Арьянова 1: 135–136); болг. *турска коприва, гръзка коприва* ‘крапива жгучая *Urtica urens* L.’ (Ахтаров 1939: 528).

С помощью этнонима может выражаться признак «мелкий», то есть тоже не до конца настоящий, неполноценный: *арабка* (Дон.) ‘сорт мелкой вишни’ (СРНГ 1: 266); болг. *циганка* ‘мелкая порода дуба, дуб пушистый *Quercus pubescens* Willd.’ (Ахтаров 1939: 537); болг. *влашица* ‘вид мелкого лука с множеством перьев, *Ascalonicum* (лук-шалот)’; болг. *влашко кокиче* ‘подснежник снеговой *Galanthus nivalis* с мелкими цветками’; болг. *турски карамфил* ‘гвоздика с очень мелкими цветками’ (Бизеранова 2003: 47, 49, 54).

В большинстве предыдущих примеров мы видели, что конкретный признак растения обусловил сравнение с более или менее произвольно выбранным этносом. Однако для нас более интересны случаи, когда этнос также выбирается не случайно, а в соответствии с некоторыми его особенностями или же с представлениями о нем этносономинатора. Так, представители народов, для которых характерна темная, смуглая кожа, ассоциируются с растениями темного цвета: *арапка* (Самар.) ‘сорт степной темной пшеницы’, *арапка* (Ворон.) ‘сорт твердых темно-зеленых яблок’ (СРНГ 1: 266, 268); словац. *сіганка* ‘герань темная *Geranium phaeum*’ (из-за бурого цвета лепестков) (Machek 1954: 134), *цыганка* (Орл.) ‘сочевичник черный *Orobus niger* L.’ (Анненков 1876: 236), также с темными лепестками. В Кемеровской обл. *цыганкой* называется один из сортов картофеля характерного вида: «А вот вы никогда не видели цыганку? Это картошка, ее мало кто знает. Она такая темно-темно сиреневая такая, прямо от земли ее не отличишь... А что цыганкой называют, наверное, черная с виду, поэтому...» (Яшк. Полон.) (Арьянова 1: 115). Признак цвета и признак низкой ценности могут объединяться: *аран* (Самар.) ‘черный овес-самосадок, вырастающий на посевах пшеницы’; *арабки* ‘сорт кислых на вкус и синеватых по цвету яблок’ (б.м.); *аранчик* (Нижег.)

‘сорт небольших твердых темно-зеленых яблок’ (СРНГ 1: 266–269). Сербский фитоним *циганске бубе* ‘череда трехраздельная *Videns tripartitus* L.’ также обусловлен как черным цветом плодов, так и их свойством цепляться за человека и животных и колоть их, подобно насекомым³² (Шпис-Ћулум 1995: 417, 423). Ожика *Luzula* по темно-коричневому цвету соцветий, которые сравниваются с темной кожей цыган, названа чеш. *sikánka (cigánka)* (Hladká 2000: 109).

Если образ чужого связывается в сознании носителя языка с другими внешними чертами, которые ассоциируются с цветом или формой определенных органов растения, они также могут послужить основой номинации. Так, эпитет «цыганский» часто употребляется по отношению к яркой одежде с крупными деталями (Березович, Гулик 2002: 61); в болгарских диалектах *цыганкой* могут быть названы «мелкая, плоская рыба, вид дерева, сорт яблока, насекомое с красивым узором, узор ковра и даже кузнечик» (Иванов 2001: 157). Думается, тем же признаком — ярким цветом плодов или цветов — обусловлены бел. *цыганка* (вост.-полесск.) ‘яблоня с красными блестящими яблоками’ (РС 2001: 30), укр. *цыганки* ‘ломонос цельнолистный *Clematis integrifolia* L.’ (Булашев 1909: 368), формой цветка — болг. *цигънче* ‘комнатный цветок с кудрявыми цветами’ (Бизеранова 2003: 47). Серб. *була* ‘мак самосейка *Papaver rhoeas* L.’ информант объяснил тем, что «цвет растения красный, как турчанка³³ (в связи с одеждой турецкой женщины)»; для этого же растения отмечено название *турчинак* (Шпис-Ћулум 1995: 417). Вероятно, сюда же относится болг. *турче* ‘мак самосейка *Papaver rhoeas* L.’, *турчен паланук* ‘мак *Papaver* L.’ (Ахтаров 1939: 528). В чешской народной фитонимике цвет мака самосейки ассоциируется с красной цыганской юбкой: чеш. *sikánka (cigánka)* (Hladká 2000: 109).

Жгучий вкус отразился в болг. фитониме *румънка* ‘очень острый перец’ (Бизеранова 2003: 47). Запах также стал признаком, вызывающим ассоциации с чужим этносом: чеш. *židovská vanilka* ‘чеснок’ (Березович 2007: 435). В славянской культуре запах — отличительный признак прежде всего еврея: «Только от жида такая вонь. Жид жидом воняет, а почему так? Значит, как их вел Моисей через пустыню, в землю обетованную, они голодали, перепелками жили, манной. Как перепелками, там такие жаркие страны, некоторых съели и держали и с тех пор вонь осталась» (Zowczak 2000: 175–176).

³² Србх. *буба* ‘насекомое; букашка; жук’.

³³ Србх. *була* ‘замужняя турчанка’.

Кашубское название чеснока *žėdovsk'ė jabłka* (Sychta 1973: 300) связано со стереотипным представлением о чесноке (и луке) как о любимом компоненте пищи евреев (Rogowska 1998: 45)³⁴. Подобные фитонимы относятся и к другим пахучим растениям, напр., кашуб. *žėdovsk'i smrod*, *žėdovńica*, *żidka* 'пеларгония *Geranium L'Herit.*' (Sychta 1973: 299–300). Этим названием цветок обязан своим сильно пахнущим листьям, из которых добывают гераниевое масло, используемое в парфюмерии. Однако применительно к пеларгонии у этого фитонима есть и другая мотивация — «по разведению в еврейских домах» (Rogowska 1998: 110–111, 162–163).

К «еврейским» растениям относится также чеш. *židovin(n)ík* 'мирикария германская *Muricaria germanica* = *Tamarix germanica*' (из рус. *жидовинник* 'то же'), однако в данном случае за фитонимом стоит конкретный эпизод библейской истории: высушенный сладкий сок тамариска, выделяющийся после укусов насекомых, принимается за манну, которой питались евреи во время скитаний по пустыне (Анненков 1876: 347; Machek 1954: 70–71). Бел. *жыдок* (Крич., Житк.) (РС 2001: 49), бел. *жидовки*, русин. *жидик*, *жидівска шапка* 'одуванчик аптечный *Taraxacum officinale* Wigg.' (Анненков 1876: 349–350), вероятно, вызваны ассоциацией с меховыми шапками — парадным головным убором женатого еврейского мужчины³⁵.

Наконец, необходимо упомянуть словац. *židova brada* 'арум *Agum*', которое, очевидно, является обобщением фитонима *aronová brada*, ср. чеш. *aronová brada*, пол. *aaronova broda*. Эти фитонимы, в свою очередь, возникли под влиянием латинского названия растения — *Agum*, которое ассоциировалось с именем библейского первосвященника (Machek 1954: 301); второй компонент фитонима вызван, очевидно, формой подземной части растения — от утолщения в основе стебля отходит множество тонких корешков.

---

³⁴ Напротив, по верованию, записанному в Старобельском уезде, чеснок есть грех, «кто наестся чесноку, тому в течение 12 дней грех ходить в церковь: он будет молиться не Богу, а лукавому, и от этого чело века отступится ангел его на 12 дней (а кто наестся луку, от того ангел отступится на 10 дней)» — так как чеснок произошел из зубов волшебницы, которые выпали у нее в могиле (Булашев 1909: 379). Ср. тж. нем. *Knoblauchfresser* («пожиратель чеснока») 'еврей' (Березович 2007: 122; там же см. подборку прозвищ, отражающих представления о пищевых привычках различных народов).

³⁵ Автор благодарит В. Дымшица за этот комментарий.

Название растения, образованное от этнонима, может быть и вторичным, вызванным каким-либо другим словом: так, диалектное польское (Келецкий регион) название паслена сладко-горького *Solanum dulcamara* L. — *nieżydówka*, «так как его используют для лечения прыщей, называемых *żydówka* и возникающих из-за укулов стерней» (Szot-Radziszewska 2005: 120). Другой пример — пол. *franciowate ziele* ‘вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris*’: «её отваром лечат сифилис, называемый в народе *francia*» (Rokossowska 1889: 182).

Помимо фитонимов, где представления о другом этносе или связанные с ними мифологические мотивы содержатся в сжатом, свернутом виде, они могут быть более эксплицитно выражены в развернутом фольклорном тексте. Так, о пионах, растущих в окрестностях Добрича, существует легенда — из цыганской крови выросли черные пионы, из турецкой — синие, а из сербской — красные (Чайкановић 1985: 37). В украинской легенде базилик как благое растение противопоставляется ядовитым растениям: над закопанным крестом Спасителя евреи посеяли дурман и белену. Бог велел св. Василию посеять там же семена «пахучаго зилья»; по нему царица Елена нашла крест, который с тех пор украшают базиликом (П.И. 1891: 122–123). Еще одно растение, отмеченное в «народной Библии» — хрен. О нем «в Старобельском уезде говорят, что до рождества Спасителя он был страшно ядовит. „Жида“ вздумали было отравить Христа, для чего приготовили хрену и „залили“ Его; но Спаситель благословил хрен, уничтожил этим всю его ядовитость и повелел христианам есть хрен совершенно безбоязненно» (Булашев 1909: 378).

В заключение хотелось бы подчеркнуть систематический характер подобных моделей номинации, который проявляется в двух направлениях. С одной стороны, ксенономинация (в рамках «этнического» кода традиционной культуры) используется не только в народной фитонимике, но и в других группах лексики, например, в народных зоонимах: *жид* ‘воробей’ (Новг., Тамб.) (СРНГ 9: 168), *жидовская тетка* ‘свинья’, *еврейская/жидовская зозуля* ‘удод’, *еврейская курица* ‘куропатка’ (Белова 2006); в обозначениях необычных погодных явлений: *цыганський дощ* в средне- и восточно-полесских, закарпатских говорах, *цыганське веремня* в гуцульских и буковинских говорах ‘дождь при солнце’ (Кондратенко 1994: 102), бел. *жыдоўскі дождж*, *цыганскі дождж* ‘то же’ (БМ 2004: 174); болг. *цыганско лято* ‘бабье лето’; укр. *цыганська райдуга* (Хмельн.) ‘двойная радуга’; чеш. диал. *ciganska zima* ‘сильный мороз’, *ciganska*

rosa ‘заморозки’ (Кондратенко 1994: 102); в названиях некрещенных детей как людей, которые пока не вступили в сферу «своего»: ю.-рус. *жидок некрещёный*, с.-рус. *лопь*, болг. *еврейче*, *турко/турченче*, *цыганче*, *мохамуданче*; серб. *турче*, *цыганчица*, *бугарче*, *влашче*; пол. *żyd* (Белова 2006).

С другой стороны, ксенономинация может использовать, наряду с этнонимами, и другие «маркеры чужести»: зоонимы, лексемы *черт*, *баба* и под. Так, лихнис — татарское мыло *Lychnis chalcedonica* L. в среднеобских говорах называется не только *китайское мыло*, *остяцкое мыло*, *татарское мыло*, *цыганское мыло*, но и *собачье мыло*, *медвежье мыло* (Арьянова 1: 62), ср. в других говорах: *дикое мыло* (Тамб.), *кукушкино мыло* (Самар.), *татарское мыло* и *девичье мыло* (Вят.) (Анненков 1876: 200); опунция обыкновенная *Opuntia vulgaris* Mill. может называться как болг. *арабски езикъ*, так и *свекървин езикъ*, бодяк *Cirsium Tourn.* — *вахлачка* и *вълчец*, а кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L. — *гръцки киселец* и *зайцовъ киселец* (Ахтаров 1939: 136, 222, 226, 319); для люпина *Lupinus* отмечены названия ст.-пол. *wilczy groch* и *włoski groch* («волчий/итальянский горох»), ст.-чеш. *vlčí hrách* и *římský hrách* («волчий/римский горох») (Machek 1954: 117).

Итак, ксенономинация может базироваться на тех или иных представлениях о чужом этносе (истории народа, внешнем виде и привычках его представителей), которые актуализируются благодаря определенным признакам растений (цвет, запах, колючки и т.д.). Однако она может иметь в своей основе обобщение, вследствие которого этноним, в сущности, теряет отсылку к конкретному народу, а может означать любую чужую народность.

Разумеется, конкретный набор этнонимов, которые могут использоваться в различных лексико-семантических группах, у каждого народа свой, что обусловлено историческими событиями и условиями проживания в определенном этническом окружении³⁶: понятно, что вероятность встретить фитоним вроде *калмыцкий ладан* ‘гре-

---

³⁶ Так, на основании болгарского языкового материала был сделан вывод, что «для болгар главными антагонистами являются цыгане, в меньшей степени турки. Этноним *цыганин* обладает самым большим количеством коннотативных наслоений. В разных диалектах цыганом можно назвать очень черного человека, забияку, нахального, навязчивого, но чаще всего вруна, обманщика, а цыганкой — женщину, постоянно выпрашивающую что-то у людей» (Иванов 2001: 155).

бенщик французский *Tamarix gallica L.* (Анненков 1876: 347) в Западной Европе невелика. Но в рамках этого конкретного ряда характерны обобщающие названия, когда различие между этнонимами теряется.

Наконец, такие сочетания, как *бабье лето*, *бабий ум*, *девичья память*, *женская логика* и под., демонстрируют, что с точки зрения традиционной культуры женщина также занимает место в ряду прочих «маркеров чужести».

ОДЕЖДА

Названия предметов одежды в славянских диалектных фитонимах встречаются не так уж часто. Сплошная выборка из «Ботанического словаря» Н.И. Анненкова дала порядка ста пятидесяти названий, образованных от названий одежды, включая обувь и головные уборы. В данном разделе они разбиты на группы в зависимости от названий предметов одежды, с последующей попыткой проследить мотивации.

Названий собственно одежды довольно мало. Так, для щирицы запрокинутой *Amarantus retroflexus L.* отмечено название *сорочки* (Тамб.), для ландыша майского *Convallaria majalis L.* — *сорочка* (из старой рукописи), для нивяника обыкновенного *Chrysanthemum leucanthemum L.* — *сорочька* (Яросл.) и *сорочняк* (Нижег.) (Анненков 1876: 27, 96, 106). Одуванчик получил название бел. *божай мацеры сарочка* (Лельч.) (РС 2001: 49). Зопник клубненосный *Phlomis tuberosa L.* носит название *убор-трава* (Перм.) (Анненков 1876: 407). Для ярутки *Thlapsi Dill.*, вероятно, из-за формы плодов, зафиксирован фитоним пол. *plaszczeniec* (Там же: 353)³⁷. Бел. *суженка Маці Боскай* ‘цикорий’ связано с преданием: цветки цикория приобрели небесно-голубой цвет, когда Богородица подолом платья задела придорожные растения (Салавей, в печати). Мытник крупноцветковый *Pedicularis grandiflora* получил на Урале имя *лягушье платье*, со следующей мотивацией: «Цветок такой нарядный в болоте»; «это в сказках лягушка одеватца кросиво, а так просто кросивый цветок, где лягушки живут» (Коновалова 2000: 130). В Среднем Приобье отмечен фитоним *юбочка* ‘горечавка легочная *Gentiana pneumonantha L.*’ (Арьянова 1: 62).

Гораздо шире представлены среди фитонимов головные уборы. За характерную форму соцветия рябчик царский *Fritillaria imper-*

³⁷ Пол. *plaszcz* ‘лёгкое пальто; плащ’.

rialis L. назван *цветы венцы*, бархатцы крупноцветковые *Tagetes erectus* L. — *шапки, шапочки* (Вел. Росс.), водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L. — серб. *попина катица* (букв. «попова шапочка»). Горянка эпимедиум *Epimedium alpinum* L. с плодами конической формы носит названия *клубук, клубучек, дурачья шапка*, пол. *mitra*³⁸. Также *клубуками*, или *клубуками поповскими* (Твер.) назван рогоз узколистный *Typha angustifolia* L. Из того же ряда можно привести в пример *клубучник* ‘шаровница *Globularia*’, серб. *klobičić* ‘дряква *Syclamen* L.’, *клубучник* ‘подбел *Petasites Tourn.*’, а также *куколь* ‘аконит белый *Aconitum album*’ (Анненков 1876: 6, 42, 118, 133, 148, 162, 245, 347, 366).

Вообще названия, образованные от слов типа *шапка*, как правило, мотивированы формой соцветий или отдельных цветков. Так, выюнок полевой *Convolvulus arvensis* L. получил название *шапки*, купальница европейская *Trollius europaeus* L. — *шапки болотные* (Нижег.), клевер горный *Trifolium montanum* L. *шапочки* (Курск.), а одуванчик аптечный *Taraxacum dens leonis* Desf. — *шапочка* — *дунуть плешка* (Шенк. Арх.). Фитоним *шапошник* отмечен в разных регионах с разными значениями: ‘василек горькуша *Centaurea jacea* L.’ (Могил.); ‘посконник коноплевый *Eupatorium cannabinum* L.’ (Орл.); ‘крестовник луговой *Senecio Jacobaea* L.’ (Ворон.); ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ (Волог.). *Колтачками* (Даур.) называли аконит клубучковый *Aconitum napellus* L., к нему же относится польский фитоним *kapturki niebjeskie*³⁹; по-сербски аконит также называется *клубучик, клубучић*⁴⁰; ср. тж. пол. *kapturica* ‘саррацения *Sarracenia* L.’ (Анненков 1876: 7, 20, 90, 139, 326, 350, 359, 364, 396).

Листья кубышки желтой *Nuphar luteum* Smith. в Малороссии носили название *капелюши* (укр. *капелюх* ‘шляпа’). Вероятно, также от укр. *каптур* ‘капюшон’ произошел фитоним *каптурник* (Черн.) ‘смолевка широколистная *Silene inflata* Smith.’ (Анненков 1876: 228, 329)⁴¹.

³⁸ Пол. *mitra* ‘митра; шапка (княжеская)’.

³⁹ Пол. *kaptur, kapturek* ‘капюшон; капор’.

⁴⁰ Србх. *клубук* ‘шляпа, клубук’.

⁴¹ Имена, образованные от названий головных уборов, встречаются не только у травянистых растений, но и среди грибов. Так, трутовик *Polyporus igniarius* Fr., в молодом состоянии называемый у русинов *козулька*, позже именуется *ковпак*. Поганка *Agaricus comatus* Müll. носит названия *колпак, колпакуша*, пол. *kołpak*, сморчок *Morchella* sp. — *колпачки* (Киев.) (Анненков 1876: 13, 14, 266, 405).

Лексико-семантическая группа «обувь» также широко представлена в славянской фитонимике. Среди этой группы, как правило, встречаются растения с цветами полой, закрытой формы, напр., *башмачки* (Даль 1: 57), *кукушкины башмачки* (Приарг. кр.), *кукушкины сапожки*, укр. *черевички* (Волин.), *зозулины черевички*, пол. *obuwik żolty* ‘венерин башмачок настоящий *Surgipedium calceolus* L.’ (Анненков 1876: 120)⁴², *кукушкин башмачок*, *кукушкины лапти*, *кукушкин сапожок*, *сапожки* ‘венерин башмачок крупноцветковый *Surgipedium macranthum* L.’: «у них цветки в форме башмачка, даже рот открывается» (Том. Том.); *кукушкины сапожки*, *сапожки* ‘венерин башмачок пятнистый *Surgipedium guttatum* Swartz.’; *башмачок*, *кукушкины башмачки*, *пастуший башмачок* ‘борец вьющийся *Aconitum volubile* Pall.’; *кукушкины сапожки*, *кукушкины тапочки* ‘касатик русский *Iris ruthenica* Ker.-Gawl.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 28, 29, 37, 101). Словообразовательная модель ‘обувь’ — ‘название растения’ используется в разных языках и диалектах, напр.: серб. *paričina*⁴³, пол. *pantofelnik* (Анненков 1876: 76)⁴⁴ ‘кошельки *Calceolaria* Lin.’. Среди прочих «обувных» фитонимов встречаются *сапожки богородичны трава* ‘водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L.’⁴⁵, *башмачок* или *Богородицын башмачок* ‘гроздовник полулунный *Botrychium lunaria*’, *башмачник* (Казан.) или *зозулины черевички* (б.м.) ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.’ (Там же: 42, 68, 194, 195, 393). Вообще среди тех фитонимов, в которых указан «хозяин», первенство принадлежит кукушке. Так, живокость полевая *Delphinium consolida* L. именуется *башмачки* (Казан.), *сапожки* (Подол.), *зозулины черевички* (Малор.); ятрышник-дремлик *Orchis morio* L. — русин. *зозулячі чобітки*, сочевичник черный *Orobus niger* L. — *зозулины черны черевички* (Полт.), сочевичник весенний *Orobus vernus* L. — *зозулины черевички* (Полт.) и *зозулины сапожки* (Харьк.); фиалка трехцветная *Viola tricolor* L. — укр. *зозулины черевички* и *удодів чобіт*, а фиалка белая *Viola lactea* — также *зозулины черевички* (Харьк.) (Там же: 236, 381, 382, 402). Встречается этот же фитоним и среди названий аконита клубочкового *Aconitum napellus* L.: укр. *зозулины черевички*, бел. *боцікі* (букв. «башмачки»), луж. *stupnički* (от *stupjeń* ‘туфля’) (Анненков 1876: 7; Ганчарык 1927: 194).

⁴² Пол. *obuwie* ‘обувь’.

⁴³ Серб. *nanuča* ‘теплая домашняя туфля; башмак’.

⁴⁴ Пол. *pantofel* ‘туфля’.

⁴⁵ Это растение уже встречалось под названием серб. *потина катица*.

На Украине и в Белоруссии отмечены интересующие нас названия сразу для трех видов колокольчиков: *чеботки большие* (Киев.) ‘колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia* L.’, *чеботки малые* (Киев.) ‘колокольчик репчатый *Campanula rapunculus* L.’ и *полевые черевички* (Могил.) ‘колокольчик круглолистный *Campanula rotundifolia* L.’. Наконец, цетрария исландская (исландский мох) *Cetraria islandica* Ach. именуется *дубовья лапти* (Анненков 1876: 80, 93).

В отдельную подгруппу можно выделить аксессуары. Так, лихнис — татарское мыло *Lychnis chalconica* L. называется *ленточник*, *ленточная трава*, а вьющееся растение чечевица *Ervum lens* L. у русинов — *лента*. Плаун булавовидный *Lycopodium clavatum* L. с длинными узкими вертикальными побегами получил название чеш. *St. Jana pás* («пояс св. Иоанна»). Название *пряжка* (Ворон.) отмечено для подмаренника цепкого *Galium aparine* L. Живокость Аякова *Delphinium Ajacis* L. и живокость полевая *Delphinium consolida* L. называются соответственно *шпорник* и *кавалерские шпоры* (Нижег.) (Анненков 1876: 123, 124, 151, 200, 203, 399). Полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. в чешской традиции именуется *St. Jana pás*, однако уже по причинам этнографического характера: вечером накануне дня св. Иоанна опоясываются полынью, чтобы не болела поясница (Machek 1954: 249).

Среди аксессуаров самую большую группу образуют пуговицы. От корня *пугов-* образованы названия растений с цветами или плодами соответствующей формы. Среди них *пуговник* ‘пупавка благородная *Anthemis nobilis* L.’ и *желтый пугвенник* (Вят.) ‘пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’, напоминающие желтые ромашки с сильно выпуклой серединой; очень близки к ним по внешнему виду *пуговица* (Вит.) ‘ястребинка *Hieracium paludosum* L.’, *желтый пуговальник* (Ворон.) ‘девясил высокий *Inula helenium* L.’, *пуговник* (Харьк.) ‘крестовник луговой *Senecio Jacobaea* L.’ и *пугвена* (Вят.) ‘ромашка непахучая *Matricaria inodora* L.’ (Анненков 1876: 38, 167, 176, 209, 326). Провирняк низкий *Malva pusilla* Sm. по форме плодов назван *пуговицы*, *пуговички*, *пуговки* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 96).

Вторая группа растений, также со схожими соцветиями, образована несколькими видами васильков: *Centaurea* Less. *пуговник* («на Дону; преимущественно с красными цветами и цветочными головками в виде пуговиц»), *пуговник* (Ворон.) ‘василек фригийский *Centaurea phrygia* L.’ и ‘василек скабиозовидный *Centaurea Scabiosa* L.’; близким к ним по внешнему виду цикорием обыкновенным *Cichorium intybus* L. — *пуговник* (Ворон.), а также колючими голов-

ками бодяка полевого *Cirsium arvense* Scop. *пуговник синий* (Ворон.) и бодяка болотного *Cirsium palustre* Scop. *пуховишник* (Нижег.) (искаж. *пуговичник*) (Анненков 1876: 89, 91, 98, 100, 317).

Пуговками называли семена чилибухи *Strychnos nux vomica* L. «в тайной торговле в Сибири». Для кубышки желтой *Nuphar luteum* Smith. зафиксировано название *пуговка* (Нижег.). Правда, об этом растении Н.И. Анненков пишет, что оно «употр. от опухоли и потому вероятнее называть пуховка», но не исключено и то, что название *пуговка* верно и обусловлено бутонами круглой формы. Плоские цветки пижмы обыкновенной *Tanacetum vulgare* L. определили возникновение фитонима *пуговичник* (Анненков 1876: 228, 345, 348).

Среди отраженных в фитонимике названий украшений большая часть приходится на серьги. Подобные имена получили растения с выразительными, часто необычными, вычурной формы цветами, такие, как фуксия *Fuchsia* Plum. *сережки*; бересклет европейский *Evonymus europaea* L. укр. *вовчі серги* (Малор.), бересклет бородавчатый — *Evonymus verrucosus* L. *волчьи серьги* (Зарайск.) или же паслен сладко-горький *Solanum dulcamara* L. *сорочки сережки*, черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris* L. *сережки* (Черн.), чина луговая *Lathyrus pratensis* L. *матери Марии сережки* (Черн.). Мелкие цветы трясунки средней *Briza media* L. *сережник*, *серьги* (Твер.) выглядят невзрачно, но, очевидно, напоминают серьги-подвески тем, что раскачиваются при малейшем ветерке. В этом же регионе отмечены фитонимы *сережка*, *серьги* для смолевки широколистной *Silene inflata* Smith. Собранные в кисточки плодики клена татарского *Acer tataricum* L. обусловили название *сережник* (Орл., Симб.) (Анненков 1876: 4, 70, 142, 148, 187, 274, 329, 334). Болг. *огърлица*⁴⁶ ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ названа так по форме листьев (Ахтаров 1939: 93).

В Тотемском у. Вологодской губ. плоды кубышки желтой *Nuphar luteum* Smith. (которая уже упоминалась под названием *пуговка*) получили название *запонки*, как и купальница европейская *Trollius europaeus* L. Тот же фитоним отмечен для нивяника обыкновенного *Chrysanthemum leucanthemum* L. (Нижег.) с желтыми срединными трубчатыми цветками, собранными в круглое соцветие, и для просвирияка низкого *Malva rotundifolia* L. (Приарг.) с плоскими круглыми плодами (Анненков 1876: 96, 207, 228, 364).

⁴⁶ Болг. *огърлица* ‘ожерелье’.

Наконец, в этом разделе нельзя не коснуться такой лексико-семантической группы, как названия тканей. Среди них отдельный большой ряд составляют растения, чьи названия образованы от слов *бархат* и *аксамит*⁴⁷. Нередко среди фитонимов, относящихся к одному и тому же растению, встречаются производные от обеих лексем. Русские названия, как полагает Н.И. Анненков, «все, по большей части, суть переделки иностранных названий» (1876: 27). Итак, среди растений этой группы: бархатцы *Tagetes Tourn.* *бархатец* (иск. сост.), пол. *aksamitka*, чеш. *aksamitnik*; бархатцы крупноцветковые *Tagetes erectus L.* *бархатный цвет* (пер.); бархатцы мелкоцветковые *Tagetes patulus L.* бел. *аксамитка* и укр. *оксамит*, *бархатец*, *бархатцы* (в сад.), пол. *aksamitek*; лихнис — татарское мыло *Lychnis chalcidonica L.* *бархатка* (Тамб.); горицвет кожистый *Lychnis coronaria L.* *аксамитки* (Умань), щирица хвостатая *Amarantus caudatus L.* бел. *аксамитник*. Перечисление всех «бархатных» растений заняло бы слишком много места, однако можно упомянуть еще василистник простой *Thalictrum strictum Andrz.* укр. *оксамит коштовий*, маргаритку многолетнюю *Bellis perennis L.* *бархатный цвет*, *бархатка*, скабиозу темнопурпуровую *Scabiosa atropurpurea L.* *бархотки* (Полт.), лабазник шестилепестный *Spigaea Filipendula L.* *бархатки полевые* (Уф.), жабник полевой *Filago arvensis L.* *бархатная травка* (Ворон.), зайцехвост *Lagurus бархатник*, водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris L.* *оксамыт*, *оксамит* (Малор.) (Анненков 1876: 27, 42, 145, 200, 206, 318, 339, 347, 353, 392), зопник клубненосный *Phlomis tuberosa L.* *бархатник* — «У него листочки нижние как бархатные, ну, мягкие такие» (Яшк. Кемер.), медуницу мягкую *Pulmonaria molissima A. Kerner.* *бархатинка*, *бархатник*, *бархатный лист*, *бархотка* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 96; 2: 47).

По большей части это растения либо с мягкими, бархатистыми листьями, либо с яркими цветами, составленными из большого числа лепестков, часто мелких. Не исключено, что к этой же группе следует отнести (искаженное?) название *аксамес* ‘поручейник сизаровидный *Sium lancifolium*’ и ‘вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris L.*’ (Екат.) (Анненков 1876: 205, 332). Кроме того, фитоним *аксамет* (Екат.) отмечен для чистотела большого *Chelidonium majus L.*; возможно, что в данном случае название мотивировано применением растения — в отваре его «купают детей от накожных

---

⁴⁷ *Аксамит* нем. стар. ‘бархат’ (Даль 1: 8); пол. *aksamit* ‘бархат’, чеш. *aksamit* ‘бархат’.

болезней» (Курск.); употреблялся он также «от венерических ран, от чесотки, золотухи... но всего чаще употребл. сок этого растения для сведения бородавок, желтых пятен» (Анненков 1876: 94), то есть кожа больного должна стать чистой, ровной и гладкой, как бы «бархатной». Тему ценных тканей продолжает *кармазин*⁴⁸ «падуб остролистный *Plex aquifolium* L.» (Там же: 174).

Множество растений получило названия от корня *шелк-*, причем мотивации могут быть разными. Так, для ваточника сирийского *Asclepias syriaca* L. были «искусственно составлены» фитонимы *шелковичное сирийское растение* — по шелковистому пуху, окружающему семена, а также *ваточник* и *русский хлопок*, поскольку его «предлагали обрабатывать подобно хлопчатнику». Тут белый и тут черный (шелковица) получили свои имена, поскольку их листьями питаются шелковичные черви: *Morus alba* L. «белая шелковица, біла шовковица (Малор.) (назв. женск. особей), а шовкун, шелкун (мужск. особей)»; чеш. *šelkovicе*; *Morus nigra* L. *черная шелковица, цареградская шелковица, шовковица* (Малор.). Наконец, целая группа названий типа *шелковица, шелковая трава* обусловлена узкими листьями или же длинными тонкими стеблями без узлов: *шелковица* «кипрей узколистный *Epilobium angustifolium* L.»; *шелковица* (Курск.) «цмин песчаный *Helichrisum arenarium*», *шелковая трава, шовкова трава* (Малор.) «канареечник тростниковидный *Phalaris arundinacea* L.»; *шелковая трава* (Курск.), *шовкова трава* (Малор.) «ковыль волосатик *Stipa pennata* L.»; *шелковая трава* (Черн.), *шелковица* (Ворон.) «осока волосистая *Carex hirta* L.» (Анненков 1876: 52, 85, 133, 163, 219, 247, 344), пол. *jedwab polny*⁴⁹ «повилика *Cuscuta* L.» (Spólnik 1990: 95); ср. тж.: *лягушачий шелк* «тина, зеленые нити, выволакиваемые неводами» (Даль 2: 286).

Рогозом или рогожей называют растения трех разных родов, прежде всего рогоза *Typha* L.: рогоз узколистный *Typha angustifolia* L. *рогожник* (Вят.), *рогоза* (повсюду), пол. *рогоża*⁵⁰, луж. *rogoża* («из нее делают ковры или рогозы, рогожи»); рогоз широколистный *Typha latifolia* L. пол. *рогоża*; а тж. камыш озерный *Scirpus lacustris* L. — *рогоз, рогоза* (Малор.), пол. *рогоza, rogozina* и осока *Carex* L. — серб. *рогожа, рогоз*. Плаун булавовидный *Lycopodium clavatum* L. получил название *дерюга*, а повилика *Cuscuta* Tourn. — *войлочная трава* (Анненков 1876: 85, 118, 203, 320, 366, 367).

⁴⁸ *Кармазин* южн. тонкое, ярко-алое сукно (Даль 2: 92).

⁴⁹ Пол. *jedwab* «шелк».

⁵⁰ Пол. *рогоża* «рогожа».

Фитонимы *повой* или *повойник* относятся в подавляющем большинстве к вьющимся, цепляющимся растениям⁵¹: алтей аптечный *Althaea officinalis* L. *повойник*; княжик *Atragene* L. пол. *powojnica*, *motyli powoj*; ломонос *Clematis* Dc. пол. *powojnik*, *powoj motyli*; вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L. *повой малый*, пол. *powojka*, *powoj polny*; повойничек водяной перец *Elatine hydropiper* L. *повойничек*, пол. *powojńczyk*, *powoiczek*, *powojnik*; плющ обыкновенный *Hedera Helix* L. *повой*; ипомея *Ipomea* L. серб. *powojnica*, пол. *powoj lejkowy*; жимолость душистая *Lonicera caprifolium* L. *повой благовонный*, пол. *kozi powoj*; жимолость немецкая *Lonicera periclymenum* L. *повой благовонный*; лиций обыкновенный *Lycium barbarum* L. *повий* (Малор.), постенница аптечная *Parietaria officinalis* L. *повой подстенный*; горец вьющийся *Polygonum convolvulus* L. *повойка* (Гродн.); барвинок малый *Vinca minor* L. *повой воловь* (Анненков 1876: 26, 58, 102, 107, 131, 162, 177, 198, 202, 241, 264, 380).

К одежде и тканям примыкает группа слов типа *рушник/ручник*⁵². Относится она главным образом к орхидным: *зозулины рушнички* (Волын.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’, *рушнички* (Гродн.) ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’, *зозулины рушнички*, *зозулины рушнички* ‘тайник овальный *Listera ovata* R. Br.’, а также к ландышу купеновому *Convallaria polygonatum* L. — *зозулины рушнички* (Гродн.) (Анненков 1876: 107, 161, 196, 233).

Для нескольких видов васильков отмечены производные от слова *лоскут* — по неровной, рваной форме лепестков: *лоскутница* (Ворон.), *лоскутный цвет* ‘василек синий *Centaurea cyanus* L.’; *лоскутница*, *цвет лоскутный* ‘в. горькуша *C. jacea* L.’; *лоскутный цвет* ‘в. черный *C. nigra* L.’, *лоскутница* (Могил.) ‘в. скабиозовидный *C. scabiosa* L.’ (Анненков 1876: 89–91).

В заключение приведем небольшую группу фитонимов, образованных от слова *пряжа*. Повилика *Cuscuta Tourn.* получила их даже несколько: *пряжа*, *крапивная пряжа*, *сорочья пряжа*, *галочья пряжа* (Анненков 1876: 118; Даль 1: 342; 3: 533); название *сорочья пряжа* отмечено также для торицы крупной *Spergula arvensis* L. (Влад.)

⁵¹ Ср.: «Повой... 2. Простынка, которой покрывается ребенок, вынутый из купели (при крещении). Судог. Влад. ... 4. Старинный женский головной убор, повойник. Опоч. Пск., Пск., Моск. ... 9. Повои — черные шерстяные онучи, которые наматывают поверх белых. Тамб.» (СРНГ 27: 254–255).

⁵² Укр. *рушник* ‘полотенце’.

(Анненков 1876: 338) и подмаренника топяного *Galium uliginosum* (Даль 3: 533).

Итак, рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что предметный код одежды наряду с другими кодами отражен в народной фитонимике. По большей части рассмотренные названия обусловлены формой различных органов растения. При этом названия некоторых растений входят в несколько рассмотренных групп одновременно (как и в другие группы, не имеющие отношения к одежде).

ЧИСЛОВЫЕ МОТИВЫ В НАРОДНОЙ БОТАНИКЕ

Когда речь идет о числах применительно к растениям, обычно имеется в виду количество отдельных экземпляров — известно, что собирание трав по три, по девять или по двенадцать служило способом усиления их магической или целебной силы. Например, определенное число растений — обычно двенадцать — собирали на Ивана Купалу; в Белоруссии от «колотья» рекомендовалось поить и обмывать грудь больного, «бока и спину отваром из девяти колючих растений: крыжовника, розы, „дядовника“ и проч.» (Никифоровский 1897: 270. № 2106), ср.: «В Герцеговине народ верит, что есть девять видов трав от змеи и, если бы человек собрал все девять, это было бы надежное лекарство от любой змеи» (Чајкановић 1985: 336). Однако здесь хотелось бы остановиться на числе отдельных органов растения, которое отражается прежде всего в фитонимике, а также влияет на использование растений и/или их образ в фольклорных текстах, играя роль в формировании символики растения.

Наличие одного цветка отмечено в названиях *одинарник* (Черн.) ‘седмичник европейский *Trientalis europaea* L.’, чеш. *jednokwitek* ‘седмичник *Trientalis* L.’. Целая группа однотипных названий относится к разным видам ветрениц: *одномесечник* ‘ветреница *Anemone* L.’, *одномесечник* (Казан.) ‘прострел сон-трава *Anemone patens* L.’, *одномесечный цвет* (Сарат.) ‘прострел обыкновенный *Anemone pulsatilla* L.’, *одномесечная трава* (Перм.) ‘ветреница алтайская *Anemone altaica* Fisch.’, *желтая одномесечная* (Красноуф.) ‘ветреница лютиковая *Anemone ranunculoides* L.’. Впрочем, они могут касаться и других растений: *одномесечник* ‘адонис *Adonis Dill.*’, *одномесечная* (Костр., Волог., Арх.) ‘селезеночник обыкновенный *Chrysosplenium alternifolium* L.’. В названиях вороньего глаза четырехлистного *Paris quadrifolia* L. отражено наличие одного плода, ягоды, хорошо заметной на фоне розетки листьев — пол. *jednojahoda*, луж. *jenojahodka* (Анненков 1876: 10, 33–35, 97, 242, 357, 390). В травнике есть упоминание о рас-

тении *одиначик холостой* — со значительной долей вероятности этот текст можно отнести к вороньему глазу: «Трава одиначик холостой растет в лугах, стебель одинак, сверху четыре листа, а на листочках ягодка одна черная, цвету у ней не бывает, а растет по земли растилаючись, корень тонок, долог, с малыми отъросками, бел. Пригодна естли корень выроешь июня 20 числа и дашь в чем-нибудь, в еже или в пить[e], девке или бабе, то всякая бывает разъжена плотию» (РНБ F.VI.16, л. 8 об., № 78)⁵³. Здесь наличие одной ягоды вызывает ассоциацию с одиноким человеком, что подчеркивается в обеих частях названия — одиначик холостой.

Интересен ряд фитонимов для растения мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara* L. Он включает названия, образованные как от числительного *один* — *односторонник* (Алт.), так и от числительного *два* — *дволистник*, *двуличник* (Анненков 1876: 365–366). Они обусловлены тем, что верхняя поверхность листьев гладкая, а нижняя — шероховатая. Собственно, и номенклатурное название отражает тот же признак. Таким образом, одно и то же растение может восприниматься как растение только с одной «правильной» стороной, или же как двустороннее, то есть обладающее двумя разными реализациями одного признака — фактуры поверхности.

Число «два» может восприниматься как положительное или отрицательное. Так, при подготовке к свадьбе, когда мотив парности выступает на первое место, на Буковине невеста собирала барвинок для венка, срывая по два листочка одновременно (ЕУ-Черновиц-2001). Удвоение может служить символом достатка, богатства: «двойной орех „спорыш“ рекомендуется носить в кошельке, чтобы деньги „спорились“ (бел.); двойной каштан (словен.) служит талисманом»; двойной колос (*спорыш*, *двойчатка*, *близнята* и т. п.) скармливали скотине для повышения плодовитости (СД 2: 24), их клали в карман или за пазуху на счастье, хранили за иконой, втыкали под матицу — от насекомых (Левкиевская, Плотникова 2001: 294). Напротив, беременной женщине запрещалось есть сросшиеся плоды, чтобы не было близнецов: «Говорят, что если женщина съест двойной колос, она неизбежно будет иметь двойни. Такие колосья дают есть овцам, чтобы они приносили по двое ягнят» (Романов 1912 (VIII): 263). Число «два» оказалось особенно важным в формировании символики двух групп растений, которые условно можно объе-

---

⁵³ В данном разделе все старинные травники цитируются по работе (Ипполитова 2004).

динить под именами *иван-да-марья* и *ятрышник* (подробнее см. соответствующие очерки).

Фитоним *иван-да-марья* в большинстве случаев относится к двум растениям — марьянику дубравному *Melampyrum nemorosum* L. (в этом значении фитоним характерен для северной части России) и фиалке трехцветной *Viola tricolor* L. (для южной). У фиалки лепестки разного цвета, а у марьяника как цветы воспринимаются не только настоящие, желтые, цветы, но и фиолетовые прицветники. Этот факт отражен в фитонимах *двухцветник* (Новг.) ‘марьяник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ (Анненков 1876: 211), *двоекраска* (Урал) ‘м. луговой *M. pratense*’ (Коновалова 2000: 70), укр. *полуцветки* (Анненков 1876: 382), *полуцвіт* ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’ (Рогович 1874: 33). Помимо прямого называния числа, разная окраска лепестков могла выражаться и другими способами. Большая группа фитонимов образована по типу *иван-да-марья*, бел. *брат-сестра*, укр. *братки* и под. (Анненков 1876: 211, 382). Эти фитонимы в сжатой форме отражают этиологическую легенду о появлении этого цветка из двух человек: брат женился на сестре, и они обратились в цветок с синими и желтыми цветами (Чубинский 1872 (I, 1): 82 и др.).

Такие представления объясняют применение растений: марьяник использовался как средство восстановить согласие между супругами (Анненков 1876: 211), а фиалка — для лечения «любострастных» болезней (Арандаренко 1848 (1): 47). Благодаря представлениям о двойственности, эта трава служила и оберегом, причем весьма своеобразным. Обычно в качестве апотропеев используются либо колючие растения, либо растения с резким, сильным запахом и вкусом. *А иван-да-марью, нарвав в Иванов день до восхода солнца, клали по углам избы, чтобы вор не подошел к дому, рассчитывая, что «брат» будет говорить с «сестрой», а вор подумает, что говорят хозяин и хозяйка* (Макаренко 1913: 86).

Завершая эту тему, приведем еще один пример — в Черновицкой экспедиции был записан фитоним *иван-и-маричка* для комнатного растения, у которого из двух цветков (оба красного цвета) один имел множество лепестков, а другой — только четыре. Не исключено, что это был окказионализм, созданный информантом прямо во время интервью, но в таком случае это подтверждает продуктивность модели, только здесь свою роль сыграла разница не в окраске, а в количестве лепестков.

Другая группа растений, которую следует рассмотреть в этом разделе — ятрышники, относящиеся к северным орхидеям. У части

видов рода *Orchis* характерная форма корневых клубней, напоминающих тестикулы, поэтому большое число народных названий этих видов отражают эту особенность растений: *поповы яица* (Подол.), *яички* 'ятрышник мужской *Orchis mascula* L.'; пол. *lisje jajka* 'я. шлемоносный *O. militaris* L.'. По той же причине все ятрышниковые растения в народной медицине и магии использовались как приворот или средство от импотенции (Анненков 1876: 196, 233; Потанин 1899: 233; Хатемкин 1900: 8–9).

Однако и для ятрышников с пальчатораздельными корнями символика числа «два» играла свою роль. Поскольку обычно рядом располагались два клубня — потемневший прошлогодний и более светлый молодой, то эта разница осмыслялась в терминах мужское/женское, при этом темный корень воспринимался как женский, а светлый — как мужской (Харитонов 1848: 15). Количество отростков на клубне также имело значение: так, в Ярославской губ., гадая о поле будущего ребенка, выдергивали ятрышник с корнем: два отростка обещали девочку, три — мальчика (Архангельский 1853: 59)⁵⁴.

Упомянем еще такие названия, как *двухцветная трава* (Арх.) 'венерин башмачок настоящий *Surgipedium calceolus* L.' — у этого растения нижний лепесток-губа ярко-желтого цвета, а остальные — темно-красного, или *двулистник*, пол. *dwulistnik*, чеш. *dvoják*, луж. *dwójliscik* 'тайник овальный *Listera ovata* (L.) R.Br.' (Анненков 1876: 120, 196), у которого два прикорневых листа. Кроме того, названия могли мотивироваться не внешним видом растения, а его ролью в народной медицине: *двусил* (Урал) 'синюха голубая *Polemonium coeruleum*' — «двусил две силы дает, когда охилеешь» (Коновалова 2000: 70); *двусильная* 'девясил' (Кудряшова, Колокольцева 2004).

Как к фиалке, так и к марьяннику могут относиться фитонимы, образованные не только от числа «два», но и от числа «три». Это *трехцветка* (Шенк.), *троецветка* (Вят., Перм.) 'фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.' (Анненков 1876: 382) и *трехцветная трава* (Там же: 211), *troicin svět* (Sobotka 1879: 247), бел. *трыцьцвет, трайцвет*

---

⁵⁴ Ср.: «Пол будущего ребенка старались вычислить, относясь к результату серьезно. Катя Р. предложила такой вариант: к своему возрасту на момент зачатия прибавить номер месяца, в который произошло зачатие. Если получилось четное число, жди девочку, нечетное — мальчика» (Круглякова 2001: 233). О противоречиях в соответствии между рядами бинарных оппозиций мужское/женское и чет/нечет см.: (Журавлев 2005: 773).

(Гродн.), *травя трыцьветная* (Вил.) (Ганчарык 1927а: 195, 202), србх. *траврсна љубица* (Чајкановић 1985: 84) ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’.

Обычное количество листиков клевера отразилось в названиях разных видов клевера: *треушник* (Твер.), *треуха* (за Кавк.) ‘клевер *Trifolium Tourn.*’, *трехлистник* (Олон.), *трипальник* (Орл.) ‘к. полевой *T. agrarium* L.’, *треушник* (Гамб.), *троелистка* (Симб.), *трошца* (Смол.), *троян* (Малор.) ‘к. луговой *T. pratense* L.’ (Анненков 1876: 357, 360), укр. *trojan*, *trijka*, *trojzilla* ‘клевер *Trifolium*’ (Machek 1954: 121). Те же или схожие названия относятся и к вахте трехлистной *Menyanthes trifoliata* L. — по большому сходству листьев этих растений (Меркулова 1967: 35–36): *трехлапник* (Новг.), *трилистник*, *троелистка*, *трехлиственник* (Вят., Перм., Сиб.), *третьина* (Курск.), пол. *trojan*, *trzilistek*, чеш. *trojlistnik*, *třilistnik*, серб. *trolist gorki* и под. (Анненков 1876: 215). У герани болотной *Geranium palustre* L. листья собраны по три, почему она и получила название *триперстница* (Могил.); по той же причине кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L. называется *трилистник кислый* (б.м.) (Там же: 155, 237). К сожалению, данные по фитонимике редко сопровождаются комментариями собирателей по поводу причин возникновения названия того или иного растения. Тем не менее можно с достаточной долей уверенности предположить, что фитонимы *тригольник*, *триножник* (Херс.) ‘дурнишник колючий *Xanthium spinosum*’ (Там же: 411) возникли оттого, что дурнишник обладает трехлопастными листьями, при основании которых сидят одна-две трехраздельные колючки (Носаль, Носаль 1960: 203), а *тройноголовяк* (Екат.) ‘ворсянка бесцветная *Dipsacus strigosus* Willd.’ (Анненков 1876: 127) — по той причине, что стебли ворсянки собраны по три.

Вороний глаз четырехлистный *Paris quadrifolia* L., у которого листья собраны в розетку по четыре, называется *крест трава*, *хрест трава* (Харьк.), *хрещате зілле* (Малор.), серб. *krstac*, пол. *czworolist*, *ziele czworolistne* (Анненков 1876: 241–242). Для экземпляров клевера с четырьмя листочками отмечено название серб. *крсти куме дете* (Бјелетић 1996: 91). Сербский фитоним *četverokrilaš* относится к четырехкрыльнику пурпуровому *Tetragonolobus purpureus* (Анненков 1876: 351) с плодами в виде четырехгранных бобов.

Иногда важно не столько конкретное число органов растения, сколько то, что оно отличается от обычного, например, необычное количество лепестков: «Кто найдет в цветках лишний лепесток — к счастью» (Даль 1997 (1): 63). Общеизвестно поверье о том, что клевер с

четырьмя листочками приносит удачу; белорусы полагали, что «деньгам не будет переводу, если носить в „мошёнки“, или „кылице“ такой трилистник, в котором находится четыре, или пять „зубков“» (Никифоровский 1879: 133. № 981). Отличали такой клевер и в Сербии: ему приписывали способность открывать любой замок и привораживать парней; считалось, что у коня, наступившего на клевер с четырьмя листочками, вывалятся все гвозди из подков. Найденный на Иванов день, он помогал понимать язык животных. Он же употреблялся в любовной магии — два листа девушка мажет маслом, другие два медом, затем бросает их на две стороны дороги, где пойдет юноша, снова соединяет и носит с собой — тогда юноша будет принадлежать ей. Если юноша украдкой дотронется таким клевером до девушки, она влюбится в него, и наоборот. Клевер же с двумя листиками, как полагали, помогает отыскать клад. О клевере с пятью листьями в Боснии и Герцеговине говорили, что он растет там, где «вила плюнула», а это случается крайне редко, едва ли раз в сто лет. Клевер с пятью листиками упоминается и в тексте, который произносится перед сном как оберег от вештиц (Чайкановић 1985: 86–87; Софрић 1990: 84). Помимо клевера, еще один пример положительной оценки необычного количества лепестков — сирень, чьи пятилепестковые цветки ищут на счастье.

С числительным «пять» связаны названия нескольких групп растений. Одна из них включает различные виды лапчатки: *пятилистник*, *пятипальчики*, *пятипалечник* (Ворон.), *пятиперстень*, *пятиперстник* (Малор.) ‘лапчатка белая *Potentilla alba* L.’; серб. *petoperst guščji* ‘л. гусиная *P. anserina* L.’; *пятилистник* ‘л. серебристая *P. argentea* L.’; пол. *pięciornik*, чеш. *pětiperstka* ‘л. ползучая *P. reptans* L.’; пол. *pięciperst*, *pięcio perst*, серб. *petoprst*, *петопрстац* ‘лапчатка *Potentilla Nestl.*’. Ближайшая ассоциация числа «пять» — с пятью пальцами (другие названия лапчатки белой — *межперстница* (Тамб.), *межперстник*, *межперстица* (Черн.), *расперстная* (Орл.), и применяется эта трава «от опухоли между пальцев» (Анненков 1876: 269–271)). Подобные названия получали и другие растения со схожим строением листа: *пятилистник большой*, *пятипалечная трава* (Петерб.) ‘сабельник болотный *Comarum palustre* L.’; *пятиперстница* (Гродн.) ‘герань болотная *Geranium palustre* L.’ (Там же: 105, 155), болг. *пятопръстница*, *пятопръст* ‘первоцвет истинный *Primula veris* L.’ (Геров 1: 5), србх. *петопрстица* ‘рута садовая *Ruta graveolens*’, *петолист(и)ца*, *петоножац*, *петопер(ец)*, *петопрстак*, *петопрстац*, *петопрстка*, *петопрстница*, *петопрстовка* ‘различные растения с пятью листьями’ (Лазиф-Коњик, Вуловић 2007: 52).

Связь числа «пять» с пальцами руки имеет место и тогда, когда осмысляется форма корня растения. Выше уже упоминалось о ятрышниках; те виды, у которых корни имели вид клубней с несколькими отростками, ассоциировались с рукой: *пятипалечник*, *соломоницина ручка* (Приарг.) ‘ятрышник широколистный *Ochsis latifolia* L.’; *пятипалечная трава* (Ворон.), *пятипалешиник* (Арг.), *соломоницина ручка* (Приарг.), *чертова ручка* (Могил.), пол. *dłoń chrystusowa* ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’ (Анненков 1876: 233–234), бел. *далонка*, болг. *ръчица* (СД 2: 596); *пять пальцев*, *пятилапник*, *ладошка*, *пальчики* (Урал.) ‘пальчатокоренник балтийский *Dactylorhiza baltica*’ (Коновалова 2000: 118). Фитонимам соответствовало и использование этих растений в магии: «*Чертова ручка*, *пятилапка*, *ладошка*, [‘кокушник комариный’] *Gymnadenia conopsea* R. Br.’, ‘Девки корнем (клубнем) ребят заедают. Если у травы только одна лапка и ее съесть, то детей не будет; если у травы две ладошки, то съешь их и принесешь двойни» (Уткин 1928: 94).

Число жилок на листьях подорожника в некоторых локальных традициях считается равным пяти: болг. *пятожили* ‘подорожник’, *петожили*, *петожил* ‘п. большой’, *петожилка* ‘п. средний’ (Ахтаров 1939: 239), кашуб. *p’acziłk’i*, *p’acoziłk’i*, *p’ac’zilek* ‘п. большой’, *p’acziłki* ‘п. ланцетолистный’ (Sychta 3: 207; 4: 274; 6: 289).

Единственный фитоним, образованный от числительного «шесть», который нам удалось найти, — *шестинедельник* (Урал.) ‘заячья капуста *Sedum telephium* L.’ — «потому что засыхает через 6 недель» (Анненков 1876: 324).

Аконит высокий *Aconitum excelsum* Reich. получил фитоним *семилаповка* (Олон.) (Анненков 1876: 7) — очевидно, по характерной форме листьев, напоминающих ладонь. Другая особенность строения листа — ярко выраженные жилки на листьях — отразилась в фитониме *семижилник* (Екат.) ‘подорожник большой *Plantago major* L.’ (Там же: 259) — и применении: «если семижилник пить, будешь сильным — семижилным» (Коновалова 2000: 181). Растение седмичник европейский *Trientalis europaea* L., уникальное тем, что имеет в норме семь листьев, семь лепестков и семь тычинок, получило фитонимы *семитычник*, *седмачок* (Гродн.) (Анненков 1876: 357), *семитычинник* (б.м.) (Даль 4: 171). Некоторые фитонимы, очевидно, обусловлены той ролью, которые растения играли в народной медицине. К ним можно отнести следующие: *семиприточная* (Яросл.) ‘аистник цикутolistный *Erodium cicutarium* L.’, *семисильник* (Полт.) ‘золототысячник зонтичный *Erythraea centaurium* L.’, *семиугодник* (Вят.) ‘горечавка пере-

крестнолистная *Gentiana cruciata* L.', *семисильник* (Полт.) 'норичник шишковатый *Scrophularia nodosa* L.' (Анненков 1876: 136, 138, 154, 322). Все эти травы применялись в народной медицине от большого количества заболеваний. Вероятно, некий мифологический сюжет стоит за фитонимом *семибратская кровь* (Дон.) 'хвощ полевой' (Брысина, Кудряшова 2003: 269).

Характерная форма стебля со многими узлами и разветвлениями обусловила фитонимы *семиколенник* (Урал), *семиколенник мужской* (Яросл.) 'горец щавелелистный *Polygonum lapathifolium* L.', *семиколенник женский* (Петровск.) 'г. почечуйный *P. persicaria* L.', *семиколенка* 'рдест блестящий *Potamogeton lucens* L.' (Анненков 1876: 265, 269), ср. *семиколенная трава*, *семиколенник* 'горец почечуйный *Polygonum persicaria* L.': «Потому что стебель у неё с семью коленами» (Шег. Том.), *семиколенка*, *семиколенник* 'герань луговая *Geranium pratense* L.', *семиколенная трава* 'вейник *Calamagrostis* Roth.' (Арянова 1: 49, 58, 61). Очевидно, в данном случае, как и во многих других, числительное *семь* употребляется в значении 'много'⁵⁵, ср. *семерить* 'усемерять, множить семью'; *семиблюдка* (Арх.) 'званный, роскошный обед' (Даль 4: 170). То же можно предположить относительно фитонимов *семицветная* (Арх.) 'копеечник сибирский *Hedysarum esculentum/neglectum* Ledeb.', *семитичник* (Могил.) 'ястребинка зонтичная *Hieracium umbellatum* L.' (Анненков 1876: 162, 167).

Что касается названий, производных от числительного «девять»⁵⁶, бо́льшая их часть приходится на фитоним *девясил* и подобные ему, а внутри этой группы подавляющая часть относится к девясилу высокому *Inula helenium* L.: *девясил* (бол. ч. Росс.), *девясильный корень*, *девятисил* (Олон., Волог., Костр., Влад.), *дивосил* (Малор.), *дивясил*, *девясильник*, *дивесил*, пол. *dziewiosil* (Анненков 1876: 176), укр. *dev'asyl*, *dev'atosyl*, *dev'atosylnyk* и под. (Меркулова 1967: 105), бел. *dzivasil*, *zhyvasil* (БМ 2004: 140), болг. *devesil* (Machek 1954: 241), србх. *devесиль*, *devесилье* (Чайкановић 1985: 181) 'девясил *Inula*'. Этот фитоним «этимологическими словарями единодушно признается сложением основ **deve-* (ср. **deve-*(-ть) 'девять') и **sil(a)* 'сила'. В народных представлениях девясил считался эффективным средст-

⁵⁵ О способах выражения неопределенного множества см.: (Григоров (в печати)).

⁵⁶ Число «восемь» в фитонимике нам не встретилось (как и число «одиннадцать»). О схожем явлении на материале сказок см.: (Журавлев 2005: 793).

вом против чумы и других болезней. <...> Об актуальности такого осмысления свидетельствуют модернизованные формы диал. *девятисил*, *девятисыленьник* ‘девясил’, ‘пижма’, а также тверск. *девясила* ‘верзила’. Однако с утратой осознаваемых связей с **deve(-ть)* слово подвергалось переосмыслению в духе народной этимологии, ср. русск. *дивосил*, белорус. *дзівасіл*, втянутые в гнездо **div-* ‘диво, дивный’» (Журавлев 2005: 528–529); ср. тж.: «Дивосил — дивно сил дает» (Коновалова 2000: 72). Такие этимологии воспроизводятся и сейчас: авторы энциклопедического словаря «Белорусской мифологии» приводят версию о том, что название растения можно понять как «божья сила» (от *дзіекас* ‘бог’) или же «дивная», «дикая» сила (БМ 2004: 141).

В этом названии, очевидно, отражена магия числа «девять», широко представленная в славянской культуре. Так, считалось, что «от бесплодия можно избавиться, если съесть затерявшееся на мельнице зернышко (босн.) или носить при себе «девять зерен с девяти дворов» (бел.)» (СД 1: 167); в Хорватии для уходящего на войну рубаху изготавливали девять вдов (Толстой 2003: 52); в Белоруссии «при первом купании ребенка в корыто клали девять угольков из печи» (БМ 2004: 138); там же бытовало поверье, что с помощью горохового стручка с девятью зернами можно остановить свадебный поезд, и «лошади не тронутся с места, пока стручок не будет отыскан и выброшен». Стручок надо положить в экипаж жениха и невесты, но можно и зарыть на дороге, со словами: «девиц бочак гороху, десятая невеста — нярушь-цися, кони, з места!» (Никифоровский 1879: 64. № 413)⁵⁷.

Вероятнее всего, девясил получил свое название оттого, что считался универсальным лекарством, ср. *девятиболезник*, *девятижиленьник* (Кудряшова, Колокольцева 2004: 32). На Дону девясил «считался полезным от всякой внутренней болезни, или, как говорили на Дону, „от всякой скорби“» (Торэн 1996: 66). Согласно украинскому поверью, девясил, освященный на девяти заутренях, помогал от любой болезни (Франко 1898: 167; Носаль, Носаль 1960). В бело-

⁵⁷ Поверье об остановке свадебного поезда относилось и к стручку гороха с двенадцатью зернами (Никифоровский 1879: 64. № 413). Более того, «насильственное обращение в волков может быть совершено над таким свадебным поездом, где едет 12 лиц. Злобный чародей делает это превращение при самом отъезде: с известными ему одному заклинаниями он перебрасывает чрез выстроившийся поезд такое гороховое зерно, которое взято из стручка с 12 зернами» (Там же: 67. № 435).

русской народной медицине это растение применяется «ад усіх хвароб», особенно при болях в животе, заболеваниях сердца, простудных, женских болезнях, воспалениях кожи, от глистов, опухолей. Девясилом лечили также колтун, рожу, золотуху (БМ 2004: 141). Схожая мотивация приводится и в травнике: «Корень в ней аще девять сил добрых лекарств и ко всякому. По том зовется и девятисил» (РНБ. Q.VI.18, л. 30 об., № 23). О том же говорят и современные записи: «Девятисил силу дает. Растет где-то по оврагам все, цветок желтый, запах приятный такой. Когда воспаление легких, тогда и применяют, очень лечебный» (Коновалова 2000: 70).

По мнению В.А. Меркуловой, «первоначально эта способность [излечивать от девяти недугов. — В.К.] приписывалась растению *Inula helenium* L., обладающему тонизирующими свойствами, а затем была распространена и на другие лекарственные растения семейства сложноцветных» (1967: 104–105). К сожалению, автор не приводит доказательств именно такого направления переноса, но факт, что схожие фитонимы по говорам могут означать также буквицу лекарственную *Betonica vulgaris* L. — *девесил* (Курск.); колючник обыкновенный *Carlina vulgaris* L. — *девясил белый* (б.м.); ломонос прямой *Clematis recta* L. — *девесиль* (Курск.), а также пижму обыкновенную *Tanacetum vulgare* L. — *девятильник* (Сиб., Вят., Перм.), *девятильник желтый* (Перм.), *девятисил* (Том.), *девятыха*, *девятыха желтая* (Арх.), *девятуха* (Арх.), *девясин* (Казан.) (Анненков 1876: 64, 86, 102, 348), *девятильник* (СРГНП 1: 170). Если выйти за рамки только русских говоров, то ряд растений можно еще увеличить: болг. *девесил* ‘борщевик *Heraclеum*’ (Геров 1: 282), чеш. *девесил* ‘подбел *Petasites vulgaris* Desb.’ (Анненков 1876: 245), *dewěsil*, *dewětsil* ‘мать-и-мачеха обыкновенная *Tussilago farfara* L.’ (Там же: 366), пол. *dziewięćsił* ‘колючник *Carlina*’ (Меркулова: 1967: 105).

Прочие фитонимы, имеющие отношение к числу «девять», расширяют этот круг: *девятыха белая*, *девятыха красная* ‘тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.’ (Анненков 1876: 5); *девятыха*, *девятильник* (Урал) ‘тысячелистник хрящеватый *Achillea cartilaginea*’, с той же мотивацией — «трава, помогающая от многих болезней»: «У ей деветь белых цветков в корзинке, потому деветыха... деветыха от девети болезней помогают» (Коновалова 2000: 71); *девятыхрыжная трава* (Перм.), *белый девятильник* (Даур.), *белая девятыха* (Арх.) ‘тысячелистник Птармика *Pтарmica vulgaris* DC’ (Анненков 1876: 277), *девятыхрыжная трава* (Перм.), *корень от девяти грыж* (Перм.) ‘лапчатка прямая *Potentilla tormentilla* Schr.’

(Там же: 408), а также србх. *трава од девет мракова* ‘канатник Теофраста *Abutilon avicennae*’ (Чайкановић 1985: 305). В заключение добавим, что в Герцеговине существовало верование о *јунак-траве*, которая делала людей неустрашимыми, так как у ней девять сердец, а не одно (Zovko 1901: 129; цит. по: Раденковић 2000: 84).

Относящиеся к пижме обыкновенной *Tanacetum vulgare* L. фитонимы *десятильник*, *десятинник* (б.м.) (Анненков 1876: 348), *десятикульник* (Горницкий 1890: 18), вероятно, произошли путем искажения фитонима *девятильник* и под.

Фитонимы, образованные от числительного «двенадцать», указывают на применение растений от соответствующего количества заболеваний, как, например, *трава от двенадцати родимчиков* (Урал) ‘василек скабиозовидный *Centaurea scabiosa*’ (Коновалова 2000: 194), или *двенадцать лихоманок* (Урал) ‘дудник аптечный *Angelica archangelica*’: «лихоманки когда тресут, нече лучше не помогут... с двенадцети лихоманок надо двенадцеть зонтичков сорвать, лучше в полнолуныё, тогда и желтуху, и тресуху выгониш» (Там же: 69).

Числительного «двадцать один» касается текст из травника: «Есть трава Царь Иван, растет при морях и при больших реках, собою в локоть, от одного корени три отрасли, а цветов на ней дватцеть один разных» (РГБ. Музейное собр. № 4492, л. 11 об.-12, № 22).

Из внутренней формы большинства фитонимов, образованных от числительного *сорок*, следует, что травы эти использовались от большого количества болезней, а само слово *сорок* в таких названиях означает просто ‘много’. Так, *сороконедужными* назывались герань лесная *Geranium sylvaticum* L. (Нижег.), будра плющевидная *Glechoma hederacea* L. (Вят., Нижег.), грушанка круглолистная *Rugola rotundifolia* L. (Моск.), василистник желтый *Thalictrum flavum* L. (Нижег.), фиалка трехцветная *Viola tricolor* L. (Вят.)⁵⁸; *сороконедужник* — репейничек аптечный *Agrimonia eupatoria* L. (Сарат.), мыльнянка аптечная *Saponaria officinalis* L. (Сарат.), норичник шишковатый *Scrophularia nodosa* L. (Костр.)⁵⁹ (Анненков 1876: 17, 156, 158, 281, 316, 322, 352, 382). По той же словообразовательной модели строится следующий ряд фитонимов: *сорoko-при-*

⁵⁸ Вероятно, искажением этого же фитонима является *сороконедужная* (Костр.) ‘ожика волосистая *Luzula pilosa* Willd.’ (Анненков 1876: 200).

⁵⁹ То же растение называется *семисильник* (Полт.) (Анненков 1876: 322).

*точник*⁶⁰ (Твер.) ‘аконит высокий *Aconitum excelsum* Reich.; *сорокоприткая* (Вят.), *сорокоприточка* (б.м.) ‘воронец колосовидный *Actaea spicata* L.’ — «самое употребительное лекарство между знахарями от всех почти болезней, ибо действие его сильно разбивающее» (Вят.); *сорокопритник* (Перм.) ‘герань луговая *Geranium pratense* L.’; к целому ряду трав относится фитоним *сорокоприточная* — тысячелистник обыкновенный *Alchemilla vulgaris* L. (б.м.), кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* Gärtн. (Алт.), крестовник луговой *Senecio Jacobaea* L. (Нижег.), лабазник вязолистный *Spiraea ulmaria* L. (Олон.), валериана лекарственная *Valeriana officinalis* L. (Новг.), синюха голубая *Polemonium coeruleum* L. (Моск.) (к этому растению относятся также названия *сорокопритка*, *сорокоприток* (Костр.) (Там же: 7, 9, 20, 37, 262, 326, 340, 373, 400)), колокольчик скученный *Campanula glomerata* (Коновалова 2000: 187). Вероятно, искаженными формами являются такие названия, как *сорокопытник* (Алт.) ‘герань луговая *Geranium pratense* L.’, *сорокопитник*, *сорокоперник* (Костр.) ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.’, *сорокоплитка* (Кунг.) ‘кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* Gärtн.’ (Там же: 156, 195, 390). Поиск травы с требуемым количеством соцветий мог сопровождаться соответствующим обрядом: «Баушка ище говаривала: „Ищи светок, 40 шапок на ём должно быть, — выкоренивай. Коренишь, — читай 40 „Богородиц“, вешай на дворе нат коровой. Порчу-ту уж ни навёдут“» (Чкал. Нижег.) (Доронин 2006). Из этого ряда выбивается лишь фитоним *сорокозуб* (из старой рукописи) ‘буквица лекарственная *Betonica vulgaris* L.’, *сорокозуб* (Киев.) ‘щитовник мужской *Aspidium Filix mas* Sw.’ (Там же: 64, 392). Буквица, вероятно, получила свое название из-за соцветия-кисти с большим количеством собранных вместе цветков, а у щитовника, как у всех папоротников, перисто-рассеченные листья напоминают пилу с множеством зубчиков.

Конечно, вряд ли разумно полагать, что числа за пределами первого десятка имеют отношение к реальному количеству органов растения; еще более, чем к числительному «сорок», это относится к числительному «сто». Так, растения с большим количеством цвет-

---

⁶⁰ «Приткою в прежнее время называлось особенное болезненное состояние человека; про некоторые травы говорили, что они: “сгоняют с человека всякие уроки и притку”... Отсюда по всей вероятности и произошло название многих трав: Приточник, Сорокоприточник» (Анненков 1876: 7).

ков-«головок» получили название *стоголовник* ‘бenedикт аптечный *Spicus benedictus* Gärtn.’ (б.м.), ‘качим метельчатый *Gypsophila paniculata* Led.’ (Харьк.), ‘лапчатка прямостоячая *Potentilla recta* L.’ (Екат.), ‘тысячеголов испанский *Saponaria Vaccaria* L.’ (Малор.), ‘короставник полевой *Scabiosa arvensis*’ (Бесс.), ‘гоздец пурпуровый *Scorzonera purpurea* L.’ (б.м.), ‘смолевка широколистная *Silene inflata* Smith.’ (Тавр.), ‘вероника простертая *Veronica prostrata* L.’ (Екат.), а также *стоглав трава* (б.м.) ‘синеголовник полевой *Eryngium campestre* L.’ (Анненков 1876: 103, 137, 161, 271, 316, 318, 321, 329, 378). Различные виды гераней получили названия *стоколонец* (Екат.) ‘герань болотная *Geranium palustre* L.’, *стоколеник* (Киев.) ‘герань кровянокрасная *Geranium sanguineum* L., герань лесная *Geranium sylvaticum* L.’ — вероятно, из-за разветвленного стебля. Фитоним *стоног* (б.м.) ‘мятлик боровой *Poa nemoralis* L., мятлик обыкновенный *Poa trivialis* L.’, очевидно, придан мятлику из-за характерной формы соцветия — рыхлой кисти с множеством тонких веточек, а пол. *stonogowiec* ‘сколопендриум *Scolopendrium* Sm.’ — букв. «стоног» — вполне подходит папоротнику с многочисленными листиками. По той же причине появился и фитоним *столистник* (Волог.) ‘лапчатка гусиная *Potentilla anserina* L.’ (Там же: 155, 156, 261, 269, 320). Подорожник большой *Plantago major* L. в Среднем Приобье получил (среди прочих) название *стодорожник* (Арьянова 2: 88).

Последнее из количественных числительных, которые используются в фитонимике — *тысяча*. Самое распространенное из таких фитонимов — *тысячелистник* *Achillea millefolium* L. — «заимствованное, но употребительное в большей части Великой России» (Анненков 1876: 5): «тысящелистник, что светков многого, и не сошши-таш, сколь их тамо-ка» (Урал.) (Коновалова 2000: 195). Из-за неопределенности значения в названиях этого растения числительное *тысяча* часто заменяется на другие: *пятидесятилистка*, *сорокалистник*, *столистник*, *тысячелист*, *тысячелистка*, *тысячелистник*, *тысячелистница* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 155), серб. *столика*, *столистац* (Анненков 1876: 5). По той же модели образованы фитонимы *тысячелиственник розовый* (Влад.) ‘валериана лекарственная *Valeriana officinalis* L.’, *тысячаголов* (Малор.), *тысячаголовник* ‘тысячеголов испанский *Saponaria vaccaria* L.’ (это растение уже упоминалось под названием *стоголовник*). Золототысячник зонтичный *Erythraea centaureum* L. был известен под именами *золототысячная трава* («первоначально, вероятно, составлено по аналогии с нем. *Tausendguldenkraut*, а потом уже вошло во всеобщее употребление»),

золототысячник (бол. ч. Росс.), золотисыячник (Малор.), златотысячник (Вят.), тысячник, златотысячница, пол. *tysiącznik* (Анненков 1876: 138, 316, 373).

По-видимому, единственный пример соединения двух чисел в одном фитониме — бел. *трыдзевятка*, *трыдзевятка* (Могил. диалектный регион) ‘вероника дубровка *Veronica chamaedrys* L.’ (Анненков 1876: 377, РС 2001: 87). К сожалению, мотивация этого названия неясна.

Порядковые числительные в фитонимике представлены значительно беднее, лучше других — числительное «первый». О том, что время первого в году появления растений отмечено в языке, говорят названия *первенец* (Волын.), *первоцвет*, пол. *perwiosnka lekarska* ‘первоцвет аптечный *Primula officinalis* Jacq.’; *первоцвет* (Вят.) ‘медуница аптечная *Pulmonaria officinalis* L.’; *первоцветка* (Волог.) ‘селезеночник обыкновенный *Chrysosplenium alternifolium* L.’; серб. *pervenac* ‘ясменник душистый *Asperula odorata* L.’ (Анненков 1876: 53, 97, 273, 279). Растения, появляющиеся первыми, как правило, оценивались положительно. Так, по сербскому поверью, увидев весной в первый раз фиалку, нужно было ее съесть, чтобы обеспечить себе здоровье в течение года (Чайкановић 1985: 169–170). Это свойство стремились использовать в своих интересах и перенести на другие «предметы», полезные для себя. Так, «в сыту для пчел варят живых муравьев и траву „лазоревые васильки“. Ставя под улей, приговаривают: „...как сей цвет и трава прежде всякого цвету и травы выходит [курсив мой. — В.К.], так бы моя пчела прежде всякой чужой пчелы на работу шла“» (Познанский 1995: 125). На Урале отмечен фитоним *вторая осоть* ‘горлоха ястребинковидная *Picris hieracioides*’: «На осот похоже, однако поболее будет... втора осоть сорна тожо» (Коновалова 2000: 59). Там же зафиксированы названия *третья лихорадка*, *третница* ‘ветреница уральская или голубая *Anemone uralensis* Fisch.’: «...лихорадки разны есь, на каждую своя трава, третья лихорадка на свое наговорёна» (Там же: 51, 195); «трава названа по имени весенней лихорадки, которая мучит больного через два дня на третий» (Там же: 51, 125).

Опосредованно количество лепестков связано с гаданием на ромашке и других цветах, например, на *потике*, когда лепестки обрываются по одному с приговором «любит — не любит»: «если последний лепесток будет совпадать со словом „любит“, то значит „он“ или „она“ любит гадающее лицо; а если совпадет со словом „не

любит⁶⁶, то значит — хорошего ждать не приходится» (Смирнов 1927: 35). Однако наряду с известной всем формой гадания, когда лепестки цветка обрываются по одному с приговором «любит — не любит», существует вариант, когда лепестки обрываются по два, и результат зависит от количества оставшихся лепестков — «як напоследку виходит два, то хорошо, а як виходе один, то не получится» (ЕУ-Черновиц-99). Таким образом, для исхода гадания имеет значение четное или нечетное количество лепестков. Тот же признак оказывался важным для растения *купена* (*купена-лупена*, *пена-лупена*) ‘ландыш купеновый *Convallaria polygonatum* L.’: «если растение имеет четное число листьев, то это Лупена и тогда, если им вымоешься, кожу облупит с лица; если же нечетное, то это „Пена“ и вычистит лицо» (Анненков 1876: 106–107). На Алтае скабиоза желтая *Scabiosa ochroleuca* L. — *пупная трава* — применялась в случае, если «кто с пупа сорвет», если у растения нечетное число стеблей и ветвей. В народной медицине применялась и купальница азиатская *Trollius asiaticus* L. под местным названием *огонечки* — однако брать надо «3, 5, 9, 13 отраслей травы на одном корне (чет не поможет)» (Уткин 1928: 91).

Из близко стоящих к числительным словам следует отметить слово *много*. От него образованы названия растений, у которых есть множественные листочки: *многоголовник*, *зелье многоглазое* ‘костенец постенный *Asplenium ruta muraria* L.’, *многоножка* (Могил.) ‘к. волосовидный *A. trichomanes* L.’, *многоцвет* (Курск.) ‘вязель пестрый *Coronilla varia* L.’, чеш. *mnohoštět* (букв. «многощетник») ‘эгилопс *Aegilops* L.’, чеш. *mnohowlasec* ‘кукушкин лен обыкновенный *Polytrichum commune* L.’ (Анненков 1876: 11, 55, 56, 110, 267).

* * *

Очевидно, если растения стремились собрать в определенном количестве, считая это число действенным в определенных ситуациях, то наличие этого числа в природном состоянии тоже должно было осмысляться и оцениваться и придавало соответствующему растению определенный статус в глазах носителя традиции. Но оба магических приема могли дублировать друг друга: от травы *двенадцать лихоманок* собирали «двенадцать зонтичков», девясил освящали «на девяти заутренях». Растения с необычным, отличным от нормы числом листьев или лепестков воспринимались как способные помочь в необычных ситуациях — отыскать клад, приворожить любимого и т.д.

В приведенных контекстах число осмысляется разными способами. Оно может вызывать ассоциации с парами противопоставленных понятий: удача/неудача, мужское/женское. Однако такое большое число предметов, которое сильно затрудняет подсчет, может обусловить их использование уже с другой целью — в качестве оберега. Известно, что в качестве оберега могли использовать множество мелких предметов (маковые зернышки, соль) в силу невозможности их пересчитать. Схожим образом, в Македонии под подушку новорожденному клали, среди прочих оберегов, венки, «чтобы орисницы не смогли сосчитать цветки и не предсказали ребенку злую судьбу» (Седакова 1994: 55).

В группе фитонимов, образованных от числительных (как, впрочем, и в других) наблюдается большой разброс как в денотатах, относящихся к одному (или близким) фитонимам, так и в названиях одного и того же растения. Первое явление не требует особых объяснений — очевидно, что одно и то же количество лепестков, цветков или листьев может встретиться у разных, совершенно не родственных между собой растений. Второе обстоятельство в большей степени касается растений с большим количеством цветков или листьев, или же тех, что считаются способными помочь от большого числа заболеваний, как, например, пижма — среди относящихся к ней фитонимов встречаются такие, что образованы от числительных *девять*, *десять* и *двенадцать*, или тысячелистник — от числительных *девять*, *сорок*, *пятьдесят*, *сто* и *тысяча*, и т. п.⁶¹ В уральских говорах, например, слово *стосил* употребляется как экспрессивно-оценочное к *девясил*, *зверобой*, *двусил*, как и выражение *трава от ста болезней*, применяемое к разным лекарственным растениям: «хоть от чё помогают, от ста болезней, можот, большо, не шшытала» (Коновалова 2000: 188, 194). Герань луговая называется и *троеколенка*, и *семиколенка* (Ср. Приоб.) (Арьянова 1: 58). В этом же ряду стоит и фитоним *тридзевятка* (Могил.) ‘вероника дубровка *Veronica chamaedrys* L.’ (Анненков 1876: 377), где сочетаются сразу два числительных.

Иногда один и тот же фитоним может означать два разных растения в пределах одной локальной традиции: так, и пижму, и тысячелистник в с. Шоломя Архангельской обл. называют одним и тем же словом *девятиха*, так как «с точки зрения народной медицины

---

⁶¹ Ср. названия сороконожки, в других языках образованные от слов со значением ‘тысяча’ (Журавлев 2005: 641).

эти растения имеют сходные лекарственные свойства» (Меркулова 1967: 8). Разные, но образованные по одной модели названия также могут связываться: «Девясил с желтым цветкам, а этот [двуил ‘синоха голубая *Polemonium coeruleum*’] с синеньким» (Урал) (Коновалова 2000: 70).

Число может не только называть количество органов растения, но и характеризовать такие его признаки, как цвет, форма, фактура поверхности, время жизни растения. Оно может вызывать ассоциации с другими предметами (например, «пять» → «рука») которые, в свою очередь, вызывают применение растения определенным образом. Вообще та или иная связь с человеком или частями его тела — одна из основных в народной ботанике. Если фитоним составной (как, например, *семитычинник* или *сорокозуб*), то вторая часть фитонима нередко представляет собой название части тела.

В этом свете вызывает интерес группа фитонимов, в которых числа сочетаются с термином родства *брат*, иногда с добавлением слова *кровь*: србх. *два брата крв* ‘ирис *Iris nobilis*’, *од два брата крв* ‘лихнис — татарское мыло *Lychnis chalconica*’, *од два брата крв* ‘медуница *Pulmonaria*’ (Бјелетић 1996: 89, 91). Как полагает М. Белетич, «названия од два брата крв *Lychnis chalconica* и два брата крв *Iris nobilis*, вероятно, возникли под влиянием сказок с мотивом *два брата*, в которых кровь (носитель жизни) появляется как след на древе жизни или на платке отсутствующего брата, когда он находится в смертельной опасности» (Там же: 97). В свете этого предположения особенно интересно, что при растении медуница *Pulmonaria* нам уже встречались фитонимы *брат и сестра* и *иван-да-марья*.

Особенно велик ряд подобных названий с числительным «девять»: *девятибратная* (Волог.), *девятибрат* (Перм.) ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L.’; *трава девяти братьев* (Вят.) ‘ястребинка луговая *Hieracium pratense* Tausch.’ (Анненков 1876: 167, 348); србх. *од девет брата крв* ‘валериана красная *Centranthus ruber*’ (Бјелетић 1996: 89). Вероятно, «народным творчеством мотивировано и название од девет брата крв *Centranthus ruber*, так как *девять* — постоянное число для братьев в народной поэзии» (Там же: 97). Словосочетание «девет брата», помимо прочего, ассоциируется с девятью Юговичами⁶² (Там же: 89). Такая мотивация прослеживается

---

⁶² Девять Юговичей — персонажи былин, сыновья старика Юга Богдана, которые вместе с отцом и другими сербскими воинами отправляются на Косово поле сражаться с турками. Все они героически гибнут

ся и на русском материале — *трава девяти братьев* (Урал) ‘адонис сибирский *Adonis sibiricus*’ — «Эта лигенда така есь про девить братьев, как ани в цвиты привратилися ат нищаснай любви, и стала трава называться дивити братьев» (Коновалова 2000: 193), ср. *девятитибратник* (Урал) ‘девясил высокий *Inula helenium* L.’ — «Цветки как девять братьёв, вместе» (Там же: 71). Какая-то из вышеперечисленных трав наделялась свойством отвращать от пьянства: «А сказывают от хмелново де питья унять человека трава есь, девятбрат, цвет желт, ино тое травы брати цветки в купалницу, да еловая кора, да губ осиновых, с сырых осин, да ореховой цвет, как розцветет; собрати то все вместо, да взяти сусла, да доспети приголовок, да с хмелем нахмелити тою всею сподобою с хмелем вместе, да и ужити дати, как пиво живет, да пити давати, а говорити, „как злочестивый Июда предал Христа на распятие и не обратился на покаяние, так бы тот раб Божий, имя рек, не обратился на хмелное питие отныне и до века, как мертвому век от гробу не встать, до пришествия Христова, так бы век тому рабу Божию, имя рек, не обратитися на хмелное питие“» (Лахтин 1911: 116). Завершить обзор этой группы названий можно фитонимами *семибратная кровь* (Калуж.) ‘зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum* L.’ и *сорокобратов* (стар. рук. Публ. библ.)⁶³ ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L.’ (Анненков 1876: 172, 349). Внешний вид некоторых из вышеперечисленных растений заставляет предполагать, что ведущим в номинации является термин *кровь*, так как у зорьки и валерианы красной лепестки соответствующего цвета, а на листьях зверобоя имеются красные пятна. Однако остальные растения, в большинстве своем с желтыми цветами, видимо, обязаны своими названиями каким-то незафиксированным этиологическим текстам.

в роковой битве 1389 г., где сербы теряют самостоятельность и свое государство. Латинское название *Centranthus ruber* буквально означает ‘красная шпора’. Девять Юговичей, будучи рыцарями, изображаются в былинах как всадники (Л. Раденкович, письменное сообщение).

⁶³ «Н.И. Анненковым впервые была предпринята попытка идентифицировать некоторые из растений травников с реальными видами; эти материалы вошли в основную часть словаря» (Ипполитова 2004: 13). К сожалению, Н.И. Анненков не обнаружил принципы, положенные им в основу отождествления текстов травников с конкретными растениями. Отметим, что к пижме также относится уже упомянутый фитоним *девятитибрат*.

ГЛАВА 3

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

**Василек. — Зверобой. — Иван-да-марья. — Крапива. —
Лютик. — Одуванчик. — Первоцвет. — Подорожник. —
Полынь. — Цикорий. — Чертополох. — Ятрышник.**

Рассмотрев взаимоотношения растительного и других кодов традиционной культуры, перейдем теперь к сочетанию группы признаков в одном растении и рассмотрим статус нескольких избранных растений в народной культуре. В следующих этноботанических очерках-фитопортретах мы увидим, как эти признаки становятся значимыми для использования данного конкретного растения, какими качествами растения мотивирована та или иная его роль.

Эта глава книги состоит из серии этноботанических очерков. Выбор конкретных растений был обусловлен их значимостью для традиционной культуры и, соответственно, количеством материала. В качестве объекта каждого очерка выступает «знак языка культуры» (СД 1995: 8), то есть растение как объект реальности в единстве со сложившимся вокруг него комплексом представлений. Предпринимается попытка заполнить некоторую часть «матрицы», отдельные ячейки которой уже описаны в таких работах, как (Цивьян 1989; Усачева 1991; Агапкина 1996). При этом иногда под одним заголовком может подразумеваться более одного растения. Подобная проблема была детально рассмотрена на материале мифологических персонажей: «Известно, что одним и тем же именем в разных локальных традициях могут обозначаться разные МП [мифологические персонажи. — В.К.], причем их отличия друг от друга могут касаться не только частных характеристик, но и существенных, определяющих черт. С другой стороны, под разными именами могут выступать МП, тождественные по сумме своих основных характеристик. Однозначное соответствие имени и референта возможно только для одной локальной традиции» (Виноградова, Толстая 1994: 19–20).

ВАСИЛЕК

Первый очерк посвящен рассмотрению одной из единиц растительного кода традиционной культуры, дикорастущему травянистому растению — васильку. Проследим, как объективные признаки растения, отразившиеся в фитонимах, фольклоре и ритуальных практиках, влияют на его образ и семиотический статус в народной культуре. В первую очередь необходимо рассмотреть названия, которые получило данное растение в разных локальных традициях, наряду с мотивировкой этих названий.

Непосредственно под словом *василек* в большей части русских говоров в основном имеется в виду вид василек синий *Centaurea cyanus* L. (семейство сложноцветных *Compositae*)¹. Самая яркая отличительная черта этого растения — цвет лепестков, который варьирует от голубого до ярко-синего. Именно он отмечен во многих славянских языках и говорах и реализуется на разном лексическом материале. В русских говорах это, как правило, слова с корнями *син-* и *голуб-*: *голубоцветник* (Ворон.) (СРНГ 6: 341), *голубец*, *голубоцветник* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 121, 125), *синовница*, *синоцветка* (Вят., Арх.), *синюшник* (Вят., Твер.), *синявка* (Яросл.), *синьки* (Твер.), *синюха* (Волог., Новг.), *голубые цветки* (Нижег.) (Анненков 1876: 89–90), бел. *сінька* (Житк.), *сіноўнік* (Могил. диал. регион) ‘василек полевой’ (РС 2001: 58). Наиболее представительная подборка русских диалектных фитонимов, относящихся к васильку, приведена в работе (Колокольцева, Кудряшова 2003). Приведем ряд примеров, чтобы продемонстрировать разнообразие вариантов: *голубень* (Иван.), *голубец* (Ряз., Волгогр., Астрах., Краснодар., Удм. и др.), *голубка* (Оренб.), *голубок* (Нижег.), *голубянка* (Влад.), *голубоцветник* (Карел., Костр., Мордовия), *голубой колокольчик* (Астрах.), *лазоревоый цветок* (Волгогр.), *синец* (Пск.), *синик* (Твер.), *синушка* (Ленингр.), *синька* (Курск.), *синюга* (Костр. и др.), *синюжник* (Тул.), *синюха* (Волог. и др.), *синюшки* (Новг.), *синюшник* (Волог., Ленингр. и др.), *синя-*

---

¹ Фитоним *василек* может также относиться к таким растениям, как живокость полевая *Delphinium consolida* L. (Уф.), просвирняк низкий *Malva borealis* (Уф.), *Malva rotundifolia* L. (Селенг.), просвирняк лесной *Malva sylvestris* L. (Уф.), синюха голубая *Polemonium coeruleum* L. (Нижег.) (Анненков 1876: 124, 207, 208, 262); базилик душистый *Ocimum basilicum* L. (Курск.) (СРНГ 4: 65); шалфей степной *Salvia dumetorum* (б.м.) (Даль 1: 167). Еще около полутора десятков видов носят название *василек* с различными прилагательными — *полевой*, *болотный* и т.д.

вушки (Волог.), синяк (Киров., Рост., Удм.), синеголов (Влад.), синецветка (Иван., Перм.), синик-василь (Оренб.), синенький цветок (Киров.), синяя трава (Иван.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67–68).

Та же модель реализуется в южно- и западнославянских языках: болг. *модра метла*, *модрика*, *синецвет*, *синковец*, *синок*, *синьото цвете*, *сино цвекъе*, *синчец*, *синя билка*, *синя метла*, *синяк*, *синяче*, *синячка* (Ахтаров 1939: 129), србх. *modrec*, *modrica*, *modrocvet*, *sinokvet* (Machek 1954: 259), србх. *modrec*, *modrocvet*, *plavka*, *plaviček* (Šulek 1879: 507), чеш. *sinokvět* (Анненков 1876: 90), *modrák*, *modráček* (Nitsch, Mrozówna 1955: 94–95), пол. *modrzieniec* (Анненков 1876: 90), *modrak*, *modryk*, *modracz*, *modraczek*, *modrokwiat*, *modre kwiecie*, н.-луж. *módrak*, *módrac*, *modrack* (Nitsch, Mrozówna 1955: 94–95)², а тж. пол. *goląbek* (Там же: 95). Цвет отражен и в ряде других лексем: пол. *światliczki*, *światliczki*, *siwe kwiatki*, *jasne kwiatki*, *białawy/białasy kwiatek*, словац. *světľak* (Там же: 96)³. Наконец, от ср.-нем. *blā* ‘синий, голубой’ образовались такие названия, как пол. *blawat*, *blawatek* (общераспр.), *blahut* (Подгалье, Орава), а под их влиянием — рус. и укр. *блават* (Nitsch, Mrozówna 1955: 95–96), и, вероятно, словен. *blaveče*, *blavičuje* (Šulek 1879: 18).

Внутри группы фитонимов, отражающих цвет василька, выделяется ряд названий, связывающих этот цвет с цветом глаз: *голубо-глазка* (Липецк.), *голубые глазки* (Костр.), *синеглазик* (Волгогр.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67–68), *синеглазка* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 121). Конечно, яркие цветы на фоне зелени нередко вызывают ассоциации с глазами (см. раздел «Глаз, зрение/слепота, плач»). Однако в случае с васильком есть основания предполагать, что подобные названия могли сохраниться как отражение этимологической легенды (зафиксированной на Украине) о происхождении василька из юноши, которого заманила в поле и зашкотала русалка (Маркевич 1860: 86–87), ср. *Васькины глазки* ‘василек’ (Влад.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67–68). У чехов василек, «синий, как глаза любимого», означает искренность и преданность (Sobotka 1879: 47).

Тот же признак отмечен и у некоторых других видов этого же рода: *голубец* (Тул.), *синеголов* (Волын.) ‘василек горькуша *Centaurea*

² Болг. *модър* ‘синий, голубой, бирюзовый’, србх. *модар* ‘синий’, чеш. *modrý* ‘синий, голубой’, пол. *modry* ‘синий, темно-голубой’.

³ Пол. *światły* ‘синий, голубой’, *białawy* ‘то же’ (Nitsch, Mrozówna 1955: 96).

jacea L.' (Анненков 1876: 90), србх. *модра сјекавица* (Герцеговина) 'василек колючеголовый *Centaurea calcitrapa*' (Чајкановић 1985: 306). Однако, как верно отмечают авторы Т.Н. Колокольцева и Р.И. Кудряшова, «в сознании большинства информантов васильки ассоциируются только с одним видом растения, растущим в посевах, имеющим голубые, синие или фиолетовые цветки» (2003: 66). Несмотря на то что это растение сорное, среди относящихся к нему фитонимов много уменьшительно-ласкательных образований, что «связано с красотой самого цветка... [отношение к нему] не такое, как к другим сорнякам: им любуются, им восхищаются...» (Там же: 70–72). Своим ярким цветом он настолько выделяется среди других растений, что получил названия србх. *различак*, *различје*, *разлишиће*, *разлиће*: «называется так потому, что отличается от окружающих растений из-за интенсивного синего цвета цветка» (Чајкановић 1985: 306; Шпис-Ћулум 1995: 415).

Поскольку василек по большей части растет на полях с хлебными злаками, он имеет целую группу соответствующих названий, таких, как *синий цвет во ржи*; *ржевой цвет* (Костр.) (Анненков 1876: 89), *ржаные синюшки* (Потанин 1899: 234), *житник*, *житничек*, *синий житник* (Брянск.) (СБГ 1988 (5): 73), *житник* (Курск.), *полевой цветок* (Мариэл) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 68) 'василек синий *Centaurea cyanus* L.'; бел. *жытнічкі* (Моз.) 'василек полевой', *хлебны корань* (Лельч.) 'василек луговой' (РС 2001: 58–59). Такая связь этого цветка с определенным локусом отразилась и в загадке: «Что в хлебе родится, а есть не годится?» (Митрофанова 1968: 74. № 2074).

По форме соцветия василек также называется *пуговник* (Дон.) — «преимущественно с красными цветами и цветочными головками в виде пуговиц» (Анненков 1876: 89), ср. тж. *пуговник* (Ворон.) 'в. фригийский *C. phrygia* L.', 'в. скабиозовидный *C. scabiosa* L.' (Там же: 91). По некоторому сходству формы соцветий василька (особенно видов с красными лепестками) с чертополохом разные виды васильков получили следующие названия: *чертополох* 'василек *Centaurea* Less.', *лесной репей* (Тул.) 'в. фригийский *C. austriaca* Willd.', *полевой будяк* (Полт.) 'в. пятнистый *C. biebersteinii*', *бодяк* (Волог.), *мелкий дедовник* (Вит.), *переполох* (Орл.), *репейник-дятловник* (Казан.) 'в. горькуша *C. jacea* L.', *чертополох* (Курск.) 'в. черный *C. nigra* L.', *бодячок лесной* (Волын.), *дикий репейник* (Нижег.) 'в. фригийский *C. phrygia* L.', *репехи* (Екат.) 'в. скабиозовидный *C. scabiosa* L.' (Там же: 89–91), *сибирский чертополох* 'в. сибирский *Centaurea sibirica* L.' (Торэн 1996: 64, 139), бел. *чартапалох* (Минск. диал.

регион) ‘василек луговой’ (РС 2001: 59), србх. *околочеп* ‘в. колюче-головый *S. calcitrapa* L.’ (при србх. *околочеп* ‘чертополох’), а сходство по цвету с цикорием дало общее с ним название укр. *петровы батоги* (Анненков 1876: 89) (ср. чеш. *čakánek, čekánek* ‘в. скабиозовидный *S. scabiosa* L.’ при *čekanka* ‘цикорий’ (Там же: 89, Machek 1954: 259)). Можно также предположить, что цвет обусловил и перенос на василек названий *звонок* (Волгогр.), *колокольчик* (Иван.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 68).

Целая группа названий связана с неровными, рваными краями лепестков и общей формой соцветия: *лоскутница* (Ворон.), *лоскутный цвет* ‘в. синий *S. cyanus* L.’, *лоскутница, цвет лоскутный* ‘в. горькуша *S. jasea* L.’, *лоскутный цвет* ‘в. черный *S. nigra* L.’ (Анненков 1876: 89–90), *ляскутница* (Могил. диал. регион) ‘василек шероховатый’ (РС 2001: 59). Очевидно, эта же форма лепестков, вырезанных в форме острых зубчиков, обусловила фитонимы типа *дикая серпуха* (Нижег.) ‘в. фригийский *S. phrygia* L.’, *большая зубчатая трава* (Симб.), *серпуха* (Уф.) ‘в. скабиозовидный *S. scabiosa* L.’ (Анненков 1876: 90–91), *серпуха* (Казан.) ‘в. скабиозовидный *S. scabiosa* L.’ (Крылов 1882: 58). Видимо, сюда же можно отнести названия *бабочки* (Олон.) (Анненков 1876: 89), *бабочка* (Оренб.), *бабочки* (Перм., Волгогр.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67), *мотылёк* (Моск.) (СРНГ 18: 307), бел. *матылькі* ‘цветы василька’ (Корел.) (РС 2001: 59).

В. Махек высказывает осторожное предположение, что группа фитонимов чеш. *chrpa, charpa, charba, charva*, пол. *chaber, haber, chabrek* может быть возведена к основе *ščrb-*, из-за того, что краевые цветки имеют неровную, «выщербленную» форму (Machek 1954: 258), и, таким образом, относится к этой же мотивационной группе (и, кроме того, этимологически сближается с чеш. *štěrbák, ščerbák* и под. ‘бодяк’, ‘цикорий’ (Там же: 231, 256)). В других языках к этой группе относятся србх. *hrbut(a), harbuda*, словац. *charba* (Wgóbel 1962: 108).

Отмечено, что названия типа *адамова голова, иванова голова* часто даются растениям с элементами шарообразной формы (см., напр., Родионова 2002: 38). Василек не является исключением: *головик* (Твер.), *собачья голова* (Влад.) ‘в. горькуша *S. jasea* L.’; *головник* (Ворон.) ‘в. фригийский *S. phrygia* L.’; *адамова голова* (Сиб.), *головик* (Твер.), *головач* (Гродн.), *красноголовки* (Курск.) ‘в. скабиозовидный *S. scabiosa* L.’ (Анненков 1876: 90–91), бел. *галоўкі мядзвезья* (Смол. диал. регион) ‘василек луговой’, *галавач* (окрестности Гродно) ‘василек шероховатый’ (РС 2001: 59). Вероятно, к этой же

группе относятся и такие названия, как *наголоваток*, *наголоводки* (Харьк., Екат.) ‘в. пятнистый *C. biebersteinii*’; *наголоватки* (Подол.) ‘в. горькуша *C. jacea* L.’; *наголоватки* (Екат.) ‘в. горный *C. montana* L.’; *наголоваток желтый* (Тавр.) ‘в. восточный *C. orientalis* L.’; *наголоватки* (Полт.), *синий наголоваток* (Харьк.) ‘в. фригийский *C. phrygia* L.’; *наголоваток белый* (Тавр.?) ‘в. русский *C. ruthenica* Lam.’; *наголоватки красный цвет* (Екат.) ‘в. волосистоголовый *C. trichosephala*’; *наголоваток фиолетовый* (Тавр.) ‘в. скабиозовидный *C. scabiosa* L.’ (Анненков 1876: 89–91). Украинское диалектное название василька синего *глават*, возможно, «является результатом видоизменения деэтимологизированного названия этого же растения *блават*, сближенного с *глава* ‘голова’ под влиянием засвидетельствованного в говорах названия другого вида василька — василька лугового — *головатень*» (Коломієць, Шамота 1979: 23; Сабадош 1982: 73) (при этом *блават*, вероятно, является заимствованием из польского). Однако и в польских диалектных фитонимах встречаются такие, что отражают сравнение с головой: «*Głowacz* — по форме соцветия, как и гуцул. *головатень* (Nitsch, Mrozówna 1955: 96); гурал. *głowianka* ‘в. горькуша *C. jacea*’ (Lehr 1985: 64); *główienka* ‘то же’ (Краков.) (Morawski 1884: 17), ср. тж. болг. *главуляк* ‘в. пиренейский *C. iberica* Trev.’ (Ахтаров 1939: 129), србх. *glavač*, *glavinac* ‘в. фригийский *C. phrygia* L.’ (Šulek 1879: 507).

Возможно, твердостью корня обусловлены пол. *kościan*, луж. *kóstięc*, *kostřanc* (Nitsch, Mrozówna 1955: 96).

Как нередко в народной фитонимике, мотивация многих фитонимов остается неясной: *высопелька*, *сопелька* (Ставроп.), *галунок* (Пск.), *каталочки* (Краснодар.), *часики* (Иван.), *медвѣдок* (Смол.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 66–68) и ряд других. То же относится и к болг. *метла*, *метлига*, *метлика*, *метлинка*, *метличе*, *метличина*, *метличка*, *метлянка*, *модра метла*, срб. *метловина*, *метлјина* (Ахтаров 1939: 128–129). Подобные фитонимы восходят к праслав. *metъla и нередко относятся к растениям, из которых изготовляли метлы, что, однако, маловероятно в отношении васильков.

Кроме рассмотренных выше, существуют две большие группы названий для василька. Одна из них относится преимущественно к васильку и редко — к другим растениям⁴: *волосик*, *волошик* (Крас-

⁴ Напр., *волошка* (Курск.) ‘сочевичник черный *Orobis niger* L.’ (Анненков 1876: 236), укр. *волошки* ‘клевер альпийский *Trifolium alpestre* L.’ (Рогович 1874: 31).

нодар.), *волошок* (Ставр., Краснодар.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 66); бел. *валошка* (Смол., Могил.) ‘*василек синий* *C. cyanus* L.’ (Ганчарык 1927б: 4), этот же фитоним отмечен в западнополесских говорах и юго-западном диалекте белорусского языка (РС 2001: 58); укр. *волошки* (Маркевич 1860: 86; Рогович 1874: 8), *волошки* (Харьк.) (П.И. 1891: 125), *волошка*, *волошечка* (Юж. Рос.), *волошика*, *волошек*, *волошки* (Гродн.) ‘*в. горькуша* *C. jasea* L.’, *волошки* (юг России), *лесовая волошка* (Черн.) ‘*в. скабиозовидный* *C. scabiosa* L.’ (Анненков 1876: 89–91). На восточной границе польской языковой территории отмечены *wolozkę*, *wolozki* (Nitsch, Mrozówna 1955: 96).

Другая группа названий относится как к васильку, так и к базилику. В России под словом *василек* и сходными с ним, как правило, имеются в виду растения рода *Centaurea*, ср.: *василек* ‘*в. синий* *C. cyanus* L.’ (большая часть России), *василек*, *васильки*, *васильчик*, *василечик*, *васильковый цвет* (Там же: 89). Собственно фитоним *василёк* зарегистрирован в 582 пунктах европейской части России (Колокольцева, Кудряшова 2003: 67). Отмечено и множество вариантов этого названия: *васёк* (Тамб.), *василежник*, *василина* (Иван.), *василиск* (Влад.), *василистник* (Нижег.) (Там же: 67), *василиски*, *васютка* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 120), *васильчик* (Твер.) (СРНГ 4: 66) и мн. др. Вероятно, искажениями исходного фитонима можно считать *висялёк* (Волгогр.), *висяльки* (Рост.) (Колокольцева, Кудряшова 2003: 66), *васелька* (Урал.) (СРНГ 4: 64).

Та же ситуация наблюдается и в белорусских диалектах: *василёк*, *василька*, *васелик* и под. (повсем.) (РС 2001: 58), вост.-пол. *wasilka* (Nitsch, Mrozówna 1955: 96). На Украине же этим фитонимом обозначают чаще всего базилик душистый *Ocimum basilicum* L.: «кроме *Ocimum basilicum* многие губатые рр. называются Васильками, особенно в Малороссии. В Великороссии это название почему-то усвоилось преимущественно за *Centaurea Cyanus*» (Анненков 1876: 229); ср. тж. србх. *босиљак*, болг. *босилек* ‘базилик’.

Такая неоднозначность вносит определенные трудности в анализ материала. Так, согласно этиологической легенде, цветок этот появился из юноши, зачарованного русалкой: «*Василек*, не душистый, а самородный растет на полях пахотных и наиболее во ржи, называемый у нас „волошки“; это молодой человек, прекрасный собой, один сын у матери, которого красавица русалка приманила на Троицын день в поле, защекотала и превратила в цветок» (Маркевич 1860: 86–87). Оговорка автора («не душистый, а самородный») является счастливым исключением: многие исследователи, описывая

народные поверья о растениях, нередко пользуются их местными названиями, не указывая при этом ни русских, ни латинских систематических названий. Поэтому, когда автор пользуется фитонимом *василек*, не всегда можно определить, какое именно растение имеется в виду⁵. Фитоним *василек*, таким образом, имеет внутри славянского ареала два основных денотата: василек синий *Centaurea cyanus* L. и базилик душистый *Osimum basilicum* L. При этом василек синий может называться как *василек*, так и *волошка*. Провести отчетливую черту между двумя ареалами, где разделено употребление этих названий, затруднительно; например, в пределах Полесья зарегистрированы фитонимы *васил'кi* и *волошка* 'василек синий *Centaurea cyanus* L.' (Бейлина 1968: 418); оба фитонима также отмечены в уральских говорах (Коновалова 2000: 46, 55); в Беларуси при повсеместном распространении фитонима *василёк* известен и фитоним *валошка* (в западно-полесских говорах и юго-западном диалекте) (РС 2001: 58). На материале сербохорватского языка зафиксировано большое число фитонимов, относящихся к обоим растениям: србх. *босиљак*, *босиок*, *босиље*, *бажуљак*, *васлеђен*, *велсаген*, *веслиген*, *веслиђан*, *феслиђан* 'базилик'; *босиљак*, *босиок*, *босиље*, *весличен*, *меслитчен*, *феслитчан* 'василек' (Анненков 1876: 89–90, Чајкановић 1985: 41). Могут совпадать и сюжеты: в легенде из Галицкой Руси запах базилика помог найти крест, на котором распяли Христа. Когда царица Елена искала крест, на котором умер Иисус Христос, и не могла найти, то почувствовала сильный запах — это и был базилик, «що зі всього зіля найкрасше пахне». Когда на этом месте стали копать, то выкопали крест (записано в Войнилови, Калуського пов. в 1875 г.) (П.И. 1891: 122–123; Гнатюк 1902: 139). Однако в другом варианте этой легенды крест был найден благодаря тому, что «взошли там небесно-голубые цветы — васильки» (Демич 1899: 1258).

В таких случаях для определения денотата приходится пользоваться характерными признаками растений, если они упомянуты в тексте. Так, в сказке, записанной в Купянске (Харьк.), дети, рожденные от мужа-ужа, превратились после убийства отца в растения. Предательница Горпуша стала крапивой по проклятию матери: «И будешь ты всегда причинять людям жгучую боль, как теперь ты причинила ее мне!». Вася же, сохранивший тайну, стал «душистым васильком» (П.И. 1891: 125–128). Из последней фразы можно сде-

---

⁵ Эта проблема была детально рассмотрена на материале мифологических персонажей (Виноградова, Толстая 1994: 19–20).

лать вывод, что в данном контексте речь идет, скорее всего, не о васильке, а о базилике.

Как для василька наиболее ярким признаком является цвет, так для базилика таким признаком, определяющим статус растения, является запах. В этиологических рассказах растения с приятным запахом обязаны своим происхождением святым или праведникам, противопоставляясь при этом растениям с неприятным запахом. В ряде легенд появление базилика связано с именем того или иного святого. Так, согласно легенде из Харьковской губ., св. Василий Великий всегда украшал свою келью цветами и зеленью. В гробу с его мощами нашли пахучее растение и назвали васильком. По другой легенде, вокруг умершего юродивого Василия Блаженного нашли траву, которая очень хорошо пахла, и ее назвали васильками; «и теперь та трава пахнет ладаном и мертвецом» (П.И. 1891: 122–123). В сербской песне выросшие из крови казненной девушки бессмертник и базилик символизируют ее невиновность (Караčić 1845: 14–18; Софрий 1990: 202)⁶.

Б.А. Успенский усматривает семантическое единство фитонимов *василек* и *волошка*: «Любопытно, что русскому названию *василек* соответствует украинское *волошка*: может быть, в обоих названиях отразились одни и те же мифологические представления, обусловившие общий растительный код основного мифа⁷... точно так же в русских условных языках *василек* может означать «волос»⁸. Характерно также наименование болезни *василием*, наряду с такими названиями болезни, как *волос* и т.п.» (Успенский 1982: 131). Интересно также, что фитонимы *волошка*, *волошки* в восточнославянских говорах относятся в основном к таким растениям, различные органы которых покрыты волосками: клевер пашенный *Trifolium arvense* L. («чашечка мохнато-волосистая»), короставник полевой *Scabiosa arvensis* («стебель вместе с листьями сероватый и шершавый от волосков, их покрывающих»), куколь посевной *Lychnis githago* Scop. («серовато-мохнатая трава»), сушеница топяная *Gnaphalium uliginosum* L. («беловато-шерстисто-войлочное растение») (Залесова, Петровская

---

⁶ Подробнее о фольклоре, связанном с базиликом, и о его использовании в календарных обрядах и обрядах жизненного цикла см.: (Усачева 1991).

⁷ О растительном коде основного мифа см.: (Топоров 1977; Топоров 1979; Судник, Цивьян 1979; Судник, Цивьян 1981).

⁸ Ср. также: *васильки* (Влад.) ‘волосы’ (СРНГ 4: 66).

1899–1901 (2–4): 472, 513, 540, 949). Ср. тж. показательное примечание при словарной статье клевер альпийский *Trifolium alpestre* L. — «Воно справді волохате» (Рогович 1874: 31)⁹.

В формировании фольклорного образа этого растения определенную роль сыграла народная этимология, или, в формулировке Я.А. Автамонова, «желание играть схожими по звукам словами», например:

*На что ж тебе василек?
Чтобы мальчик весел был.*

(Автамонов 1902: 253)

Отсюда и символика васильков в народном творчестве: «Васильки — символ счастья...

*Ах вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревых цветочков василечков...*

Васильки в песнях предстают как девичий образ:

*Цветы мои цветики,
Голубые васильковые,
Я не много вас посеяла,
Очень много уродилося.
Много было подруг девушек...*

Кроме того, «Васильки — беззаботная девичья жизнь, девичество, проводимое в доме родителей... Выщипывать, срывать васильки — выбирать, высматривать невесту» (Там же: 252). После замужества «девственность невесты остается в доме ее родителей в образе цветов: рутва-мята — девичество, васильки — связанное с ним счастье и веселье» (Там же: 265). С другой стороны, в фольклоре можно найти и свидетельство осмысления василька как мужского символа:

*Близ дороженьки зеленый дуб стоит;
Близ дубочка васильковы цветы, —
Круг девушки удалы молодцы.*

(Там же: 89)

---

⁹ По мнению И.В. Сабадоша, «это название происходит от *валах* — старого названия романских народов» (Сабадош 1982: 74).

В сфере народной магии можно предположить употребление василька в приворотных целях, о чем свидетельствуют названия *приворот*, *приворотник* (Анненков 1876: 89). Корни василька в Казанской губ. употреблялись «от тоски» (Крылов 1882: 11). В сербской народной песне *околочен* ‘василек колчоголовый *C. calcitrapa*’ — одно из девяти растений, применяемых, согласно песне, для любовных чар (Караджич 1841: 468. № 645). В Герцеговине этот вид (*модра сјекавица*, *околочен*) считается чародейским растением, способным навести любовные чары (Мишовић 1952: 250). В Болгарии *синчец* ‘василек’ в числе прочих входил в сбор трав на *Яновден* (Пирински... 1980: 449). Применялся василек и в молочной магии: им окуривали коров каждую первую пятницу после новолуния, чтобы они давали больше молока (б.м.) (Morawski 1884: 13), в Краковском крае васильком горькушей *C. jacea* (*glówienka*) окуривали коров, чтобы молоку не вредили чаровницы (Там же: 17); в Судецком крае им также окуривали коров, чтобы охранить их от вреда, который могла причинить чаровница; в Опольском крае с этой же целью растением, предварительно лишенным лепестков, окуривали вечером пороги скотных дворов (Lehr 1985: 64).

У сербов, черногорцев и македонцев в день Воздвиженья креста (*крстов дан*, 27 сентября), чтобы уберечься от различных заболеваний, а особенно от болезней поясницы, собирали и святили в церкви васильки; «эти васильки хранили в течение всего года и употребляли как лекарство» (КОО 1978: 217). В русской народной медицине василек играет важную роль прежде всего в лечении детских заболеваний. Об этом свидетельствуют такие фитонимы, как *младенческая* (Уф.) ‘василек русский *C. ruthenica* Lam.’ (Анненков 1876: 91). Такое же название он носил и в Сибири: «*василек русский* *Centaurea ruthenica* Lam. народное название: *младенческая трава*. В Сибири от бессонницы детей купали и поили отваром этой травы» (Торэн 1996: 64). Васильком лечили детей и в Полесье: «Волошку от уляку детям дают» (Бейлина 1968: 418). Ср. тж.: «цветочки запаривают, если когда писаютца дети» (Урал) (Коновалова 2000: 46). В белорусской народной медицине василек горькушу *C. jacea* давали «пить детям для успокоения их плача», что и обусловило косвенным образом название *rólnocnik*: деревенская лекарка, спрошенная о названии, «объяснила, что оно происходит оттого, что около полуночи чаще всего дети просыпаются и кричат, поэтому их поят этой травой» (Orzeszkowa 1888: 8). На Украине василек синий *C. cyanus* L. считался лекарством от золотухи (Торэн 1996: 64). Кроме того, им поль-

зовались при трудных родах (Волог.): «Для облегчения родов приготавлиют на воде настойку из васильков и пьют ее; за неимением настойки, васильки просто жуют и глотают» (Иваницкий 1890: 108), ср. тж.: *дикий маточник* (Черн.), *родовик* 'василек *Centaurea Less.*' (Анненков 1876: 89).

Василек синий *C. cyanus L.* применялся от заболеваний глаз. Так, вода, перегнанная через цветы, применялась «от глазных болезней»; это растение использовалось «в виде примочки от слабости глаз» (Там же: 90). Такое же применение отмечено и на Урале: «применяются волошки при глазных болезнях хорошо, заваривается и накладывается» (Коновалова 2000: 46), и в Вологодской обл. «синюшки... для глаз очень полезные, когда примочки делаешь»; в Ивановской обл. он получил соответствующее название *глазмой*: «Глазмой, глаза им мыли, чтоб не гноились, не слезились» (Колокольцева, Кудряшова 2003: 70).

В украинской народной медицине василек также применялся от заболеваний глаз, воспаления век в виде примочек или капель (Носаль, Носаль 1960: 158; Болтарович 1994: 134). Можно предположить, что это применение васильков вызвано именно их цветом; косвенным доказательством этому может служить пример из художественной литературы, которая нередко отражает ту же символику растений, что и фольклор: «...синие глаза воителей глотка отказывалась принять: ими напитался камень — пророс мхом. Мхом этим, и впрямь синим, сельчане нередко лечат глазные хвори, воспаления век и даже слепоту» (Яневский 2000: 341); подобный пример см. в: (Радин 1996: 87–88)¹⁰.

Из других болезней можно упомянуть лихорадку и сопутствующие заболевания: «Корень очень горек и употр. от лихорадки... от ломоты прикладывают свежие растения к ногам» (в. горькуша *C. jacea L.*) (Анненков 1876: 90). Василек синий *C. cyanus L.* также использовался от ломоты, но уже в другой лекарственной форме: «пьют отвар из стеблей с листьями» (Крылов 1882: 11), а васильком пятнистым *C. biebersteinii* лечились от горячки, принимая ванны

---

¹⁰ Благодаря своим противовоспалительным и дезинфицирующим свойствам цветки василька синего используются в медицине при конъюнктивитах и повышенной утомляемости глаз (Соколов, Замотаев 1990: 111). Кроме того, настой цветков рекомендован при заболеваниях почек, печени, мочевыводящих и желчных путей; как потогонное и жаропонижающее при простуде, кашле и астме (Валягина-Малютина 1996: 119).

(Анненков 1876: 89). Кроме того, цветы василька синего употреблялись «от укушения скорпиона и других вредных животных», а *безсмертник* (Дон.) ‘феопаппус трехнервный *Centaurea trinervia* Steph. = *Phaeorappus trinervius* Boiss.’ — «от укушения бешеных собак». О применении васильков от других видов заболеваний можно судить по названиям *сердечная трава* (Волын.) ‘в. горькуша *C. jacea* L.’, *гортанная трава* (Влад.), *глистник болотный* (Черн.) ‘в. фригийский *C. phrygia* L.’ (Анненков 1876: 90–91). Сушеными истолченными листьями василька сибирского *C. sibirica* L. присыпали рану (Торэн 1996: 64, 139). Василек скабиозовидный *C. scabiosa* L. под названием *христосовы ребра* в Пермской губ. пили от боли в пояснице (Там же: 91). Очевидно, что за этим названием скрывается мотив крестных мук Христа, «свернутый» до фитонима. В Вологодской обл. «синюшки собирали, сушили, а потом пили от сердцебиения» (Колокольцева, Кудряшова 2003: 68, 70). В украинской народной медицине настой василька использовали при воспалении почек и мочевого пузыря (Болтарович 1994: 134); в болгарской — василек распростертый *C. diffusa* Lam. и василек метельчатый *C. stoebe* L. употреблялись против болезни *настинка* — простуды, откуда и происходят их названия: *черно вятърче* и *белия/цървения вятър* соответственно (Ахтаров 1939: 129). В Кракове отвар василька служил средством от малярии, однако для этого надо было использовать те цветы, которые сыпали под ноги священнику в день праздника Тела Господня, а листочки василька горькуши *C. jacea* использовали в регионе Топоржиско для лечения плохо заживающих ран (Morawski 1884: 13, 17).

Что касается бытового применения, разные виды васильков, например, *ржанные синюшки* ‘в. синий *C. cyanus* L.’ применялись для окраски ниток (Анненков 1876: 90; Потанин 1899: 234); *серпуха* ‘в. скабиозовидный *C. scabiosa* L.’ (Казан.) — «для окраски шерсти и ниток в желтый цвет» (Крылов 1882: 58). В Воронежской губ. из *васильков* ‘в. синий *C. cyanus* L.’ «делают венки и вешают в избах, чтобы сверчки не водились» (Тарачков 1861: 239–240). Цветы василька примешивали к курительному табаку (Анненков 1876: 90). В Болгарии василек метельчатый использовался в дубильных мастерских, почему и получил имя *табашка метла*¹¹ (Ахтаров 1939: 129).

¹¹ Болг. *табашки* ‘относящийся к дубильщику кожи’.

* * *

В заключение можно сказать, что такой признак василька, как интенсивный синий цвет, отмечен всеми славянами; эта модель отличается наибольшей вариативностью, использует различные корни и богатый набор суффиксов. Также всеми славянами отмечена иззубренная форма лепестков, шарообразная форма соцветия (хотя степень встречаемости в разных регионах сильно различается), а его произрастание во ржи — лишь восточными. У чехов василек стал символом девичества, а в качестве приворота применялся и на восточнославянской, и на южнославянской территории; для польской традиции более характерна молочная магия. Его происхождение связывается с Иисусом Христом или святыми, что обеспечило растению положительно окрашенный облик, подкрепленный схожим звучанием слов «василек» и «веселый».

ЗВЕРОВОЙ

Зверобой — невысокое травянистое растение семейства зверобойных (*Hypericaceae*) с желто-оранжевыми цветками. Зацветает он в конце июня и цветет целое лето.

Названия зверобоя в славянских языках и говорах обусловлены как его свойствами, так и сложившимися вокруг растения поверьями и представлениями. Фитонимы первой группы образовались благодаря внешнему виду растения, точнее, конкретного вида — листья зверобоя пронзеннолистного *Hypericum perforatum* L. покрыты мелкими прозрачными вместилищами с эфирным маслом, которые выглядят как отверстия: *диравик* (Анненков 1876: 172), *дырявник* (Афанас. Киров., Гриб. Ворон.), *дырявчик* (Медвен. Курск.), *дырявый зверобой* (Люберец. Моск.), *дырявлиный зверобой* (Себеж. Пск.) (Вендина 2008: 577), укр. *prozirnik* (Маковицкий 1936: 186), болг. *порязаното биле*, *порезниче*, *посяково биле*, *посечена трева*, *сечено биле*, *шуплек* (Ахтаров 1939: 184) (при болг. *шуплест* 'пористый'), србх. *прострелник*, *прострельено зелье* (Софрий 1990: 13), хорв. *prostrjeljenik*, чеш. *prostřelenec* (Machek 1954: 149). В Чехии наличие прозрачных вместилищ на листьях растения объясняли тем, что дьявол, разозлившись, истыкал все его листья иглой и выпустил полезный сок (Sobotka 1879: 295). Не исключено, что сюда же следует отнести и само название *зверобой*, которое, возможно, является ре-

зультатом народной этимологии, при укр. *дыробою*¹², бел. *дзиробой*, пол. *dziurawiec* (Преображенский 1959: 246). При распространении фитонима *зверобой* на всей Европейской части России, отмечено и множество видоизменений: *веробой* (Чучков. Ряз.), *взоробой* (Шуйск. Иван.), *жеребей* (Нагор. Киров.), *сыробою* (Угрин. Смол.), *зверобат* (Егор. Моск.), *зверобец* (Совет. Киров.) и мн. др. (Вендина 2008: 578–579). Прозрачные пятнышки на листьях зверобоя, которые выглядят как отверстия, могли вызвать представление об упавших на листья слезах, что и отразилось в названиях *плакун* ‘зверобой большой *Nyctagium ascyron*’, укр. *Матери Божией слезы* ‘зверобой пронзеннолистный *Nyctagium perforatum* L.’ (Анненков 1876: 172). По этому названию со зверобоем может быть сближено растение *плакун-трава* дербенник иволистный *Lythrum salicaria* L. За этим названием стоит сюжет о Богородице, оплакивающей своего сына (см. выше). В один ряд с такими растениями, как папоротник, разрыв-трава и плакун-трава, ставит зверобой его функция открывателя кладов (Sobotka 1879: 295).

Другая группа названий — *молодецкая кровь* (Умань), *семибратная кровь* (Калуж.) (Анненков 1876: 172), укр. *biža krovčá, boža krivčá, Xristova krovčá, Ivan krov, krov Is. Xrysta, krov św. Ivana, krovavec, krovavnyk, molodečka krov* (Маковиеcki 1936: 185–186), бел. *заячча-кроў, сямёнова кроў, крываўнік, крывавец, красная травіца* (Ганчарык 1927а: 205), словен. (?) *kri svetoga Janeža* (Šulek 1879: 525), чеш. *krevniček, krvavník* (Machek 1954: 149), луж. *konjaca krej* (Анненков 1876: 173) — может быть обусловлена как внешним видом растения (листья некоторых видов усеяны красноватыми пятнышками), так и еще одним свойством: настой зверобоя имеет красный цвет, как и сок растертых лепестков. Из-за этого зверобой получил также названия пол. *krewiec, zajęcza krewka* и *męska krewia*, в средневековье изменившие форму на *krew Chrystusa, krew św. Jana* (Henslowa 1976: 231), *krewka Matki Boskiej* (Pelcowa 2001: 100). Красный цвет еще одного органа растения отражен в фитониме

¹² По вопросу этимологии фитонима *зверобой* существуют и другие точки зрения. Так, П. Сobotка мотивирует его тем, что злые духи часто появлялись в облики животных (волка, змеи и др.) (Sobotka 1879: 294); А.А. Потебня также полагает, что название *зверобой* указывает на свойство «прогонять земных змей» (Потебня 1914: 180); М.А. Носаль считает, что название это происходит от казахского *джерабай* ‘целитель ран’ (Носаль, Носаль 1960: 64).

краснокорёнка (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 121), србх. *krvavi korien* (Šulek 1879: 525).

Некоторые этиологические легенды объясняют относящиеся к зверобою народные названия, связанные именно с кровью. Так, говорили, что он вырос под крестом, на котором распяли Христа, и получил целебную силу от его крови (Мандельштам 1882: 316). Легенда с таким содержанием записана недавно на территории Западного Полесья: «*Ко^улі Ісус був ро^уз^ніацій на хре^уст^і, його кров сканувала на ц^у ро^усліну. Того і назва — Ісусіна кров*» (Омельковець 2006: 102). Вероятно, с легендой о происхождении зверобоя из крови Иоанна Крестителя или Иисуса Христа (ср. укр. *boža travka, božderevok* (Małowiecki 1936: 186)) можно связать употребление этого растения как кровоостанавливающего средства (что также сближает его с базиликом, выросшим, по некоторым поверьям, из крови Христа (Усачева 1991: 93). В Закарпатье зверобой четырехгранный *Nuregicum quadrangulum* L. под названием *кроуник* пили при кровоизлиянии, а также от поноса, «когда кровь идет из чрева»; зверобой пронзеннолистный *Nuregicum perforatum* L. применяли от кровохаркания, мочеиспускания с кровью (Кубань); с его помощью также заживляли раны (Торэн 1996: 67).

В сербской традиции такая особенность окраски растения объясняется иначе: это кровь Богородицы, которая во время менструации капала на листья этого растения, потому ей и дали имя: *богородичина трава, богородица, богородичица, гостино цвеће, гостина трава, гостино зелье* (Чајкановић 1985: 35, 259). В окрестностях Ниша бытовал иной этиологический рассказ о появлении пятен на листьях зверобоя, также связанный с именем Богородицы: замесив хлеб, она вымыла руки; от капель, упавших на листья, остались пятна, а растение получило название *богородичино тесто* (Софрић 1990: 13). Возможно, этот рассказ объясняет и сербохорватское название зверобоя *pljuskavica* (србх. *пљускати* — ‘плескать, брызгать’) (Šulek 1879: 525).

По мнению В. Махека, хорв. *bogorodičina trava*, чеш. *kvítí Panny Marie* и другие «богородичные» названия вызваны представлением о Богородице, защищающей людей от злых сил (Machek 1954: 148). Такое объяснение тем более логично, что «богородичные» названия зверобоя, насколько можно судить, распространены шире, чем этиологические легенды, ср. *коса богоматерина* (Малор.) ‘зверобой стелющийся *Nuregicum humifusum* L.’ (Анненков 1876: 172), болг. *богородичина трева* (Ахтаров 1939: 184), србх. *gospin cvit, gospina*

ručica, gospino cviče, gospino zelje, marina ručica, bogorodičina ruka (Šulek 1879: 525) ‘з. пронзеннолистный *H. perforatum* L.’.

Время цветения, а также сбора зверобоя в день Иоанна Крестителя отражено в целой группе названий: *святоивановская трава*, укр. *святоянское зелье* (Анненков 1876: 172), укр. *иванок, Ivan krov* (Маковиеcki 1936: 186, Гринченко 1958: 195), бел. *свѣвятаянкі, сьвѣнтаянскае зелья, св. Івана зелье* (Ганчарык 1927а: 205), србх. *ивањчица, иванова трава, трава св. Івана* (Чајкановић 1985: 35), болг. *яневички* (Ахтаров 1939: 184), србх. *ivanjčica, ivanjica, ivanje zelje, trava svetog Ivana*, словен. (?) *roža svetega Janeža* (Šulek 1879: 525), ст.-чеш. *Svatého Jana koření, Sv. Jana bylina*, пол. *świętego Jana korzenie* (Machek 1954: 148).

Зверобой играл важную роль в девичьих гаданиях на Иванов день: сербские девушки, гадая о замужестве, в этот день до рассвета бросали венок из зверобоя на крышу дома: задержится — не выйдет замуж в этом году, упадет сразу или перелетит — выйдет (Чајкановић 1985: 259). В Белоруссии как главное приворотное зелье выступали цветы зверобоя под названием *святоянских цветов* (Дмитриев 1869: 233). На силу зверобоя как приворота указывают и его чешские названия: *laska, laskavec, láskavý koření, milovník, l’ubovník, l’ubenička*; стебли зверобоя чешские девушки скручивали и смотрели: красный сок — любит, зеленый или бесцветный — не любит (Machek 1954: 148); ср. тж. болг. *мераклива трева* ‘зверобой’ (Ахтаров 1939: 184)¹³.

Образ этого растения отчетливо отражен в белорусском фразеологизме *дать святоянского зелья*: «Ежели какой-либо парень влюбится в девушку и, побеждая все препятствия, старается жениться на ней, то обыкновенно говорят — видно она дала ему святоянского зелья, понимая под ним не все вообще цветы и травы, которые также называются святоянскими, а именно который-нибудь из этих двух» [зверобой *Hespericum* или лютик *Ranunculus*. — В.К.] (Дмитриев 1869: 233).

Западные славяне также связывали зверобой с именем Иоанна Крестителя. Так, чехи собирали зверобой наряду с другими травами и оставляли на два дня под столом, считая, что они приобретут целебную силу. Вплетали его и в венки, которые надевали на голову, когда зажигали огни святого Иоанна. В окрестностях Яблонца вечером накануне Иванова дня устилали зверобоем кровать, надеясь, что ночью святой придет и положит голову на приготовленное ложе.

¹³ Болг. *мерак* ‘сильное желание, страсть; пристрастие, любовь’.

Если видели след его головы на травах, говорили, что они сделались целебными (Sobotka 1879: 294–295).

Как единичное отмечено название зверобоя *herba Sancti Petri*; это может быть обусловлено тем, что день св. Петра отстоит от дня св. Иоанна, с которым чаще всего связывается это растение, лишь на несколько дней. Кроме того, свою роль могло сыграть и то, что эпилепсия, от которой применяли зверобой, могла в травниках называться как болезнью св. Яна (*morbus Sancti Joannis*), так и болезнью св. Петра (*morbus Sancti Petri*). В то же время уже у Сырениуша встречается название *dzwonek Panny Marii* (Henslowa 1976: 230–231).

Очевидно, в силу своей связи с персонажами христианской мифологии зверобой считался оберегом. Согласно русскому народному поверью, он «помогает от порчи и вражьей силы» (Нижег., Костр.) (СРНГ 17: 176). В Боснии считалось, что он хранит от чар и колдовства, а также от злых духов, поэтому сушеные плоды зверобоя клали в амулеты (Glück 1892: 145).

В Чехии зверобой издавна считался чрезвычайно сильной волшебной травой, которая главным образом обладала силой прогонять злых духов, а также насланные ими болезни. Сушеный зверобой добавляли в детские соломенные тюфяки, чтобы его запах предохранял ребенка от испуга во сне. Это магическое применение зверобоя отражено в его народном названии *zdešenec* (от *zdesiti* ‘пугать’). Известны также чешские народные названия *trezalka*, *zwonec*, *zvonček* (*červený zvonček*), *zvonečky*, пол. *zwoniec*, *zwończek*, *dzwonki*, *dzwonki panny Maryi*, хорв. *zvončac*, болг. *zvonika*. Считалось, что чародеи убегают, когда он «звонит» (Machek 1954: 148), ср. хорв. (?) *zvonačac*, *zvončac*, а также србх. *vražji beg* (с лат. *fuga demonis*) (Šulek 1879: 445, 525). Польские женщины через шесть недель после рождения ребенка расстилали зверобой по комнате, где лежал ребенок, и носили его при себе, чтобы отогнать богинок (Sobotka 1879: 295). В окрестностях Кракова считалось, что злые духи не любят и избегают этого растения. Мать, стараясь оградить своего новорожденного ребенка от подмены богинками, должна была иметь зверобой при себе, а также положить его в пеленки ребенку и развесить веточки над дверями и в окнах. Жители Татр носили зверобой с собой как оберег против черта (Morawski 1884: 17).

Зверобой широко применялся (и применяется) в народной медицине. Об этом говорят уже такие его названия, как *здоровая трава* ‘зверобой пронзеннолистный *Hypericum perforatum*’, *уразница* ‘з. четырехгранный *H. quadrangulum*’ (Даль 1: 674), *хворобой* (для

различных видов) (Анненков 1876: 172–173), *узрзница* (Перм.) ‘зверобой’ (Русинова, Богачева 2003: 119), укр. *zdorova trava*, *zdrovnik* (Маковиеcki 1936: 186); отмечены и метафорические названия: *божья милость* ‘з. пронзеннолистный *H. perforatum*’ — «Это зверобой похвально божья милость зовут, он сильно лекарственной» (Турин.) (Коновалова 2000: 39). Список болезней, при которых применяли зверобой, чрезвычайно велик. В Новгородской губ. его пили от кашля, в Воронежской — «от завалов в боках», в Тульской — от «лому в костях» и от ушибов (Торэн 1996: 67); в Казанской — от боли в груди, от ушиба, а вместе с душицей — от удушья и кашля (Крылов 1882: 22). В Архангельской губ. его давали скоту для облегчения родов (Харитонов 1848: 19).

Велика его роль как лекарственного растения у украинцев. Все виды считаются в народе лекарственными. Зверобой называют «травою від 99 хвороб». Его применяли (в смеси с другими растениями) при лечении камней в печени, желудочно-кишечных расстройств, ряда женских заболеваний, болезней легких, воспалительных процессов, нарывов, сыпей, ревматизма и др. (Носаль, Носаль 1960: 63–64). Кроме того, растение употребляли «внутри для укрепления желудка и от боли в животе, в виде настоя в воде или водке, также от грудной боли, удушья, кашля и снаружи от ломоты, ушиба» (Маковиеcki 1936: 173). Бойковское название *кошовник* связано с тем, что в отваре зверобоя купали детей, больных *кошулей* (кожной сыпью) (Болтарович 1994: 93).

В сербской традиции его применяли от кашля и астмы, нарушений менструального цикла, при трудных родах, от боли в животе; его также прикладывали к порезам и применяют от бешенства. Если женщина не могла забеременеть из-за колдовства, то священник должен был благословить эту траву, затем ее варили и несколько дней пили по утрам натощак; кроме того, женщина должна была носить ее с собой (Чајкановић 1985: 35, 259). В Сербии и в Герцеговине при тяжелых родах зверобой бросали в воду, гадая об исходе родов: если цветок откроется в воде, женщина родит, если же нет — умрет (Ђорђевић 1958а: 126). В Боснии отвар зверобоя считался лекарством от застарелого кашля. Применялся он и как кровоостанавливающее средство. Зверобой также прикладывали к ранам, полагая, что он залечивает их и успокаивает боль (Glück 1892: 145).

В Болгарии зверобой, в соответствии со своим названием *посекливо биле*, применялся для лечения ран (Пирински... 1980: 486); вероятно, на то же использование указывает србх. *ranjenik* (Šulek

1879: 525). Кроме того, им лечились от заболеваний крови и дыхательной системы, а сок капали в больное ухо; отвар зверобоя пили от боли в животе (Софийски... 1993: 178–179, 187, 180); его также употребляли от диареи и дизентерии, от болей в печени и почках, ожогов, ревматизма и подагры (Ахтаров 1876: 185).

Как видно из рассмотренного материала, уже в народных названиях зверобоя как бы содержатся в «свернутом» виде народные представления о свойствах этого растения, легенды о происхождении его внешних признаков. Особенно разнообразна группа названий, отражающих отгонную семантику зверобоя. В ней реализовано сразу несколько моделей, связанных с обычными в традиционной культуре отгонными средствами — шумом, звоном — и, наконец, прямо используется глагол *пугать*. Кроме того, можно считать, что эта семантика опосредованно обусловлена и связанными с растением персонажами христианской мифологии, его «небесными покровителями».

Зверобой как растение «святое», доброе — что, очевидно, вызвано легендами о его происхождении — не используется для наведения порчи, и единственное связанное с ним магическое действие, не направленное на защиту от злых духов, — любовная магия. По своей семантике, по восприятию в народной культуре он стоит близко к таким благородным, «божественным» растениям, как базилик или барвинок. Интересно, однако, что зверобой, в отличие от названных растений, также имеющих в традиционной культуре функцию оберега, выступает как апотропей, не будучи при этом привязан к конкретным обрядам жизненного цикла, в то время как использование барвинка и базилика на крестинах, свадьбе или похоронах строго регламентировано.

* * *

Символика зверобоя в традиционной культуре (а следовательно, и его применение) главным образом определяется легендами о его происхождении, что обеспечило ему положительно окрашенный образ, не в последнюю очередь связанный с любовной магией (гадания, привороты) и женским плодородием. При этом у всех групп славян наиболее важным, как кажется, считается связь с кровью через красный цвет и связанный с этим комплекс поверий о происхождении растения, которым оно обязано различным персонажам христианской мифологии, и соответствующем его использовании.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Чаще других под этим названием имеются в виду два растения — марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* (семейство норичниковых *Scrophulariaceae*) и фиалка трехцветная *Viola tricolor* (семейство фиалковых *Violaceae*). Оба растения отличаются необычной окраской органов: лепестки фиалки окрашены в разные цвета, а у марьянника прицветники фиолетового цвета, в отличие от нижних зеленых листьев, и поэтому воспринимаются как цветы наряду с настоящими, желтыми, цветами. Этот признак позволяет рассматривать оба названных растения в пределах одного очерка и под одним названием¹⁴. Он же, очевидно, и послужил причиной этиологических легенд, схожих по сюжету на всей восточнославянской территории. Так, в Холмской Руси (Литин. Подол.) рассказывали, что брат и сестра, не узнав друг друга после долгих странствий, обвенчались; узнав правду, брат сказал: «Ну, сестра, пойдем в поле, посеемся: ты будешь цвeсть лиловым цветом, а я желтым». Это растение стало называться «братки» (Чубинский 1872 (I, 1): 82); ср. тж.: «Отсе ж тая — травица: / Що з братіком стриця!» (Чубинский 1874 (V): 201). Белорусская легенда с тем же содержанием приводится в другой работе: брат женился на сестре, и они обратились в цветок, который называется «братки» (Богданович 1895: 120). Также по белорусским материалам, брат и сестра превратились в цветок «брат сестра» с синими и желтыми цветами (Котаў 1927: 213). Этот сюжет существует и в виде песни; варианты ее записаны, например, в Белоруссии (Вил.) (Шейн 1887: 233–234. № 247), на Украине (Маркевич 1860: 87–88).

Подобные же рассказы можно записать и в наши дни. Так, в с. Радутино (Трубчевский р-н Брянской обл.) рассказывали: когда брата и сестру повели венчаться, «во время венчания их венцов не ста-

---

¹⁴ Тот же принцип был применен для идентификации мифологических персонажей: «Именно в таком смысле используются в данной работе имена *русалка, богинка, самодива, вила*. Их следует понимать как условные термины, каждому из которых соответствует определенный набор характерных признаков. Многие из этих признаков отличаются значительной вариативностью, которая, однако, не разрушает целостности образа МП. Каждый такой набор (с допустимыми вариантами) подчинен своей особой логике, т.е. отдельные признаки или блоки признаков в пределах каждого набора связаны определенной зависимостью...» (Виноградова, Толстая 1994: 20).

ло. Оказались их венцы на главе церкви. Брат с сестрой стали цветами. Говорят: вон тая травица, шчо брат и сестрица». При этом уточняют, что «синенький — эта брат, а жоутая — эта сястричка» (ПА, XXI 10 е.). В полесской песне говорится о происхождении цветка *братыкы* из брата и сестры, которые сочетались браком:

*Ходым, сёстро, по полю,
Россыпмося росюю
І зыйдэмо травюю.
Прыдуть деўки траву жать,
Будуть же ж нас спомынаць:
«Гэто ж тая травяця,
Шо звінчэна сестрыця»*

(Смирнов 1978: 244. № 30);

или:

*Ой ходімо у полэ, ой ходімо у полэ,
То й россіймося убоэ:
А ты будэши сынiты, а ты будэши сынiты,
А я буду жовэтэты.*

(Смирнов 1986: 261. № 30; 253. № 9)

Та же история бытовала и в форме прозаического рассказа — уйдя в лес, брат и сестра превратились в цветы: «найшлы тое место, дэ воны стоялы і росходьлыся: і туды цвіты пошлы, так і так... І вот такіе е цвіты, воны растуць — братыкы» (Смирнов 1986: 261).

Возникновение цветка из брата и сестры отражают и те сюжеты, которые не связаны с темой запретной любви: в Гомельской обл. «записана легенда о брате и сестре, которых отец отвел в лес. С горя „они скинулись травюю, штоб люди рвали, брата и сестру споминали: два цветочка [на стебельке]: белый и синий, братки“» (ПА, цит. по: Усачева 2000: 282). В другой легенде, также из Гомельской обл., брата и сестру убили при побеге из плена: «Аднойчы пераводзілі палонных. У ліку іх былі і брат з сястрой. Іх звалі Іван і Мар’я. Яны не хацелі мірыцца са сваім лёсам і вырашылі ўцекчы. Вакол было толькі адно поле. Яны вырашылі загінуць лепш на роднай зямлі, чым на чужыне. Хлопец і дзяўчына рушылі, але іх напаткала куля. На тым месцы, дзе пралілася іх кроў, вырасла кветка, якую людзі сталі называць Іван-да-Мар’я» (НМГ 2003: 273). В украинском варианте «розсердивсь брат на сестру, та побіг за нею, надушив її: вона й пожовкла, а він, злякавшись, сам посинів» (Рогович 1874: 33). Инте-

ресно, что тот же сюжет существует и с обратным распределением цветов: брат и сестра поссорились, брат задушил сестру, она посинела, брат от ужаса пожелтел и от горя умер; на этом месте вырос цветок (Скорород 1936: 522). Однако в подавляющем большинстве случаев, где присутствует указание на привязку цвета к полу, желтый относится к сестре, синий — к брату. Этиологические легенды о сиротах, имеющих злую мачеху и превращенных в фиалку трехцветную *Viola tricolor* L., обусловили польские фитонимы *siostra z bratem*, а тж. *wdówki, macoszki* (Spólnik 1990: 98).

В свернутом виде эти представления отразились в целой группе фитонимов, причем многие из них одинаковы для обоих растений. Так, фиалка трехцветная *Viola tricolor* L. получила названия *иван-дамарья* (почти всюду на западе и юге; Твер., Олон., Волог., Калуж., Нижегород., Ворон., Курск., Костром.) (СРНГ 12: 54; Торэн 1996: 42), *брáтки* (Бейлина 1968: 417), бел. *братачкі, брат з сястрою, браткі* (Минск.), *брат з сястрой* (Смол., Могил.), *браткі лясныя* (Гродн.), *браткі* (Ганчарык 1927а: 202), укр. *братки, братики, Иван-да-Марья* (Рогович 1874: 33). Для марьянника дубравного *Melampyrum nemorosum* L. зафиксированы названия *иван-дамарья* (Рост., Астрах., Влад., Ворон., Курск., Калуж., Моск., Тул., Смол., Твер., Нижегород., Петерб.) (СРНГ 12: 54), *ваня-да-маня* (Дон.) (СРНГ 4: 38), *брат и сестра* (зап. Росс.), *брат с сестрой* (Тамб.), *анютины глазки* (Ряз.), *Иван да Марья* (Вел. Росс.), *братики* (юж. Росс.), бел. *брат-сестра, братовка* (Могил.) (Анненков 1876: 211), бел. *братиц-сястрыца* (Смол.), *брат-сястра* (Могил.), *братоўка* (Могил.) (Ганчарык 1927б: 228), укр. *brat s sestroj* (Sobotka 1879: 317).

В данном контексте интересно обратить внимание на еще одно лексическое образование: «Прежде всего в говорах известно сложное образование *Сидор-Марья* для обозначения гермафродита (кстати, с той же внутренней структурой). Народные представления о гермафродитизме как результате, в частности, брака брата с сестрой отсылают нас к купальским образам брата и сестры Ивана и Марьи, совершивших инцест и обращенных в двуединый цветок *иван-дамарья*... При этом следует напомнить, что именно инцест связывается с максимальным плодородием» (Топоров 1978: 430)¹⁵.

¹⁵ Мотив брата и сестры, характерный для купальских обрядов, был рассмотрен в работе Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей». По их мнению, запрет на брачные отношения и его нарушение следует сравнить с рассказами о снятии за-

Логично предположить, что именно такими представлениями можно объяснить применение обоих упомянутых растений в определенных магических целях. Так, марьянник знахари использовали «для водворения согласия между супругами» (Анненков 1876: 211), а фиалку — «при лечении любострастных болезней» (Арандаренко 1848 (1): 47). Не исключено, что с представлениями о любовной магии связаны фитонимы *липняк* (Олон.) ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ (Анненков 1876: 211) и србх. *милованка* ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’ (Чайкановић 1985: 84); целый ряд подобных названий имеет фиалка в болгарских диалектах: *любика*, *любичец*, *любимчица*, *любичеца*, *любичица* (Ахтаров 1939: 311), ср. тж. србх. *ljubica*, *gospina ljubica* (Šulek 1879: 563). Фиалка, очевидно, обязана такой символикой своему запаху, который подчеркивается в песне (см. Главу 1).

Однако разная окраска лепестков вызывала и другие ассоциации. Одна из наиболее естественных бинарных оппозиций — день/ночь, что и отразилось в фитонимах *день-и-ночь* ‘марьянник луговой *Melampyrum pratense*’: «Это цветки разны на одном кусту, темны — как будто ночь, светлы — как будто день» (Михайл.) (Коновалова 2000: 72); бел. *день і ноч* (Гродн.) (Ганчарык 1927б: 228), пол. *dzień i noc*, *posudzien*, чеш. *den a noc lesnie*, луж. *noc a zeń* (Анненков 1876: 211) ‘м. дубравный *M. nemorosum* L.’; србх. *даниноћ* (Чайкановић 1985: 84), болг. *ден и ноц* (Ахтаров 1939: 311) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’, серб. *дивији даниноћ*, *дивљи даниноћ* ‘ф. полевая *V. arvensis* Murr.’ (Шпис-Ћулум 1995: 418). Наконец, идею двойчности и половинчатости выражают фитонимы типа *двуцветник* (Новг.) ‘м. дубравный *M. nemorosum* L.’ (Анненков 1876: 211), укр. *полуцветки* (Там же: 382), *полуцвіт* (Рогович 1874: 33), болг. *акма и акмово* (Ахтаров 1939: 311) ‘ф. трехцветная *V. tricolor* L.’.

Благодаря представлениям о двойственности, эта трава служила и своеобразным оберегом. Нарвав ее в Иванов день еще до восхода солнца, клали по углам избы, чтобы вор не подошел к дому: «брат с сестрой будет говорить; вору будет чудиться, что говорит хозяин с хозяйкой» (Макаренко 1913: 86). Использовался этот цветок и как магическая трава: «Кто хочет ускакать от погони или лететь молодецки на кляче, тот носи при себе цветок Ивана да Марья» (Терещенко 1848 (5): 93).

претов на брачные отношения между всеми мужчинами и женщинами в купальскую ночь (1974: 226).

Как и многим другим растениям, особая сила приписывалась иван-да-марье, собранной в Иванов день: в числе прочих трав она входила в ивановский сбор от нечистой силы: «Вот папарытник, патом иван-да-марья и „чирнабыль“ — вот эти вот все ат калдунов, гаварять, травы» (Рязанская... 2001: 187). О наделении фиалки апо-тропейными свойствами говорит фитоним *бесопрогонная трава* (Арх.) (Торэн 1996: 42). Считалось, что эта трава может обеспечить крепкое здоровье: «У русских, кто хочет быть целый год здоров, выкупавшись святоивановской ночью, натирает себе все тело цветком иван-да-марья» (Sobotka 1879: 318). Она была и составной частью банного веника: «В некоторых местах Новгородской губернии, около старой и новой Ладogi и Тихвина, на Иванов день топят бани и, воткнув в веники собранную ими траву иван-да-марья, парятся на этот праздник с целью получить здоровье <...> В Москве также существовал обычай париться вениками с цветком иван-да-марьей...» (Забылин 1996: 83). В Петербурге иван-да-марья вместе с лютиком, крапивой, папоротником, богородицкой травой, ромашкой, мятой и полынью входила в состав купальского березового веника накануне Аграфены Купальницы (Терещенко 1848 (5): 72).

В этот день не забывали и о скоте. В Сенненском у. «у вечера пиридь Иваным деўки ходють у траву „у брать-сястру“». Такая мода ат старых людей, спрад-веку». Собранную траву несли с песнями домой; когда стадо возвращалось, часть давали коровам, другую оставляли на утро, остальное разбрасывали по хлеву (Романов 1912: 208–209). В Белоруссии песню о превращении брата и сестры в цветок полагалось исполнять именно во время сбора этой травы (Петропавловский 1908: 164). Можно предположить, что в основе обычая собирать в день праздника траву иван-да-марья, которую потом давали коровам, также лежат представления о повышенном плодородии как результате инцеста.

Некоторые группы фитонимов относятся только к фиалке. Так, яркое пятно, «глазок» в середине темного цветка фиалки повлияло на следующие фитонимы: *сорочьи глазки, веселые глазки* (Волог.), *анютины глазки* (Моск.) (Торэн 1996: 42), *анютины глазки* (Курск.) (Мизгер 1869: 242), србх. *дикино око* (Чажкановић 1985: 84), болг. *очета, диви очета* ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’ (Ахтаров 1939: 311). Также к ней относятся фитонимы *трехцветка* (Шенк.), *троецветка* (Вят., Перм.) (Анненков 1876: 382), *troicin svět* (Sobotka 1879: 247), бел. *трыцьвет, трайцвет* (Гродн.), *трава трыцьветная* (Вил.) (Ганчарык 1927а: 195, 202), србх. *траврна љубица* (Чажкановић 1985: 84).

Кроме того, для фиалки зафиксирована еще одна группа названий: *мачимачеха* (Пск.), чеш. *macoška, maceška, sirotky, sirotka*, луж. *macoška, macuška, syrotka* (Анненков 1876: 382), србх. *maħaxица, maħaha, maħyxa, cypota, cypотица, удовица, mačoħa* (Чајкановић 1985: 84; Šulek 1879: 563), болг. *маџика* (Ахтаров 1939: 311), словен. *mačeha, sirotica* (Sobotka 1879: 247; Machek 1954: 72). С этой группой фитонимов связана этиологическая легенда: «нижний лепесток цветка — мачеха, два средних — ее дочери, а два верхних — падчерицы. Мачеха сидит на двух стульях, у каждой из ее дочерей есть свой стул, а обе падчерицы должны сидеть на одном стуле». Персонажи не всегда располагались так: злая мачеха (широкий лепесток) и ее дочери (два соседних лепестка) были наказаны за несправедливость — эти лепестки, прежде расположенные наверху, переместились вниз, а падчерицы (два маленьких сдвинутых вместе лепестка) заняли верхнее место (Чајкановић 1985: 85; Софрић 1990: 80; Бјелетић 1996: 96). Однако отмечена и другая мотивация: фитонимы типа *сирота* связаны с тем, что фиалка «в сентябре и октябре на полях, с которых уже все убрано, остается там одна, как сиротка» (Machek 1954: 71–72). Кроме того, не исключено, что фитоним *мачимачеха* мотивирован двуцветной окраской, как и *мать и мачиха* ‘марьянник полевой *Melampyrum arvense* L.’ (Ворон.) (Анненков 1876: 211).

В народной медицине большая доля применения иван-да-марьи приходится на детские болезни. В Белоруссии больных детей обычно купали в отваре этого растения (Чубинский 1872 (I, 1): 82). В Полесье *брáтки* — фиалку трехцветную — давали детям пить и купали их, чтобы хорошо спали (Бейлина 1968: 417). Особенно широко применялись оба растения от золотухи и парши у детей: «В народной медицине употр. от золотухи в виде чая и ванн...» (Анненков 1876: 211) — в Казанской губернии (Крылов 1882: 32), на Украине (Арандаренко 1848 (1): 47; Августинович 1853: 84). Характерны такие фитонимы, как *золотушная трава* (Твер.) ‘марьянник дубравный *Melampyrum nemorosum* L.’ (Анненков 1876: 211), бел. *залатуха* (Могил.) ‘фиалка трехцветная *Viola tricolor* L.’ (Ганчарык 1927а: 202).

Из прочих заболеваний упоминаются «болезни живота» (Тул.) (Торэн 1996: 68); «пьют вид боли у животи, колы чоловик пидирветця» (Маркович 1891: 424); а также «снаружи от грудных болезней, от чесотки, порошок от ран и порезов» (Анненков 1876: 211). В болгарской народной медицине отвар фиалки трехцветной использовали как мочегонное и потогонное средство, как лекарство от кожных сыпей, коросты, золотухи, ревматизма, кашля (Ахтаров 1939: 311).

* * *

Итак, «двойная» окраска растений может осмысляться разными способами: через сравнение с братом и сестрой, днем и ночью. В случае фиалки и марьянника фитонимы сопровождаются целым комплексом фольклорных текстов и обрядовых практик. Но схожие фитонимы получил и целый ряд растений с такими же особенностями окраски: *брат и сестра* ‘медуница аптечная *Pulmonaria officinalis* L.’ (Умань) — ее цветы, сначала розовые, потом становятся синими (Анненков 1876: 279); србх. *dan-i-nocka*, ст.-чеш. *den a noc* ‘постенница *Parietaria*’ — по контрасту желтых цветов и сине-фиолетовых верхних листьев (Machek 1954: 92). Велик список растений, носящих название *иван-да-марья*: дубровка женеvская *Ajuga genevensis* L. (Нижег., Яросл.) — с белыми прицветниками и синими цветами; шалфей луговой *Salvia pratensis* L. (Тул.) — с серо-зелеными прицветниками и темно-синими цветами; колокольчик скученный *Campanula glomerata* L. (Новг., Петерб.); марьянник полевой *Melampyrum arvense* L. (Ставр.); марьянник луговой *Melampyrum pratense* L. (Рост., Петерб.); мята лапландская *Mentha arvensis* L. (Влад.); ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L. (Олон.)¹⁶ (СРНГ 12: 54).

Сравнивая интересующие нас ареалы, можно заметить, что тема инициата характерна только для восточных славян, в то время как тема вдовства и сиротства — для всех (хотя и с разной частотой фиксации, меньшей для восточнославянского ареала). Осмысление цветов, сочетающихся в окраске растений, как противопоставления дня и ночи, также наблюдается у всех славян.

КРАПИВА

Под фитонимом *крапива* в основном имеются в виду два вида — крапива жгучая *Urtica urens* L. и крапива двудомная *Urtica dioica* L. (семейство крапивных *Urticaceae*). Среди диалектных названий крапивы в славянских языках преобладают те, в которых отражено ее основное свойство — жгучесть, то есть реализуется семантическая модель ‘жечь’ → ‘название растения’. Конкретная реализация модели осуществляется на различном лексическом материале. Многие фитонимы для обоих видов совпадают, кроме того, нередко в источниках данные приводятся без указания вида, поэтому приведем их в общем списке:

¹⁶ С комментарием: «Корни этих растений молодежь ищет в ночь на Иванов день» (СРНГ 12: 54).

1) *жгучка* (Екат., Ворон., Яроsl), *жагала*, *жегала* (Твер.), *жига* (Ворон.), *жигавица*, *жижжа* (Екат.), *жигалка* (Екат., Перм.) *жигучка* (Ворон., Курск., Орл., Смол.) (Анненков 1876: 369–370; Меркулова 1967: 114; Смирнова 2003: 74); *ожальник* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 118), бел. *жыжжа* (Минск.), *жгучка* (Могил.), *жыгучка* (Стар., Смол.) (Ганчарык 1927б: 18), укр. *жигучка*, *жгучка*, *жижжа*, *жигавка* (Августинович 1853: 77; Рогович 1874: 32), серб. *жежење*, *жежа*, *жежара*, *жежика*, *жагра* (Шпис-Ћулум 1995: 413–414), серб. *ожигавица* (Анненков 1876: 369); словен. *ožagalica*, чеш. *žahavka*, словац. *žih'ava*, словин. *žigavica*, пол. *żagawka*, *żagawica*, *żegawka/żegawka*, *życzka*, кашуб. *żogovka*, *żogavica*, в.-луж. *žahalca*, н.-луж. *žagajca* (Анненков 1876: 370; Sobotka 1879: 322; Brückner 1970: 664); србх. *žagačica*, *žagavica*, *žegavica*, *žigavica*, *žgavica*, *ožigavica*, *ožegavica*, *ožiguja* (Šulek 1879: 561).

2) *жалá*, *жилика*¹⁷ (Ворон.) (Смирнова 2003: 75), укр. *жалива* (Анненков 1876: 370);

3) русин. *жаруха* (Анненков 1876: 370), болг. *жюрка* (Ахтаров 1939: 389), серб. *жара*, *жаруља*, *жарица* (Шпис-Ћулум 1995: 413), србх. *žara*, *žarnica* (Šulek 1879: 561);

4) укр. *рекичка* (Меркулова 1967: 114);

5) *стрекучка* (Курск.) (Анненков 1876: 370), *стрекучая крапива*, *стрекашина* (Ворон.) (Смирнова 2003: 75), *стрекива*, *стрекиша*, *стракива*, *стрякашина* (рус. сев.-зап. говоры) (Меркулова 1967: 114);

6) чеш. *paláčka* (Меркулова 1967: 114);

7) *свербуха* (Дон.) (при *свербить* ‘колоть, чесать’) (Меркулова 1967: 115);

8) русин. *паріука* (Анненков 1876: 370).

Само название *крапива*¹⁸ (бел. *краніва*; укр. *кропива*, србх. *коприва*, *кропива*, болг. *коприва*, чеш. *korřiva*, словац. *korřiva*, пол. *pokrzywa*, в.-луж. *korřiwa*, н.-луж. *kopříwa* (Анненков 1876: 369; Ганчарык 1927б: 18; Ахтаров 1939: 301; Меркулова 1967: 113; Чайкановић 1985: 137)) отражает тот же признак, восходя к праслав. **kopri-va* / **kropri-va* и являясь родственным словам *кропить*, ст.-сл. *оукропъ*, рус. диал. *окроп*, србх. *крон* ‘кипяток’ (Machek 1954: 91; Фас-

¹⁷ От глагола *жилять* ‘колоть, жалить’ (Смирнова 2003: 75).

¹⁸ В диалектах отмечаются варианты литературного названия, напр., *крапивá*, *кряпива*, *крипива*, *кроповá* (Ворон.) (Смирнова 2003: 75).

мер 1996 (2): 366; Меркулова 1967: 113), ср. укр. *кропилка* ‘крапива двудомная *Urtica dioica* L.’ (Горницкий 1887: 174). Однако опосредованная семантическая связь, которую усматривают М. Фасмер и В. Махек (крапиву обваривают кипятком перед тем, как дать скоту), вызывает сомнения; более обоснованной представляется версия В.А. Меркуловой — крапива жжется, как кипятком, и обжигает брызгами, пятнами, как горячая вода (1967: 114).

Еще одна группа названий крапивы связана с корнем *костр-*: *кострыка* (Ряз.) ‘крапива двудомная *Urtica dioica* L.’ (СРНГ 15: 83), *кострика*, *кострыка*, *костырка* (Ворон.) (Смирнова 2003: 75). Среди родственных слов — *кострика* ‘жесткая кора льна и конопли’ (Меркулова 1967: 115), укр. *костер* ‘стог, скирда’ < *костерь*, *костра* ‘жесткая кора от растений, идущих на пряжу’ (Фасмер 1996 (2): 347), которая обычно сжигалась; *костерь* (костра, костеря, кострика) — ‘плевел’, ‘метлица’, ‘мохнатая верхушка некоторых трав’, ‘бородка колосьев’ (Пропп 2000: 103).

В годовом цикле можно выделить несколько дат, когда употребление крапивы становилось особенно актуальным. Так, на Юрьев день (*Ђурђевдан*) в окрестностях Левча и Темнича рано утром все домашние купались в воде, куда были опущены различные растения, в том числе и крапива — «да деца жарко љубе своје родитеље» (Мијатовић 1907: 106). В Драгачевском крае (западная Сербия) в этот день одежду украшали крапивой, чтобы быть «крепкими», как крапива (србх. *оштар* ‘острый’, ‘режущий’, ‘крепкий’) (Плотникова 1999: 358). Крапивой на Юрьев день люди украшались и ударяли друг друга ради здоровья, или «да би били жустри као коприва» (србх. *жустри* ‘ловкий, шустрый, проворный’), или чтобы их не кусали комары (последнее, очевидно, по принципу «клин клином») (Чајкановић 1985: 137–138). Во Враньском Поморавье, услышав первый весенний гром, жнецы украшаются крапивой и катаются по земле — чтобы у них не болела спина и чтобы они могли катать по полю толстые снопы (Там же: 279).

Однако главная ритуальная функция крапивы — защита от нечистой силы, поэтому, чтобы у скотины не отобрали молоко, ею мазали на Юрьев день вымя коровам и украшали крапивой подошники. Чтобы защитить жилище, на Юрьев день и на Усекновение крапиву вешали над воротами, а женщины в Боснии на Юрьев день украшались крапивой, «чтобы их кто-нибудь не сглазил». Кроме того, крапиву клали роженице под подушку, чтобы защитить ее от женских демонов *сенке*. Употребляли ее и для магической защиты шелковых

коконов: в окрестностях Гевгелии мазали на Великий четверг плетенки, на которых лежали шелковичные черви, крапивой; в зерно, предназначенное для посева, клали корень крапивы, который во время сева закапывали на ниве (Там же: 137). Согласно болгарским народным верованиям, *коприва* относится к тем травам, которые обладают способностью прогонять самодив и демонов болезней (Българска митология 1994: 27). В Юрьев день из крапивы и плюща плели венки, сквозь который брызгали молоко и потом запирали, чтобы его не отняла колдунья (Пирински... 1980: 466). В Пермской губернии крапива считалась «предохранительным средством от заразы рогатого скота», поэтому его кормили ею (Крылов 1876: 60).

Отгонная семантика крапивы, очевидно, отразилась в ее применении для лечения зубов, поскольку представление о зубной боли связывалось с червями, живущими на зубах. Для лечения произносился заговор: «Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня раб Божий (имярек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу. (Проговоривши, крапиву, растущую на свободе, привязать к низу, то есть, преклонив к земле, а на третий день отвязать)» (Забылин 1996: 360)¹⁹. Крапива также, как полагали, выгоняет червей из желудка (ТОВА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 470. Л. 63).

В Болгарии *Гергьовден* — это день первого ритуального употребления крапивы в пищу. «Когда кто-то собирает крапиву в первый раз, того женщины стегают по телу, чтобы он не болел и чтобы весь год не было блох. Когда пробуют первую кашу из крапивы, хозяева в Софийском крае приговаривают: „На попа треска, на попадията бльска, на калугера мрава (мора), а на мене живот и здраве!“» (Българска митология 1994: 27–28). В восточной Сербии крапива — также ритуальная еда весной (Туцаков 1965: 65). В день св. Ивана Копривана (24 февраля) и на Власов день ели крапиву и после этого остерегались, как бы не обжечься ею, чтобы все лето не кусали блохи (Геров 2: 397).

На Украине накануне Духова дня на окнах и порогах, среди прочих трав и цветов, клали *кропиву* — «от ведем, которые в эту ночь особенно промыслительны, и рискуют по дворам» (Максимо-

---

¹⁹ Этот заговор интересен тем, что его структура практически совпадает с заговором от червей у скотины, который обычно произносится в адрес чертополоха (см. ниже), что, очевидно, связано с представлением о червях как причине зубной боли.

вич 1856: 90). Защитные способности приписывали крапиве и словенцы: они верили, что «кто насобирает крапивы на Зеленый четверг и заткнет ее под стреху, охранит дом свой от удара грома» (Sobotka 1879: 323).

В Петербурге крапива вместе с другими травами входила в состав банного березового веника накануне Аграфены Купальницы (Терещенко 1848 (5): 72). Вообще с купальским праздником связано большое количество контекстов использования крапивы. В этот день крапива употребляется в двух основных функциях. Одна из них — защита от нечистой силы, поскольку «в ночь против Ивана Купала Ведьмы и Русалки делаются гораздо опаснее, чем во всякое другое время» (Сементовский А. 1845: 99). Особенно много сообщений касаются территории современной Украины. Так, в Полтавской губ. те, кто купался в реке, сначала бросали в воду крапиву, чтобы уберечься от русалок (Арандаренко 1849: 216). Или: «В ту ночь, в некоторых местах Малороссии... в хатах на окошках кладут крапиву» (Бантыш-Каменский 1830: 217).

Это практиковалось и в других регионах: в Пинском у. в этот день женщины вешали в хлевах крапиву и венки из освященных трав. Делали они это для того, чтобы русалки и ведьмы не отнимали у них молока (Быковский 1868: 78). В Витебской губ. в купальскую ночь «над дверями, на „бальких“, в щелях и других отверстиях следует повесить „жигливуку, дядовник и Громничные свечи“, чтобы молочные ведьмы обжигались, кололись и улетали прочь» (Никифоровский 1897: 248. № 1965).

С помощью крапивы можно было не только отогнать ведьму, но и обнаружить ее: в Полесье считалось, что на Ивана Купалу можно заставить ведьму приблизиться к костру путем сжигания крапивы (Виноградова 2000: 252). В данном контексте интересно то, что в этой своей функции крапива сближается как с огнем, жаром, так и с колючими предметами, поскольку был известен следующий способ выявления ведьмы: «когда удостоверено, что коровы не дают молока вследствие чаровства, в Купальский день можно узнать и наказать молочную ведьму следующим образом. В цедилку туго завязываются иголки, булавки, острые камни, заостренные спицы, растительные колючки и пр. Уже при одном этом у виновной ведьмы начинаются колики в груди и боках» (Никифоровский 1897: 248–249. № 1966).

Однако в представлениях о крапиве можно отметить и некоторую амбивалентность. Нечистая сила не только боится крапивы, но и, как ни парадоксально, обитает в ней: в сербских заклинаниях она

изгоняется «у зелене коприве» (Раденковић 1996: 53), а выражение «гром не бије у коприве» можно связать с представлением о том, что «громовник молнией бьет в какое-то хтоническое существо, которое скрывается в различные места, но не в „свою“ крапиву». Более того, крапивой старая *вештица* мажет молодую, после чего она может летать (Там же: 212–213).

В день Иоанна Крестителя крапива использовалась как замена купальского костра. В некоторых сообщениях это выглядит как «детский» вариант обрядовых действий, подражание взрослым: «дети разделяют общее веселие: сделав кучи из песка или трав, обсаживают их крапивою и чрез оную перепрыгивают. Кто повалит крапиву, того ею же прогоняют» (Бантыш-Каменский 1830: 217); в с. Сары Гадячского у. Полтавской губ. дети прыгали «через крапиву, воткнув в землю», что служило заменой огня, через который прыгали «взрослые девки и парни» (Зеленин 1916: 1103). В Нежинском у. Черниговской губ. в Иванов день девушки с песнями скакали через большой пучок крапивы, поставленный посреди улицы; в одной из деревень этого уезда к крапиве добавляли различные колючие растения (Малинка 1898: 129). То же происходило и в Полтавской губ.: вечером 23 июня водили хоровод, а затем прыгали через огонь или пучок крапивы (Арандаренко 1849: 216).

Крапива также считалась растением, способным дать знание о будущем. Так, в окрестностях Слано девушки вечером накануне первого мая собирали крапиву, в каждом доме сажали по одному стеблю в плетеную корзину, наполненную песком, внизу привязывали записку с именем хозяйки и ставили корзину в подвал; утром же шли смотреть: «если завяла, это знак, что ее хозяйка умрет в течение года» (Sobotka 1879: 323). Гадали на крапиве и болгары: «В Хасковско накануне Юрьева дня девушки берут крапиву и оставляют ее на ночь под розой. Если на другой день она остается свежей, это значит, что девушку любит ее избранник. Этой крапивой она украшает голову» (Българска митология 1994: 27–28). В Страндже по одному стеблю крапивы на каждого члена семьи кладут на ночь на крышу. Если на другой день с утра листья окажутся увядшими, этот человек будет болеть (Странджа 1996: 338).

Такие гадания, основанные на том, останется растение свежим или завянет, совершались с помощью многих растений; однако для нас наиболее интересна ситуация, когда значимым оказывается имя растения, содержащее в себе указание на его свойства, и в этом смысле крапива уникальна; она уподоблялась огню и, опосредован-

но, любовному пылу. Так, девушка, чтобы узнать, куда она выйдет замуж, выдергивала накануне Юрьева дня стебель крапивы (*жаре*), сажала в огороде и поливала. На какую сторону она утром согнется, туда и замуж идти (Делић 1893: 349). Вероятно, с представлениями о плодородии связан следующий белорусский обряд, значение которого затруднялся объяснить П. Сobotка: «когда в русальную неделю девушки свили венки и в знак дружбы обменялись кольцами, сажают самую старую женщину на землю со связкой крапивы, связанной веревкой, и делают вид, якобы она пряла и потом уснула. Девушки танцуют вокруг нее рука в руке. Вдруг женщина подпрыгивает как можно выше, делает всякие жесты и бьет девушек крапивой по рукам» (Sobotka 1879: 322–323)²⁰.

Связь крапивы с сексуальной сферой проявляется и в паремиях: *скакать в крапиву* ‘о нравственном падении девушки’ (южн.) (СРНГ 15: 168), бел. *ў крапіве шлюб бралі, скакаць у крапіву* ‘грешить’ (БМ 2004: 257), укр. *в кропиві шлюб брав* (о распутной жизни) (Номис 1864: 169). Кроме того, *крапивниками* во многих диалектах называли незаконнорожденных детей: «Крапивник. О внебрачном ребенке. Чистоп. Казан., 1852. Нижегород., Калуж., Смол., Брян. Он незаконный, мужа нет, говорят, нашла она его в крапиве, так и называют крапивником. Моск., Влад., Яросл., Перм., Вят., Урал., Свердл., Новосибир., Омск. Крапивница — то же о девочке» (СРНГ 15: 169; 369), ср. тж. бел. *крапіўнік* (БМ 2004: 257), чеш. *korřivník*, пол. *pokrzywnik* ‘внебрачный ребенок’, а тж. чеш. *narodit se* (eufem. místo: býti počat) *mezi korřivati*) (родиться (эвфем. вместо: быть зачатым) меж крапивы) (Mašek 1971: 275)²¹. В этой связи Е.Е. Левкиевская ставит

²⁰ Этот обычай напоминает о другом празднике, когда крапива также приобретала ритуальное значение, — *крапивном заговенье*, у которого нет однозначной календарной приуроченности. Это могло быть «последнее воскресенье перед Петровым днем (12 июля по ст.ст., воскресенье через неделю после пасхи или день 6-го июня), в который по обычаю обжигают друг друга крапивой» (СРНГ 15: 169); ср.: «В крапивно заговенье сват свата угощай (последнее воскресенье перед петровками)» (Даль 2: 231). В Пошехонском у. Ярославской губ. парни и девушки жгли друг друга крапивой во всехсвятское воскресенье (Балов 1896: 261). Кроме того, крапивным заговеньем назывался «обычай молодежи в день Ивана Купалы обжигать друг друга крапивой и обливать водой» (СРНГ 15: 169).

²¹ В. Машек поясняет эту группу слов тем, что «свободные места среди высокой крапивы предоставляли безопасное укрытие любовни-

«взаимное стегание крапивой в заговенье перед Петровым постом» в один семантический ряд «с обычаем кидать в этот день друг в друга яйцами» (Зеленин 1995: 341).

В фольклоре образ крапивы, очевидно, также сложился под влиянием ее негативных свойств: в Харьковской губ. (сл. Никольское Старобельского у.) говорили, что крапиву «сияв лукавый и шо вона проклята Богом» (Иванов 1898: 320). В этиологических рассказах она появляется из людей, провинившихся в чем-либо. На Украине о *кропиве* рассказывали, «что в нее превратилась злая сестра» (Костомаров 1843: 39). По сказке, записанной в Купянске, а также в сл. Араповка, дети, рожденные от мужа-ужа, стали после смерти отца растениями. Предательница Горпуша стала крапивой по проклятию матери: «И будешь ты всегда причинять людям жгучую боль, как теперь ты причинила ее мне!». Вася же, сохранивший тайну, стал «душистым васильком» (П.И. 1891: 125–128). То же противопоставление растений встречаем и у южных славян: из крови невинно казненной жертвы вырастают бессмертник и базилик, а из крови преступницы — колючки и крапива (Караѿић 1845: 14–18). В далматской песне крапива вырастает на могиле убийцы (HNP 1909. №. 112; цит. по: Усачева 2000: 273). Не менее негативен образ крапивы в русских песнях:

*Уж ты, крапива ли, крапивиушка жигучая!
У тебя семечка, крапивиушка, стрекучия!*

(Волог. Волог.) (Соболевский 1895 (1): 39. № 18;
то же в: Шейн 1898 (1): 240. № 887)

С крапивой сравнивают злых, «лютых» людей:

*Что ни лютое коренье, то кропивное;
Что ни лютое сердечко, то свекриново.*

(Соболевский 1895 (1): 123. № 74)

Или:

*Злое зелье крапивное,
Еще злее да люта свекра!*

(Шигр. Курск.) (Там же: 129. № 79)

кам» (Machek 1971: 275); однако выражения, подобные *найти в крапиве/канусте* и пр., отражают лишь часть длинного ряда растительных локусов, где «находят» внебрачных детей (см.: Виноградова 1995б).

В русских народных песнях встречается мотив «постель для старого мужа», где молодая жена стелет постель из крапивы и шиповника. Подобные песни зафиксированы в Пермской и Курской губ., в Терской обл. (Соболевский 1896 (2): 279, 281–286. № 333–335, 337–340), а также в Вятской губ.:

*Я старому сноровлю,
Сноровлю, сноровлю:
Постелюшку постелю,
Постелю, постелю, —
В три рядочка кирпичу;
В четвертый шипицу колючую,
Колючу, колючу;
Крапиву шипучую,
Шипучу, шипучу.*

(Шейн 1898 (1): 87. № 404; 328. № 1154)

Крапива встречается рядом с колючим шиповником (и горькой осиной) также и в другой песне (Волог. Волог.):

*Я старого мужа тешила:
На осинушку повесила.
На осинушку на горькую,
На шипицу колючую,
На кропивушку жигучую.
Пусть осинушка сломится,
Мой старый муж оборвется,
О шипицу уколется,
О кропивушку обожжется.*

(Соболевский 1896 (2): 101. № 120)

В белорусской свадебной песне, когда новобрачная сядет между мужем и старшею большанкою, пели: «Цяпер я села миж шипшинничку, Миж крапивки: Жижка-крапивка пажигаць будзець, Сухи шипшинник сушиць будзя» (Шпилевский 1853: 16); ср. в русской песне: «Шипица колючая, Богоданны милы братцы; Крапива-то жгучая, Богоданная сестрицы» (Терещенко 1848 (2): 247).

В болгарской песне с крапивой сравниваются вдовы и вдовцы, в отличие от молодежи:

*Момите — китка шарена,
Ергене — кадър карамфил,*

*Невести — ружа алена,
Довците — коприв повехнал,
Довици — суа коприва!*

(Цанкова 2003: 207–208)

В сербской песне прослеживается мотив неприятия старого жениха и, соответственно, желание нанести ему вред:

*А да знадем, мој гајтане!
Да ће тебе стар носити,
Ликом би те оплетала,
А рогозом поплетала,
Копривама накитила.*

(Караџић 1841 (1): 291. № 397)

В песне из Герцеговины девушка, вышивая платочек, гадает, для кого он предназначается: если молодому, то она бы вышила для него розу и базилик, а если старому — то крапиву и тернистый куст, а также оводов, пчел и ядовитую змею (Sobotka 1879: 322).

В малых фольклорных жанрах наблюдаем те же аналогии крапивы с неприятными людьми: «И моя жена крапива, да и на нее мороз пал» (Даль 1997 (2): 293), а также сравнения: «Жалке, як кропива»; «Мов кропивою попiк» (Номис 1864: 67, 157). Ср. тж. пол. *(u)cieszyć się jak goły (nagi) w pokrzywach* ‘испыт(ыв)ать сомнительное удовольствие’.

Крапива встречается в травниках и лечебниках как средство от различных заболеваний. Так, в «Травнике» списка начала XVIII в. говорится: «Есть трава *Дикая крапива*. Добра она у кого человека мочь (моча) зойметя, дай пить с грушевым морсом, стопи, или с огурцами — поможет Бог» (Флоринский 1879–1880: 12).

Поскольку наиболее ярким свойством крапивы является жгучесть, то большая группа контекстов связана с ее применением от простудных заболеваний. Так, в Вологодской губ. настой листьев крапивы двудомной применяли от лихорадки, настой семян — от кашля. Ударами свежих стеблей по суставам лечили ревматизм (Иваницкий 1890: 153). На Украине крапивными венниками парились от ломоты. От той же болезни пили настойку «цветочных женских кистей на водке», детей же «стрекали» свежим растением (Горницкий 1887: 174). В Пермской губ. настоем корней крапивы на водке натирали больного лихорадкой и его же давали пить (Крылов 1876:

60); в Казанской губ. отвар корня крапивы употреблялся внутрь от лихорадки (Крылов 1882: 32). В Новгородской губ. отвар из крапивы пили от кашля с мокротой (Торэн 1996: 161). В Тобольской губ. крапиву принимали от простуды в виде чая (Скалозубов 1913: 74). В Сибири корень крапивы коноплевой *Urtica cannabina* L. употребляли от лихорадки и простуды (Виноградов 1915: 405). Согласно травнику, толченое семя крапивы, смешанное с медом и разведенное вином, лечило кашель (ТОА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 590. Л. 144–145). Настойкой из цвета крапивы в Новгородской губ. натирались при ишиасе и ревматизме; на Кубани с этой же целью пользовались настойкой крапивного корня (Торэн 1996: 158). Лечили крапивой ревматизм и в Болгарии. Ее также применяли от кашля, бронхита и астмы (Ахтаров 1939: 302).

В чешской традиции лечение лихорадки с помощью крапивы осуществлялось магическими средствами: больной сыпал на крапиву соль, произнося заговор: «*Siju, siju, semeno devadesátsedmero, haž to semeno zende, at' ta psina přinde!*» («Сею, сею девяносто семь семян. Пусть эта болезнь пройдет раньше, чем эти семена взойдут!») Однако выздоровления больного ожидали только в том случае, если крапива засыхала (Вельмезова 2004: 102).

Поскольку крапива способна оставить на теле сыпь, то ей приписывали способность сыпи излечивать: в Казанской губ. от крапивной лихорадки использовали семена крапивы (Крылов 1882: 32); в Тобольской губ. от крапивной лихорадки натирались ею в бане (Скалозубов 1913: 74); в Томской губ. крапивную лихорадку тоже лечили крапивой (Приходько 1927: 116). Очевидно, в данном случае, как это часто бывает в народной медицине, «клин клином выбивают», поскольку симптомы крапивницы похожи на результат воздействия крапивы. Помогала она, как считалось, и от других кожных заболеваний. Так, на Буковине от высыпаний на теле советовали пить отвар крапивы и им же мыться. Буковинские девушки и женщины использовали крапиву в качестве своеобразного косметического средства — «відвар із сушеного листа пили зимою, „би шкіра не в'янула і не чіплялася стану повнота“», а свежий сок втирали в кожу головы как средство от перхоти (Маковій 1993: 45, 52). В Сибири сушеную и стертую в порошок крапиву коноплевую *Urtica cannabina* L. смешивали со сливками и в виде мази употребляли при золотушных язвах (Торэн 1996: 69–70). Старинные травники советовали «крапиву сушеную и толченую на раны присыпати» (ТОА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 470. Л. 37), а также прикладывать «к старым гни-

лым язвам». Вареной в воде или пряженой в деревянном масле — мазали коросту (ТОВА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 590. Л. 144–145). В болгарской народной медицине крапивным отваром лечили золотуху, кожные сыпи, струпья и лишай (Ахтаров 1939: 302).

Некоторые сферы медицинского применения крапивы происходят из веры в ее магические свойства. Так, ей приписывалось возбуждающее действие на половые органы как людей, так и животных. Поэтому для получения большего количества яиц кур кормили семенами крапивы (Горницкий 1887: 174). Очевидно, отсюда возникло и применение крапивы от гинекологических заболеваний. Так, в Вологодской губ. запаренный корень крапивы служил лекарством от опускания матки (Иваницкий 1890: 153). Семена крапивы «в простонародии употребляют... в задержании месячного очищения» (Августинович 1853: 76). В Киевской губ. настоей крапивы пили при маточных кровотечениях (Демич 1889: 22), а чай из крапивы — от белей (Там же: 32). На Украине свежим крапивным соком пользуются при кровохаркании, кровотечении из носа, геморрое и чрезмерной менструации. Кроме того, ее пили при малярии, недостаточном отделении мочи, хронических кожных заболеваниях (Носаль, Носаль 1960: 123), а также применяли «для остановки крови и при грудной боли» (Маркович 1891: 426). В Болгарии корни крапивы, истолченные и сожженные в пепел, пили от кровавого мочеиспускания (Софийски... 1993: 179); вообще крапива широко применялась при кровотечениях различного происхождения: кровохарканье, кровавой рвоте, кровотечениях из носа, продолжительной и обильной менструации, геморрое, резаных ранах (Ахтаров 1939: 302).

Среди других заболеваний, которые лечили крапивой, упоминаются золотуха (Горницкий 1887: 174), заболевания легких (Маковий 1993: 52); лечились ею также от «венерической болезни» (Казан.), холеры, «нутра», «надсады и поясницы» (Сиб.) (Торэн 1996: 69–70). Толченое семя крапивы считалось средством, выводящим камень из почек, а молодая крапива, «вареная в уксусе с олием», изгоняла мокроту и убивала глистов (ТОВА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 590. Л. 144–145). В болгарской народной медицине отвар корней и листьев употреблялся для усиления работы пищеварительной системы, от болей в желудке и от диареи; ею лечили также водянку, желтуху, подагру, сердцебиение, головную боль, эпилепсию. Отваром корней в уксусе промывали волосы — для усиления роста и против перхоти (Ахтаров 1939: 302).

* * *

Таким образом, вся символика крапивы в фольклоре и этнографии обусловлена ее главным признаком — жгучестью. Во всем славянском мире она — прежде всего оберег от нечистой силы. В то же время крапива связана и с любовной сферой, хотя и разными способами: у южных славян — как квинтэссенция *жаркой* любви, у восточных и западных — как метафора любви незаконной. Кроме того, в некоторых локальных традициях восточнославянского ареала крапива служила заменой купальских костров.

ЛЮТИК

Лютики — многолетние травянистые растения рода *Ranunculus* (семейство лютиковых *Ranunculaceae*). Названия лютиков можно разбить на несколько групп с разной мотивацией названий (как прямой, так и опосредованной); при этом некоторые фитонимы могут попасть более чем в одну мотивационную группу.

Золотисто-желтый цвет лепестков лютика отражен в фитонимах: *желтый цвет* (Галич.) ‘лютик языколистный *Ranunculus lingua* L.’, *желтоцвет* (Ворон.), *желтушка* (Ворон.), укр. *жолтец* (Полт.) ‘л. многоцветковый *R. polyanthemos* L.’, укр. *жовтобрюшник* (Хар.) ‘л. едкий *Ranunculus acris* L.’ (Анненков 1876: 289, 291), *желтоголовник*, *огородный желтняк* ‘л. едкий *R. acer* L.’ (Том. Том.) (Арьянова 2: 39), бел. *жаўтушкі* (Петр.), *жаўтушнікі* (Дятл., Осип., Хот., Вит. Вит.), *жоўтыя краскі* (Буда-Кош.), *жоўтыя кветкі* (Столб.) ‘лютик’ (РС 2001: 76), болг. *жълтурче* ‘лютик *Ranunculus* L.’, *жълтурче*, *жълтеница*, *златно цвете*, *златна чашка*, *злато цвете* ‘л. едкий *R. acer* L.’, *жълтеника* ‘л. полевой *R. arvensis* L.’, *жълтурче* ‘л. ползучий *R. repens* L.’, *жълтурче* ‘л. ядовитый *R. sceleratus* L.’, хорв. *zlatica* ‘чистяк весенний *R. ficaria* L.’ (Ахтаров 1939: 258–259, 384, 394), србх. *златица* (Софрић 1990: 156), чеш. *zlatolěčka* ‘л. многоцветковый *R. polyanthemos* L.’ (Machek 1954: 50).

Желтый как цвет огня послужил основой для метафорических названий лютика: пол. *plomiennik*, чеш. *plamének*, *plamínek* (Анненков 1876: 291). Связь с огнем реализуется и через образования от глагола *gorěti — србх. *гороцвет* ‘лютик едкий *Ranunculus acris* L.’ (Софрић 1990: 156), болг. *гороцвет* ‘л. едкий *R. acer* L.’ (Ахтаров 1939: 258)²². Возможно, из-за сходства мелких цветков желтого цве-

²² Подобные названия в славянских языках характерны для ряда растений с желтыми и красными цветами, особенно для адониса (ЭССЯ 7: 46).

та с монетками возникли названия *копеечный цвет* (Олон.) и србх. *новчичь* (букв. «денежка»); 'л. едкий *R. acris* L.' (Анненков 1876: 289–290). Видимо, в эту же группу можно отнести србх. *лисичьяк* 'л. ядовитый *R. sceleratus* L.' (Симоновић 1959: 393).

Гладкие лепестки лютика обладают маслянистым блеском: бел. *блашчышнік* (Житк., Стол.), *бліскушка* (Пух.), *бліскуны* (Брасл.) (РС 2001: 76), чеш. *blysk, blyskáč, blyskač, blišt'ačka* 'лютик *Ranunculus*', *blejskavka, blyštek, babka blysk* 'л. полевой *R. arvensis*' (Machek 1954: 49–50). Этот блеск в сочетании с желтым цветом обусловил фитонимы *маслянка* (Полт.) 'л. едкий *R. acris* L.' (Анненков 1876: 289–290), србх. *маслице* 'л. едкий *R. acer* L.' (Симоновић 1959: 391), болг. *мазнец, мазни-кокалче, мазно кокалче* 'чистяк весенний *R. ficaria* L.', *мазни-кокалче* 'л. ползучий *R. repens* L.'²³ (Ахтаров 1939: 259), луж. *масленка, бутрове кејетки* (букв. «масляные цветы»), *бутрове рожички* (Софрић 1990: 156), чеш. *maslenka, mastná buchta* (Machek 1954: 49). Вероятно, к этой же группе можно отнести бел. *гладышнік* (зап.-полесск.), *ладышнік* (Брест. Брест.) (РС 2001: 76).

Еще одна внешняя черта, сыгравшая роль в фитонимике, — форма листьев. Нижние листья лютика пятиугольные, пальчато-раздельные; их доли напоминают птичьи лапы. Очевидно, этим и можно объяснить такие фитонимы, как *петушья нога* 'л. едкий *R. acris* L.' (Моск.) (Горницкий 1890: 15), бел. *гусячы лапкі* (Малорит.) 'лютик' (РС 2001: 76), србх. *врањица* 'л. ядовитый *R. sceleratus* L.' (Симоновић 1959: 393), кашуб. *gar'è nõžk'i* 'лютик *Ranunculus*' (Sychta 1: 303).

Горький вкус лютика отражен в фитонимах *горчица, горькуха* (Твер.) 'все виды лютиков', *горчак* (Волог.) 'л. многоцветковый *R. polyanthemos* L.' (Анненков 1876: 289, 291), *горькая трава* (Тюм.) 'лютик' (Торэн 1996: 155). Еще одна группа схожих названий — бел. *заружа* (окрестности Гродно, Могил. диал. регион), *заруза, зараза* (окрестности Гродно), *заруха* (Могил. диал. регион) 'лютик' (РС 2001: 76), чеш. *zaruzie, žarěžina, žaróch, žarúšek, žeružel* 'лютик' (Machek 1954: 50), пол. *zeruza* 'л. ползучий *R. repens* L.', луж. *žoruž, žeruš* 'л. ядовитый *R. sceleratus* L.' (Анненков 1876: 291) — также может объясняться жгучим вкусом (Machek 1954: 50). С другой стороны, В.А. Меркулова, анализируя фитоним *жеруха* как название горьких растений жерушник *Roripa*, клоповник *Lepidium* и сердечник *Cardamine*, связывает это слово (и его южнославянскую парал-

²³ Болг. *мазина* 'жир'.

лель *горуха*) с вариантом праславянского корня **gor-/žer-* ‘гореть’ (Меркулова 1965: 74–75). Это, очевидно, позволяет связать данную группу названий не только со вкусом растения, но и с его цветом (см. выше). Кроме того, В. Махек связывает подобные фитонимы с чешским глаголом *žrati* ‘разъедать’ (Machek 1954: 60–61), что делает актуальным также способность лютика вызывать воспаление кожи, разъедать ее. С точки зрения этимологии сюда можно включить и такие названия, как бел. *цямяржыца* (окрестности Гродно) ‘лютик’ (РС 2001: 76), словац. *čemerice, četverka* ‘л. ядовитый *R. sceleratus* L.’ (Анненков 1876: 291), ср. названия типа *чемерика/чемерица* для горьких и ядовитых растений (ЭССЯ 4: 52).

Способность лютика разъедать и натягивать кожу, вызывать на ней нарывы, волдыри, отразилась также в целом ряде соответствующих фитонимов. С другой стороны, он широко применялся в народной медицине для лечения прыщей, сыпей и других кожных заболеваний, что также повлияло на названия этого растения: *прыщинец* (б.м.) ‘лютик жгучий *Ranunculus flammula* L.’, *нарыв, нарывная трава* (Курск.), *коростовая трава* (в Курской губ. «употребляли от лошадиной коросты») ‘л. ядовитый *R. sceleratus* L.’, *натяж, натягач* (Малор.) ‘л. языколистный *Ranunculus lingua* L.’ (Анненков 1876: 291). Названия *натяж, натягач* можно объяснить тем, что о лютике говорят, что он «шибко натягивает пузырь» (Торэн 1996: 158); кроме того, «лютиком едим мылись и парились в бане, чтобы вывести с тела все „нечистоты“ и болезни» (Там же: 195). Фитоним *прыщинец* ‘л. жгучий *R. flammula*’ мотивирован тем, что это растение «вызывает нарывы во рту у животных и на руках у людей»; с другой стороны, считалось, что умывание собранной с него росой лечит от угревой сыпи и прыщей (Коновалова 2000: 171). Подобные названия есть и в других языках: бел. *прышчаўнік, прышчынец* (окрестности Витебска), *прышчатнік* (Могил. диал. регион), *нарыўнік* (Лельч., окрестности Витебска) (РС 2001: 76), болг. *пл’уска* ‘л. едкий *R. acer*’²⁴ (Бизеранова 2003: 52), чеш. *pryskyřník* ‘л. жгучий *R. flammula*’ (Machek 1954: 49), пол. *pryszczeniec* ‘л. едкий *Ranunculus acer* L.’, то есть растение, вызывающее пузыри, прыщи (Spółnik 1990: 102). Название србх. *искрица* (букв. «искорка»), а тж. пол. *jaskier* ‘л. жгучий *R. flammula* L.’ также возникло оттого, что растение, приложенное к телу, вызывает воспаление, тело краснеет, «искрится» (Brückner 1970: 200; Spółnik 1990: 102), ср. бел. *яскра*

²⁴ Болг. *плюска* ‘волдырь’.

(Волк., Пост.), *яскар*, *яскір* (Лях., Новогр.) ‘лютик’ (РС 2001: 76). Продолжают этот ряд србх. фитоним *изјед* (Софрић 1990: 156)²⁵. Цветы лютика едкого *Ranunculus acris* L. использовались вместо шпанских мушек (Торэн 1996: 72). Нищие и солдаты-симулянты употребляли лютик едкий *Ranunculus acris* L., чтобы вызвать раны у себя на теле (Чажкановић 1985: 170).

Наконец, ядовитость лютика отразилась в большом количестве названий, образованных от корня *лют-*: *лютик* ‘все виды лютиков’, *лютый цвет* ‘лютик’ (юго-зап. Росс.) (Анненков 1876: 289–290), бел. *люцік* ‘лютик’ (вост. диал. зона) (РС 2001: 76), болг. *лютивец*, *лютика*, *лютиче*, хорв. *ljutić* ‘лютик *Ranunculus* L.’, болг. *лютивец*, *лютик*, *лютиче*, *лютница*, хорв. *ljutić* ‘л. едкий *R. acris* L.’, болг. *лютика* ‘л. жгучий *R. flammula* L.’, болг. *лютиче* ‘л. иллирийский *R. illyricus* L.’ (Ахтаров 1939: 258–259), србх. *љутик*, *љутић* (Софрић 1990: 156)²⁶.

Ядовитость лютика осмыслялась и метафорически, вызывая экспрессивные названия, как, например, *чёрное зелье* ‘лютик едкий *Ranunculus acris*’: «На болотине чёрно зелье растет, у ево цветки красивые, а самое едовито, но им вопще-то лечатся» (Тавд.) (Коновалова 2000: 207), или *сатанинское зелье* ‘л. золотистый *R. auricomus*’: «Сатанинска зелье — негодна трава, ее у нас адин гарбун сабират для чё-та, калдует, наверна» (Красноуф.). Однако и это название может быть мотивировано прямо противоположно: «сатана насылат всяку порчу, а етой травой можно выгнать» (Байк.) (Там же: 180).

Поскольку большая часть лютиков растет в сырых, болотистых местах, появились названия *водяной измоден* (Перм.) ‘водяной лютик расходящийся *Ranunculus divaricatus* Schr.’, *мокруша* (Твер.) ‘чистяк весенний *Ranunculus aquaticus* L.’, укр. *криничник* (Киев.) ‘л. золотистый *R. auricomus* L.’, русин. *болотне зілле* ‘лютик’ (Анненков 1876: 289–290), болг. *блатна трева* ‘лютик *Ranunculus* L.’ (Ахтаров 1939: 258). Опосредованно с местом произрастания свя-

²⁵ Србх. *изједина* ‘рана’ (растертая или разъеденная потом).

²⁶ В русском, сербскохорватском, болгарском и македонском языках названия, производные от корня **l'utъ*, означают и другие растения, чей вкус отличается горечью или резкостью: лук, щавель, перец; водку и блюда, приготавливаемые с добавлением лука, острого перца, уксуса и пряностей; острый, терпкий, кислый или горький вкус (ЭССЯ 15: 220–231), многочисленные горькие и ядовитые растения (Анненков 1876: 6, 33, 35, 94 и др.).

заны фитонимы србх. *жабљак*, *жабокрек* (Софрић 1990: 156), србх. *žabjak*, *žabnica*, *žabokrek* (Šulek 1879: 547), србх. *žabinaс* (Анненков 1876: 289), макед. *жабурнак*, *жабурник*, хорв. *žabinaс*, *žablјak* ‘лютик *Ranunculus* L.’, болг. *жабуњак*, *жабърњак*, хорв. *žablјak* ‘л. едкий *R. acris* L.’, болг. *жабърњак* ‘л. жгучий *R. flammula* L.’, *жабърњак* ‘л. языколистный *R. lingua* L.’, *жабуњак* ‘л. платанолистный *R. platanifolius* L.’ (Ахтаров 1939: 258–259). Здесь можно предположить кальку с латыни, ср. пометки Н.И. Анненкова «иск. сост.» при фитонимах *жабинец*, *жабная трава*, «перев. назв.» при *лягушечник* ‘лютик *Ranunculus*’ (лат. *rana* ‘лягушка’) (Анненков 1876: 289), но, возможно, широкое распространение подобных фитонимов может служить аргументом в пользу их самостоятельного возникновения.

Видимо, связью растения с комплексом купальских поверий можно объяснить названия *иванова трава* (Олон.), *купало* (б.м.), *купальница* (Арх., Вят., Перм.) ‘лютик едкий *Ranunculus acris* L.’, укр. *куповка* (Киев.) ‘л. полевой *R. arvensis* L.’, *купальница* (Кашинск.), *брат с сестрою* (б.м.), *купальница* (Херс.), *брат и сестра* (Подол.) ‘л. ползучий *R. repens* L.’ (Анненков 1876: 289–291), србх. *купалница* ‘л. плавающий *R. fluitans* Lam.’ (Šulek 1897: 184). В Вологодской губ. *купальница* ‘л. едкий *R. acris* L., л. многоцветковый *R. polyanthemus* L.’ «в числе других трав ввязывается в веник, которым парятся на Иванов день» (Иваницкий 1890: 148). Вообще использование лютика в этот день связано практически исключительно с баней: «Именем Аграфены купальницы называется лечебная трава (*Ranunculus acris* L.), употребление коей в народе довольно разнообразно: ею также парятся в бане — „для здоровья“» (Макаренко 1913: 84). Н.И. Анненков, ссылаясь на свидетельство Потанина, сообщает, что именем *купальница* в с. Березовец (Никол. Волог.) называют исключительно лютик едкий: «Название взято от обыкновения топить, перед Ивановым днем, бани и ввязывать в веники разные травы, в числе которых непременно должны быть Купальница, *Ranunculus acris*, и Умывальница, *Lychnis Flos Cuculi*. Веники эти потом бросают на бани и при этом смотрят, в какую сторону падают они комлем и по этому судят, умрет или нет в этом году бросивший» (Анненков 1876: 289–290). В Петербурге лютик (как и другие травы) добавлялся к банному венику накануне Аграфены Купальницы; в Архангельской губ. в день св. Агриппины топили бани, устилая пол купальницей (*Ranunculus*) (Терещенко 1848 (5): 72). В Енисейской губ. также парятся в бане лютиком, который носит имя Аграфены Купальницы (Макаренко 1913: 84).

Кроме того, фитонимы могут быть мотивированы названием того или иного праздника, приходящегося на период цветения растения: *Аграфена-купальница* 'лютик едкий *Ranunculus acris*': «Это трава на день Светой Огрофены цвести начинат» (Тугул.); «первоначально так называлась любая трава, собранная в день Аграфены-купальницы» (Коновалова 2000: 16–17), србх. *ђурђевац*, *ђурђеваче* 'л. едкий *R. acris*' (Симоновић 1959: 391), болг. *ђжурђжовец*, *ђжурђжуванка* 'лютик *Ranunculus L.*', *гергюваче* 'л. едкий *R. acris L.*', *ђжорђжованка* 'л. языколистный *R. lingua L.*' (Ахтаров 1939: 258–259).

Большую группу составляют фитонимы, относящие лютики к «козлиным» растениям; однако при прозрачности этимологии мотивация этой группы названий неясна: *козелец* (Вел. Росс.), *козелец* (Малор.) 'л. едкий *R. acris L.*', русин. *козелець* 'лютик *Ranunculus*', *козелки* (Костр., Галич.) 'л. золотистый *R. auricomus L.*' (Анненков 1876: 289, 290), бел. *казелец* (вост. диал. зона), *казялец* (Докш., Борис., Гродн. Гродн., Осип., Добр., Ельск., Могил. Могил., Смол. диал. регион), *казёлак* (окрестности Витебска), *казёл*, *казлы* (полоцкоминская группа говоров, Столб., Росс., Вит. Вит., Миор., Калинк.), *казелькі* (Вилей., Сеннен.), *казелица* (Сеннен.), *казельчыкі* (Вилей., Бобр., Слуц., Добр., Березин.), *козлікі* (Светл., Реч., Моз.), *козы* (Стол.), *казельнік* (Ветк.) и под. (РС 2001: 75)

Неоднозначна мотивация таких названий, как *куриная слепота*, *курачья слепота*, *курослеп*, *слепокурник* (в бол. ч. средн. Росс.) 'лютик *Ranunculus*', укр. *кураця сліпота* 'л. многоцветковый *R. polyanthemus L.*' (Анненков 1876: 289–291), бел. *кураслеп* (вост. диал. зона, Волк., Лун., Ивановск.), *курослеп* (Стол.), *курыная слепата* (Понем., зап.-полесск., окрестности Гомеля, Могил. диал. регион), *курача слепата* (Гродн., Брест. Брест., Могил. диал. регион), *слепата* (зап.-полесск., Лях., Ганц., Хот., Костюк., Воронов.), *сляпуха* (Воронов., Ивьев., Корел., Стол.), *слепак* (Лельч.), *сляпэтка* (*слепэтка*) (Ивац.) (РС 2001: 75–76). Есть основания интерпретировать этот фитоним как «растение, излечивающее от куриной слепоты»; так, в Казанской губ. распаренную траву *куриной слепоты* (л. едкий *R. acris L.*) прикладывали к глазам «от куриной слепоты (когда больной вечером, после захода солнца, плохо видит)» (Крылов 1882: 34). Однако калужница болотная *Caltha palustris*, также именуемая *курослеп*, напротив, не излечивает куриную слепоту, а является ее причиной (Познанский 1995: 187). То же справедливо и в отношении лютика: *куриная слепота*, *курачья слепота*, *курослеп*, *курослепник* 'л. едкий *R. acris L.*': «Говорили, если к глазам поднести — ослепнешь» (Том.

Том.); «Было поверье, что если даже на него смотреть, то слепнешь сразу и, как курица, ничего не будешь видеть» (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 39), ср. кашуб. *bolëoćë* ‘л. едкий *R. acer*’: «название происходит от боли глаз, которая якобы появляется от вдыхания запаха этого растения или от взгляда на цветок» (Sychna 1: 56).

Различными видами лютиков во многих губерниях России лечили лихорадку: «*Лютик длиннолистный* *Ranunculus lingua* L., народные названия: желтый цвет, лихорадочная трава, лютик золотистый. В Тобольской губ. его употребляли от лихорадки»; «*Лютик прыщинец* *Ranunculus flammula* L. народные названия: купальница, ужовка. Употреблялся от лихорадки» (Тобол.); «*Лютик ядовитый* *Ranunculus sceleratus* L. народные названия: лютик ядовитый... лихорадочная трава, нарывная трава, нарыв (Курск)... Это растение употребляли от лихорадки. <...> В Тульской губ., как пишет автор одной из рукописей 1811 г.: „траву сию в некоторых местах привязывают в горячках больным к рукам: она натягивает пузырь, как шпанские мухи, с великою пользою“» (Торэн 1996: 72–73). На Украине лютик едкий под названием *зілля од трясці* также использовался для излечения лихорадки (Рогович 1874: 25). Укр. *ломатник* можно объяснить тем, что лютиком лечили ломоту в ногах (Словник 3: 284; Торэн 1996: 63), ср.: «Ежели кости болят, он идно выгорит то место, иде болит» (Арьянова 2: 39).

Фитонимы *чистяк* (б.м.) ‘л. едкий *R. acris* L.’ (Анненков 1876: 289–290), србх. *трава од изједа* (Софрић 1990: 156), по всей видимости, указывают на применение от кожных заболеваний, как и бел. *ка-роста* (Ошм.) (РС 2001: 76), последний, впрочем, может быть обусловлен как применением от коросты, так и способностью ее вызвать.

Различными видами лютиков лечили от грыжи, употребляли как слабительное, вместо горчичника и для образования нарывов; лечили водобоязнь, лошадиную коросту, боль в желудке, сердечную болезнь (Анненков 1876: 290–291), а также водянку и сибирскую язву (Торэн 1996: 72, 155). В Тюменском округе внутреннюю форму сибирской язвы лечили отваром лютика; так же лечили и животных. Кроме того, толченый лютик давали лошадям и коровам для профилактики (Там же: 155). По сведениям Моравского, растертым цветком лютика «мазали на Руси губы, потрескавшиеся от ветра» (Morawski 1884: 18). В Сербии лютик применяли для лечения падучей и нерегулярной менструации (Чайкановић 1985: 170). Лютик ползучий *Ranunculus repens* L. (болг. *трескавиче*) употреблялся в народной медицине от малярии (болг. диал. *треска*), отсюда и название; ср.

тж. болг. *трескавиче*²⁷ ‘л. едкий *R. acer* L.’, отвар которого пили от малярии, кожных сыпей, а кашницу из листьев использовали против малярии, подагры, ревматизма. Отвар чистяка весеннего *R. ficaria* L. применяли от геморроя, кожных сыпей, малярии, болей и вздутия живота у детей; кашницу из листьев — против подагры и ревматизма (Ахтаров 1939: 258–259).

О прочих целях использования этих растений можно догадываться по фитонимам бел. *дрыштушки* (Держ.) (РС 2001: 76), србх. *болиглав* ‘чистяк весенний *R. ficaria* L.’ (Симоновић 1959: 392), болг. *кървавиче*, *кървинос* ‘л. едкий *R. acer* L.’, *пуккръвчица* ‘л. полевой *R. argvensis* L.’ (Ахтаров 1939: 258).

Как и для любого растения, остается целый ряд фитонимов с неясной мотивацией, напр., бел. *віштуклі* (Воронов.), *конікі* (Стол.), *дзеравянка* (*дэрэўлянка*) (Лельч.), *ластаўчын лянок* (Пин.) (РС 2001: 76), болг. *дива попадийка* ‘л. едкий *Ranunculus acer* L.’, болг. *сводница*, серб. *сводница* ‘л. ядовитый *R. sceleratus* L.’ (Ахтаров 1939: 258–259) и др.

* * *

Итак, в рассмотренных названиях актуализируются следующие признаки и свойства: ядовитость, цвет и блеск лепестков, форма листьев, место произрастания и время цветения, лекарственные или вредоносные свойства. Повсеместно актуализируется связь фитонима с цветом лепестков растения, причем цвет может называться прямо или путем сравнения с другими предметами; блеск лепестков у всех групп славян сравнивается с маслом или жиром. Также у всех групп славян отмечена способность лютика вызывать на теле сыпи и нарывы; эта номинационная модель реализуется на разнообразном лексическом материале. Повсеместно отражено произрастание лютиков в сырых, болотистых местах, однако метафорические наименования этих растений с корнем *жаб-*, видимо, отсутствуют у западных славян. Из рассмотренных названий наименее распространены те, что образованы от слов *козел/коза*, а также названия типа *курослеп*; они ограничены восточнославянской территорией.

ОДУВАНЧИК

Одуванчик аптечный (*Leontodon taraxacum* L., *Taraxacum officinale* Wigg.) — многолетнее растение из семейства сложноцветных, рас-

---

²⁷ Болг. *треска* ‘лихорадка’.

тушее практически везде — на полянах, пустырях, по обочинам дорог. Цветет он с конца апреля, но на закате и во время дождя цветки закрываются.

Благодаря своим внешним признакам одуванчик получил разнообразные названия. Так, золотисто-желтый цвет лепестков обусловил бел. *жоўтая цыкор'я*²⁸ (Могил. диал. регион) (РС 2001: 49), србх. *жућеница* (Чайкановић 1985: 172), *žutenica*, *žićenica* (Šulek 1879: 529), полая безлистная цветочная стрелка — фитоним *полая трава* (Волог.) (Иваницкий 1890: 151). Возможно, сравнение с рыжими моховыми шапками евреев обусловило бел. *жыдок* (Крич., Житк.) (РС 2001: 49), *жыдоўкі* (Могил.) (Ганчарык 1927б: 6), русин. *жидик*, *жидівска шапка* (Анненков 1876: 349–350). Как полагает Н.И. Анненков, фитонимы *зубник* (Калуж., Могил.), *зубной корень* (Вят.), *зубная трава* (Вят.) взяты от латинского названия *Dens leonis* (Там же: 349); однако они могли возникнуть и самостоятельно, ввиду иззубренной формы листьев, ср. бел. *зубнік* (Могил. диал. регион) (РС 2001: 49), пол. *wowczy zub* (Köhler 1993: 77).

Большое количество фитонимов связано с белым млечным соком растения: *молочай* (Пск., Нижегород.), *молочая* (Влад.), *молочник* (Арх., Волог.), *молоканка*, *молокоед* (б.м.) (Анненков 1876: 349), *молоканицик*, *молочай*, *молочник* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 63), бел. *малачай* (зап.-полесск., окрестности Гродно, Минск. Минск., Понем.), *малач'як* (Моз., Петр.), *малочнік* (сев.-зап. диал. зона, Лиозн., Костюк.), *млечнік* (Латгал.) (РС 2001: 49), укр. *молочай* (Болтарович 1990: 93), болг. *млечка* (а тж. *желта млечка* и *магарешка млечка*) (Ахтаров 1939: 290), србх. *мљечњак* (Чайкановић 1985: 172), *mliječnjak*, *mļjekača*, *mličak* (Šulek 1879: 529), пол. *mlecz*, *mlic*, *swini mlecz* (Spólnik 1990: 79; Szot-Radziszewska 2005: 151); луж. *млочнак*, *млочова рожса* (Софрић 1990: 162).

Вероятно, из-за этого сходства сока одуванчика с молоком в говорах возникла целая группа названий, связанных с коровами и доением: *коровяк* (Тамб.), *коровник*, *дойник*, *подойник* (Дубровина 1999а: 61–62), *подойнички* (Калуж.), *подойница* (Вят.), *подоянка* (б.м.) (Анненков 1876: 349), а также уверенность в том, что он способен увеличить жирность молока: «Молоч'як коровам рвом, як

²⁸ Такие фитонимы, как *цихорий* (Моск.), *дикая цикория* (Смол.), *желтая цикория* (Тамб.), *полевой цихорий* (б.м.), *русский цихорий* (Волог.) распространились «по употреблению корня при кофе» (Анненков 1876: 350).

сметанки звэрху нэмá» (Бейлина 1968: 426), ср. тж. србх. *маслачак* (Чайкановић 1985: 172), болг. *маслениче*, хорв. *maslačak* (Ахтаров 1939: 290), чеш. *smetanka* (Анненков 1876: 350), луж. *смјетанка* (Софрий 1990: 162). Другие растения с тем же признаком наделялись теми же свойствами: в Сербии *млечика* ‘молочай *Euphorbia*’ считалась способной увеличить удои, поэтому на Вознесение коров перед дойкой украшали молочаем, а после дойки его снимали (Чайкановић 1985: 174).

Плоды одуванчика — пушистые семянки — вызвали образование таких фитонимов, как *пухлянка* (б.м.), *пуховка трава* (Калуж.), *пушица круглая* (Нижег.), *пушки* (Вят.), *пушник* (б.м.) (Анненков 1876: 350), *пуховичок*, *пуховка*, *пушки*, *пушок* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 63), бел. *пухар* (окрестности Витебска), *пухоўка* (Город., Беш.) (РС 2001: 49). Поскольку они легко сдуваются, возникли названия *одуван(чик)*, *сдуванчики* (Твер.), *пустодуй*, *дуванчик* (Обь), *ветродуйки* (Урал.) (Меркулова 1967: 101), *пустодуй*, *ветодуй* [ветродуй? — В.К.], *дуванчик* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 121), *одуванчик*, *раздуванчик*, *поддуванчик* (Урал.) (Коновалова 2000: 148), *ветреник*, *дуванчик*, *одуанчик*, *одуайчик*, *одуван*, *одуванчик*, *поддувальник* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 63), *летунок* (Орл.) (Васильченко 1996: 53), *одуй плешь* (Урал.) (Коновалова 2000: 148), *шапочка* — *дунуть плешка* (Арх.), укр. *летучки* (Анненков 1876: 349), укр. *подуйчики* (Болтарович 1990: 93), бел. *адуванчык* (вост. диал. зона, Стол., Слон.), *дуванчык* (Ветк., Слон.), *дываньчык* (Новогр.), *надуванчык* (Докш., Новогр., Дятл., Житк., Ганц.), *раздуванчык* (Ельск.), *дзьмухавец* (Могил. Могил.), *дмухавец*, *дмухель* (окрестности Гродно), *пералётнік* (Корел.) (РС 2001: 49), пол. *dmuchawiec* (Paluch 1989: 96), кашуб. *dmuch'ąjk*, *dm'uchónka* ‘одуванчик, особенно его плоды с пухом на конце’ (Sychta 1: 221). Эта же особенность отразилась и в загадке — «Рос шар бел, дунул ветер — и шар улетел» (Митрофанова 1968: 70. № 1918). Облететь могут не все семянки одновременно, и это послужило основанием для детской игры (Бачка): «Отцветшее растение ‘*Taraxacum officinale* Web.’ под названием *сам* в детской игре служит для измерения времени: когда на его цветок дуют, рожки с шелковистым пушком осыпаются, а сколько их останется на цветоложе, „столько времени“». Дети говорят, что цветы «гаснут», поэтому и само растение называется *лампа* или *свећа* (Шпис-Тулум 1995: 424–425).

Поскольку после отцветания и облетания семян остается голая головка, похожая на монашескую тонзуру или просто на лысину, это

вызвало появление фитонимов *попова плешь* (Твер.), *плешивец*, *пleshаки* (б.м.) (Анненков 1876: 349), *гуменцо попово* (Дон.) (Брысина, Кудряшова 2003: 272), укр. *plešiveč* (Меркулова 1967: 101), укр. *попове гуменце* (Рогович 1874: 30), србх. *porina rogačica*, *porino gumno*, *porovo gumance* (Šulek 1879: 529), ст.-пол. *pleszka*, *pleszyki*, ст.-чеш. *pleška* (Wróbel 1962: 121), ср.: «дунеш — разлетатца, остатца токо лысина, как плеш сама настоящша» (Красноур.) (Коновалова 2000: 148). Вероятно, к этой же группе относятся болг. *падикос*²⁹, *келавче*³⁰ (Ахтаров 1939: 290, 472), *келявост*, *келявицина*, *келявица* (БЕР 2: 320). Как белые, «седые», так и облетевшие головки могли обусловить названия бел. *дзед* (Добр., Малорит.), *дзядок* (Баран.), *дзед і баба* (Бых.) (РС 2001: 49). Фитонимы типа *плешь* В.А. Меркулова считает кальками с латыни (Меркулова 1967: 101). Однако в пользу самостоятельного возникновения говорит реализация этой модели на широкой территории и на разнообразном лексическом материале: бел. *ксяндзоў плеш* (Могил. диал. регион), *ксьндз* (Могил. Могил.) (РС 2001: 49); србх. *попино гумно*, *попина погачица* (Чайкановић 1985: 172), пол. *plesz*, *pleska*, *poria głowa*, *mnisza głowka*, *mnich*, *mniszek* (Spółnik 1990: 79). Такая форма могла вызвать и другие ассоциации: пол. *swini pusk*³¹ (Там же), србх. *svinac* (Šulek 1879: 529). По внешнему виду облетевшей головки с увядшими прицветниками одуванчик получил названия *навки* (Олон.), укр. *рауку* (Меркулова 1967: 101); очевидно, сюда же можно отнести *лапка* (Костр.) (Анненков 1876: 349).

Свойство стеблей одуванчика сворачиваться, будучи расщепленными, отражено в фитонимах *кульбаба* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 63), бел. *кульбаба* (РС 2001: 49), укр. *кульбаба*, *кульбака*: «як задерти бадилля, то кулится» (Анненков 1876: 350)³². Белорусское название

²⁹ При фитонимах болг. *капи-коса*, *падикос*, *слети коса* ‘адонис Adonis L.’ в качестве мотивации приводится поверье о том, что прикосновение к этому растению грозит выпадением волос (Ахтаров 1939: 89); однако в случае одуванчика названия, видимо, обусловлены особенностями размножения.

³⁰ Болг. *келав*, *келяв* ‘плешивый, лысый’.

³¹ Пол. *pusk* ‘морда, пасть’.

³² Укр. *кулитися* ‘сутулясь, съеживаться (от холода, ветра, страха и т.д.)’ (Великий тлумачний словник... 2001: 472); ср. пол. *kulić się* ‘свиваться клубком’, бел. *кульба* ‘палка с загнутым верхним концом, посох’ (ЭССЯ 13: 97, 99).

багатка (Ганчарык 1927б: 6), вероятно, дано одуванчику из-за его медоносных свойств. Ряд болгарских фитонимов — *глухарче*, *глушило*, *глушина*, *глушка*, *глушник*, *глушниче*, *глюшина* (Ахтаров 1939: 290) — говорит о том, что одуванчик заглушает посевы (БЕР 1: 252).

Горький вкус корней одуванчика отражен в болг. *жлъчка*³³, *отрочачка*, *бърдовка*³⁴ (Ахтаров 1939: 290), *бърдоква* (БЕР 1: 101), а также в ряде фитонимов — *пикралида*, *некралида*, *пикрарида*, *пикларида*, *прикрарида*, *пикрирадика*, заимствованных от новогр. *pikralida* ‘цикорий’, произв. от *pikros* ‘горький’ (БЕР 5: 233).

Некоторые фитонимы отражают время появления растения. Оно может быть названо прямо: укр. *май* (Коломієць, Шамота 1979: 24), пол. *taje* (Czyż, Wszakowska 1993: 102); через отсылку к названию праздника: болг. *въликдънче* (Бизеранова 2003: 46), или же через события, происходящие одновременно с цветением: весной выводятся гусынята, поэтому растение, которое цветет в это время, называется серб. *гушчије цвеће*; кроме того, весной, с первым солнцем, вылезают и змеи, поэтому одуванчик носит также имя *змијино цвеће* (Шпис-Ђулум 1995: 423). Место произрастания отражено в фитонимах *подорожник* (Полт.), *придорож* (б.м.), пол. *podróžnik* (Анненков 1876: 349–350).

Одуванчик широко использовался в народной медицине. Так, в Арзамасе (под местным названием *молочай*) он употреблялся роженицами «как к разбитию спершагося молока, так и для приумножения онаго» (Демич 1889: 38)³⁵. В Смоленской губ. он употреблялся как кровоочистительное средство, а в Новгородской губ. настой корня пили для возбуждения аппетита (Торэн 1996: 74). В Казанской губ. отвар или водяной настой одуванчика служил лекарством от чахотки (Крылов 1882: 44). В Ср. Приобье цветами лечили печень, а настоем на спирту или водке натирали больные суставы (Яйск. Кемер.; Бел. Кемер.) (Арьянова 2: 64). В Киевской обл. отвар корня одуванчика считался хорошим антималярийным средством. На Ровенщине смесью тертого корня одуванчика с медом лечили экзему. В черниговском Полесье и в Белоруссии настоем цветов или корня

³³ Болг. *жлъчка* ‘желчь’.

³⁴ Ст.-болг. *бридькъ* ‘острый, горький’.

³⁵ Аналогичные свойства приписывались и другим растениям с белым млечным соком, так, отвар *молочая* ‘молочай лозный *Euphorbia virgata* W. et K.’ в Казанской губ. пили женщины, «когда у них в грудях молоко портится» (Крылов 1882: 40).

одуванчика на водке натирались при ревматизме. В Курской губ. одуванчик использовался при желтухе, водянке, как успокоительное средство при бессоннице, в виде компрессов — при укусах гадюки (Болтарович 1990: 93–94). На Украине одуванчиком лечили также лихорадку (Маркович 1891: 428); о применении одуванчика от лихорадки говорит и србх. *травa од грознице* (Софрић 1990: 162). В западном Полесье отвар листьев пьют при заболеваниях желудка (Michajłow 1993: 110). Вероятно, именно лекарственными свойствами обусловлены фитонимы бел. *знахорка* (Калинк.), *баба* (зап.-полесск.), *бабок* (Стол.) (РС 2001: 49). В Сербии из корня этого растения цедили сок, чтобы закапать в ухо, из которого текло (Чайкановић 1985: 172), в Болгарии соком одуванчика также лечили боль в ухе (Софийски... 1993: 187). Кроме того, в болгарской народной медицине отвар одуванчика использовался для стимуляции пищеварительной системы и усиления аппетита, против кашля, а также как слабительное, для очищения селезенки и печени, против желтухи. Этот же отвар служил для очищения крови и помогал от геморроя, ревматизма и хронической экземы, действовал как мочегонное и помогал от воспаления мочевого пузыря, при водянке и диабете (Ахтаров 1939: 290). В польской народной медицине особое значение имел сок одуванчика, который использовали внешне для уничтожения бородавок (Тешиньский край, Ленчицкий край, Подолие), при зубной боли (Любельский край), боли ушей (Серадзкий край), при водобоязни (Куявы), слепоте (Келецкий край), для сведения веснушек (Хельмский край), лечения рожи (Курпе). Внутри принимали отвар корней от водянки (окрестности Олькуша), как рвотное средство (Келецкие), при заболеваниях желудка (Серадзкий край, окрестности Дембицы) и печени (окрестности Бытомя, Жешувский край) (Pałuch 1989: 96). Цветы одуванчика сушили для использования от кашля (Czyż, Wusakowska 1993: 102). В Келецком регионе из цветков готовили мед для лечения печени, а также сироп от простуды и кашля; сушеные растения, сорванные у самого корня, настаивали и пили при гипертонии и для усиления организма. Отвар одуванчика давали как рвотное, а также лечились им от слепоты (Szot-Radziszewska 2005: 151). Одуванчик использовали для вытравливания плода (Köhler 1993: 77).

Некоторые болезни, которые лечили одуванчиком, отразились в фитонимике, напр., *куриная слепота*, *куричья слепота*: «Знаю, что одуванчик и лютик зовут куричьей слепотой. Делают настой и печатём от куриной слепоты. Есть болезнь така» (Кож. Том.) (Арьянова 2:

63–64), ср. тж. бел. *слепота* (Пруж.) (РС 2001: 49), укр. *сліпота* (Болтарович 1990: 93), пол. *ślepota* (Paluch 1989: 96). Другая цель применения обусловила пол. *brodawnik* (Там же). Однако воздействие сока на кожу человека не всегда безопасно: «на здоровых местах от этого сока появляются прыщи, сыпь, особенно у детей; отсюда и название *болячки*» (Волог.) (Иваницкий 1890: 151). Вероятно, по той же причине образовался фитоним *гадючье молоко* (Дон.) (Брысина, Кудряшова 2003: 273), бел. *воўча малако* (Лун.) (РС 2001: 49); впрочем, их можно отнести и на счет горького вкуса млечного сока.

На Украине бытовало применение одуванчика в магических целях: гирляндами из его стеблей девушки увешивали ель, «чтобы соперница не имела над ними власти» (Маковії 1993: 139).

Во многих местах из цветков одуванчика варят мед, а листья кладут в салат (напр., Арьянова 2: 64). В Болгарии одуванчик употребляется весной в качестве салата с лимонным соком и оливковым маслом (Ахтаров 1939: 290). В детской игре из стеблей одуванчика плели цепочки, вдевая тонкий верхний конец стебля в более широкий нижний (Udziela 1929: 61; ПМА).

* * *

Итак, у всех славян прежде всего отмечен такой признак одуванчика, как млечный сок и пушистые семянки, легко облетающие на ветру или от дыхания человека. Характерная форма облетевшего цветка также отмечена в диалектных названиях. Другие признаки (цвет, форма стебля и листьев, время цветения и др.) повлияли на фитонику значительно меньше.

ПЕРВОЦВЕТ

Среди диалектных названий первоцвета (*Primula*, семейство первоцветных *Primulaceae*) выделяются несколько групп; большинство из них связаны с формой растения. Так, форма соцветия — кисть желтых цветков, напоминающая связку ключей — обусловила названия *ключики* (Зап. Росс.) ‘первоцвет истинный *Primula veris* L.’ (Анненков 1876: 273), бел. *ключики святого Пётра і Паўла, ключыкі* ‘п. аптечный *P. officinalis* Jacq.’ (Ганчарык 19276: 225), болг. *ключанка* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ (Ахтаров 1939: 250), србх. *кључарица* ‘п. высокий *P. veris elatior*’ (Чажкановић 1985: 119), словац. *kľučíky* (Sobotka 1879: 273), пол. *kluczyki* ‘первоцвет *Primula* L.’, русин. *ключики*, пол. *kluczyki* ‘п. аптечный *P. officinalis* Jacq.’ (Анненков 1876: 272–

273). Вероятно, также формой соцветия обусловлен фитоним *petuшок* ‘п. Палласа *P. pallasii* Lehm.’ (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 76).

Белорусский фитоним *Святога Пятра ключыкі* (сев.-зап. диал. зона) (РС 2001: 162), как и чеш. *petrklič, bylina sv. Petra, Petrůw klič*, пол. *klucze ś. Piotra*, луж. *kluče pětř zolty* связывает первоцвет с именем св. Петра — это ключи, которыми он отворяет весну (Анненков 1876: 273, Sobotka 1879: 273). Польское название *kluczyki świętego Piotra* связано с легендой: св. Петр уронил ключи от ворот весны, которые стали цветами (Dubisz 1977: 125; цит. по: Усачева 2000: 281; БМ 2004: 248); в чешской традиции считается, что *petrklič* открывает путь к скрытым кладам (Machek 1954: 172). В украинской традиции «отворение» весны приписывается св. Георгию: «святий Юрій золотими ключами землю після зимового сну розмикає». Поэтому в этот день первоцвет собирали, «щоб осипати первоцвітом молодник» — мать осыпала своих детей первоцветом, чтобы они были красивыми и сильными. При этом приговаривали: «Як ці цвіти красні, най буде твоя доля ясна. Най князь тя найде, славний, як Юрій, потний, як його кінь, хосенний, як його шабля. Від навроків, від злих оків, від дурного слова, лихого норова, на тіло, на дух, на вік». Девушка, имевшая жениха, так же осыпала его (Маковій 1993: 28–29, 139, 149). В белорусской юрьевской песне ключи могут принадлежать другому персонажу: «Юр’ева матка пагнала цялятка, // У лес пайшла, у лес пайшла // Залатыя ключы панясла, панясла. // Юр’ева матка, вярніся, вярніся, // Бо ключы нашліся, нашліся». Юрьевы ключи иногда воспринимаются как ключи от ада: «Ой, Юр, Юр, Юр, Юры, // Да маценька кліча: // — Падай ключы пекельны, // Расіцу адамкнучь, // Травіцу ды выпусціць». В другом варианте песни Юрьева мать просит сына подать ключи Петру, чтобы отомкнуть землю (БМ 2004: 248–249).

Также на основании формы цветов возникли фитонимы *божьи ручки* (Курск.) ‘первоцвет истинный *Primula veris* L.’ (СРНГ 3: 64), бел. *грабелькі* ‘п. аптечный *P. officinalis* Jacq.’ (Ганчарык 1927б: 225), бел. *божай маці пальчыкі* (БМ 2004: 49), укр. *божа ручка, сорочі лапки* (Рогович 1874: 24), *божьи ручки* (Полт.), *божі ручки* (Анненков 1876: 272). Ассоциация с кистью руки отражена также в болг. *пятопръстница, пятопръст* ‘первоцвет *Primula* L.’, макед. *петопръст* ‘п. высокий *P. elatior* Jacq.’, *петопърс, петопръст, петипърс* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ (Ахтаров 1939: 249–250).

Листья первоцвета имеют сильно морщинистую поверхность с завернутыми краями, к тому же они покрыты бархатистым пушком;

из-за них растение называют *баранчики* (Орл., Моск., Калуж.), *бараишки* (Моск.), *баранья трава*, *кудель-бараишки* (Тамб.) (Анненков 1876: 272), *бараньи медушки* 'первоцвет *Primula L.*' (Горьк.) (СРНГ 18: 332), *баранчик*, *бараишки* 'п. кортузовидный *P. cortusoides L.*', *баранки*, *баранчики*, *бараишки* 'п. Палласа *P. pallasii Lehm.*' (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 76), укр. *баранчики* 'п. аптечный *P. officinalis*' (Арандаренко 1848 (1): 44; Носаль, Носаль 1960: 186), србх. *овчица* 'первоцвет *Primula veris elatior*' (Чайкановић 1985: 119), ср. цитаты из полевых записей: «листья у ево морщинисты, пушисты, потому и зовут баранчик» (Челяб.) (Коновалова 2000: 26); «цветки потому барашками называются, что они кудрявенькие» (Том. Том.) (Арьянова 2: 77). Возможно, к этой же мотивационной группе относятся и *мышатник* 'п. кортузовидный *P. cortusoides L.*' (Там же: 76), болг. *мечо ухо* 'первоцвет золотистый *Primula auricula L.*', *меча стъпка* 'первоцвет *Primula L.*' (Ахтаров 1939: 249).

Раннее появление (отраженное в номенклатурном названии) также отмечено традиционной культурой: *первенец* (Волын.) (Анненков 1876: 273), *первоцветики* (Урал.) (Коновалова 2000: 154), *первоцвет* 'первоцвет кортузовидный *Primula cortusoides L.*', *первенец*, *первоцвет*, *первоцветка* 'п. Палласа *P. pallasii Lehm.*' (Арьянова 2: 76), пол. *pierwiasnka polna*, *pierwiosnka kluczyki* (Spólnik 1990: 36). Восприятие первоцвета как весеннего цветка отразилось в украинской юрьевской обрядности: «Первые цветы, *primula veris*, называются здесь „рясть“. Нарвав [на Юрьев день. — В.К.] и бросив их на землю, топчут, приговаривая: „топчу ряст; дай Боже потоптаты и того году дождаты“. Это желанье дожить и до другой весны. От этого обычая произошла пословица „та вже йому рясту не топтаты“. Говорится она о безнадежном больном, который наверно не доживет до следующей весны» (Маркевич 1860: 6–7). Ср. тж. србх. *прамалиће* 'первоцвет *Primula veris elatior*' (Чайкановић 1985: 119) (при србх. *прамалеће* 'весна'), *pramalist*, *pramaliće*, *vesnaćak*, *prvi cvit* (Šulek 1879: 545).

Последняя группа названий предположительно дополняется также и србх. *jaqlac*, *jaqlika*, *jagoca*, *jagoce* (Šulek 1879: 545): «Имя *jaqlika* происходит од корня *jaq-*, который имеет значение *проскакивать* и *сиять*, так как это растение пробивается сквозь снег и цветет в числе первых растений» (Софрић 1990: 117). Многочисленны схожие болгарские фитонимы: *ангелика*, *ангелинка*, *аглика*, *еглика*, *еглича*, *егличе*, *иглек*, *иглика*, *игличина* 'первоцвет *Primula L.*', *иглика*, *яглика*, *ягуличка*, *януличка* 'п. высокий *P. elatior Jacq.*', *аглика*, *агли-*

чичина, адлика, егличе, иглика, игличе, игличина, иглек, игличка, яглика, ягуличка, янгуличка, ъглика, ъгликовина, ъгличина ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ (Ахтаров 1939: 249–250). Их возводят либо к слову *игла* (без мотивации), либо к греч. *’αῖλκος* ‘горький’ (БЕР 2: 6–7). Авторы ЭССЯ сближают рус. диал. *яглый* с лит. *id̄glis* ‘однолетний побег, росток’, *uoglus* ‘название растения’ (для реконструкции **agľъjъ*) или с лит. *jėgti* ‘мочь, быть в состоянии’, *jėgà* ‘сила’ (для реконструкции **jagľъjъ*) (ЭССЯ 1: 53).

Будучи хорошим медоносом, растение получило названия *медунка* (Анненков 1876: 273), укр. *медяник-зілля*, *медянички* (Рогович 1874: 24). Цвет растения отражен в укр. *желтуха*, *малвка жовтая* (Киев.), *желтая лиферия* (Анненков 1876: 273), болг. *жълта игличина*, *жълто егличе* ‘п. высокий *P. elatior* Jacq.’ (Ахтаров 1939: 249). Однако в этой группе встречаются противоречивые фитонимы: так, для первоцвета аптечного *Primula officinalis* Jacq. приводятся названия *беля буквиця* (Волын.), *буквиця желтая* (Черн.), укр. *біла буквиця*, *буквиця зелена* (Анненков 1876: 272–273). В болгарской фитонимике также встречается указание на белый цвет: болг. *беличка*, *белочка* ‘первоцвет *Primula L.*’, *беличка*, *белючка* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ (Ахтаров 1939: 249–250), ср. тж. пол. *biała bukwica*, *pierwiosnka biała i czarna* (Spólnik 1990: 36).

Вкус растения отражен в болг. *гороцвет*, *гороцвете*, *гороквец*, *грозвец*, *грозвец* — от **горък цвет*; вариант *гроквец* связывается с болг. диал. **грок-* в *нагроквам* ‘горчить, отдавать горечь’ (БЕР 1: 265); прочие варианты: болг. *гороцветке*, *гороквечь*, макед. *гороцвет*, *гороцвете* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ (Ахтаров 1939: 249–250).

Применение первоцвета в народной медицине закрепилось в названии *камчужная*³⁶ (Перм.). Русин. *гадинница* отражает тот факт, что этой травой подкуривали, «когда укусит гадина». В Смоленской губ. отвар всего растения в молоке пили «от чахотки, от лихорадки и особенно от детской болезни, называемой младенческой» (Анненков 1876: 273). В украинской народной медицине напар или отвар корней первоцвета служил отхаркивающим «при сухом кашле и бронхитах», а напар цветов принимали «при кашле, бронхите, насморке и вообще при всех видах простудных болезней, связанных с недомоганиями горла и легких, а также для промывания ноздрей»; его же

³⁶ *Камчуг* ‘красная сыпь в один струп, род проказы, она же крымка, крымская болезнь, Лерга’ (Сарат., Астрах.); ‘карбункул, антракс, злой боляток’; ‘растения, которыми от него лечат’ (Даль 2: 83).

пили «при хронических запорах, при мигрени и как мочегонное средство» (Носаль, Носаль 1960: 186–187).

В болгарской народной медицине «отвар из всех частей (корней, листьев, цветов) действует как слабое возбуждающее средство на нервную систему и употребляется от головной боли, головокружения, бессонницы, спазмов, болей в груди и органов живота», а также «против кашля, хронического бронхита, астмы, помогает также при воспалении почек и мочевого пузыря», от свинки, ревматизма и подагры (Ахтаров 1939: 250). Можно предположить, что и болг. *христово цвете* ‘первоцвет *Primula L.*’, макед. *христосово цвекье* ‘п. высокий *P. elatior Jacq.*’, болг. *христово цвете* ‘первоцвет *Primula suaveolens Bert.*’ (Там же: 249–250) обусловлены лекарственными свойствами растения. У горного населения Польши первоцвет золотистый *Primula auricula* употреблялся от кашля, чахотки и головокружения (Morawski 1884: 26). Первоцвет истинный *Primula veris L.* использовали для купания (Краковский край) (Arabas 1986: 109), а также для прекращения удущья (Köhler 1993: 73). Еще на одну цель применения указывает фитоним *paralizowe ziele* (Spólnik 1990: 36).

Большую роль играл первоцвет в народной магии у болгар. В болгарской песне *едноствърка иглика* наряду с другими травами (базилик, *вратига* ‘тысячелистник; пижма’, *комунига* ‘донник’, *чубрица* ‘душица(?)’) входит в *билките разделни* — травы, защищающие от змея³⁷ (Георгиева 2000: 273). Первоцвет носили при себе от дурного глаза, «от магии» (Маринов 2003: 96). Фитонимы болг. *самовилско цветье* ‘первоцвет *Primula L.*’, *самовилско цвекье* ‘п. высокий *P. elatior Jacq.*’, *самодивско цвекье* ‘первоцвет *Primula suaveolens Bert.*’ (Ахтаров 1939: 249–250) также указывают на мифологические представления, связанные с этим растением. О мотивации некоторых фитонимов трудно сказать что-либо определенное, как, например, о болг. *кукувиче цветье* ‘первоцвет *Primula L.*’, *кукувично цвекье* ‘п. высокий *P. elatior Jacq.*’, *кукавичино цвекье* ‘первоцвет *Primula suaveolens Bert.*’ (Там же: 249–250). Ст.-пол. *kurošlep*, *kurzimor* ‘п. истинный *Primula veris L.*’ (Wróbel 1962: 131), вероятно, перенесены с лютика на основании цвета.

Сладкие цветки первоцвета охотно едят дети (ПМА); употребляются в пищу также и стебли: «А стебельки у них едят, когда ба-

---

³⁷ О роли трав с названиями на *-ига* (*-ика*) как оберега от змея см. Малчев 2006); о «ботанической» функции суффикса *-ик(а)* — (Вендина 1975; Токић 2003).

рашки молоденькие, то и стебельки у них сочные, вкусные» (Чебул. Кемер.) (Арьянова 2: 77).

* * *

Итак, во всем славянском ареале для первоцвета наиболее значимы такие признаки, как раннее время появления растения и форма его соцветия, чаще всего вызывающая представление о ключах (у всех групп славян), а через их посредство — с образом св. Петра или св. Георгия (у восточных и западных). У восточных и южных славян форма соцветия ассоциируется также с кистью руки; у них же отмечено и сходство листьев с овечьей шерстью.

ПОДОРОЖНИК

Подорожник (*Plantago* L., семейство подорожниковых *Plantaginaeae*) — травянистое многолетнее растение, с розеткой крупных темно-зеленых листьев продолговато-яйцевидной формы, снабженных жилками-сосудами, которые придают растению большую прочность и помогают противостоять вытаптыванию. Слизистая оболочка семян позволяет им прилипнуть к обуви человека, к копытам и лапам животных и таким образом переноситься на большие расстояния. Способ распространения обусловил близость подорожника к путям передвижения людей и транспорта (Кузнецова, Резникова 1992: 199–200). Поскольку это растение почти всегда можно встретить вдоль дорог или тропинок, то его диалектные названия часто образованы от лексем *дорога* или *путь*: *подорожник*, *дорожник*, *попутник* (в большей части России), *подорожница* (Перм.), *попутный лист* (Олон.), *придорожник* (Калуж.), *путник* (Вят.), *путик* (Твер.), *путики*, *путничное листье* (Шенк.), бел. *дарожнік* (Могил.), *припутник* (Могил.) (Анненков 1876: 258–259; Ганчарык 1927б: 15–16; СРНГ 28: 122); кашуб. *prědróżnik* (Sychta 4: 196)³⁸. Белорусское население Понеманья называло словом *podróżnik* цвет подорожника среднего, при названии *babka* для всего растения (Orzeszkowa 1888: 6).

³⁸ Эта же модель актуальна и в названиях других растений: фитоним *подорожник* в русских говорах может означать горец песчаный, горец птичий, одуванчик аптечный, клевер мясо-красный, клевер луговой, гриб сыроежку или же любую траву, растущую вдоль дороги (Даль 3: 193; СРНГ 28: 121–122); *надарожнік* в белорусских — гръжнік, горец птичий, цикорий, опенок луговой и др. (РС 2001: 64, 117, 127, 255); в польских: *podorożnyk* — горец птичий, *podróżnik* — цикорий (Spólnik 1990: 101).

Как показали Л.М. Алешина и Т.И. Вендина, вариант *дорожник* встречается в основном в костромской и владимирско-поволжской группе говоров; *поддорожник* — в курско-орловской и рязанской группах, а также во владимирско-поволжских и селигероторжковских говорах; *придорожник* — почти повсеместно, но с более частой встречаемостью в костромской, владимирско-поволжской и рязанской группах (2007: 540). Менее распространены лексемы с корнем *пут-*, которые встречаются в псковской группе говоров и западных говорах южного наречия; архангельских, вологодских, карельских, курско-орловских говорах, а также в старожильческих говорах Урала (Там же). Еще реже встречаются названия, образованные от корня *троп-*, локализованные в костромской и владимирско-поволжской группах, и — как единичные — в уральских говорах, напр., *тропинник* (Иван., Костр., Нижег. и др.), *тропняк* (Влад.) (Там же: 540–541, 544).

Вероятно, вследствие деэтимологизации фитонимов типа *припуть* появились такие диалектные названия, как, напр., укр. *трипуть* — «в результате диссимилиации согласных и сближения первой части слова с *три-*, которое часто выступает компонентом составных названий растений» (Коломієць, Шамота 1979: 23). Эта модель, помимо Украины (*трипуть* (Черн.) ‘подорожник большой *Plantago major L.*’, *трипутник* (Екат.) ‘п. песчаный *P. arenaria W. et K.*’), была отмечена также в некоторых губерниях России: *трипутник* (Орл., Смол., Калуж.), *трепутник* (Арх.) ‘подорожник большой *Plantago major L.*’ (Анненков 1876: 259), *трипутник/трепутник* (Смол., Брян.) ‘подорожник’ (Алешина, Вендина 2007: 541), в польских говорах (Там же), в Сербии: србх. *trputac*, *тринутац*, *тропутац* ‘подорожник *Plantago L.*’ (Анненков 1876: 258), *treputac* ‘подорожник ланцетолистный *Plantago lanceolata L.*’, *t(e)rput*, *veliki trpotec*, *široki trputac* ‘п. большой *P. major L.*’ (Šulek 1879: 542) и в Словении: словен. *trpotec* ‘п. большой *P. major L.*’ (Piškur 1965: 9). Но особенно широко распространены подобные фитонимы в белорусских говорах: бел. *трыпуцень* (Могил.) (Ганчарык 1927б: 15–16), *трыпутнік* (повсеместно, кроме юго-вост. зоны), *трыпуднік* (Могил. диал. регион), *трэпутнік*, *трэпатнік* (Верхнедвин., Брасл., Глуб., Докш., Вилей., Круп., Рог.), *трупуцень* (Могил. диал. регион) и даже *крыпытнік* (Пух.) (РС 2001: 120–121), а тж. србх. *krepotec* ‘п. ланцетолистный *P. lanceolata L.*’ (Šulek 1879: 542). Существуют и другие результаты деэтимологизации, без сближения с числительным *три*, например, *стодорожник* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 88).

Именно с деэтимологизированным фитонимом (сохраняющим, впрочем, семантику места произрастания) связана и этимологическая легенда: «Само название говорит о том, что выводится оно из мотива трех путей-дорожек, известного в сказках, балладах и пр. *Трыпутнік* — это воин, что остался один из всего войска, оказался на расхождении дорог, одна из которых золотом выбита, другая — серебром, третья „следом вытопанная, слезками вылитая“ (до родителей, до роду, до жены). Воин понял, что выбранная им дорога к жене не принесет радости (жена может быть пленена, увезена, недаром же дорога полита слезами). Тогда он просит саблю снять его голову с плеч, зеленые кусты — пошуметь над ним, серую кукушку — покуковать над ним. На месте его гибели выросла трава, выносливая, целебная, сочувствующая людям, их боли» (БМ 2004: 508).

Относительно фитонима *трепутник* существует также гипотеза, что он мотивирован глаголом *трепать* в значении ‘дергать, мять, теревить’ (ср. тж. *тронать* ‘топать, бить, толкать ногами’); это позволило бы сблизить название *трепутник* с целым рядом фитонимов типа *топтун*, *топтунец*, *перетоп*, *топтотел*, *колотоп*, *вытопоишный лист* и под. (северо-восток европейской части России) (Алешина, Вендина 2007: 541), *колотоп* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 118). Фитоним *колотоп* (Перм., Уф., Ср.-Урал., Новосиб.) относится к подорожнику среднему и подорожнику большому. Хотя **konotorъ* в общем случае объясняется сложением слов **konъ* и **topiti*, но именно в названии подорожника, вероятно, «представлено образование от глагола **tepti*?» (ЭССЯ 10: 193–194); ср. *последник* (Астрах.)³⁹, *копытень* (Орл.) (Алешина, Вендина 2007: 543), бел. *капытнік* (Ивьев.) (РС 2001: 121). Интересная ассоциативная цепочка привела к появлению фитонима *дѣготник*: «*Дѣготник* — *поддорожник*. Когда ездить телега, а она усегда бывает в дѣгте, то есть колѣса у телеги, и эта трава уся бывает измазана» (Орл.) (Алешина, Вендина 2007: 542–543).

Следующая группа названий отражает форму листьев подорожника: *собачий язык* (Рост.) ‘подорожник’ (Там же: 543), укр. *собачи язички* (Анненков 1876: 259), србх. *ovčji jezik* (Šulek 1879: 542), пол. *baranie języki, języczki, jazyczki* (Gustawicz 1882: 279; Paluch 1989: 54) ‘подорожник ланцетолистный *Plantago lanceolata* L.’, кашуб. *jazëčk, jazëčk’i, lësë j’azëk’i, ptâšë jazëčk’i* ‘п. большой *P. major* L.’ (Sychna 2:

³⁹ «*Последник* растет по следам человека, к обуви приклеивается» (Алешина, Вендина 2007: 542).

91, 357; 7: 252), чеш. *jazyček*, *beraní jazyk*, словац. *psi jazyk*, в.-луж. *jazyčk* (Mareš 1957: 188). Сходство по форме с другим органом — ухом — обусловило чеш. *volí ucho*, *volské ucho*, *volovo ucho*, *sviní ucho* (Machek 1954: 218), словац. *volové ucho* (Mareš 1957: 188). Можно выдвинуть предположение, что србх. *marina bokva*, *velika bokva*, *vel(ik)a bokvica* ‘п. большой *P. major* L.’, *duga bokva*, *bokvica*, *marina bokvica* ‘п. ланцетолистный *P. lanceolata* L.’ (Šulek 1879: 542) также обусловлены формой листьев, т.к., возможно, родственны праслав. *bokъ (ЭССЯ 2: 170). Косвенным подтверждением этому может служить и то, что в сербской народной медицине подорожник использовался для лечения желудка.

Подорожник ланцетолистный, помимо прочих имен, относящихся к другим видам (подорожники большой и средний нередко вообще не различаются в народе (Gustawicz 1882: 280; Paluch 1989: 55 и др.)), имеет названия, обусловленные вытянутой формой листьев: *острец* (Анненков 1876: 259), србх. *duga bokva*, *mala bokvica*, *dugi trputac*, *konjsko rebro* (Šulek 1879: 542), серб. *zечије ушје*, *ћурков слинац* (букв. «индюшачья сопля»), *ћуркова креста* (букв. «индюшачий гребень») (Шпис-Ћулум 1995: 419); пол. *babka długa*, *babka zaostrzona* (Gustawicz 1882: 279; Paluch 1989: 54) — по вытянутым, заостренным листьям. Вероятно, необычную, меньшую, чем у других видов, ширину листьев отражает и кашуб. *żid*, *żidk'i* (Sychta 6: 298–299)⁴⁰. С точки зрения Н.И. Анненкова, фитонимы *узик* (Моск., Пск.), *ужик* (Ворон.) ‘п. ланцетолистный *P. lanceolata* L.’, *узик* ‘п. средний *P. media* L.’ являются результатом искажения слова «язык» (Анненков 1876: 259–260), однако есть основания предполагать, что они связаны со словом *узкий*: ср. *узик* ‘узкое место; запечек’ (Карел.) (СРГК 6: 593); ‘небольшой мелкий залив’ (Иркут.) (Слов. карт. ИРЯЗ); а тж. *узик* как название растений с узкими листьями — *узик* ‘касатик желтый *Iris pseudoacorus*’ (Анненков 1876: 178) — или растений, используемых в народной медицине для «суживания», т.е. от поноса и кровотечений: *узик*, *завязник*, *завязный корень* (Дон.) ‘лапчатка прямая *Potentilla tormentilla* Schrenk.’ (СРНГ 9: 348–349; БТС 2003: 541); *узик* (Уф.), *завязный корень* (Моск., Арх.) ‘горец змеиный *Polygonum bistorta* L.’ (Анненков 1876: 264); *белый узик* (Волог.) и *сузик* (Тамб.) ‘тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.’ (Там же: 5).

⁴⁰ Подробнее о мотивации названий различных объектов через этнонимы см.: (Березович, Гулик 2002; Березович 2007: 112–137, 404–467).

Особенности строения листьев растения — множество продольных жилок — обусловили целую группу соответствующих названий, например, *жилы́ник* (Перм., Влад.), *жилистый листок*, *жили́ник* (Перм.), *жилы́ная лапушка* (Волог.) (Алешина, Вендина 2007: 543–544), *семижилы́тник* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 118); ср. «У нас его семижилы́ником кличут, потому как в нем семь жил проходит» (Перв.) (Арьянова 2: 89); «У его на каждом листике семь жилок» (Пригородн.), они же обусловили и представление о воздействии растения на человека: «Если семижилы́тник пить, будешь сильным — семижилы́ным» (Сысерт.) (Коновалова 2000: 181). Фитонимы, отражающие наличие жилок, есть и в других языках, причем число жилок воспринимается по-разному: србх. *жиловляк* (Анненков 1876: 259), *žilovlak* (Šulek 1879: 542), болг. *пятожили* ‘подорожник *Plantago L.*’, *петожили*, *петожил* ‘п. большой *P. major L.*’ (Ахтаров 1939: 239–240), словен. *žiličnjak* (БЕР 1: 546), кашуб. *žilnik*, *p’qczilk’i*, *p’qcožilk’i*, *p’qc’žilek* ‘подорожник большой’, *p’qczilki* ‘подорожник ланцетолистный’ (Sychta 3: 207; 4: 274; 6: 289). Наиболее разнообразны подобные фитонимы в болгарских диалектах (чтобы избежать многочисленных повторов, приведем их без указания отдельных видов). Одна группа названий объединена корнем *жил-*: *жилавец(ь)*, *жилавичи*, *жиловець*, *жиловлак*, *жиловляк*⁴¹, *жиловник*, *жиловрат*, *жиловрът*, *жилоглав*, а также *петложилка*, *петрожилка*, *петружилка*, *пятожили*. Другая также подчеркивает жесткость, жилистость листьев, но с помощью другой словообразовательной модели: *тегавец*, *тегаец*, *тегец*, *теговец*, *тегувец*, *тягавець*, *тяговець*⁴² (Геров 1: 83; 4: 27; 5: 400; Ахтаров 1939: 239–241). Не исключено, впрочем, что это название связано с применением растения для того, чтобы вытянуть гной из раны (*изтегли гнойта*), ср. болг. *тегля* ‘тащить, тянуть’ (Пирински... 1980: 486)⁴³. К этой же группе можно отнести *тягунец* (Карел.), *тягуха* (Твер.), *тягушки* (Новг.), *лопушка-тягушка* (Волог.) (Алешина, Вендина 2007: 544)⁴⁴, бел. *цягун* (Новогр.) (РС 2001: 121).

⁴¹ А также измененные *живовлак*, *живовляк*, *живовлек* (БЕР 1: 541).

⁴² Болг. *тегав* ‘жесткий, жилистый’.

⁴³ Фитоним *жиловлек* также может быть истолкован как ‘растение, которое вытягивает, извлекает стержень нарыва [болг. *жило*], гной из чирья’ (БЕР 1: 546).

⁴⁴ Этот ряд фитонимов некоторые авторы склонны относить к группе названий, мотивированных лечебными свойствами подорожника (Алешина, Вендина 2007: 542).

Кроме того, в болгарских диалектах существует целая группа фитонимов, связанных с лексикой прядения и тканья; вероятно, они также обусловлены наличием жилок, напоминающих нитки: *сгързуц платънци, скърбуц-скърбуц-платънце, стръгук-стръгук, стъргук-стъргук-платънце, сучи-тъчи, съчи-тъчи, тъчи-платно, тъчи-тъчи-платно, тъчи-тъчи-стан* (Геров 1: 83; 4: 27; 5: 400; Ахтаров 1939: 239–241).

В восточнославянских и польских говорах распространена группа названий, подобных *бабка* (Орл., Оренб., Волгогр.), *баба* (Пск., Яросл.) (Алешина, Вендина 2007: 543), бел. *бабка, бабкі* (Гродн., Вил.), *баба, бабка* (Гродн.) (Ганчарык 1927б: 15–16), *бабнік* (Дрог., Ивановск., Пин.) (РС 2001: 121); укр. *бабка* (юго-зап. диалекты), пол. *babka*, а также их модификаций, напр. пол. диал. *bobka* (Czyż 1989: 161) (в Польше фитоним *babka* был отмечен еще в 1587 г. (Kalinowska 1949: 183)). Реже встречаются подобные фитонимы в других областях: србх. редк. *babka* (Budziszewska 1993: 94), болг. *баба* (Ахтаров 1939: 239), чеш. *babík* (Mareš 1957: 188). Существует точка зрения, согласно которой эти фитонимы восходят к украинскому глаголу *бабіти* ‘сморщиваться’, «так как кожа сморщивается, если кладут на рану подорожник» (Лимаренко 1960: 132–133), ср. тж. спонтанно порожденную информантом этимологию: подорожник называется *babka*, потому что листья у него сморщенные, как кожа на лице у старухи (Хелм, ПМА). Однако более убедительной представляется точка зрения В. Махека; он полагает, что эта группа названий происходит оттого, что подорожник — «наипервейшее лекарство *баб*, то есть народных целительниц, знахарок» (Machek 1954: 218)⁴⁵. В таком случае можно предположить, что названия типа *бабка* образовались упрощением составных фитонимов типа чеш. *babi list* (Там же), бел. *бабін цвет* (окрестности Гродно, зап.-полесск. говоры) (РС 2001: 121), кашуб. *bab'è zelè* (Sychta 6: 210), словен. *babji list* (Piškur 1965: 9). Кашуб. *bab'i jazèk* (Sychta 1: 10), чеш. *babí ucho* (Mareš 1957: 188) являются, очевидно, смешением модели ‘форма’ → ‘название растения’ и «бабьих» названий подорожника.

⁴⁵ Также употреблением различных трав в народной медицине объясняет М. Пишкур такие фитонимы, как словен. *babna, babji trebuch* ‘шалфей луговой *Salvia pratensis* L.’, *babina* ‘шалфей клейкий *Salvia glutinosa* L.’, *babja dušica* ‘чабрец *Thymus*’, *babín koren* ‘петров крест чешуйчатый *Lathraea squamaria* L.’, болг. *babka, babuch* ‘шалфей *Salvia*’ и мн. др. (Piškur 1965: 7, 9).

Целебные свойства подорожника⁴⁶ давно известны, что отражено в фитонимах *лечебник* ‘подорожник *Plantago L.*’ (Вендина 1998: 93), *лечебная трава, доктор* (Орл., Рост.) (Алешина, Вендина 2007: 542, 548), чеш. *hojka* — от *hojiti* ‘заживлять, излечивать’ (Machek 1954: 218), кашуб. *gojocë listk’i* ‘подорожник большой *Plantago major L.*’ (Sychta 1: 337). Те болезни, от которых он, как считалось, помогал, также отразились в его названиях. Поскольку почти повсеместно в народной медицине листья подорожника прикладывают к ранам, вередам, нарывам» (Анненков 1876: 259), а также лечатся ими «от посеку и порезу» (Самолечение... 1884 (№ 46): 441), возникли фитонимы *ранник* (Ленингр., Орл.), *опорез-трава* (Тул., Волгогр.) (Алешина, Вендина 2007: 544), *поранник, порезник* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 88), бел. *раннік, серпарэзнік* (Пин., Стол., Петр.) (РС 2001: 121), укр. *поранник, ранник, порезник, поризник* (Анненков 1876: 259), укр. *стягач* (Горницкий 1890: 13), кашуб. *scigãč* (Sychta 5: 22), кашуб. *vřodník, vřodové lěstě, vřodovńica* (при *wrząd* ‘нарыв; язва’) (Sychta 6: 111). В Казанской губ. свежие или размоченные сушеные листья прикладывали к порезам и нарывам (Крылов 1882: 51), в Пермской лечились «от порезов и вередов» (Анненков 1876: 407). В Вологодской губ. его листья прикладывали к различным повреждениям на коже — опухолям, чирьям⁴⁷, натертым пузырям (Иваницкий 1890: 153). В Тульской губ. свежими листьями лечили опухоли и раны, в Закарпатье — нарывы (Торэн 1996: 76), в Архангельской губ. — ушибы и воспаления (Харитонов 1848: 16). По употреблению от порезов подорожник ланцетолистный *Plantago lanceolata L.* назван *босоног*: «Босиком ходишь, обрежешься, вот босоног и приложиш, он кровь останавливат» (Слобод.) (Коновалова 2000: 42). На Украине свежие листья подорожника прикладывали к ранам, чирьям, порезам (Носаль, Носаль 1960: 88); использовали их

⁴⁶ Экстракт листьев подорожника большого обладает кровоостанавливающим, ранозаживляющим и бактериостатическим действием, а изготовленный из него препарат — противоязвенным. Настой листьев эффективен при бронхитах, сок свежих листьев — гастритах и язве желудка. Фитонциды, содержащиеся в растении, способствуют очищению и заживлению ран (Соколов, Замотаев 1990: 147–148).

⁴⁷ Ср. названия *чирьевая* (Олон.) ‘подорожник большой *Plantago major L.*’ (Анненков 1876: 259), *чирьевая трава* (Ср. Приоб.) (Арьянова 2: 88), *чирья трава* (Ленингр.), *чирьевая трава* (Оренб.) (Алешина, Вендина 2007: 542).

как кровоостанавливающее и дезинфицирующее средство (Болтарович 1980: 39; 1994: 105). В Белоруссии к чирьям прикладывали листья подорожника, смазанные сметаной или салом (Крачковский 1874: 193); подорожник песчаный *Plantago indica* L. применяли также «от болезней желудочных и венерических», почему он и носил название *żywotobolnik* (Orzeszkowa 1891: 237). На Волыни свежие листья прикладывали на раны, а их отвар давали пить при кровотечении (Rokossowska 1889: 185). В Польше свежие листья прикладывали к ранам и нарывам, ожогам, ушибам, пчелиным укусам и гноиникам, а также считали способным предотвратить дизентерию (Gustawicz 1882: 280; Arabas 1986: 96, 99, 109); в наше время сохраняется использование подорожника при любых повреждениях кожи, прежде всего ранах и порезах, а также чирьях, язвах и пр. (ПМА; Czyż 1989: 161; Czyż, Wysakowska 1993: 98; Szot-Radziszewska 2005: 134 и мн. др.). Применение подорожника для остановки кровотечения обусловило целый ряд названий: *крававик* (Удм., Курск.), *кровепуск* (Костр., Перм.), а также *кровехлёб*, *кровопой* (Алешина, Вендина 2007: 542). В некоторых регионах Польши листья разных видов подорожника использовали для окуривания гнойных ран или вообще заболевших людей (Köhler 1993: 73).

В западнославянских языках отмечена модель, подобная ст.-пол. *scorocel* (и искаж. *skorożęc*, *skorożrza*, *skorożrze*), ст.-чеш. *jitrocěl*, *skorocěl*, чеш. *jitrocel*, *jitrocěl*, *jitrocejl*, *skorocel*, словац. *scorocel*, *scorocial*, *koloc(i)er*, *jatrocel*, н.-луж. (искаж.?) *škorodwic(k)a* (Mareš 1957: 188). П. Сobotka полагает, что подорожник (чеш. *jitrocel*, *ranocel*) назван так, потому что он *jitřící ráno celí* (язвенные раны лечит), а словац. *skorocel* означает, что он «быстро лечит» (Sobotka 1879: 320). В. Махек склонен объяснять эти фитонимы несколько иначе: чеш. *jitrocel* и словац. *jatrocel* он возводит к сочетанию *játra hojící* («излечивать печень») (Machek 1954: 218). На основании того, что подорожником пользуются как народным лекарством прежде всего для лечения ран (ср. *ranocel*), Миклошич (и некот. др.) сближает первую часть слова *jatrocel* с корнем, известным из глагола **(j)ętriti* ‘бередить, растревлять’ (Mareš 1957: 189). Наконец, существует версия о семантическом сближении фитонимов **jetrocělъ* и **skorocělъ* на основании ц.-сл. *jedro* ‘быстро’, которое уже в XI в. часто заменяется словом *skoro*; соответственно, форма **jedrocělъ* сменилась формой **skorocělъ*, а там, где осталось **jedrocělъ*, оно уже было непрозрачно и легко подвергалось переосмыслению по ассоциации либо с *jętra* ‘печень’, либо с *jętriti* ‘растревлять’ (Mareš 1957: 189–190). В наше

время подорожник также широко используется как ранозаживляющее: «Подорожник ли порезник зовут, его пожуешь и на мозоль ли на ранку, затягиват, заразу убиват» (Пригородн.) (Коновалова 2000: 160); см. тж. ряд примеров в (Арьянова 2: 88–89).

Подорожник также часто прикладывают к опухолям: «Појд'ом в лес, опухне рука или нога, от пухлины ужашник клад'ом» (Бейлина 1968: 433), ср. *опухольная* 'подорожник средний' (Олон.) (Анненков 1876: 260). В Пермской губ. его считали «хорошим средством от опухоли в виде припарки. Распаренная трава или сок свежих листьев служит для натирания рук и ног, в случае если они терпнут и немеют» (Анненков 1876: 407). В Саратовской губ. листья прикладывали к опухолям и нарывам на руках, называемым *расперстницей* (Там же: 259). На это же употребление указывают белорусские названия *міжыперсьніца гладкая* 'подорожник большой *Plantago major* L.'; *міжыперсьніца, міжперстніца* 'п. ланцетолистный *P. lanceolata* L.' (Ганчарык 1927б: 15–16); они также подверглись искажению и переосмыслению: *нізіперсник* (зап.-полесск. говоры), *нізіперсніца* (окрестности Гродно, зап.-полесск. говоры), *міжытарніца* (Верхнедвин.), а тж., возможно, *шпарнік* (окрестности Гродно, Свисл.), *шпарніца* (окрестности Гродно, зап.-полесск. говоры) (РС 2001: 121).

Подорожником лечились от укусов насекомых (Анненков 1876: 259), а от змеиного укуса прикладывали к ране *придорожник* и произносили заговор: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел горяч камень Алатырь; на том камне свито гнездо золотое, в том гнезде лежит царица Елица. Царица Елица, вынь зуб и жала из раба (имя рек). Разлобь телеса, разорвься телеса. Слово мое крепко, ключь в море, якорь в бездне. Аминь, над амином аминь» (Майков 1994: 70). Болгары также прикладывали кашицу из листьев подорожника к ранам от укусов насекомых и ядовитых змей (Ахтаров 1939: 240).

Однако сфера применения подорожника в народной медицине не ограничивается повреждениями кожи. Им также пользовались при заболеваниях желудочно-кишечного тракта: «В котором человеке во чреве ворчание, поможет» (Самолечение... 1884 (№ 46): 441; ТОА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 470. Л. 66); от кровавого поноса (Анненков 1876: 259; Иваницкий 1890: 153); в Архангельской губ. — от глистов и от боли в животе (Харитонов 1848: 16); в украинской народной медицине порошок из зерен подорожника использовали «при хроничных поносах, катарах кишок и даже дизентерии» (Носаль, Носаль 1960: 88; Болтарович 1980: 49); в белорусской (зап. Полесье) (Michajłow 1993:

111) и польской (Краковское воеводство) — также от поноса (Агабас 1986: 122), в болгарской — от диареи, болей в желудке и кишечнике, болезней печени, желтухи, против малярии (Ахтаров 1939: 240), в сербской — от лихорадки, глистов, дизентерии (Чайкановић 1985: 37). В некоторых из этих сфер пользуются им и в наше время: «...подорожник от желудка, у кого болит, дак запаривать» (Алап.) (Коновалова 2000: 160–161). В Сербии для лечения заболевания *желудца* нужно было выкопать подорожник, говоря: «Траво боквице, помози! Желуче, дођи где си био, и где си се родио»; затем больной должен был съесть растение (Миличићевић 1894: 287).

Корень *попутника* употреблялся роженицами, «когда от течения кровей ослабевают» (Демич 1889: 18), а питье из семян — при неправильной менструации (Герасимов 1898: 177), при поносе и лихорадке; в Хелмском крае рожениц окуривали освященными венками из подорожника (Paluch 1989: 55). На основе фитонима *пуповник* (Перм.) (Русинова, Богачева 2003: 118) можно предположить его использование для заживления пупа у новорожденных. Пользовались им также как мочегонным (Иваницкий 1890: 153), как средством от зубной боли — в виде полоскания соком (ТОВА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 590. Л. 139) или настойки на спирту, вложенной на ватке в дупло больного зуба (Носаль, Носаль 1960: 88), от боли в ухе (ТОВА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 470. Л. 66; Харитонов 1848: 16; Чайкановић 1985: 37), «от кровавого кашля и лихорадки» (Анненков 1876: 259), от кровавой рвоты (Харитонов 1848: 16), кровохарканья (Чайкановић 1985: 38), от рожи (Анненков 1876: 260) и «сорвания пупа» (Иваницкий 1890: 153), а также лечили «геморрой, ожог, огонь пекельный в суставах» (Зубов 1887: 16). В Пермской губ. давали «внутри отвар от грыжи» (Анненков 1876: 407), а в Харьковской — отваром полоскали рот от цинги (Иванов 1898: 188). В некоторых местностях Украины, в частности в Львовской области, подорожником лечили туберкулез легких; в Черкасской — заболевания глаз (закапывая сок) (Болтарович 1990: 86–87). У белорусов западного Полесья подорожник большой использовали при болезнях нервной системы и «раковых» болезнях (в виде отвара) и заболеваниях печени (настойка на меду) (Michajłow 1993: 111). В Софийском крае отвар подорожника пили при заболеваниях крови (Софийски... 1993: 179); в болгарской народной медицине отвар в воде или красном вине служил средством для очищения крови, для размягчения и отхаркивания мокроты (при обычном кашле и застарелом бронхите), лечились им также от коклюша, от разных кровотечений, в т.ч. геморроя; по-

лоскания служили для укрепления больных десен, от зубной боли; компрессы — при воспалении глаз (Ахтаров 1939: 240). В Любельском воеводстве Польши им лечили лихорадку (Arabas 1986: 139). В чешской традиции считалось, что подорожник «имеет будто бы 99 корешков, из них каждый помогает от одной из 99 лихорадок» (Sobotka 1879: 320). По-видимому, также лекарственные свойства растения (а именно употребление для размягчения уплотнений) отражены в фитонимах *железняк* (Тамб.), *поджележник*, *поджележница* (Коми)⁴⁸. Наконец, использовали его и для извлечения заноз: «Если заноза попадѣт да загниѣт, так привязывали *занозную траву* — подорожник» (Волог.) (Алешина, Вендина 2007: 542).

Применялся подорожник и в народной ветеринарии: его прикладывали на гнойные раны скоту (сев.-вост. Польша) (Jastrzębski 1989: 169), а в Великую субботу давали с хлебом и маслом крупному рогатому скоту и овцам (Gustawicz 1882: 280).

Практически универсальное использование подорожника в народной медицине обусловило польское гуральское величание *babka sićkich zielów matka* (Budziszewska 1993: 94).

При таком количестве заболеваний, от которых помогал подорожник, сложились поверья о его способности воскрешать из мертвых: «сказывал де виницеянин торговой члкъ, лучилось им дорогою ехати стовары на возех тяжелых, и змея де лежит на дороге, и через ее перешел воз, и тут ее затерло и она де умерла. И другая змея пришла, и принесла ворте припутник да на ее возложила, и змия де и ожила и поползла» (Буслаев 1861: 1351). Отсюда, вероятно, возникла уверенность и в его магических способностях помогать путникам: «натри ноги подорожником и никогда не устанешь, ходя пешком» (Терещенко 1848 (5): 93), или: «А кто пойдет в путь, возьми ее с собой; какая болезнь в пути учинится, пить с водою — поможет; того ради слывет Попутник» (Самолечение... 1884 (№ 46): 441). Однако во всех вышеприведенных контекстах и воскрешение, и предполагаемое излечение или неутомимость связываются с дорогой.

Способность предсказывать будущее приписывалась подорожнику, который надо было сорвать зубами в купальскую ночь: если

---

⁴⁸ В финских говорах Ингерманландии зафиксированы названия подорожника, буквально означающие «лист железа», «железо-лист», поскольку он «употребляется для залечивания ран от железных предметов» (Коппалева 2007: 189). В данном случае можно предположить ту же модель или кальку.

девушка хотела знать, «з якога боку з'явіцца яе суджаны», она должна была, голая и с расплетенной косой, сорвать зубами, лежа на земле, подорожник, и затем слушать: «з якога боку пачуецца які гук (сабачы брэх, іржанне каня, скрып калодзежа і да т.п.), з таго боку прыбудуць сваты, прыедзе да яе суджаны» (БМ 2004: 508). Известен и другой вариант: в Слуцком регионе, чтобы узнать о суженом, «дзеўкі голыя... бягуць на растанцы, становяцца ракам і зубамі, бы гавяда, рвуць падарожнік. Яны з гэтым зеллем бягуць дамоў і кладуцца спаць...» (Там же: 431). В Полесье также ходили «на дорогу женихов гадать, руки назад, а подорожник рвали зубами и клали под голову, молились богу, какой приснится жених, такой и будет. На Купайлу это делали». Кроме того, в с. Стодоличи (Лельч.) подорожник, сорванный зубами на межах, давали корове с целью *выцягнути молоко* из чужих коров» (Толстая 1978: 138); вспомним также одно из его названий — бел. *цягун* (Новогр.) (РС 2001: 121).

Подорожник использовался как защитное средство от удара молнии. Во время грозы нужно было подкуривать в доме освященным подорожником (БМ 2004: 508). На Покутье подорожник считался оберегом от уроков (Болтарович 1990: 87).

В Дмитровском у. Орловской губ. подорожник (под именем *кукушки*)⁴⁹ использовали для обряда «крещения и похорон кукушки». В воскресенье второй недели после Пасхи «девушки, поевши яичницы, разбиваются по соседним кустарникам и ищут там эту обетованную траву для того, чтобы вырвать ее с корнем, унести на другое место и там зарыть в землю»⁵⁰ (Максимов 1995: 588). В Польше накануне св. Яна убирали дом подорожником (который поэтому называли *babka świętojańska*); когда он высыхал, хозяйки хранили его за стрехой или за стропилами вместе с другими травами и позже использовали для лечения ран (Gustawicz 1882: 280; Morawski 1884: 12).

В старину в Польше подорожник подавали к столу; у словаков готовили из подорожника род шпината (Budziszewska 1993: 94).

С детской игрой связано название *солдатики*: «...стебелек с семенами, который вырастает у подорожника, солдатиками зовут. Детишки еще с ними играют. Нарвут да стебелек об стебелек бьют, где

---

⁴⁹ Название *кукушка* для подорожника отмечено тж. в Смоленском диалектном регионе (РС 2001: 121).

⁵⁰ В других регионах могли использовать ятрышник, ветку дерева или куклу. Подробнее об обряде см.: (Кедрина 1912; Елеонская 1912; Бернштам 1981).

головка быстрее облетит, тот и проиграл» (Шег.) (Арьянова 2: 89); «...он стрелку выпускает крепку, ей ребята махаются в солдатики, кто у ково быстрее перешибет» (Сысерт.) (Коновалова 2000: 161)⁵¹; впрочем, этот фитоним может быть объяснен и иначе: «Цветки таким солдатам прямым, как на выстойке» (Североур.) (Там же: 185). Вероятно, также формой стебля, несущего соцветие-колос, объясняются названия *бойцы* (Сарат.), *гусарчик* (Орл.), *козаки* (Ельн.), а также *толкачики* (Ставр.), укр. *Петрові батогы* (Умань) (Анненков 1876: 259–260), *казачки* (Яросл.), *свеча* (Тамб.) (Алешина, Вендина 2007: 539), болг. *миша опашка* (букв. «мышинный хвост») (Ахтаров 1939: 240–241), а семена обусловили фитонимы *крупяник* (Волог., Ленингр.), *куропатиное просо* (Рост.) (Алешина, Вендина 2007: 544).

* * *

Итак, мы видим, что во всех группах славянских языков отмечена такая характерная особенность подорожника, как произрастание вдоль дорог, которая реализуется с наибольшим разнообразием корней в русских говорах, причем также у всех групп наблюдается детимологизация фитонима при сближении с числительным *три*. Из других внешних признаков во всех группах языков отражены в фитонимике жилки на листьях (в восточнославянской группе их число может считаться равным семи, в южнославянской и западнославянской — пяти), а также форма листьев, обычно в сравнении с языком или ухом, иногда с особыми названиями для вида подорожник ланцетолистный. У восточных и южных славян фрагментарно встречаются фитонимы, отражающие форму стебля с соцветием. Хотя все славяне высоко ценят лекарственные свойства подорожника и широко используют его при лечении целого ряда разнообразных заболеваний, однако в южнославянской фитонимике это обстоятельство, видимо, не отразилось, в отличие от других групп, особенно восточнославянской, где названия подорожника отражают различные заболевания, от которых он применяется.

---

⁵¹ Фитонимы *скърбуц-скърбуц-платънце* и *тъчи-тъчи-платно* также относятся к «детским названиям растений»: «Дети любят играть с цветами или плодами некоторых растений, ритмично произнося при этом некоторые слова. Эти слова надолго остаются как имена соответствующих видов» (Ахтаров 1939: 45). К сожалению, автор не приводит собственно описаний этих игр.

ПОЛЫНЬ

Полынь (*Artemisia* L., семейство сложноцветных Compositae) в традиционной славянской культуре наделена высоким семиотическим статусом. Основан он, как представляется, на ее горьком, неприятном запахе и вкусе.

Как считают некоторые этимологи, в самом названии *полынь* (др.-рус. *pelуnъ, pelynъ*, укр. *полин*, бел. *палын, полын, палынь, палынка*, болг. *пелин*, словен., србх. *pelin*, чеш. *pelyn, pelyněk*, пол. *piołun*, в.-луж. *połon*, н.-луж. *polyń, poluń*) отражен один из ее признаков, поскольку этот фитоним родствен глаголу *palić* — по горькому, жгучему вкусу (Потебня 2000: 16; Младенов 1941: 417; Brückner 1970: 414; Фасмер 1996 (3): 320). Вид *полынь горькая Artemisia absinthium* L. может носить названия *горькуха* (Пск.) или *горькуша* (Новг., Ряз.), *горечь* (Анненков 1876: 47; СРНГ 7: 82), ср. *горчаница* (Перм.) ‘полынь’ (Русинова, Богачева 2003: 118). В. Мачек также считает эту возможность вероятной, однако связывает название *полыни* со жжением опосредованно. Он говорит о старинном лекарственном средстве, которое состояло в том, что различные засушенные части определенных видов *полыни* клали на кожу и сжигали, что оставляло шрам и в дальнейшем имело — подобно калению железом — охранное значение против различных недугов (Machek 1954: 248). В болг. *катраника* ‘полынь лечебная *Artemisia abrotanum*’ вкус и запах сравнивается с дегтем (Ахтаров 1939: 35). Из-за горького вкуса *полынь* метафорически называется *вдовьей травой* (Чаин.) (Арьянова 2: 92).

Другие ученые производят основу *pel-/pol-* от внешнего вида растения. Так, А.Г. Преображенский пишет: «...весьма возможно, что *полынь*, *пелын* названа по характерному для растения цвету. Ср. особ. лтш. *pelejums пльсенъ*, но Мн. *pelejumi полынь...*» (1959: 103). Существуют и другие фитонимы, образованные на основе внешнего вида растения. Так, *полынь обыкновенная Artemisia vulgaris* L., имеющая перистые листья, названа (по сходству с шиповником собачьим *Rosa canina* L.) серб. *дивија ружа* (Шпис-Ћулум 1995: 420).

В одном из травников *полынь* названа «маткой всем травам» (Зубов 1887: 13). Буковинские травницы почитали ее «травиной над травинами» (Маковій 1993: 25). Очевидно, такой высокий статус обусловлен теми магическими свойствами, которыми наделялось растение.

Полынь использовалась в различных целях, довольно разнообразных. Однако отчетливо выделяется ее роль как наиболее эффек-

тивного средства против русалок и схожих с ними мифологических персонажей славянского фольклора. Соответственно, применение ее становилось особенно активным в период их появления — на Троицкой неделе. Полынь, несмотря на эпитет «трава окаянная, бесколениная», тем не менее при борьбе с русалками считалась «снадобьем, равносильным священной вербе и свечам Страстной недели», а также ладану (Максимов 1995: 328).

В России на Зеленые святки полынь клали под стрехи домов (Morawski 1884: 22). На Украине также клали на окна и пороги полынь — «от русалок, выходящих в эту ночь из своих вод на сушу» (Максимович 1856: 90), а если «на зелене святя» приходилось ночевать на открытом воздухе — клали ее под голову (Lud Україński 1857 (1): 145). В Гадячском у. Полтавской губ. «на зелени святки, накануне Троицы», разбрасывали по избе полынь и другие травы (айр, любисток, зорю) для защиты от русалок (*лоскотавок*) (Зеленин 1916: 1103).

В Старобельском у. Харьковской губ. в четверг после Троицы «в леса, сады и огороды» старались не ходить; в случае же необходимости брали с собой ту полынь, которую на Троицу разбрасывали «по хате и под столом» (Иванов 1898: 296). На Украине начиная с *кличальной* субботы (перед Духовым днем) опасались купаться или ходить в одиночку в лес или в поле. От нападения русалок носили с собой полынь; ее же бросали в воду, если все же случалось купаться (Сементовский К.М. 1845: 214; Маркевич 1860: 8). В Переяславском у. Полтавской губ. девушки опасались купаться на Зеленые святки, не взяв с собой полыни, так как были уверены, что их «непремно залоскочуть русалкы» (Чубинский 1872 (I, 1): 207).

Защищаясь от *мавок*, украинские девушки носили полынь за пазухой (Маркевич 1860: 8); в Саратовской губ. в четверг после Троицы ее вплетали в косы, полагая, что тогда русалка не станет их щекотать (Минх 1890: 22). В Полтавской губ. в течение Зеленой недели носили при себе полынь и любисток — «к предохранению себя от нападения русалок» (Арандаренко 1849: 216).

У украинцев с. Ставучаны (Хотинский у. Кишиневской губ.) к празднику сошествия Святого Духа готовили «водку, настоящую на зеленом полыне», полагая, что она оберегает человека от «висилия» нечистой силы; в противном случае черт унесет и защекочет человека. Дети же носили полынь за поясом или «на груди, привязав ее к застежке сорочки». Среди местных жителей сохранился рассказ о женщине, унесенной вихрем, так как «она не носила при себе полына» (Кульчицкий 1873: 433–434).

Полынь в течение всей Русальной недели носили при себе не только восточные славяне, но и жители Балкан (Виноградова 2000: 211; Раденковић 1996: 214). Болгары приписывали ей способность отгонять самодив и демонов болезней; в течение Русальной недели полынь носили при себе как защиту от русалок и самодив (Маринов 2003: 102–103). Женщины могли стирать белье, лишь бросив предварительно в воду стебель полыни (Българска митология 1994: 27). Полынь считали действенным средством от нападения не только русалок, но и караконджулов, самодив, а также защитой от болезней (Пловдивски... 1986: 306). В Сербии также полагали, что полынь защищает от русалок (Чајкановић 1985: 288). В Болгарии полынь носила при себе родильница — как защиту от магии (Маринов 2003: 102–103). Интересно, что вовсе не обязательно было носить с собой само растение; считалось, что даже одного названия полыни достаточно, чтобы русалки разбежались (Иванов 1888 (2): 99)⁵².

Во многих контекстах полынь встречается не одна, а вместе с каким-либо растением, либо синонимичным ей по отгонной функции (любисток аптечный *Levisticum officinale* L.), либо, напротив, привлекающим русалок (мята, петрушка). В Купянском у. Харьковской губ. рассказывали, что русалки «нападают в лесах и полях на неопытных девушек и парней, не имеющих при себе любистка и полыни». Оберегом в этом случае могла служить как сама полынь, так и ее название, произнесенное вслух. Аналогом полыни служил любисток, а антиподом, способным спровоцировать агрессивность русалок — петрушка (Иванов 1893: 67–69, 72). Часто исследователи упоминают полынь и любисток вместе, как равные по силе средства (Сементовский К.М. 1845: 214; Арандаренко 1849: 216; Маркевич 1860: 8). В Гадячском у. Полтавской губ. на вопрос русалки «що в тебе в руках?» полагалось отвечать «полынь», — тогда она скажет: «цур тобі, пек тобі! згынь!» и исчезнет; упоминание же мяты или петрушки грозило тем, что русалка могла *залоскотать* (Зеленин 1916: 1103).

Вероятно, не последнюю роль в этом сыграл звуковой образ слова, его потенциальные возможности к рифмовке: «...беда неосторожной, которая забыла взять с собой полынь или „любисток“ — т.е. зорю. Русалка бросается на дивчину, спрашивает у ней: „полынь

---

⁵² К вопросу о связи различных уровней и кодов ср. также: «увидеть базилик, понюхать его и произнести слово *базилик* — в данном случае одно и то же» (Цивьян 1990: 38).

или петрушка“? если та ответит: полынь, — русалка убежит; если же: петрушка, — водяная красавица защекочет до смерти земную и увлечет ее в реку. При слове: полынь, русалка обыкновенно с досадой отвечает: „сама ты сгынть“. А если она к мужчине обращается то: „сам ты згинь; ты не мій“ — на слово петрушка русалка говорит: „ты моя душка!“ и потом щекочет» (Маркевич 1860: 80–81).

Возможны и такие диалоги: «А що мати варила?» — «Борщ та полинь... от вам полинь, сама ти изгинь!»; «От вам петрушка!» — «Ти ж наша душка!»; «От вам мьята!» — «Ти ж наша мати!» (вар.: «тут тобі и хата!») (Максимович 1856: 98–99)⁵³.

Полынь как «наиболее действенный оберег против русалки» упоминается и в современных исследованиях, например, в материалах Полесского архива, как и словесное воздействие «Хрен да полынь, плюнь да покинь!» (пос. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.) (Виноградова 2000: 163).

Второй календарный период, когда полынь становилась незаменимой, — день Иоанна Крестителя. Использовали ее в этот день все славяне, причем довольно схожим образом и с определенным набором целей. В западнославянском ареале она прямо названа травой святого Ивана: пол. *swietojańskie ziele* ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ (Анненков 1876: 50), чеш. *pás sv. Jana*, «так как суеверные люди вечером накануне св. Яна опоясываются этой травой» и «так как ее носят как пояс вокруг бедер от болезней поясницы», или *bylina sv. Jana*, «так как ее надо копать на св. Яна Крестителя, иначе она не имеет силы» (Machek 1954: 249).

Прежде всего обостряется необходимость защитить себя от нечистой силы. В праздник Ивана Купалы в первую очередь остерегались ведьм. В Полтавской губ. накануне Иванова дня девушки и дети, собирая цветы и травы для венков, добавляли к ним полынь, чтобы уберечь себя от их нападения, а также носили ее под мышками (Сементовский А. 1845: 108; Сементовский К.М. 1845: 227; Арандаренко 1849: 216). В Малороссии девушки и дети собирали, помимо цветов, также и полынь, «яко траву спасительную от всех чар нечистой силы, и тую же кладут под мышками на весь тот праздник» (Народный праздник... 1861: 21). «День Рождества св. Иоанна Предтечи посвящается празднику *Купалы*. С утра девушки идут в поле или в лес собирать травы и цветы; из них вьют они для себя купальские

⁵³ Подобные же диалоги приводятся в работах: (Сементовский А. 1845: 108; Поверья русских... 1846: 279; Иванов 1893: 68–69).

венки, в венках должен быть и полынь; кроме того, они носят полынь весь этот день у себя под мышками; это предохранительное средство от русалок и ведьм» (Маркевич 1860: 10). Не исключено, что в белорусской песне, исполняемой в эту ночь, отражен обычай оберегать и скотину: «... А стары дзед короукау, / Як першы раз у поле гонюць, / А их вербай паганяюць, / Святым зельем подкурауць, / Боже-дреукай да и мятай». Дождавшись, пока к костру придет за огнем самая старая старуха («ведзьма»), ее хлестали, прогоняя, полынью (Дмитриев 1869: 223–227). Вероятно, поверье о том, что полынь влияет на ведьм (которые, как полагали, отбирали у коров молоко), лежит в основе следующих действий: «Наваром из чернобыли, собранной на Иванов день, обмывают коров, чтобы они давали больше молока» (Афанасьев 1994 (2): 574–575).

В России в этот день «девицы в праздничных нарядах, опоясанные чернобыльником и душистыми травами, с цветочными венками на головах, и холостые юноши схватываются попарно за руки и прыгают через разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, им предсказывают счастье или беды, раннее или позднее супружество» (Афанасьев 1994 (3): 715). В окрестностях Люблина сами купальские костры назывались *ognie byliczne* (букв. «полынные, или чернобыльные костры») (СД 1999: 367).

Считали нужным защищать не только себя, но и свое жилище — в России, на Украине и в Польше украшали чернобылем дома и дворовые постройки (Morawski 1884: 14, 22; Франко 1898: 206). В Проскуровском у. для защиты от дьявола на Иванов день чернобыль и полынь затыкали под стрехи домов (Чубинский 1872 (I, 1): 82–83). В Краковском крае вечером «накануне св. Яна» дома украшали чернобыльником; так же поступали мазуры и жители Подлясья (Sobotka 1879: 289; Morawski 1884: 14). Кроме того, полынью украшали образа святых и все внутри дома (Federowski 1888 (1): 165). Этот обычай жители восточной Польши помнят и сейчас: «на святого Яна, это важнее всего, в крышу втыкали былицу [*bylica* ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ — В.К.], лопух [*topuch* ‘лопушник большой *Arctium lappa* L.’ — В.К.]. Это такая трава для святого Яна. Былица такая, и лопух такой с листьями растет. Когда-то так делали всегда, а теперь крыши высокие» (воев. Замоysкое) (Niebrzegowska 2000: 176). Полынь, использованная в Иванов день, применялась и после этого праздника. Так, «былица, собранная вечером перед сжиганием Соботок (гуляние накануне Иванова дня) и использованная матерями как свивальник для ребенка женского пола, служила ле-

карством» (Morawski 1884: 14). У лужичан среди прочих «ивановских цветов» (*janske kwětki*) особенно целительной считалась полынь (*Artemisia vulgaris*) (КОО 1978: 197). Кроме того, полынь служила и для гадания: после праздника чешские девушки клали венки на ночь под голову, ожидая, что «в снах явится им будущий супруг». Утром они кидали все венки разом в реку: «чей венок поплывет вперед, та раньше всех выйдет замуж» (Sobotka 1879: 288–289).

Еще одна функция полыни — предохранить работников от характерных во время страды заболеваний. На Украине жнецы и косари им перепоясывались, чтобы не болел позвоночник при работе (Франко 1898: 206); в Минской губ. на *Купаллы*, идя к месту ночного гуляния, жители подпоясывались полынью (Дмитриев 1869: 223–227). Так же поступали и в Чехии, желая охранить себя от болезней поясницы (Machek 1954: 249). В Польше на Иванов день обвязывались полынью обыкновенной *Artemisia vulgaris* (*bylica*) на целый день вместо поясов. Делали это для того, чтобы весь год быть здоровыми (Federowski 1888, 1: 165). Опоясывание ею в канун св. Яна, а также в сам этот день гарантировало, что поясница целый год не будет болеть (Morawski 1884: 14).

Среди других календарных праздников можно назвать Юрьев день, когда полагалось умыться непочатой водой, в которую накануне клали полынь и пасхальное яйцо (Чайкановић 1985: 189–190). Существенно меньше использовалась полынь в обрядах жизненного цикла. Так, сербские невесты, идя венчаться, клали полынь за пазуху (Там же: 189). В Подлясье русины клали в гроб чернобыль (полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris*) и полынь горькую (*Artemisia absinthium*), «что, как говорят, было обычаем с языческих времен» (Sobotka 1879: 288). Мотивации могут приводиться от самых прагматических — «это задерживает разложение» (Morawski 1884: 26) — до магических — в Сербии веточкой *бейтурана* (п. однолетняя *A. annua*) помечали место, на котором лежал покойник, чтобы отогнать нечистую силу (Чайкановић 1985: 299). В Белоруссии, чтобы не ходил покойник, хозяйка обметала хаты полынным веником (БМ 2004: 360). На Украине полынью лечебной (*Artemisia abrotanum* L.) обкладывали покойников (Носаль, Носаль 1960: 193). В Польше у рожениц в доме обтыкали полынью окна, чтобы *boginia* не подменила новорожденного ребенка (Morawski 1884: 26). На Подгалье (южная Польша) в гроб кладут полынь (*Artemisia abrotanum* L.), которая была освящена в Успенье, а затем засушена. Ветку того же растения вкладывают в руки покойного, чтобы тот мог отгонять адское пламя

(другие объяснения: «чтобы отгонять черта»; «когда душа на ночь остановится у святой Гертруды, то будет отгонять этой веточкой гертрудину собаку») (Lehr 1999: 122–123)).

Как это вообще характерно для народной медицины, в употреблении полыни трудно выделить какую-либо систему, так как в разных локальных традициях она употребляется от различных заболеваний, весьма многочисленных. Однако чаще всего и почти во всех локальных традициях отмечено употребление полыни от лихорадки. Среди других свойств полыни обычно упоминается глистогонное, и, вероятно, связанное с ним употребление ее для повышения аппетита и от желудочных заболеваний. Третья сфера употребления — женские болезни: регуляция месячных очищений и прочие отклонения.

От лихорадки употреблялись все три наиболее известных вида полыни (*Artemisia abrotanum*, *A. absinthium*, *A. vulgaris*) при наибольшем количестве контекстов для полыни горькой *Artemisia absinthium* L. В основном ее пили в виде отвара, но в Травнике Станислава Гажтовта, например, рекомендовалось «мазать „пульшики“ во время дрожи от студеной лихорадки» (Зубов 1887: 13); кроме того, могли пить сок, настойку на водке. Сведения об употреблении полыни от лихорадки зафиксированы в Вологодской, Воронежской и Тобольской губ. (Торэн 1996: 76–77), в Казанской губ. (Крылов 1882: 51–52, 57–58); в Пермской губ. (Крылов 1876: 80); на Украине (Минх 1890: 54; Маркович 1891: 427); в Полтавской губ. (Арандаренко 1849: 232; Августинович 1853: 17); в сл. Свято-Дмитриевка, Никольское, Шульгинка, Беловодск Старобельского у. Харьковской губ. от лихорадки лечили полынью (Иванов 1898 (1): 6, 189, 603, 929). Против лихорадки полынью (*Artemisia absinthium*) принимали и в Польше: от «ворогуши, которая имае по вся дни: ...пелунова [водка. — В.К.]» (Зубов 1887: 6, 13), а также в Сербии (Чајкановић 1985: 190).

При этом лихорадка могла восприниматься и как болезнь, и как мифологический персонаж — персонификация болезни. Так, у полесских белорусов настой полыни давали пить от лихорадки, которую представляли себе «в образе злой, безобразной старухи», выходящей весной из-под земли и вселяющейся в человека, спящего на открытом воздухе (Довнар-Запольский 1909: 284).

Полынью помогала и при сопутствующих заболеваниях: в Казанской губ. из чернобыльника делали ванны «от ломоты вследствие простуды» (Крылов 1882: 68). Он же считался хорошим средством от горячки (Чубинский 1872 (I, 1): 83; Франко 1898: 206; Niebrzegowska 2000: 157). В Костромской губ. его пили от простуды (Торэн

1996: 82). В болгарской народной медицине отвар листьев и цветов полыни горькой *Artemisia absinthium* L. пили от суставного ревматизма (Ахтаров 1939: 106).

Некоторые народные легенды объясняют те или иные целебные свойства полыни. Согласно польским материалам, отсеченная голова св. Яна упала среди *былицы* (полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.) и лопуха. Поэтому былица помогает от порезов, ломоты и т.п. (Morawski 1884: 14).

На глистогонные свойства полыни указывает название *глистник* ‘полынь горькая *Artemisia absinthium*’ (Даль 3: 267). Именно этот вид с этой целью использовали чаще всего: в Полтавской губ. (Августиневич 1853: 17), в Белоруссии (Крачковский 1874: 192). В Казанской губ. использовали полынь цитварную *Artemisia cina* (Крылов 1882: 70); так же он употреблялся и в Польше (Зубов 1887: 13). В Болгарии с этой целью детям давали вареные или сырые листья этого растения, известного под именем *глиставо билъе* (Пирински... 1980: 484), ср. тж. болг. *глистна трева* ‘полынь цитварная *Artemisia cina* L.’ — ее отвар считается очень хорошим средством от детских глистов (однако как противоглистное употребляли и другие виды: полынь лечебную *A. abrotanum* L., полынь горькую *A. absinthium* L., а также вид *A. vahliana* Kostel. (Ахтаров 1939: 106–107)).

Полынью лечили и другие заболевания пищеварительного тракта: полынную настойку на хлебном вине пили от заболеваний желудка (Арандаренко 1848: 38; 1849: 232). В Новгородской губ. ее пили для возбуждения аппетита (Торэн 1996: 82), в Сербии принимали при недостатке аппетита и болезни желудка (Чайкановић 1985: 190). В Болгарии также при болезни желудка, боли в животе и для повышения аппетита пользовались полынью (Пирински... 1980: 481; Софийски... 1993: 179–180); полынь горькую *A. absinthium* L. в виде отвара листьев и цветов использовали для стимуляции пищеварения, как закрепляющее при диарее, против метеоризма, желудочной лихорадки и малярии; полынь обыкновенную *A. vulgaris* L. — также для усиления работы пищеварительной системы и для аппетита (Ахтаров 1939: 106–107). В восточной Польше полынь «для аппетита детям давали» (воев. Замойское) (Niebrzegowska 2000: 157).

Согласно исследованиям М.А. Носаля, в этой сфере «народное лечение в использовании этого растения [полыни горькой *Artemisia absinthium* L.] не отличается от научной медицины и пользуется всеми ее методами», так как оно «укрепляет желудок, выгоняет круглых глистов, прекращает понос, усиливает перистальтику кишечника»

(Носаль, Носаль 1960: 32). Впрочем, точно так же применялись и полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L., и полынь лечебная *Artemisia abrotanum* L., но только в народной медицине (Там же: 35, 193)⁵⁴.

Что касается использования полыни для лечения различных женских заболеваний, здесь наиболее широко используется полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. (чернобыльник): «В Полтавской губернии при страданиях матки лечатся ваннами из чернобыльника (п. обыкновенная *A. vulgaris* L.), который... играет у народа видную акушерско-гинекологическую роль» (Демич 1889: 19); корень чернобыльника «в народной медицине употребляется от всех женских болезней, происходящих от расстройства женских отправлений»; чай или настойка полыни полевой *Artemisia campestris* L. — «в женских болезнях...» (Анненков 1876: 48, 50). Были и более конкретные рекомендации: «Если у „родишки“ недостаточно потуг, то следует дать ей отвару из сухого чернобыльника...» (Полоцк.) (Никифоровский 1897: 9); «в простонародии из сушеной травы чернобыльника приготавливаются ванны... в страданиях матки и задержании месячного очищения» (Августинович 1853: 18); «Матицу напаривать и луно, — месячное побужает и мертвый плод выводит» (Зубов 1887: 13). Отвар полыни, как считалось, помогал и от бесплодия (Morawski 1884: 14; Зубов 1887: 13), а также от кровоизлияний при женских болезнях (Чайкановић 1985: 190). Листья и корни использовали при болезненных менструациях, а отвар верхушек — для усиления послеродовых выделений у рожениц (Носаль, Носаль 1960: 34–35). В болгарской народной медицине против нерегулярной менструации использовалась полынь лечебная *Artemisia abrotanum* L.; полынь горькую *Artemisia absinthium* L. использовали для лечения недостаточной, нерегулярной и болезненной менструации и белей, а также как средство, способствующее зачатию (Ахтаров 1939: 106).

Последняя крупная группа заболеваний, от которых применяли полынь, — заболевания психические: истерика, падучая (черная немочь): «Чернобыльный корень дают от падучей» (Даль 4: 595), а

---

⁵⁴ Препараты из полыни применяют «для повышения аппетита, для улучшения пищеварения и усиления секреторной деятельности желудка. Полынь горькая, так же как и полынь обыкновенная (чернобыльник) входят почти во все желудочные и печеночные сборы, и врачи назначают их при желудочных коликах, гастритах, метеоризме и как легкое снотворное. <...> Полынь противопоказана беременным женщинам» (Валягина-Малютина 1996: 139).

также судороги и конвульсии (Носаль, Носаль 1960: 34). Само слово *чернобыль* (праслав. *čьrnobyľь) в значении ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ известно многим славянским языкам: *чернобыль*, бел. *чарнобыль*, укр. *чарнобель*, србх. *crnobil*, чеш. *černobyl* (ЭССЯ 4: 153), србх. *crnobilj*, *crnobilnik* (Šulek 1879: 498). Возможно, это название и обусловлено применением растения от падучей, ср.: «Черная немочь, падучая; паралич» (Даль 4: 594), или: «трава Чернобылец... добра от черной болезни» (Флоринский 1879–1880: 10). В Винницком у. записан следующий рассказ: видя, как татарский знахарь съел мясо змеи, его пленник-казак сделал то же самое и стал понимать язык всех растений. Среди прочих трав он услышал голос чернобыля, который говорил: «я от чорной болезни» (Чубинский 1872 (I, 1): 210). В Приаргунском и Томском крае чернобыльник применяли с той же целью; «от этой болезни его употребляли... даже многие врачи» (Торэн 1996: 82). Лечились полынью от падучей в Пермской (Крылов 1876: 93) и Вологодской губ. (Иваницкий 1890: 151). В Могилевской губ. от падучей и от истерики принимали «3 раза в день порошок корней чернобыля *Artemisia vulgaris* L.» (Демич 1889: 37). Таким же образом его применяли в Полтавской губ.: «Чернобыльник с давних времен пользуется известностью при лечении истерических и других нервических болезней... корням приписывается свойство прекращать припадки падучей болезни...» (Августиневич 1853: 18). Из него же делали ванны «для излечения истерических страданий» (Арандаренко 1848: 38; 1849: 232). В болгарской народной медицине полынь обыкновенная *A. vulgaris* L. (*бял пелин*, *синь пелин*, *чернобял пелин*, *чернобелник*) употребляется против нервных припадков и эпилепсии; от эпилепсии пользовались и полынью горькой *A. absinthium* L. Из прочих болезней полынь горькая *A. absinthium* L. употреблялась для очищения крови, против анемии, золотухи, туберкулеза, геморроя, воспаления печени, желтухи, спазматической рвоты и водянки; вид *A. camphorata* Vill. — от песка в почках; *A. sina* L. (в виде припарок) — от ран, опухолей, бородавок и мозолей (Ахтаров 1939: 106–107).

Различие между экземплярами одного и того же вида дало повод к применению магии, в частности, цветовой: *чернобыль* или *чернобыльник* (полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.) в Казанской губ. в виде отвара экземпляров с красными стеблями давали пить при остановке месячных очищений или же делали ванны из чернобыльника с зелеными стеблями (Крылов 1882: 68). «Черный чернобыль» в «Прохладном Вертограде» упоминается как средство, которое

«движет менструово течение», а «белый чернобыль» его «заключает» (Флоринский 1879–1880: 102). Полынь обыкновенная *A. vulgaris* L. с зелеными стеблями применялась для остановки обильных кровоточений, а с красными — наоборот (Твер.) (Демич 1889: 9)⁵⁵.

Применялись и другие виды магии. В Воронежской губ. в зависимости от цели — «для открытия кровей и задержания излишних» — стебли полыни лечебной *Artemisia abrotanum* L. срезали «ножом книзу или верху» (Там же). В Сербии тот, кто хотел вылечиться от чахотки, должен был откусить верхушку растущей полыни: если полынь высыхала, больной ждал выздоровления (Чайкановић 1985: 190). Здесь передача болезни растению подкрепляется языковыми связями (ср. србх. *сушица* ‘чахотка’), а жизнь человека как бы находится в обратной зависимости от жизни растения — выжить может только один из них.

Впрочем, народной медицине была известна и обратная сторона применения полыни: «продолжительного употребления [полыни горькой *Artemisia absinthium* L.] избегают, так как оно производит нервное расстройство» (Иваницкий 1890: 151). Ее чрезмерное употребление могло «вызвать судороги и конвульсии, галлюцинации, а также помешательство» (Носаль, Носаль 1960: 32).

Применение полыни в народной ветеринарии по целям во многом совпадает с лечением людей, например, в Проскуровском у. лошадям от глистов давали пить «цытварное семя» (Чубинский 1872 (I, 1): 57); на Украине полынь «старухи используют для окуривания... больных животных» (Носаль, Носаль 1960: 193). Возможно, именно с употреблением полыни для лечения лошадей связаны фитонимы *кобыльник* (Перм.) ‘полынь’ (Русинова, Богачева 2003: 118), болг. *комоника*, хорв. *komonica* (Ахтаров 1939: 107), србх. *komonika*, *komonjika*, *komonka* (Šulek 1879: 498) ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’. Известны многочисленные славянские названия с корнем *комон-* для растений, которыми кормят или лечат лошадей (БЕР 2: 574); ср. «Конёвник така дудка сидит, кони едят ее» (Крив.) (Арьянова 2: 94).

Полынью лечили и других животных: «Если стельная корова ушибется, или ее боднут другие, ей дают есть *boże drzewko* (*Artemi-*

---

⁵⁵ Есть мнение, что и сам чернобыльник ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ назван так, в отличие от полыни горькой *Artemisia absinthium* L., за красноватый (а не белый) цвет метелок (Меркулова 1967: 122).

sia abrotanum L.), чтобы у нее не было выкидыша (на Подгалье и женщины пьют при испуге листки божьего дерева с чистой водой с той же целью). Служит растение также для окуливания скота, перегонаемого с одного пастбища на другое» (Morawski 1884: 14); «Дается, смешанная с кормом, индюкам, отвар же коровам после отела, а иногда и роженицам (Краковский край)» (Там же: 26).

Полынь считалась в целом универсальным оберегом, спасающим от всяких чар: «хорошо носить при себе *боже древце*, чтобы быть защищенным от колдовства» (Sobotka 1879: 290). Этот фитоним относится к разным видам полыни: *божье дерево*, укр. *биж-дерево*, *боже дерево* (Малор.), пол. *boże drzewko*, чеш. *boží dřevce* (Анненков 1876: 47), ст.-пол. *boże drzewko*, *božedrzewce*, ст.-чеш. *božie dřevce*, словен. *božje drevce*, србх. *božje drvce* (Wróbel 1962: 108), болг. *боже дръвце*, *божие дърво*, *божи дръвце*, *божо дърво*, *божо дръвце* (Ахтаров 1939: 106) ‘полынь лечебная *Artemisia abrotanum* L.’; болг. *божи дърво*, *божо дръвце* ‘*A. camphorata* Vill.’, бел. *божье дерево* (Минск.) ‘п. полевая *A. campestris* L.’ (Анненков 1876: 48), *божье дерево* (в бол. ч. Росс.), *бис* или *биз-дерево* (Дон.) ‘п. высокая *A. procera* Willd.’ (Там же: 49). О мотивации этих фитонимов существует несколько предположений. В. Махек, перечисляя возможные варианты — «великую лекарственную силу», разведение в монастырских садах, добавление в освященные букетики, подвергает их, однако, сомнению и высказывает свою версию об использовании в гадательных практиках древних пруссов и литовцев палочек из этого растения, хотя признает, что известий об аналогичном использовании полыни у славян не имеется (Machek 1954: 249–250). Х. Врубель называет среди причин возникновения названия лекарственную силу растения, его использование в освященных венках или в ворожбе и гаданиях (Wróbel 1962: 108).

Некоторые магические свойства, приписываемые полыни, находятся в соответствии с ее употреблением в лекарственных целях: «кто носит ее в обуви, получит аппетит» (Sobotka 1879: 287).

Полыни приписывается свойство отгонять пресмыкающихся: «Аще в которой храмине та трава лежит, тут пользующий ядовитый гад не входит» (Самолечение... 1884: 423) или: «Полынь, посланная или подкурренная, отгоняет змей» (Sobotka 1879: 290).

Очевидно, репутация полыни как универсального оберега обусловила ее применение как охранного средства от грозы: «В числе разных предохранительных средств во время грозы черныбыльник нужно считать одним из надежных. Посему в каждом доме черно-

быльник держится на печи во весь год для куренья им в избе во время грозы. Весьма важно иметь в этом случае хотя немного освященного (24 июня или 1 авг.) чернобыльника (местечко Придруйск Дриссенского у. Витебской губ., 1865 г.) (Никифоровский 1879: 214. № 1661)⁵⁶.

Видимо, также к апотропеическим свойствам полыни следует отнести и веру в то, что ружье, вымытое отваром полыни, собранной в день св. Иоанна Крестителя перед восходом солнца, не знает промахов, и приписывание ей способности «возвращать мужественность и отгонять всяких чудовищ и чары, которые препятствуют естественному желанию» (Sobotka 1879: 289–290). В окрестностях Заечара (Сербия) также верили, что полынь стимулирует потенцию (Чайкановић 1985: 288). Не исключено, что именно с этим свойством полыни связано название *мужичок* для полыни высокой *Artemisia procera* Willd. (Тамб.) (Анненков 1876: 49) и полыни лечебной *Artemisia abrotanum* L. (б.м.) (Даль 2: 357).

Мы уже упоминали о том, что полынь в больших дозах могла вызвать нежелательный эффект и повредить рассудок. В украинских материалах встречается такое предупреждение: «*Забудьки* (чернобыльник). Их варят в борще; но говорят, что „кто йсть забудьки, той буде забувать про свои дила“» (сл. Никольское Старобельского у. Харьковской губ.) (Иванов 1898: 320). Не исключено, что такое название вызвано именно свойством полыни влиять на умственные способности человека. В этой связи показательны несколько рассказов о происхождении названия *забудьки*. В украинской сказке наймит, тайком от хозяина-чумака, поел каши с мясом змей и стал понимать язык трав. Засмеявшись, он выдал себя; «чумак отошел в сторону, вырвал стебло *чернобыли*, облупил его и говорит: „На, съежь!“ И когда съел наймит стебло чернобыли, перестал слышать, как шепчутся на степи травы, и позабыл все, что они говорили. От того-то чернобыля и зовется на Украине *забудьками*» (Максимович 1856: 83–84).

В другом рассказе татары продали своего пленника великанам; его хозяин, убив змею, велел слуге варить ее семь раз; от отвара, вылитого на землю, трава почернела. Пленник вопреки запрету попро-

---

⁵⁶ По мнению В. Махека, это свойство отражено уже в одном из названий чернобыльника — *нехвороць*, укр. *nehvoroc*, чеш. *netřesk*, ст.-чеш. *nechrastь*, пол. (из чеш.) *netrzesk*, *nietrzasek*, словен. *netresk*, *natresk*, *natrsk*, *natrst*, *nastrk*, хорв. *netresk*, *netresak*, *netrest* и др. Он связывает его с глаголом *chřestnůti* ‘загрохотать’ (Machek 1954: 96, 249).

бовал змеиноного мяса и услышал, как говорят вокруг него животные и растения. Воспользовавшись своим новым знанием, пленник узнал, какой конь сможет перенести его через море. Хозяин пустился в погоню, однако, не догнав, крикнул: «Iwane, Iwane, jak przyjedziesz do domu, pamiętaj zgotuj sobie korzenia czornobylu i napij się, to jeszcze więcej będziesz wiedzieć jak wiész». Слуга послушался, напился чернобылю и сразу все забыл (Lud Ukraiński 1857 (2): 353–356).

В сказке «Сага о русском», мужик, послушавшись хозяина «Писигалевца», съел остатки каши со змеиным мясом и стал понимать язык зверей и птиц. Подслушав разговоры лошадей, он понял, которая из них может его вывезти, и сбежал. Хозяин, поняв, что беглеца ему не догнать, стал кричать: «русский, скажи: „чернобыл трава“»; однако лошадь заранее его предупредила: «ты молчи, то все позабудешь» (Худяков 1860: 135–138).

Известен также рассказ, записанный в Стародубском у., о растении *забудки*: девочка, пошедшая в лес на Воздвиженье, упала в яму со змеями и, проведя в ней всю зиму, получила понимание языка всех трав и их целебных свойств. Однако, произнеся слово «чорнобыль», она немедленно забыла все, что слышала от растений (Рогович 1874: 4–5). Мы видим, что и здесь, как в случае с защитой от русалок, сила слова равноценна силе самого растения. Особенно интересно то, что полынь, являясь отгонным средством, не только защищает от змей, но и отнимает подаренные ими (или приобретенные с их помощью) знания. В данном случае полынь, отнимая волшебные знания (а то и разум вообще), как бы противопоставляется волшебному цветку папоротника, который (как и змея) дает знание языка трав и животных.

Основное свойство полыни — горечь — отмечается уже в древнейших памятниках: «**Наслаждает грътань твою, послѣд гръчѣе пельна обрѣщѣши**» (Срезневский 1989: 895).

Полыни, как и другим растениям, играющим важную роль в традиционной культуре, приписывается происхождение из мертвого тела. Так, в карпатской колядке трое девушек-сирот, охраняющих золотую ряску на конопле, опасаются, что за нерадивость мачеха их сожжет, пепел посеет в огороде, и из них вырастут «трояке зилья»:

*Перше зилейко — биждеревочок;
Друге зилейко — крутая мята;
Третьє зилейко — зелений барвинок.
Биждеревочок — девкам до кисочок;*

*Крутая мята — хлопцам на шапята;
Зеленый барвинок — девчатам на венки.*

(Костомаров 1843: 37)

В хорватской песне полынь вырастает из тела свекрови-клеветницы, которое не принимает земля (HNP 1909. №. 100; цит. по: Усачева 2000: 273).

В Купянском у. Харьковской губ. верили, что «Полынь и будяк сівя лукавый» (Иванов 1888 (2): 99); так же полагали и крестьяне Старобельского у. Харьковской губ., поскольку «як хто возьме полынь у руки, так стане гирко и в роти, и скризь, и нашнеть вин кашлять, чхать, и лаяцьця» (Иванов 1898 (1): 320).

Горький вкус полыни обусловил и фразеологию: «Горек, как полынь» (Даль 1997 (2): 271); укр. «Гірке, як полинь» (Номис 1864: 243); болг. «Горчи като пелинь» (Младенов 1941: 417); чеш. «hořké jako peluňek» (Sobotka 1879: 286). Про того, кто кривил губы от недовольства, говорили: «Квасит лице, як би полину покоштував» (Франко 1907: 251); ср.: «Не я полынь-траву садила, сама окаянная уродилась! Полынь после меду горче самой себя. Чужая жена лебе-душка, а своя — полынь горькая! Речи как мед, а дело — как полынь» (Даль 3: 267). Дикая полынь служит знаком запустения; ср. болг. *къщата му в пелин обрасла 'опустела'* (Маринов 2003: 103). В песнях она зарождается из слез:

*Со песком слеза смешалась, —
Стала травушка горька,
Что горька она, горька,
Полынушкой налита,
Полынушкой названа
Для изменичника дружка!*

(Соболевский 1899 (5): 250. № 324)

В песне из Вологодской губ. полынь выступает символом горькой жизни, пришедшей на смену счастью:

*Полынька, полынька, травонька горькая!
Не я ты садила, не я сеяла,
Сама ты, злодейка, уродилась,
По зеленому садочку разстелилась,
Заняла, злодейка, в саду местечко,
Место доброе да хлебородное.*

(Соболевский 1897 (3): 89–90. № 113;
то же в: Шейн 1898 (1): 193. № 740, 741)

С полынью может сравниться либо нелюбимый человек:

1) *Разставаться стал...*
...Стал полыней звать,
Стал: «полынушка, полынюша,
Полынь горькая!»

(Соболевский 1897 (3): 281. № 339 (Вят.))

2) *Ах, чужая-то жена — лебедь белая моя;*
Когда о бок-то сидит, как огнем она палит...
А своя-то жена — полынь горькая трава:
Она о бок-то сидит, как морозом ознобит...

(Соболевский 1897 (3): 366. № 452;
 ср. тж.: Шейн 1898 (1): 206. № 784)⁵⁷,

либо тот, кто сам страдает:

1) *Ветры буйны леса клонят на меня,*
На меня, бедну-горьку сироту,
Ровнешенько на полынь горьку траву.

(Соболевский 1898 (4): 160. № 210 (Волог.))

2) *Два поля чистья, третье сороватое:*
Полынь, перекажи поле...
У нашей матушки две дочери счастливы,
А третья безсчастливая.

(Соболевский 1897 (3): 3. № 3 (Курск.))

3) *Ой палын, палын,*
Трава горькая,
А доля мая
Яшчэ горшая;

4) *Палын-трава бескарэнная,*
А радзілася я бязродная...

(БМ 2004: 360)

Таковы же ассоциации, связанные с неприятным местом: «чужа дальня сторона» «полынью взята, горькою горчицею усеянная» (Соболевский 1897 (3): 18. № 21).

⁵⁷ Ср. тж.: «Radší, matko, peluněk bych jídala, / než s nemilým u večere sedala» (Sobotka 1879: 287).

Или:

*Батькова хлеба не хочется;
Батькив хлеб полынем пахне.*

(Костомаров 1843: 39)

Полынь как растение с негативной семантикой последовательно противопоставляется тем растениям, которые в традиционной культуре наделены положительной символикой. Так, в хорватской песне «полынь сообщает девушке, что ее возлюбленный намеревается ее покинуть»:

*I mi je povídal pelinak zeleni,
da će me ostavit moj klinčac ljubljeni.*

При этом *klinčac* (букв. «гвоздика») означает любовника (Sobotka 1879: 287). Схожим образом в сербской песне противопоставляются полынь и базилик. Девушка, возвращая юноше кольцо, так как он не нравится ее семье, говорит:

*Ja bosiljak sejem, мене пелен ниче
Oj пелен, пеленче, моје горко цвеће!
Тобом ће се моји свати закитити,
Кад ме стану тужну до гроба носити.*

(Карацић 1841 (1): 439. № 609)

Полынь может противопоставляться и розе, как символу любви, и часто означает старого, нежеланного мужа: «...змяшаўся палын з травою, злюбіўся стары з маладою» (БМ 2004: 360),

или:

*Да ја знадем, моје бело лице,
Да ће тебе стар војно љубити,
Ја би ишла у гору зелену,
Сав би пелен по гори побрала,
Из пелена б' воду извијала,
Те би тебе, лице, умивала,
Кад стар љуби, нека му је горко.
А да знадем, моје бело лице,
Да ће тебе млад војно љубити,
Ја би ишла у зелену баичу,
Сву би ружу по баичи побрала,
Из руже би воду извијала,*

*Те би тебе, лице, умивала,
Кад млад љуби, нека му мирише.*

(Караѿић 1841 (1): 290. № 395)

Тот же мотив встречается и в болгарской песне:

*Да бѿи знала де че стар да земе,
Да откѿсне горчива пелина,
Да натрѿлиа мома бяло лице.*

(Ахтаров 1939: 106).

Утилитарное использование полыни также основано на ее горьком вкусе. Так, на Украине при отлучении ребенка грудь мазали полынью, так как считалось, что у ребенка, повторно взявшего грудь, «усе життя будуть недобрі очі» (Маковій 1993: 16). С ее помощью боролись с домашними насекомыми: «На блохи: Полин з кменом уваривши, з жолчу якого колвек змешать и тим хату часто кропить» (Потебня 1890: 9). Полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. служит для подметания, с чем и связаны ее сербские названия *метла*, *дивља метла*, *дивија метла*, *метлиње* (Шпис-Ђулум 1995: 424); ср. тж. болг. *метла* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’, ‘п. веничная *A. scoraria* W. et K.’ (Ахтаров 1939: 106–107). В Польше полынь обыкновенной *A. vulgaris* натирали руки, чтобы не кусали пчелы, а собранной в июле и высушенной полынью перекладывали снопы хлеба против мышей (Morawski 1884: 14, 26).

* * *

Итак, мы видим, что сорное растение именно благодаря своим неприятным вкусу и запаху приобрело значительное место в традиционной культуре славян, в основном как отгонное и лекарственное средство. При этом, несмотря на свои медицинские свойства, оно противопоставлено цветам с положительной, светлой символикой — розе, гвоздике, базилику. Вероятно, такое отношение обусловлено не только горьким вкусом растения, но и его специфическим воздействием на человека, что выразилось в поверьях о потере приобретенных волшебным путем знаний и даже разума под влиянием полыни.

Исследуя роль полыни в традиционных славянских представлениях о флоре, можно отметить редкое в этой области единство приращения этого растения в сопоставляемых ареалах: все славяне использовали полынь в календарных обрядах — в качестве оберега от русалок и схожих мифологических персонажей, в похоронном обря-

де, в народной медицине — от заболеваний пищеварительного тракта, от кишечных паразитов, а также в гинекологии. Однако в сербской традиции отмечена еще одна роль полыни, не характерная для других народов: «Код нас Срба пелен је по превасходству символ љубавних јада» (Софрић 1990: 181), в то время как для восточных славян характерно представление о полыни как виновнице потери волшебных знаний и даже разума.

ЦИКОРИЙ

Цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus* L.) относится к семейству сложноцветных (Compositae). Растет цикорий на лугах, а также на пустырях и вдоль дорог. Отсюда и народные названия *луговник* (Ворон.) (СРНГ 17: 176), *придорожная трава*, *придорожник*, укр. *prydorožnyk*, пол. *podróżnik* (Анненков 1876: 97–98), бел. *падарожнік* (окрестности Гродно), *падрожнік* (зап.-полесск.) (РС 2001: 127), србх. *podrožnik* (Šulek 1879: 509), пол. *podorožnik* (Paluch 1989: 65), а тж. србх. *kažiput* (Šulek 1879: 508).

Цвет лепестков цикория отразился в названиях *синий цветок* (Ворон.), *синие батоги* (Вят.) (Смирнова 2004: 41–42), *синий цветок* (Дон.) (Брысина, Кудряшова 2003: 270), *синий цветок* (Сарат.), *синевцветка*, *синий цветок* (Урал.) (Коновалова 2000: 156), србх. *модар цивијет* (Анненков 1876: 98), укр. *голубий* (Коломієць, Шамота 1979: 25), *синєка*, *синька* (Болтарович 1980: 48; 1994: 124), болг. *модрика*, *синя жльчка*, *синя жълчка*, *синя зльчка*, *синя млечка* (Ахтаров 1939: 135–136), србх. *modrica* (Šulek 1879: 508). Возможно, он же опосредованно обусловил србх. *водопија*, *водоплав* (Чайкановић 1985: 98), болг. *водопийка*, *недопийка* (Ахтаров 1939: 135). Сходство цвета лепестков цикория с васильком обусловило фитоним *василек* в значении ‘цикорий’ в Казанской губ. (Крылов 1882: 11) и в Воронежской обл.; с другой стороны, в воронежских говорах название цикория *батожок* означает также и ‘василек’ (Смирнова 2004: 41–42). Цвет обусловил и бел. *сукенка Маці Боскай*, и связанное с фитонимом предание: «цветки такого небесного цвета появились тогда, когда по каменной дороге шла Богородица и подол ее голубого платья цеплялся за придорожные растения, после чего они расцвели цветами того же цвета, что и платье» (Салавей, в печати).

Рус. диал. *щербак*, укр. *щербак*, србх. *štrbka*, чеш. *šterbák* — фитонимы, обусловленные зазубренной формой листьев (Machek 1954: 231; Меркулова 1967: 120), ср. тж. србх. *zubica* ‘цикорий обыкновенный *Cichorium intybus* L.’ (Šulek 1879: 508), пол. *szczerbak* ‘цикорий-

эндивий *Cichorium endivia*’ (Kolberg 7: 130). Небольшая группа болгарских фитонимов отражает вкус растения: *гурчивкъ*, *жлъчка*, *жълчка*, *злъчкъ*⁵⁸ (Ахтаров 1939: 135). Широко известное номенклатурное название *цикорий*, тем не менее, достаточно непривычно, чтобы вызвать искажения: болг. *цигогория* (Там же: 136); в районе Пултуска «народ изменил слово *cykoryja*, от лат. *cichorium*, на *cukieruja*, под влиянием слова *cukier*»⁵⁹ (Malinowski 1885: 137).

Крупные корзинки цветков цикория раскрываются в четыре-пять часов утра и закрываются в два-три часа дня, когда солнце начинает опускаться, с чем связано название *зарники* (Ворон.): «цветы этого растения раскрываются только на заре (утренней и вечерней)» (Смирнова 2004: 42); а поскольку цветки при этом поворачиваются за солнцем, растение получило названия *солнцева сестра*, *солнцева трава* (Анненков 1876: 98; Булашев 1909: 369; Machek 1954: 230), пол. *slunecznik* (Sprólnik 1990: 14)⁶⁰. Фитоним *солнцева сестра* может иметь и другую мотивацию: «потому что он зацветает в середине лета» (Большеболд. Нижегород.) (Доронин 2006). Эти обстоятельства послужили основанием для связи цикория со св. Петром: «Совпадение времени цветения „Петрова батога“ с самую жаркою порою лета, когда воздух накаляется до того, что можно видеть его волнообразное движение, так называемую „югу“, а также совпадение раскрытия его цветка по спадении росы с временем, когда чабан „руша“ свою отару „на пашу“, и закрытия цветка с порою, когда овцы стоят у водопоя „на тырли“, неволью обратило на себя внимание народной наблюдательности и породило пастушескую легенду»: про цикорий говорили, что им «св. Петро вивци пасе»; Петровы овцы — верблюды; они боятся росы, как и овцы, поэтому Петр пасет своих верблюдов, пока раскрыты цветки (Екат.) (Манжура 1889: 763–765; Булашев 1909: 369–370). Согласно легенде, святому Петру нечем было гнать овец, и он сорвал себе пруттик; «с тех пор это растение зовется Петрив батиг» (Купян.) (П.И. 1891: 113–114).

С этим растением связан также мотив хождения Христа по земле; св. Петр отгонял детей от Христа стеблем цикория, говоря: «геть

⁵⁸ Болг. *жлъчка* ‘желчный пузырь’; ‘желчь’; диал. ‘название различных растений горького вкуса’.

⁵⁹ Пол. *cukier* ‘сахар’.

⁶⁰ С некоторой долей вероятности можно предположить, что этой же особенностью растения мотивирован фитоним *крутник* (Ворон.) (Смирнова 2004: 42).

з дороги, а то покуштуете мого батижка!», а потом бросил его на землю. Мальчики подняли его и назвали Петровым батогом. «А так как цветы этого растения напоминают по своей форме кисточку, то и пастушки стали с тех пор украшать свои кнутики махорками (кисточками) из кожи». Кроме того, ему приписывается и способность охранять поля от вредителей: «Св. Петр, идя по полям, хлещет бурьянинкой — тогда жучки и мушки улетают и не смеют портить хлеба; где он кинет стебель, там он и принимается; и где он растет — насекомые не портят хлеба» (П.И. 1891: 113–114).

В сжатом виде эти легенды отразились в фитонимах укр. *петрів батиг*, *петрові батоги*; схожие названия отмечены в смежных областях, к востоку: *батоги*, *батожки* (Ворон.) (Анненков 1876: 97; Меркулова 1967: 120), *петрив батиг* (Ворон., юго-запад Украинских зон) (Смирнова 2004: 42). Русифицированная форма *батоги петровы* отмечена в Воронежской обл., а калька *петров кнут* — на Дону; фитонимы *синие батоги*, *петров(ы) батог(у)* были зафиксированы в Вятской губ. (Смирнова 2004: 42), *петровы батоги* — на Урале (Коновалова 2000: 156). К западу же, в польских говорах, отмечены *batizki św. Piotra*, *Piotrowe batogi* (Paluch 1989: 65), а тж. *batogi św. Jana* (бывшая восточная Галиция) (Budziszewska 1972: 113, 116), *batogi św. Jana* (Дзевентники), *batizkie św. Iwana* (Орышковце) (Gustawicz 1882: 243). Другие «библейские» фитонимы, связанные с цикорием (и, вероятно, также основанные на каком-либо этимологическом рассказе): пол. *Pana Jezusa rany*, *bicz boży* (Келецкий регион) (Szot-Radziszewska 2005: 121). Второй элемент рассмотренных составных наименований (*батог*, *кнут*, *бич*), очевидно, обусловлен формой и фактурой стебля; ср. бел. *dzierewianka*, *dziarewianka* «стебель твердый, деревянистый, его трудно сломать» (Orzeszkowa 1888: 6, Kamińska 1986: 60), болг. *жилаво цвете* (Ахтаров 1939: 135). Из-за особенностей строения разветвленного стебля он также назван *суставник* (Ворон.) (Смирнова 2004: 41).

Один из локусов, в котором обитает растение, обусловил его использование в лечебной магии: на Покутье отваром *podorožnika* обмывали изуроченного человека, выливая затем жидкость на дорогу (Paluch 1989: 65). В чешской традиции этот локус породил целый комплекс поверий и обусловленных ими магических действий. Оттого, что цикорий растет возле дорог, как бы ожидая кого-то, происходит народное название *čekanka*⁶¹. С ним связана чешская легенда о

⁶¹ Чеш. *čekat* ‘ждать’.

девушке по имени Чеканка, которая «убивает себя в отчаянии на могиле своего возлюбленного», убитого соперником, а после смерти превращается в растение цикорий (*Cichorium sativum*), получившее ее имя (Софрий 1990: 41). Возможно, поэтому цикорию приписывалась способность привлекать любовь: «цикорий, выкопанный на Великую пятницу босиком, заклтый священным словом и сорванный с белым платком, привлекает любовь того, кто его заденет»; кроме того, считалось, что «цикорий, сорванный на св. Петра, вызывает любовь у той особы, которая этого цикория коснется» (Sobotka 1879: 252–253). Чешские девушки рвали его «на счастье в любви», говоря при этом:

Čekanko u cestu!
trhám tě pro štěstí:
abys mi milého popřála,
kterého 's nadarmo čekala!

Потом сорванный цветок клали за пазуху, говоря: «Bodejž jsi vukvetla!» Если от тепла тела он расцветал, девушка надеялась на свое счастье (Там же: 252).

Также с этимологической легендой, но уже о брате и сестре, превращенной в цикорий и ждущей на дороге возвращения брата, связаны польские фитонимы *podróżnik*, *siostrzyczka*, *królowna*, *czekanka* (Kalinowska 1949: 185). К сожалению, текст легенды в источнике не приведен. Однако само упоминание о фиксации ее на польской территории позволяет сделать предположение, что к этой же мотивационной модели относится и пол. *przeklęta panna* (Spólnik 1990: 14), а возможно, и другие «девичьи» названия цикория болг. *гола мома* (Ахтаров 1939: 135, 353), чеш. *hanička* (Hladká 2000: 115).

Цикорий — ценное пищевое растение; его листья употреблялись как салат (ср. србх. *дивља салата*, болг. *бърдоква*)⁶², а корни — вместо кофе, ср. болг. *немско кафе* (Ахтаров 1939: 135). В народной медицине он использовался для лечения различных болезней — «от укушения бешеной собаки, от опухоли (Киев.), от боли сердца (Бесс.), от боли в животе (Тавр.), от ломоты (в виде припарки) и от простуды (Екат.), от „младенческой“ и зубной боли (Ворон.), от слабости в виде питья (Сарат.), от сояшницы (поноса) (Малор.)» (Ан-

⁶² При болг. *бърдоква* ‘латук’. Однако болг. *бърдоква* может восходить и к ст.-болг. *бридькъ* ‘острый, горький’, из-за горького вкуса корней (БЕР I: 101).

ненков 1876: 97–98). В украинской традиции им лечились «при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, циррозе печени, опухолях селезенки, однако главнейшее использование он имеет при болезнях печени и особенно желтухи» (Носаль, Носаль 1960: 44; Поділля 1994: 329); кроме того, он считался хорошим средством при *перелое* (Маркович 1891: 426), а для детей из него делали ванны (Lud Ukrainski 1857 (1): 168). Отвар корня цикория давали пить при расстройствах желудка и даже дизентерии (Болтарович 1980: 48; 1994: 124). У сербов это «народное лекарство от геморроя, и когда дурная кровь, и моча слишком желтая»; кроме того, это «лекарство от чахотки» (Чајкановић 1985: 98). В болгарской народной медицине отвар корней цикория использовался для стимуляции пищеварительной системы, для очищения крови, против цинги, малярии, болезней печени, желтухи; против язвы желудка; как слабительное и рвотное, от ангины, воспаления трахей и от кашля. Он также применялся как мочегонное и как лекарство от кровавого мочеиспускания. В виде припарок он служил средством от чирьев и отеков (Ахтаров 1939: 136). В польской народной медицине цикорией использовался в основном от поноса, болей в печени и желудке. Настойку из корня цикория пили в окрестностях Велички от холеры и дизентерии. На раны и сыпи прикладывали толченые цветки, а детям, больным чахоткой, делали ванны. Использовался он также от простуды, цинги, «давления под грудью» (Paluch 1989: 65). При боли в брюшной полости готовили чай из цикория (Czyż, Wszakowska 1993: 90). Настой сушеного растения пили от боли в желудке, печени, а также при простуде; на раны прикладывали траву или промывали настоем; отвар корня пили при низкой кислотности желудка (Келецкий регион) (Szot-Radziszewska 2005: 140). Цикорием *Cichorium endivia*, отваренным в сыворотке, промывали ожоги; кроме того, как считалось, он помогал от загара (Краковский регион) (Kolberg 7: 130).

Ряд заболеваний, от которых применяли цикорией, нашел отражение в его названиях: так, если у ребенка были слабые ноги, то его купали в *twardostoju*; кроме названия *twardostój* (Жешувск., Подгужан.), зафиксирован и искаженный вариант *kwardostój* (Жешувск.) (Czyż, Wszakowska 1993: 90–91); в Жешувском крае отвар цикория под названием *kwardostój* добавляли в купель новорожденным — верили, что это укрепляет поясницу, что ребенок будет раньше вставать и ходить (Czyż 1989: 163). В окрестностях Топожишкова, где из отвара этой травы делают ванны для чахоточных (*suchotniczych*) детей, он назывался *suchotnik* (Gustawicz 1882: 243). При отсутствии

прямых указаний можно, тем не менее, предположить использование цикория от геморроя, основываясь на болг. *маясьлчи* (Ахтаров 1939: 135).

Материалы из Мазовше указывают на использование этого растения в молочной магии: в канун дня св. Яна чаровницы ходили по полям и межам, выискивая его, а срывая, говорили: «*biore ropytek, ale nie wszystkim*» (Lehr 1985: 64–65). В Казанской губ. цикорий использовался как приворот: его цветы и корни употреблялись женщинами «с целью понравиться мужчине, которого и поят, неведомо для него, означенными травами» (Крылов 1882: 11).

* * *

Итак, у восточных и южных славян отмечен цвет лепестков цикория; у белорусов он послужил основанием для этиологической легенды, связывающей цветок с образом Богородицы. Другой персонаж библейской мифологии — св. Петр — в украинском фольклоре связан с цикорием через время цветения растения и одновременно — его «фактуру», внешний вид, напоминающий хлыст (в польской фитонимике он может «принадлежать» и св. Иоанну).

У восточных и западных славян место произрастания цикория отмечено в фитонимике прямо, а у западных к тому же послужило основанием для лечебной и любовной магии.

ЧЕРТОПОЛОХ

В разговорном языке *чертополох* — это скорее не название конкретного вида или хотя бы рода растений, а общее имя для целой группы колючих сорняков. Принадлежат они к разным родам, но в силу своего внешнего сходства, помимо фитонима *чертополох*, имеют еще целый ряд общих названий — *будяк, волчец, дедовник, лопух, мордвин, осот, репей(ник), татарин*. Относятся они к большому числу родов — репейничек *Agrimonia*, лопушник *Arctium*, чертополох *Carduus*, колючник *Carlina*, бодяк *Cirsium*, мордовник *Echinops*, синеголовник *Eryngium*, татарник *Onopordon*, осот *Sonchus*, дурнишник *Xanthium*, принадлежащих в большинстве своем к семейству сложноцветных *Compositae* (Залесова, Петровская 1901 (4): 1037–1038).

Колючий сорняк кровавил руки людей и засорял хлебные поля: «То је јако лоша трава... не дај боже руком голом уватити, све руке избости...» (Шпис-Пулум 1995: 456). Он и отношение к себе вызывал соответствующее. Так, в пословице: «Высок репей, да черт ему рад!

Велик мордвин (*или: татарин, т.е. репейник*), да черт ли в нем?» (Даль 1997 (2): 42). Его не ела даже скотина (за редкими исключениями), поэтому в Воеводине татарник колючий *Oporordon acanthium* L. получил название *магареџији трн*, *магареџа бода*, *магареџа боца* (србх. *магарац* 'осел'): «... ми смо чували овце, па магарац оде, па то нико не једе, а он одгризе, онда су га по том назвали магареџији трн». О любознательном человеке говорят: «Шта си зино, ко магарац на чкаљеве!» (Шпис-Ђулум 1995: 413, 464). Ср. тж. болг. *магареџији трън*, *камилеџији трън* 'чертополох акантолистный *Carduus acanthoides* L.', *магареџији трън* 'ч. курчавый *C. crispus* L.', *магареџији бодил*, *магареџо тръне* 'ч. *Carduus candicans* W.K.', *магареџији бодил*, *магареџији трън*, *магареџо тръне* 'ч. поникший *C. nutans* L.', *магареџији бодил* 'бодяк *Cirsium afrum* Hoffm.', *камилски трън* 'бenedикт аптечный *Spicus benedictus* L.' (болг. *камила* 'верблюд'), *камилско тръни*, *магареџији бодил/будил*, *магареџији трън*, *магареџо тръне* 'татарник обыкновенный *Oporordon acanthium* L.', *магареџији трън* 'дурнишник колючий *Xanthium spinosum* L.' (Ахтаров 1939: 124, 125, 136, 139, 222, 313).

Основная отличительная черта этих растений — колючки на листьях, стеблях и плодах — отражена уже в их названиях. Как мы уже видели, в южнославянских языках широко представлены фитонимы, включающие в себя слова, подобные болг. *трън*, србх. *трн* 'колючка, шип', например, србх. *beli trn* 'колючник *Carlina*', *trnak*, *trnjak*, *trnovka* 'татарник колючий *Oporordon acanthium* L.' (Šulek 1879: 506, 537). Семантическая модель 'острый, колоть' → 'название растения' реализуется во всех трех группах славянских языков на разном лексическом материале.

Количество фитонимов, образованных с помощью различных суффиксов от глагола *колоть*, весьма внушительно: *колючка* (б.м.), *колюха* (Арх., Олон.) 'чертополох *Carduus Gaertn.*' (Анненков 1876: 84); *колюшки* (Волог.) 'бодяк *Cirsium Tourn.*', *колун* (Костр.), *колючки* (Ворон.) 'бодяк полевой *Cirsium arvense* Scop.', *колка* (Нижег.) 'бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.', *колютик* (Тотьма), *колючка* (Твер.), *колун* (Волог.) 'бодяк обыкновенный *Cirsium lanceolatum* Scop.' (Анненков 1876: 99–100), *колотуха*, *колетуха*, *колетушка* (Олон.), укр. *količka*, *količnik* 'бодяк *Cirsium*' (Меркулова 1967: 95), чеш. *kolka* 'лопушник большой *Lappa major* Gärtn.' (Анненков 1876: 185); *колуха* 'бодяк болотный *Cirsium palustre* Scop.' (Олон.); *колюка* 'крупные полевые растения из родов *Spicus*, *Cirsium*, *Carduus*, *Centaurea*, *Oporordon*, *Xanthium* и др.'; 'колючник *Carli-*

на L.' (Курск.), 'чертополох *Carduus L.*' (Курск.); 'колючник обыкновенный *Carlina vulgaris L.*' (б.м.); 'дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.*' (Дон.) (СРНГ 14: 217) и мн. др.

Та же модель — 'нечто острое; колоть' → 'название растения' — реализуется с помощью других лексем: *серп трава* (Новор. Черном.), *серпий* (Ворон., Саратов) 'бодяк полевой *Cirsium arvense Scop.*', *серпуха* (Нижег.) 'бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum All.*' (Анненков 1876: 100); хорв. *sjekavaц* 'чертополох *Carduus*' (Чайкановић 1985: 299), србх. *sjekavac* 'ч. поникший *Carduus nutans L.*; колючник *Carlina*', *sikavica* 'мордовник *Echinops L.*', *sikavčina* 'синеголовник равнинный *Eryngium campestre L.*' (Šulek 1879: 505, 506, 516), словен. *drač* (от *dъrati) (Меркулова 1967: 99), ср. *драчье* 'бодяк *Cirsium Tourn.*' (Анненков 1876: 99), а тж. србх. *strela* 'дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.*' (Šulek 1879: 563).

Еще одно общеславянское название колючих сорных растений — *бодяк* или *будяк* 'чертополох *Carduus*, бодяк *Cirsium*' (укр. *bodak*, *bod'ak*, *bodlak*, *bud'ak*, србх. *badelj*, *badalj*, *bodljača*, словен. *bodak*, чеш. *bodlak*, словац. *bodliak*, пол. *bodlak*, *bodziak*) — восходит к прасл. *bosti 'бодать, колоть' (Machek 1954: 255; Меркулова 1967: 94–95), ср. тж. *бодявка* 'плод лопуха' (Калуж.) (СРНГ 3: 59), србх. *badelj* 'чертополох поникший *Carduus nutans L.*', *badilj* 'бодяк полевой *Cirsium arvense L.*', *bodič* 'колючник *Carlina*', *bodljača* 'татарник обыкновенный *Onopordon acanthium L.*', *boca*, *crna boca*, *bosak*, *bosika* 'дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.*' (Šulek 1879: 505, 506, 509, 537, 563)⁶³. В болгарских диалектах фитонимы (*магарешки*) *бодил/будил*, *бодило*, *бодиле*, *бодливо тръне*, *казашки бодил*, *мишкини бодили* относятся к видам чертополох акантолистный *Carduus acanthoides L.*, ч. курчавый *C. crispus L.*, чертополох *C. sandicans W.K.*, ч. поникший *C. nutans L.*, бодяк *Cirsium afrum Hoffm.*, бодяк полевой *Cirsium arvense Scop.*, татарник обыкновенный *Onopordon acanthium L.*, дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.* и д. обыкновенный *X. strumarium L.* (Ахтаров 1939: 124–125, 136–137, 222, 313).

Сравнение колючих плодов лопушника *Arctium* и бодяка огородного *Cirsium oleraceum* с ежом стало основанием для чеш. *ježek* (Hladká 2000: 124–125), как и для болг. *трън-таралеж* 'мордовник *Echinops*' (Ахтаров 1939: 32).

В ряде фитонимов эта семантическая связь может быть не очевидна носителям современных славянских языков, но прослеживается

⁶³ При србх. *бости* 'колоть, бодать', *боцати* 'колоть, жалить'.

ся при помощи этимологии. Так, фитоним *осот* имеет общеславянское распространение (укр. *осот*, бел. *осот*, болг. *осът*, србх. *osat*, *ostak*, словен. *ósət*, чеш. *oset*, пол. *oset*), восходит через праслав. *osъtь к индоевропейскому корню **ak-* ‘острый’ и родственен словам *острый*, *ость*, *оселок* (Меркулова 1967: 93; Šulek 1879: 509, 555).

В загадках подчеркнуты те же свойства растения: «Цвіткі ангольскіі, а кіхті диявольськіі» и «Стоить колихаетьця, красною головою величаетьця, лежачи бодаетьця» (Будяк) (Чубинский 1877 (I, 2): 305).

Неудивительно, что такой вредный сорняк считался принадлежащим нечистому. Белорусская легенда говорит, что бог вначале дал черту в пищу овес; однако апостол Павел, решив отобрать его в пользу скотины, напугал черта так, что тот забыл слово *овес*, а взамен подсказал ему слово *осот*. И по сей день черт сеет осот, а овес остался человеку и домашним животным (Чубинский 1872 (I, 1): 81). Негативное отношение, как известно, нередко воплощается в использовании названий, образованных от определенных этнонимов и зоонимов, также имеющих негативные коннотации. Что касается названий для рассматриваемых в очерке растений, они группируются в целый ряд фитонимов, образованных по следующим моделям:

1) ‘этноним’ → ‘название растения’: *татарин*, *татарник* (Волог., Вят.) ‘чертополох *Carduus Gaertn.*’; *мордвинник*, *царь мордвин* (Нижег.), *мордовник* (Арх.), *татарин* (Орл.) ‘чертополох курчавый *Carduus crispus L.*’; *мордвин*, *мордвинник*; *татарин*, *татарник* (б.м.) ‘бодяк *Cirsium Toum*’; *татарки* (Орл.) ‘бодяк польский *Cirsium eriophorum Scop.*’; *татарин*, *татарник* (б.м.) ‘бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum All.*’; *мордовник*, *мордвинник* (Казан., Нижег., Саратов.), *татарка* (Твер., Ржев.), *татарник* (Нижег., Курск.), ‘бодяк обыкновенный *Cirsium lanceolatum Scop.*’; *жидовское кресло* (Волог.), *мордовник* (Тамб.) ‘бодяк болотный *Cirsium palustre (L.) Scop.*’; *бусурманская трава* (Симб.) ‘бодяк съедобный *Cirsium esculentum C.A.M.*’; *армянский бурьян* (б.м.), *польский реней* (Киев.) ‘дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.*’ (Анненков 1876: 84, 99–100, 384); србх. *turka* ‘чертополох *Carduus L.*’ (Šulek 1879: 422); болг. *влашки ябълки* ‘колючник бесстебельный *Carlina acanthifolia All.*’, *турчен* ‘чертополох *Carduus sandicans W.K.*’, *вахлячка* ‘бодяк *Cirsium Toum*’, *казашки бодил*, *казачки*, *московско трънье*, *руски трън*, *черкезко тръне*, *черкезки тръни* ‘дурнишник колючий *Xanthium spinosum L.*’ (Ахтаров 1939: 125, 136, 313, 344, 528, 544);

2) ‘зооним’ → ‘название растения’: *волчец* ‘чертополох *Carduus Gaertn.*’, *волчец* (б.м.) ‘бодяк *Cirsium Tourn.*’, ‘бодяк полевой *Cirsium arvense Scop.*’, *собачий хвост* (Арх.) ‘бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum All.*’, *собаки* (Калуж.), *собачник* (Смол.) ‘лопушник большой *Lappa major Gärtn.*’, *волчец* ‘осот *Sonchus Cass.*’ (б.м.), *собачки* (Калуж.) ‘дурнишник обыкновенный *Xanthium strumarium L.*’ (Анненков 1876: 84, 99–100, 185, 336, 384), *волчок* ‘волчец’ (Лит.) (СРНГ 5: 81), болг. *вълчец* ‘чертополох курчавый *Carduus crispus L.*; бодяк *Cirsium Tourn.*’ (Ахтаров 1939: 136, 348), србх. *вучјак* ‘чертополох *Carduus Gaertn.*’, чеш. *vlky* ‘лопушник *Lappa*’ (Анненков 1876: 84, 185). Ср. т.ж.: «в отличие от репейника в начале лета — лопуха „репейник в конце лета называют собачником“» (Калин.) (СРНГ 17: 144); *собачка* ‘народное название многих растений с плодами, снабженными цепкими щетинками, крючками и т.п., а также название плодов этих растений’ (Том., Урал, Пенз., Орл., Смол., Ворон.) (СРНГ 39: 149).

На ниве такие растения старались извести, в том числе и магическими способами. В Косово вечером накануне Рождества *чкаль* ‘татарник обыкновенный *Oporogdon acanthium*’ разбрасывали по соломе, а потом бросали его в огонь, чтобы в поле он тоже исчез. В Лесковацком Поморавье на пшеничных полях, где росла *паламида* ‘бодяк полевой *Cirsium arvense*’, в первый день Рождества закапывали фасоль от ужина сочельника и при этом говорили: «Когда прорастет эта фасоль, тогда пусть прорастет *паламида*». Если в какое-либо дерево ударяла молния, то от него отрубали щепку и клали в грядиль плуга, чтобы не рос бодяк (Чайкановић 1985: 248, 306).

Плоды колючих растений не только колются, но и прилипают к одежде людей или шкуре животных. И это их свойство также отражено в народной фитонимии. Образования от корня *леп-/лип-* довольно многочисленны и разнообразны: *лепельник*, *лепилки*, *лепильник* (Твер.), *лепушка*, *лепушки*, *лепушник* (Новг.), *липок*, *липучки* (Костр.), *липучка* (Перм.), укр. *луптук*, болг. *лепен* (Даль 2: 248; Меркулова 1967: 95–96; СРНГ 17: 57, 59; Пирински... 1980: 484; Русинова, Богачева 2003: 121), србх. *lepča*, *lepīr* ‘лопушник *Lappa Tourn.*’, *lepušina* ‘лопушник большой *Lappa major Grtn.*’ (Šulek 1879: 528). С точки зрения этимологии, образования от корня **rěp-* ‘хватать, цеплять’ — србх. *ripanj* ‘лопушник *Lappa Tourn.*’, *repuh*, *repušika*, *repušina*, *ripanj*, *ripalj*, *ripnjak* ‘лопушник большой *Lappa major Grtn.*’, *ripilica* ‘осот огородный *Sonchus oleraceus L.*’ (Šulek 1879: 528, 555), *репей*, *репейник*, *репях*, укр. *репик*, *реп’ях*, болг. *репей*,

србх. *penux*, словен. *repjè*, чеш. *řepík*, словац. *repík*, пол. *rzep*, *rzepień*, *rzepik* — отражают то же свойство. Отсюда же словац. *repit' sa*, пол. диал. *wrzepić się* ‘вцепиться, ухватиться’ (Меркулова 1967: 94; Machek 1971: 530).

Свойство таких плодов цепляться к шкуре животных и одежде людей обусловило его использование в симпатической магии — чтобы подействовала какая-либо связь. Так, в Сербии сват, отправляясь в дом к девушке, хватался сначала руками за репейник, «чтобы так же и начатое дело принялось»; сваты бросали репейник на парня, «чтобы девушка к нему прилепилась». Чтобы ребенок любил труд, собирали репы, которые набрались на его одежде и обуви, и оставляли в квашне, чтобы они пролежали ночь с каким-либо материалом для работы (кудель, шерсть для вязания и др.); при этом три раза говорили: «Как репей прилепился к этому, так бы прилепились и руки моего ребенка» (Чајкановић 1985: 247).

Широко распространены для лопушника *Arctium*, чертополоха *Carduus*, бодяка *Cirsium* названия, образованные от корня **lop-* (со значениями ‘быть плоским; ладонь; ступня; лопата; весло’): *лопуха*, *лопушник* (*лапух*, *лапуха*, *лапушник*), укр. *лопух*, бел. *лопух*, болг. *loriŝ*, *loriј*, *loroŝ*, србх. *лапух*, *лопух*, *лопушина*, чеш. *loruch*, *loriп*, словац. *loriŝch*, пол. *larian*, *lorian*, *loruch* (Анненков 1876: 184–185; Меркулова 1967: 34; Даль 2: 238), србх. *lopušina* ‘лопушник большой *Lappa major* Grtn.’ (Šulek 1879: 528). Названия этой группы отражают еще один отличительный признак растений рассматриваемой группы — широкие листья⁶⁴. Видимо, на этом же признаке основана и защитная семантика этих растений. Так, эту траву вместе с полынью клали в день св. Иоанна под стрехи домов в Польше и в России (в России еще и на Зеленые святки) (Morawski 1884: 22). Ср. тж.: «Кто хочет воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить лопушек с собою» (Терещенко 1848 (5): 93). Листья лопуха в детской игре в Воеводине служат защитой от дождя и называются поэтому *амбрели*⁶⁵: «Па да, што је широко лишће, па амбрели» (Шпис-Ћулум 1995: 425, 437).

Шарообразная форма плодов этой группы растений отразилась в соответствующих названиях: србх. *glavoč* ‘мордовник *Echinops* L.’ (Šulek 1879: 516), болг. *главоч*, *главесто тарнье*, *главесто тръне*,

⁶⁴ Вообще словом *лопух* в народе называют множество совершенно не родственных растений с крупными листьями (Меркулова 1967: 33).

⁶⁵ Србх. *амбрел*, *амрел* ‘зонт’.

трънест главоч, миризлив главоч для разных видов чертополоха, *главоч* ‘бодяк *Cirsium afrum* Hoffm.’, *главесто тръне* ‘татарник обыкновенный *Oporodon acanthium* L.’ (Ахтаров 1939: 124, 125, 222), а тж. в болг. *ябълки, трънова гулия* ‘колючник бесстебельный *Carlina acanthifolia* L.’ (при болг. *гулия* ‘земляная груша’) (Там же: 126).

Исследователи уделили большое внимание различным образованиям от корня *дед-*: *дед, дедовник, дедовина, дедки*, укр. *did, d'adok, didovnyk*, бел. *дзед*, србх. *дед, дјед, деде*, словен. *dèd*. М. Фасмер объяснял название *дедок* ‘лопух, репейник’ так: «из-за колючек, которые напоминают небритую бороду старика» (Фасмер 1996 (1): 494). Аналогичная мотивировка воспроизводится информантами и в наши дни; так, лопух паутинистый *Arctium tomentosum* Mill. «дедовником прозвали за то, что он имеет такие больши, темные, зеленые листки, которые кабы сморщены. Поэтому он схож на деда» (Бакч.) (Арьянова 2: 32). Не ограничиваясь простой связью ‘внешний вид’ → ‘название растения’, А.Н. Афанасьев пытался объяснить название *дедовник* как «трава, посвященная Деду-Перуну» (Афанасьев 1994 (2): 415). Г.Н. Потанин полагал, что этот фитоним отражает патриархальную организацию семьи и единоличное управление старика своими уже взрослыми потомками: «Такое деспотическое воспитание оставило по себе память в народном названии растения „дедовник“ *Cirsium*, которое своими колючками кровавит руки жнецов и которое также называется татарником, мордовником и царем» (Потанин 1899: 170–171). Довольно обоснованной представляется точка зрения, которая связывает этот и подобные ему фитонимы с культом умерших предков. Некоторые рефлексy праславянского *dědъ в славянских языках имеют значения ‘предок’, ‘домовой дух’, ‘поминки, поминовение усопших’ (ЭССЯ 4: 227–228; Słownik... 1979 (3): 121–122). По некоторым данным, «лопух или репейник называли *дедом* потому, что существовал обычай ставить символ доброго духа — сноп этого колючего растения у ворот или дверей избы, хлева, чтобы отогнать чужих, враждебных духов, нечистую силу...» (Лукинова 1986: 123).

Были попытки отнести к фитонимам, образованным от терминов родства, србх. *stric, stričnjak* (от србх. *стриц* ‘дядя по отцовской линии’) (Šimundić 1978: 297). Однако существует и другое мнение, согласно которому србх. *стриц* образовалось из прасл. *ostricъ путем отпадения начального гласного (Бјелетић 1996: 94), и, таким образом, эти фитонимы, как и србх. *stričnjak, stričak* ‘бодяк полевой *Cirsium arvense* L.’ (Šulek 1879: 509), следует отнести к модели ‘не-что острое’ → ‘название растения’.

Фитоним *чертополох* (укр. *чортполох*, ст.-пол. *czartopłoch*) отражает те народные представления, которые связаны с обозначенными им растениями. Эта семантическая модель, как и рассмотренные выше, реализуется на различном лексическом материале, например: *чертогон* (Потанин 1899: 191), *чертопугальник* (Анненков 1876: 137). Учитывая, что среди диалектных названий черта (сев.-рус. говоры) встречается слово *ишии*, представляется верным предположение В.А. Меркуловой о том, что сюда же можно отнести фитонимы *ишишобар* (Волог., Вят., Арх., Сиб.), *шашибара* (Перм.) ‘лопушник большой *Lappa major* Gärtn.’; *ишишебарник*, *ишишибара* (Алт.) ‘чертополох поникший *Carduus nutans* L.’ (Анненков 1876: 84, 185; Меркулова 1967: 96–97; Русинова, Богачева 2003: 118).

В соответствии с названием, чертополох использовали для отпугивания черта и другой нечистой силы. Выше уже говорилось, что сноп репейника ставили у избы, чтобы отогнать злых духов. В Воронежской губ. знахарки применяли *чертополох* (называя этим именем синеголовник плоский *Eryngium planum* L.) «от шутов и от нечистого, когда овладеет человеком»; его клали в углы избы или под подушку (Тарачков 1861: 238–239). Это растение называли *чертогонном* в Тобольской губ., а в Казанской губ. им лечили от порчи (Крылов 1882: 69; Словцов 1891: 132). В Спасском у. Казанской губ. чертополоху приписывали способность «выгонять чертей, давать успокоение сильно плачущим о покойниках и предохранять от беспокойства, со стороны их, живущих в доме» (Попов 1996: 382). Г.Н. Потанин сообщал, что *чертогон* крестьяне клали «над дверями, где часто ходят: например, при входе в избы, подобно тому как кладут тут косу или деготь в бутылке или просто мажут двери дегтем — будто это предохраняет от поветрий» (Потанин 1899: 191). Человек может спастись от черта, бросая в него «цепкими шишками этого растения» (Афанасьев 1994 (3): 804). В сказке похищенная чертом женщина прячется от него в чертополох, куда черт не смеет последовать за ней: «... там трава чертополох, я ее боюсь» (Сказки... 1970: 69).

Произнесение заговора «от огненного змея» сопровождалось втыканием «в порог и во все щели избы» *мордвинника* (Майков 1994: 162). Его способность оградить женщину от посещений змея отражает и сказка: к молодой женщине, которая убивалась по мужу-рекруту, стал летать огненный змей. Этот змей посоветовал ей мыть заболевшую корову настоем *дедовника* (*чертополоха*). Он же сказал, что этого растения боится вся нечистая сила. Корову женщина вылечила, но и от змея избавилась, окропив тем же настоем все внутри

избы. Змей навсегда оставил ее. С тех пор пучки *дедовника* держат во всех дворовых постройках (Ляметри 1862: 35).

В Казанской губ. *чертополох* или *чертогон* (колючник обыкновенный *Carlina vulgaris* L.) держали в конюшнях, чтобы не пустить туда домового (Крылов 1882: 69). Если же домового гонял скотину, то хозяин сам гонял домового, связав пук из *чертогона* (*herb. erigeron*), ходил по двору и хлестал по всем местам, приговаривая: «Не озорничай, живи хорошенько, скотинушку-матушку люби» (Нижег.) (Борисовский 1870: 211). В Витебской губ. с помощью *дядовника* боролись с молочными ведьмами, которые «производят чары над коровами и отнимают у них молоко, преимущественно, в Купальскую ночь», вешая его вместе с крапивой над дверями хлева (Никифоровский 1879: 248. № 1965). В Казанской губ. полагали, что чертополох помогает от порчи. Траву клали больному под голову на ночь или же поили его настоем (Крылов 1882: 69).

В современных полевых исследованиях (Шацк. Ряз.) упоминается подвешивание *татарника* над дверями хлева, «што вроди штоб ни портили ни скатину, ничяво». Кроме этой, называются и другие мотивации: «штоб враг ни зашол», «щёб калдунья [молоко] ни бра-ла», «ат калдунов». Со схожей целью — «ата всякыва недруга» — привязывали на дворе и в избе *божью траву* — «травянистое колючее растение с небольшими голубыми цветами-шариками»⁶⁶ (Рязанская... 2001: 187, 213). По рассказам из того же района, когда на человеке катается нечистая сила, надо взяться «за татарин или за лён», и тогда через три года он сможет освободиться (Там же: 212). В Сурском р-не Ульяновской обл. *яблочко дедушки домового* ‘мордовник *Echinops*’ используют при защите от домового, который мучает скотину⁶⁷.

Поверье о свойстве репейника отгонять колдунов сохранилось до наших дней: в д. Телицино Гдовского р-на Псковской обл. был записан обычай класть на Иванов день перед двором («где корова заходит, где что... ну где двор и все») двенадцать стеблей «колкучей травы». Информант не смог вспомнить название, но назвал актуальные признаки — «ну колкучая-то такая... высока такая» и цель — «чтобы колдун не зашел» (ЕУ Гдов-2000). В с. Оброво (Ивац.) от ходячего покойника «чортополох свяцяц на Маковей, на Спленне и затыкаюць у хаты» (Толстая 2001: 174).

⁶⁶ Вероятно, синеголовник плоский *Eryngium planum* L.

⁶⁷ Автор благодарит Е. Сафронова за эту информацию.

В этот же праздник чертополох мог использоваться и с еще одной целью — через него прыгали, как через костер: «На вигоні ямку викопають, будяк постановлять і вкопають його, щоб не впад, та й стрибають через його. Як настрибають ся, понесуть на яр палить купало і там запалять, через огонь стрибають та й до дому разходять ся» (Дикарев 1905: 125). На Иванов день девушки гадали на чертополохе о будущем замужестве. Они вырывали чертополох и прижигали его цветы свечкой; если цветы распускались снова, девушка надеялась выйти замуж в течение года (Там же: 127).

Вернемся к врачеванию болезней. Для народной медицины характерно четкое соответствие лекарственных средств определенным болезням, и даже может сложиться впечатление, что почти любое растение используется от всех болезней подряд. Что касается чертополоха, то среди действительно большого разнообразия можно выделить несколько определенных целей, в которых используют репейник и чертополох. В Белоруссии для излечения «от колотья» в боках и груди нужно было поить больного и обмывать его отваром из девяти колючих растений (Никифоровский 1897: 270. № 2106). На Украине от колик в животе употреблялся *чртополох* ‘синеголовник плоский *Eryngium planum* L.’ (Маркович 1891: 424). На схожее употребление указывает болг. *клинавиче*⁶⁸ ‘бодяк серый *Cirsium sanum* M.B.’ (Ахтаров 1939: 137). В Краковском крае лопух использовали от колик, так как считалось, что в лопухи упала отсеченная голова св. Иоанна (по другому поверью, Богородица использовала это растение, чтобы голова снова приросла) (Morawski 1884: 22). Лопухом лечили колики также в Казанской и Гродненской губерниях (Анненков 1876: 100). В данном случае как бы «клин клином выбивают», пытаются воздействовать на подобное — подобным, и колотье изгоняется колючими растениями. Однако с их помощью считалось возможным вылечить и другие болезни.

Другая цель — лечение от испуга (переполоха) и черной болезни (Тарачков 1861: 238–239; Чубинский 1872 (I, 1): 80; Маркович 1891: 424). Как видно, и здесь название растения перекликается с целью его применения, точнее, с недугом, который оно призвано излечить: *чртополох* — *переполох*. Как именно использовалось растение, указывается не всегда, но особенно многочисленны сведения об окуливании больного чертополохом: «На Украине он еще назы-

---

⁶⁸ Болг. *клин* ‘колики, боли’.

вается *страхолох*⁶⁹, и семенами его подкуривают от испуга» (Франко 1898: 169); «окуривают детей от испуга» (Анненков 1876: 100); при испуге ребенка подкуривали коптящимся чертополохом и у семейских Забайкалья, чтобы выгнать из него злых духов (Болонев 1978: 98). Подобные свидетельства можно записать и сейчас: «рвати, с земли его, коли зацвите, и уже буде мати плоды, тоды зрывать его, и высушивати, и класти, ну... на таку стару сковородку, добро хоть листья, хоть той что где буде цветок, класти на старую сковородку, класти угля, жар... с плиты возьми жару, и там поклади того, и зверху клади ребенка, и укрывай, ну... чем-то-нибудь, чтобы вин курил... пидкуривался» (ЕУ Черновиц-99). Впрочем, «от перепуга» детей могли и купать (Анненков 1876: 99), а во время припадка «падучей немочи» больного просто били чертополохом (Герасимов 1898: 173; Познанский 1995: 143). В Пермской губ. отвар чертополоха употреблялся от нервных заболеваний (Торэн 1996: 225).

Последняя крупная группа болезней, при которых считали полезными рассматриваемые растения, — заболевания волос и кожи. В окрестностях Тарнова отвар корней лопуха использовали «для усиления и буйного роста волос» (Morawski 1884: 22), как и в Воронежской губ. (Тарачков 1861: 238). В Калужской губ. лопушником большим *Lappa major* Gärtn. «моют голову, когда лезут волосы», а в Орловской губ. его использовали «от подволосных шолудей» (Анненков 1876: 185). Отвар листьев и плодов дурнишника обыкновенного *Xanthium strumarium* L. у болгар употребляется для купания маленьких детей при кожных сыпях (Ахтаров 1939: 313). От кожных сыпей, прыщей и лишаяев использовали отвар корня колючника бесстебельного *Carlina acanthifolia* L. (Там же: 126).

Велик и список других заболеваний. Так, в России лопух использовали от цинги и для полоскания горла. Против грыжи делали из отвара сидячие ванны. Листьями лопуха в окрестностях Кракова лечили любые нарывы, ожоги и т.п. (Morawski 1884: 22). Сок листьев лопуха использовали от ран, отвар корня — от чесотки; чертополох — для купания детей «от сухоты», «как потогонное и мочегонное, свежий сок снаружи — при раке»; «от ран — в виде присыпки; от чирьев, от удущья, чахотки» (Орл.), а также как купанье от чесотки (Анненков 1876: 100, 185). В Воронежской губ. отвар лопуха пи-

---

⁶⁹ Ср. тж. болг. *страшник* ‘бодяк полевой *Cirsium arvense* Scop.’ (Ахтаров 1939: 137). Впрочем, сведений о лечении испуга этим растением нет, и фитоним может быть обусловлен просто внешним видом растения.

ли «от ломоты» и «для очищения крови» (Тарачков 1861: 238–239). Плоды репейника, жаренные в масле, в сербской народной медицине служили наружным средством от детской коросты (Чајкановић 1985: 247). В болгарской народной медицине чертополох акантолистный *Carduus acanthoides* L. в виде отвара корней служил от камней в почках и мочевом пузыре, отвар цветов — от кровохарканья и туберкулеза легких; отвар корней колючника бесстебельного *Carlina acanthifolia* L. употреблялся как средство от простуды, воспаления и болей в почках и мочевом пузыре, для очищения крови, а также от геморроя, сифилиса, брюшного тифа, при недостаточной и нерегулярной менструации; от глистов; также применялся при нервном истощении, слабости, припадках и параличах. Бенедикт аптечный *Snicus benedictus* L. служил против заболеваний дыхательных органов, от малярии, катара желудка, запора, желтухи и камней в печени, почках и мочевом пузыре; против гангрены, ран, меланхолии, ипохондрии, истеричных припадков и нервной слабости. Отвар дурнишника колючего *Xanthium spinosum* L. употреблялся от болей в желудке, кишечнике, против кашля. Печеные и молотые плоды чертополоха и дурнишника пили в виде кофе от геморроя; наконец, все четыре вышеперечисленных растения использовались как мочегонное и считались хорошим средством от водянки (Ахтаров 1939: 124, 126, 139, 313).

Выше уже говорилось о том, что фитоним вступает в связи со словами и реалиями, «обрастая» вторичными ассоциациями. Так получилось и с болгарским фитонимом *магарешки тръни* ‘чертополох акантолистный *Carduus acanthoides* L.’ (букв. «ослиные колючки»): его отвар дают детям от коклюша (болг. *магарешка кашлица*, букв. «ослиный кашель») (Софийски... 1993: 192).

В народной ветеринарии чертополох также занимает свою нишу: его «задача» — выгнать червей из загноившихся ран домашних животных. Описаний соответствующего обряда довольно много, и, несмотря на большой географический разброс сведений, структура обрядовых действий и тексты сопутствующих заговоров очень схожи.

Вот запись одного из вариантов ритуальных действий: «Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинника или будак (*Carduus Snicus*), заходит к нему так, чтобы тень на него не падала, говорит „ты трава, богом создана, имя тебе мордвинник, выведи червей из пегой (серой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь отпущу, а не выведешь изжену“ или „тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха) вывалятся“». После этого верхушку растения привязывают к ко-

льшку, который втыкают в землю, или просто подтыкают под соседнюю траву. Это называется «заламывать траву». Если черви пропадают, знахарь отпускает куст (иногда при этом приговаривая: «Ты мне отслужила, я тебе отслужу»); если этого не сделать, в другой раз трава не послушается. Если же средство не помогло — отпускать мордвинник не следует в наказание за непослушание. Однако, если хозяин уже пытался вывести червей дегтем, скипидаром или какими-либо другими домашними средствами, знахарь наотрез отказывался лечить скотину (Даль 1880: 39–40).

Червей из скотины с помощью чертополоха, помимо русских (см. тж.: Терещенко 1848 (5): 93; Борисовский 1870: 202), выгоняли белорусы, чехи и поляки. Считалось, что эти колючие растения должны «выпихнуть» червей (ср. чеш. *pcháč* ‘чертополох’), как боярышник — упырей и ведьм (Sobotka 1879: 316; Романов 1891 (5): 135). В различных описаниях упоминаются и другие детали совершаемого ритуального действия. Так, направление, в котором верхушку растения пригибали к земле, зависело от масти скотины (Майков 1994: 76); камень, которым придавливали верхушку растения, запрещалось брать голыми руками (Sobotka 1879: 316). Однако основные действия («заламывание» чертополоха) и структура текста (обещание отпустить при благополучном окончании лечения, угрозы в его адрес при неблагоприятном исходе, нередко — упоминание масти заболевшего животного) повторяются во всех описаниях. Сохранились они и до наших дней: «Во имя Отца и Сына. Репей, репей, выведи из паху червей. Выведешь — отпущу, не выведешь — засушу. И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь» (Нижегородские заговоры 1997: 22. № 61).

Помимо магических манипуляций с кустом чертополоха и обращения к нему на словах, «для истребления червей в ранах у рогатого скота» употребляли и свежий сок этого растения (Анненков 1876: 84). Червей изгоняют и из хлебов на полях, а также из огородных растений: «На цветущий репей или татарник. Согнуть и согнутую завязать пыреем и так 3 репья согнуть и завязать. С капусты выводить» (Нижегородские заговоры 1997: 21–22. № 60, 61).

В болгарской народной ветеринарии отвар колючника бесстебельного *Carlina acanthifolia* L. используют от болезни *гърлица* у свиней, а также добавляют в корм коням против болезни *бутрак* (чем и обусловлены названия *бутрак*, *бутраче*) (Ахтаров 1939: 126); очевидно, тем же применением объясняются фитонимы *ботурак*, *бутрак* ‘дурнишник колючий *Xanthium spinosum* L.’ (Там же: 313). В

Краковском крае чертополохом окуривали коров после отела (Morawski 1884: 27).

Что касается бытового, повседневного использования колючих растений, оно тоже основано на их способности колоться и цепляться — так, репейником затыкали мышинные норки в хате, чтобы не лазили мыши (ЕУ Черновиц-2000); плоды репейника набивали детям в волосы в качестве наказания за невыполненную работу: «Як дитина забувала файно розчесати коровку і зав'язати їй машку (стрічку) коло хвоста, то мамка їй клала у чуприк (волосся) реп'ячків, би вона тоте скубала, вибирала» (Маковій 1993: 20).

Из цветочных головок (корзинок) колючника бесстебельного *Carlina acanthifolia* L. после удаления покрывающих их листочков болгарские пастухи делали решетки для питья воды, отчего происходят названия *вилино сито*, *решетка*, *голяма решетка* и др. (Ахтаров 1939: 126). В растении *Cnicus benedictus* L. содержится энзим, от которого сворачивается молоко (болг. *се пресича*), отсюда и название *пресечка* (Там же: 139).

* * *

Итак, из рассмотренных материалов явствует, что целая группа колючих сорных растений, несмотря на практическую непригодность для сельского хозяйства, заняла свое место в народной культуре, в основном в области магии, благодаря прежде всего внешним признакам — колючкам на стеблях, листьях и плодах. Как эти внешние признаки, так и представления о волшебных свойствах этих растений отразились в их названиях, образованных с помощью очень небольшого числа семантических моделей, хотя на крайне разнообразном лексическом материале — во всех славянских языках. При этом выражение негативного отношения с помощью фитонимов, образованных от зоонимов, характерно для всех этих ареалов, а образованных от этнонимов — только для восточнославянского и южнославянского.

Несмотря на довольно общие сведения об использовании чертополоха для изгнания нечистой силы, в медицине можно выделить некоторые более специальные цели его применения — изгнание червей из скотины и окуривание детей от испуга и падучей — как и закрепленные за этими целями способы использования растений: пригибание верхушки к земле для изгнания червей и окуривание — от испуга. В некоторых случаях (изгнание червей и избавление от огненного змея) произнесение заговора сопровождается действиями, дублирующими текст.

ЯТРЫШНИК

Ятрышники *Orchis* составляют один из родов семейства орхидных *Orchidaceae*. С точки зрения современной медицины, препараты из ятрышника «обладают обволакивающим, вяжущим, противовоспалительным» действием; они полезны при желудочно-кишечных заболеваниях, а также «при заболеваниях верхних дыхательных путей и воспалительных процессах в полости рта и глотки» (Валягина-Малютина 1996: 71–72). Однако в этих целях народная медицина его использовала нечасто. Так, есть сведения об использовании в Вологодской губ. от поноса ятрышника пятнистого *Orchis maculata* L., но им же пользовались «во время ломотной головной боли» (Иваницкий 1890: 153), в виде отвара корня — «от боли в груди, от женских болезней» (б.м.), а в Вятке — «для лечения грыжи у детей», впрочем, как и корнями других видов *Orchis* (Анненков 1876: 233). Из корней ятрышника-дремлика *Orchis morio* L. получали салеп⁷⁰, употреблявшийся «как питательное вещество и лекарственное при поносах у детей» (Там же: 234). В Полтавской губ. корни ятрышника болотного *Orchis palustris* Jacq. применяли «для пользования больных, одержимых сухоткою и поносом», однако же собирали «во время цветения, именно в то время, когда они лишены совершенно слизи, от которой зависит облекающее и питательное их свойство, следовательно и для употребления негодны» (Августинович 1853: 50–51). Об использовании этой группы растений от желудочно-кишечных заболеваний можно также сделать предположение на основании фитонимов *завязный корень* ‘ятрышник пурпуровый *Orchis incarnata* L.’, *завязной корень* (Яросл.) ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’ (Анненков 1876: 233)⁷¹.

В целом ятрышники использовались, как это нередко бывает в народной медицине, от довольно широкого спектра самых разных заболеваний. Так, в Вятской губ. листья ятрышника широколистного *Orchis latifolia* L. прикладывали к «ногтоедам всех видов» (Анненков

---

⁷⁰ «Салеп — *Orchis* и мука из его клубней. Через нем. *Salep* — то же... из араб. *saḥlab* — то же» (Фасмер 3: 549).

⁷¹ Так, фитоним *завязный корень* относится также к растению горец змеинный *Polygonum bistorta* L. (Моск., Арх.), который широко используется от расстройства желудка (Анненков 1876: 264), к лапчатке прямой *Potentilla tormentilla* Schrenk. (Моск.) (Там же: 271); укр. *завязник* — к лапчатке прямой *Tormentilla erecta* L. (= *Potentilla tormentilla* Schrenk.) (Августинович 1853: 73–74).

1876: 233). На Урале он «используется как снотворное и сердечное средство» (Коновалова 2000: 128) (ср. србх. *dremovac*, *podrimunak* ‘ятрышник *Orchis* L.’ (Šulek 1879: 537)), а на Украине отвар его клубней пили «для подъема опустившейся матки» (Демич 1889: 29). Ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L. употреблялся «от укушения змеею» (Киев.); об этом же применении, вероятно, говорят названия *змиевик* (Вят.) ‘я. широколистный *O. latifolia* L.’; *гажья трава* (Олон.), *змеевик* (Тамб.) ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’; *змеиная трава* (Калуж.) ‘я. дремлик *O. togio* L.’ (Анненков 1876: 233–234). Впрочем, белорусский материал связывает ятрышник со змеей на основании пестрой окраски листьев: «Змяіная трава, змяёўка, растение из семейства ятрышниковых, приметная особенность которого — пятнистые ланцетоподобные листья и клубнеподобные корневища со слабым, как бы пересохшим корнем. Согласно этиологическому рассказу, корень этого растения перекусила змея (гадюка), когда бог сотворил его для лечения гадючьих укусов⁷². Пестрые листья, похожие на окраску гадюки, как бы напоминают людям о природной связи обоих»⁷³ (Мядз.) (БМ 2004: 190).

Те виды, корни которых формой напоминают зубы, считались действенными при зубной боли, причем корень достаточно было носить в кармане (полес.) (СД 2: 357, 596). О прочих медицинских применениях можно выдвигать предположения на основании фитонимов *ускопная трава* (Нижег.)⁷⁴ ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’; *комонишник*⁷⁵ (Могил.), *лихорадочная трава* (Вят.), *сер-*

---

⁷² Ср. *змеиный укус* (Вят.), *змеиный кус* (Перм.) ‘вероника широколистная *Veronica latifolia* L.’ — по короткому, как бы откушенному стеблю (Анненков 1876: 377, Демич 1899: 1169).

⁷³ О языковой связи змеи и пестроты в балто-славянской модели мира см.: (Невская 1986: 152).

⁷⁴ Ср.: «Ускопить — то же, что оскопить. Вероятно, тоже по употреблению для заживления ран. В Нижег. губ. ускопом называется всякая внутренняя болезнь, происходящая от ушиба» (Анненков 1876: 242). Ср. тж.: «Ускоп, немощ мужа, неспособность от напуска, порчи знахаря» (Даль 4: 511).

⁷⁵ Ср.: «Слово *комоница* [в разных говорах — красная смородина, ежевика, поленика, морошка] производное от *комонь* ‘конь’ и значит собственно ‘конская ягода» (Меркулова 1967: 220). Однако единственный контекст, где ятрышник упомянут в связи с лошадей, таков: «Ятрышник. Кукушкины слезы. По народному преданию, ятрышнику приписывают свойство делать бег лошади быстрым и неутомимым; для

дечник (Гродн.) ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’ (Анненков 1876: 233–234). Однако в этнографических описаниях медицинское использование ятрышника занимает далеко не ведущее место. Гораздо чаще он упоминается в связи с магией — причем, как правило, магией любовной — а также регуляцией деторождения. Почему же ятрышники оказались по большей части связаны именно с этой сферой традиционной культуры?

Обратим внимание в первую очередь на фитонимы, которые оставались пока нерассмотренными. В отличие от тех, что уже были упомянуты, они группируются в несколько крупных блоков, однотипных по мотивации именования, которая повторяется в разных говорах и языках на разном лексическом материале. У разных видов ятрышников большое число названий являются общими.

К первому блоку относятся фитонимы, так или иначе связанные с рукой. В него входят: *пятипалечник*, *соломоницина ручка*⁷⁶ (Приарг.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’; *пятипалечная трава* (Ворон.), *пятипалешник* (Арг.), *соломоницина ручка* (Приарг. край), *чертова ручка* (Могил.), пол. *dłoń chrystusowa* ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’; *божья ручка* (Могил.) ‘я. мужской *O. mascula* L.’ (Анненков 1876: 233–234), србх. *krstoruka*, *krstova ruka*, *isusova ruka* ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’ (Šulek 1879: 537), бел. *далонка*, болг. *ръчица* ‘ятрышник’ (СД 2: 596). Очевидно, что подобные названия мотивированы формой корней: у ятрышника широколистного «клубни сплюснутые, лапчатораздельные», у ятрышника пятнистого — «пальчатораздельные» (Носаль, Носаль 1960: 82) и действительно напоминают

этого к овсу нужно примешать горсть ятрышника, изрезанного в мелкие кусочки и перед тем временем, как ей нужно бежать, смазать брюхо и ноги оленьим жиром, а на шею привесить два волчьих зуба» (Забылин 1996: 430). Возможно, впрочем, что это поверье объясняется общеукрепляющими свойствами ятрышника. С другой стороны, для слова *комолица* отмечено значение ‘бесплодная женщина’ (б.м.) (СРНГ 14: 236).

⁷⁶ Этот фитоним заставляет предположить, что растение могли применять при тяжелых родах, хотя прямых указаний на это нет. Однако и без имени Соломоницы семантика руки как предмета, способного открываться, важна в ситуации родов; в частности, в Охриде иерихонская роза *Anastatica hierochuntica* L. называлась *рака од Пречиста*. Этиологическая легенда связывает ее появление с отпечатком руки девы Марии на земле, а настоем этого растения пили для облегчения родов (Борђевић 1958: 126).

по форме руку (у ятрышника мужского клубни шаровидной формы, однако есть основания полагать, что фитоним этот был отнесен к данному виду по сходству с другими, а возможно, и ошибочно — он единичен и, вероятно, является переводным (Анненков 1876: 233)).

Неудивительно, что форма корней, напоминающая человеческую ладонь⁷⁷, не только послужила образованию определенных фитонимов, но и способствовала приписыванию магических свойств растению в целом.

Употребление корней ятрышника было связано с регуляцией деторождения, а также с любовной магией: «Летние (двойные, лапчатые) корни ятрышника (*Orchis maculata*. Fam. Orchideae) кладут на сковородку и ставят в печь. „Один-то корешок словно прилипнет к сковороде, вот его и даем бабам, чтобы ребят не носили, а другой корешок нагреется и начнет двигаться словно живой, этот даем, чтобы дети были“» (Томский край) (Приходько 1927: 114). Клубни этого же вида ятрышника (а также *гульной травы* ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* Rich.’) женщины ели, «чтобы ребята не родились», «чтобы ребят не носить» (Уткин 1928: 95), ср. тж.: *трава от ребят* ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’ (Енис.) — «пьют навар корня, чтобы не было детей» (Красноженова 1911: 85). Белорусы также использовали ятрышник как средство, предохраняющее от беременности (СД 2: 596).

Форма корня вызвала к жизни этиологические тексты, объясняющие происхождение необычного растения, а название включало его в такие формы магии, где была задействована и настоящая человеческая рука: в Белоруссии с целью приворожить любимого рекомендовали «мыть себе руки вином, налитым на корень ятрышника шлемоносного (*Orchis militaris* L.), “*Ziaziulka* или *Dałonka*” (ладонь) Богоматери, имеющий форму руки; вследствие этого подавание руки данной особе будит в ней любовное чувство» (Węreńko 1896: 116). В Богемии «пальчатые клубни некоторых орхидей известны, как „рука смерти“ или „рука мертвой девственницы“, в фольклоре — это символ руки девственницы, которая отчаянно плакала у могилы погибшего брата и которую бог превратил в растение» (Berliocchi 2000: 18).

---

⁷⁷ Такая своеобразная форма могла вызвать и другие ассоциации: *вымечко* (Арх.) ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’ (Анненков 1876: 233), србх. *vimenjak*, чеш. *vemenik*, *vemennik*, *výmenik*, *wémennik*, *wimennik* ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* L.’ (Анненков 1876: 260; Machek 1954: 297).

С устной традицией соотносятся сведения из травников⁷⁸ — согласно им, корни этих растений употребляются в сходных целях, и форма их играет решающую роль. В одном из текстов требуется не просто наличие клубневых отростков — они должны переплетаться друг с другом, уподобляясь любящим супругам: «А естли жена мужа не любит, истолки белаго корешка и дай в питье или в еже съесть, то любить будет. А естли муж жены не любит, даи черного корешка съесть, то друг друга любить будут. Да смотри, таких давай, чтобы малыя корешки сплелись вместе» (текст о траве *кокуй*; РНБ. F.VI.16, л. 9 об., № 84; цит. по: Ипполитова 2004: 223). Белый и черный корешки, упомянутые в травнике — это клубень текущего года, более светлый и крепкий, и прошлогодний, перезимовавший, темный и увядший. Еще в одном тексте о растении *кокуй* они противопоставляются и по цвету, и по плотности: «...корешков два, въподобие ручек с пальцами, один бел ядерной, а другой вял черен. Пригодна у кого не стоит мехирь, дай белаго ядернаго корешка съесть, то будет стоять, а естли вялаго дашь, то стоять не будет» (РНБ. F.VI.16, л. 9 об., № 84; цит. по: Ипполитова 2004: 227). Еще в двух текстах форма корней не указывается, и осмысляется только разница в цвете между молодым и прошлогодним клубнями: «Трава копус растет по березникам синя и пестра, листочки, что язычки, а корень ея надвое: един мужичок, а другои женочка. Когда муж не любит жены, дай ему женочку, съест, будет любить. А ежели жена не любит мужа, дай ей мужичка, будет любить. А корень мужичков бел, женскои черн» (БАН. 33.14.11, л. 44 об., № 103); «а корень на двое, один мужичек, а другая женочка, мужичек беленок, а женочка смугла... Когда муж жены не любит, дай ему женскои испить в вине, и с той травы станет любить ея зело; или жена мужа не любит, дай мужеской грысть — станет любить» (Губерти 1859: 81; цит. по: Ипполитова 2004: 168, 169, 386). Дополним подборку цитатой из травника из Владимирской губ. (Шуйский у., с. Иваново) о траве *какуй* — «растет по перелескам, синя, а иная пестра, листики пестреньки, что языки. На них с верхней стороны крапины. Багровый корень разделить надвое, дать мужу и жене: будут друг друга любить» (Быт 1993: 282).

---

⁷⁸ По мнению Н.И. Анненкова, к ятрышникам и, шире, орхидным («преимущественно родам *Orchis*, *Platanthera*») относятся такие названия из травников, как *кисарь*, *кокуй*, *кокус*, *куколь*, *кукоос(ь)*, а также *изглас*, *имтелас*, *лас(ь)*, *лосис(ь)*, *лось* (Анненков 1876: 161, 232, 233).

Очевидно, также к одному из орхидных относится «спис[анный] с травеник[а] без всякой перемены» в Архангельской губ. отрывок о траве *кукуша*, у которой «корень на двое: один муж, а другой жена. Когда муж жену не любит, дай пить жёночке, а жена мужа не любит, дай пить мужичку, станет любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичек (корень) бел» (Харитонов 1848: 15).

К ятрышникам очень близки — и по внешнему виду, и по роли в народной культуре — другие растения семейства орхидных. Совпадают и многие названия: *пальчики*, *пятилапник*, *пять пальцев*, *ладошка* (Урал) ‘пальчатокоренник балтийский *Dactylorhiza baltica*’ (Коновалова 2000: 118, 151); *ручка* (Арх.), *ручники* (Гродн.) ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’; *ручки* ‘офрис человеконосный *Ophrys anthropophora* L.; сатириум *Satyrium* L.’ (Анненков 1876: 161, 232, 316).

У различных экземпляров кокушника комариного *Gymnadenia conopsea* R.Br. подмечали различия в расположении клубней. В Казанской губ. он носил названия *люб-травя*, *любовны ручки*. Для приворота использовались такие экземпляры, «у которых ручки (клубни, которых два) обращены друг к другу. Если же ручки смотрят врозь, то растению приписывают противоположное свойство — отворачивать. Означенным растением поят также неродих (безплодных женщин) для плодности» (Крылов 1882: 35–36).

В Сибири это же растение было известно под именем *чертова ручка*, *пятилапка*, *ладошка*. С его помощью «девки корнем (клубнем) ребят заедают. Если у травы только одна лапка, и ее съесть, то детей не будет; если у травы две ладошки, то съешь их и принесешь двойни». Корню приписывались антропоморфные черты, и в данном случае одна *лапка* «равнялась» одному ребенку. Но с ребенком могли соотноситься и отдельные части корня: «Существует поверие, что женщине съесть один палец клубня достаточно, чтобы год не принести дитяти, а если она съест два пальца, то не принесет (не родит) и другой год» (Уткин 1928: 94).

Второй блок, выделенный нами, включает фитонимы с корнем *люб-*, а также различные лексемы, имеющие отношение к мужским гениталиям; первые относятся к разным видам ятрышников, вторые — лишь к тем, что имеют шаровидные и овальные клубни. Сюда входят: *любимка*, *любка* (Урал.) (Коновалова 2000: 128), *любжа* (Малор.) ‘ятрышник пурпуровый *Orchis incarnata* L.’; *любжа* (Малор.), *любка* (Малор.), *любковая зелень* (Полт.) ‘я. широколистный *O. latifolia* L.’; *любим корень* (Твер.), *невстаниха* (Нижег.) ‘я. пятни-

стый *O. maculata* L.>; *поповы яица* (Подол.), *яички, ядрышки* ‘я. мужской *O. mascula* L.’; *любка, любки* (Малор.), пол. *lisje jajka* ‘я. шлемоносный *O. militaris* L.’; *встаниха, любка, люби мене не покинь* (Малор.), *ядро-корень, ятрышник малый*, чеш. *wstawać, mudatka* ‘я. дремлик *O. morio* L.’; *любка* (Малор.) ‘я. обожженный *O. ustulata* L.’ (Анненков 1876: 233–234), србх. *pasja jaja, muda, mudan, mudavac, mošnica* ‘ятрышник *Orchis* L.’, *pasja muda, pasja mudanca, pasja jaja* ‘я. дремлик *Orchis morio* L.’ (Šulek 1879: 537).

Здесь, к сожалению, приходится констатировать, что многие народные названия растений до нас не дошли не только в силу плохой организации и слабой активности по их фиксации, но и из цензурных соображений. Одни собиратели обходились начальной буквой и многоточием, другие и вовсе отказывались печатать наиболее выразительные фитонимы: «Некоторые народные названия ятрышника, связанные с формой корневых клубней этих растений, не подлежат публикации. Само название „Orchis“ — от греческого „мошонка, ядро“ по форме клубней — соответствует некоторым нашим народным названиям⁷⁹. В некоторых местностях Белоруссии к этим названиям прибавляется еще слово „поповы“ (от слова поп), а на Украине — „татарские“ (Носаль, Носаль 1960: 82, прим. 1), или: «[На Ивана Купала] в большом употреблении... специальный корень, носящий несколько рискованное название и предназначенный для снятия „порчи“ с молодых» (Максимов 1995: 625). Другая проблема — неразличение видов внутри рода, а иногда фиксация только родового названия.

В соответствии с названиями, те растения, корни которых напминают по форме гениталии, применялись в продуцирующей магии. Так, корень растения *кукушкины дáры* ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’ употреблялся как «кантаридное средство»⁸⁰; свой-

⁷⁹ Некоторые авторы строят ту же этимологию и на материале русского языка: «Ятро — черево, нутро, шулята, ядра, яица — по форме корневых шишек» (Анненков 1876: 232). Ср.: «Согласно Соболевскому... корень этого растения использовали как приворотное зелье, поэтому он толкует это название как „цветок ятрови“ и производит от *jętry... Иначе объясняет это слово Ильинский... который связывает его с диал. *ятро* „яйцо“, ссылаясь на *ядришник* (Даль), которое связано с *ядро*» (Фасмер 4: 569).

⁸⁰ Термин «кантаридный» происходит от названия способствующего эрекции вещества — кантаридина, вырабатываемого жуками, известными как шпанские мухи, которых также применяли в качестве стимуляторов половой активности (Головкин 1998: 23).

ство это вероятно приписывается растению по сходству его клубней с testicul'ями» (Потанин 1899: 233)⁸¹, ср.: «преимущественно употреблялось знахарями, как кантаридное средство, при случае называемом крестьянами „порча свадьбы“». Корень ятрышника пятнистого *Orchis maculata* L. ворожеи давали крестьянкам носить с собой, «дабы другие любили, и особенно замужним женщинам при несогласии с мужьями» (Твер.) (Анненков 1876: 233; СРНГ 14: 107).

На Украине широко использовалось растение *любка*: «Некоторые особенности в устройстве корня этого растения дали повод употреблять его, как средство заставить полюбить друг друга. Корень бывает двоякий: оканчивающийся отростками на подобие пальцев (мужской пол) и просто в виде сердца, без отростков (женский)⁸². Нужно накопать таких корней, высушить, настоять на водке и дать выпить „парубкови й дивчыни“ поровну, приговаривая: „Любылыся в лисных лугах ціи цвиточки, и вы, диточки, в своих хатах любитися, як ціи цвиточки в лугах“» (Хатемкин 1900: 8–9). На Волыни корни этого растения (*любки, зозулинець*) использовались как «средство против полового бессилия и как возбуждающее половое желание». Молодежь пользовалась ими как приворотным средством (Носаль, Носаль 1960: 84).

В чешской традиции для ятрышника известно было название *vstavač*, возникшее из-за когда-то весьма распространенной веры в то, что сок из клубней поддерживает мужскую силу. Основой этого мнения является «*signatura rerum*: большинство орхидных имеет два подземных клубня, напоминающих яички, и, следовательно, сама природа, как верили, этим их сходством обозначила, к чему это растение может служить»; кроме того, сок клубней «возбуждает жар распутства», а корни всех ятрышников рекомендовалось пить «немогущим» (т.е. страдающим импотенцией) мужчинам «в добром вине или мальвазии». Однако В. Махек высказывает опасение, что название *vstavač* было «лишь искусственным творением собирателей лекарственных растений, по крайней мере, как народное название нигде, думаю, не встречается»; другое ст.-чеш. название — *mud'átka* — он склонен считать народным⁸³ (Machek 1954: 299).

---

⁸¹ Здесь имеет место вышеупомянутое неразличение — у этого вида клубни пальчатораздельные.

⁸² Вероятно, здесь речь идет о разных видах ятрышников.

⁸³ В этноботанике вообще и в фитонимике в частности остро стоит проблема разграничения устной и письменной традиции. Как недавно

Такой же символикой нагружаются и другие растения из семейства орхидных: *нудушки* (Нерч.) ‘венерин башмачок настоящий *Surgipedium calceolus* L.’; *старчик* (Гродн. с пол. *storczyk*⁸⁴), *ядрушки* (Могил.) ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’; *лисьи яйца трава* (б.м.) ‘офрис человеконосный *Ophrys anthropophora* L.’; *любовный корень* (Казан.), *любка* (Малор.), *любжа* (Смол.), *сторчец смольный* (Киев.), *статушки* (Вят.), *ядрушки*, *яички* ‘ятрышник *Orchis*’, *любен трава*, *люб трава* (Кунг.) ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* Rich.’ (Анненков 1876: 120, 161, 232, 260, 407); *любка*, *любное зелье* (Коновалова 2000: 129), бел. *чараўнік*, *прычар* (Ганчарык 1927: 21), бел. *прычарнік*, *чараўнік* (БМ 2004: 198, 396, 549) ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* Rich.’; *лисьи яйца*, *яйца княжия трава*, м.о, *ребячы м.ушки* ‘сатириум *Satyrium* L.’ (Анненков 1876: 316), чеш. *liščí varle* (букв. «лисьи яйца»), *mud’átka* ‘ятрышник *Orchis*’ (Machek 1954: 299).

Кокушник комариный в Орловской губ. употреблялся «вместо любовного напитка». Отвар корня любки двулистной в Казанской губ. пили «по рюмке в день, вместо любовного напитка», а также давали отвар «детям от грыжи (когда увеличивается мошонка)» (Анненков 1876: 161, 260, 407).

Свойства привороты приписываются на Урале любке двулистной: «Какі девки хочут взамуж выйти, дак на гулянку себя любкой украшают, приманивают парней»; «Любовно зелье любовь привлекает, крадче надо дать выпить, штоб не знал, чё дают»; «есь така трава, она делат заман на любовь, зовут любовно зелье, како — сама не знаю, слыхала только, что есь» (Коновалова 2000: 129).

Ботанической экспедицией 2005 г. в Вологодскую обл. был записан следующий текст о растении тайник овальный *Listera ovata* R.Br.:

показала А.Б. Ипполитова, нередко сведения из травников выдавались (намеренно или случайно) за устное поверье. Как следствие, поверья, характерные прежде всего для рукописных травников, до сих пор «прочитываются» рядом исследователей как факты устной традиции, а фитонимы, характерные для травников, включаются в диалектные словари (т.к. почерпнуты из публикаций, относящих поверья о соответствующих растениях к устной традиции) (Ипполитова 2008: 34–37).

⁸⁴ Пол. *storczyk* ‘ятрышник’ трактуется как мужской символ (его название происходит от *sterczeć* ‘торчать’ (С. Небжеговска-Бартминьска, письменное сообщение).

Белохая накопаю,
 Белохаем вымоюсь,
 Буду белая, красивая,
 Ребятам полюблюсь.

(Кирилловский р-н, д. Коварзино)

Для растений семейства орхидных в Вологодской обл. были зафиксированы также следующие названия: *ебун-корень*, *травка-херо-ставка*, [*по*]хочун-травя (Чхобадзе 2005).

В «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова нет вологодских диалектных фитонимов для тайника овального, однако при этой статье есть следующая цитата: «Все ятрышниковые растения в народной медицине и знахарстве играют весьма важную роль. Особенное внимание простолюдина останавливается на двух корневых клубнях этих растений, сравниваемых им с *testiculi* и употребляемых поэтому для возбуждения любви, привораживания и т.д. *Listera ovata* R. Вр. употр. для лечения детей от грыжи, и в виде купанья от разных „выпадок“, т.е. сыпей» (Анненков 1876: 196).

В третий, самый крупный, блок вошли фитонимы, связанные с кукушкой: *кукушка* (Смол.), *кукушечьи слезы* (Перм.) ‘ятрышник пурпуровый *Orchis incarnata* L.’; *зозулины рушнички* (Волын.), *кукушки* (Малор., Могил., Смол.), *кукушники* (Симб.), *кокошники*, *кукушкины дары* (Волог.), *кукушкины слезки* (Сиб.), *кукавки* (Вил.), *кукулка* (Могил.), *зузуль* (Херс.) ‘я. широколистный *O. latifolia* L.’; *язюля* (Арх.), *язюлька* (Могил.), *зезюлин подарок* (Гродн.), *кукушкины слезы* или *слезки* (в бол. ч. Росс.), *кукушка* (Смол.), *кукушечьи слезы* (Перм.), пол. *zieżulka*, луж. *kokulinda* (Анненков 1876: 233, 406), *кукушкины слезки*, *кукушьи слезки* (Урал) (Коновалова 2000: 115), бел. *язюліны сьлёзы* (Могил.) (Ганчарык 1927: 21) ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’; *кукушка* (Смол.), *кукушница*, *кукушкины слезки* (Анненков 1876: 233), бел. *язюлька* (Минск.) (Ганчарык 1927: 21) ‘я. мужской *O. mascula* L.’; бел. *язюлька* (Минск.), *язюлка* (Могил.) (Ганчарык 1927: 21), укр. *зозульки*, *зозулины слёзки*, пол. *kukawka*, *kukaweczka* (Анненков 1876: 233–234), бел. *ziaziulka* (Wereńko 1896: 116) ‘я. шлемоносный *O. militaris* L.’; *зезюльки* (Малор.), *зезюлины слезы* (Екат.), *кукушница женская*, русин. *ззулька*, *ззулячі чобітки*, чеш. *žezhulka* (Анненков 1876: 234, 406), бел. *язюлькі* (Ганчарык 1927: 21) ‘я. дремлик *O. morio* L.’, чеш. *žezhulka*, *zeczulka*, *kukačka*, *kukučka* ‘ятрышник *Orchis*’ (Machek 1954: 299), србх. *kukavica* ‘ятрышник *Orchis* L.’, *kukavični vez* ‘я. пятнистый *Orchis maculata* L.’, *kukovec*, *kukovca*, *kukovica* ‘я. дремлик *O. morio* L.’ (Šulek 1879: 537).

Как отмечала С.Ю. Дубровина, «большинство названий растений орнитологической лексико-семантической подгруппы „кукушка“ принадлежит травам семейства орхидных или близких орхидным семейств, например, семейству касатиковых. <...> Внешние особенности растений, время цветения, употребление мифологизированы и ставятся в зависимость от оперения и условий жизни птицы. Самым распространенным и мифологически значимым является термин „кукушкины слезки“»⁸⁵ (Дубровина 1991: 16–17). На мотивацию названия временем цветения растения в то время, когда весной кукует кукушка, а также символическим отношением кукушки к любви (в песнях) и к плодородию указывал и В. Махек (Machek 1954: 299). «Кукушкиных» имен действительно очень много и среди прочих орхидных: *зозилькины башмачки* (б.м.), *кокушкины башмачки* (Приарг.), *зязюльки* (Белор.), *зязюльки жовтыі, жовти зозульки* (Малор.), *кукушкины ножки* (Нерч.), *кукушкины сапожки, зозулины черевички* (Малор.) ‘венерин башмачок настоящий *Cypripedium calceolus* L.’; *рябья зозульки, ряби зозюльки* (Малор.) ‘венерин башмачок пятнистый *Cypripedium guttatum* Swartz.’; *красни зязюльки* (Малор.) ‘венерин башмачок крупноцветковый *Cypripedium macranthum* Swartz.’; *серенькая зязюля* (Черн.), *зозульки, зозулены слезки* (Укр.), *кокушка* (Орл.), *кокушник* (б.м.), *старчик* (Гродн., с пол. *storczyk*), ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’; *зозулины слезки, зозулины слёзи* (Малор.), *зозулины ручнички, зозулины рушнички* (б.м.) ‘тайник овальный *Listera ovata* R. Br.’ (Анненков 1876: 120, 161, 196); *кукушкины слезки* (Моск. и др.), *кокушник* (б.м.), *кукушница двулистная* (б.м.) (Анненков 1876: 260), бел. *зязюліны слёзі* ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* L.’ (БМ 2004: 396), *кокушник, кукушник, кукушкины слезки* (б.м.) ‘сатириум *Satyrium* L.’ (Анненков 1876: 316).

Листья некоторых видов (ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L., я. мужской *O. mascula* L., я. широколистный *O. latifolia* L.) покрыты темными крапинками. Они, очевидно, и вызвали к жизни группу приведенных выше названий (ср. уже упомянутую связь пестрых листьев ятрышника и пестрой окраски гадюки). С одной стороны, основную роль признака пестроты как основания для сравнения с кукушкой подтверждают следующие факты:

⁸⁵ Можно выдвинуть предположение, что через ассоциацию со слезами к ятрышнику *Orchis* L. стало относиться и србх. *јовов cviet* (Šulek 1879: 537) (букв. «цветок Иова»).

1) у некоторых видов — ятрышник мужской *Orchis mascula* L., я. шлемоносный *O. militaris* L., я. дремлик *O. morio* L. — отмечена пестрая окраска цветков (точнее, нижнего лепестка-губы)⁸⁶;

2) в Мезенском р-не Архангельской обл. было отмечено сочетание *кокушкины (кукушкины) слёзы* (с параллельным названием *марьины слёзы*) в значении ‘красные пятнышки на листьях березы’⁸⁷, напр.: «Кокушкины слезы на березе, с кокушкиныма слезама веников не ломай, таки красны, как брызги набрызганы», или: «Веники режем на Ивандень: смотри, чтобы не было марьиных слез, а кто кокушкиныма слезама назовет» (Березович 1997); в Каргопольском р-не Архангельской обл. зафиксированы сочетания *кукушкины* или *кошачьи слёзы* с тем же значением (Мороз 1997: 33);

3) под названием *кукушечьи слёзки* могут фигурировать не только растения. Так, для этого словосочетания отмечены значения ‘куколки бабочки пяденицы зимней’ и ‘яйца бабочки шелкопряда кольчатого’ (Ворон.) (СРНГ 16: 47); ср. тж.: «На Руси верят, что когда эта птица кукует, то из глаз ея капают на древесную ветку слезы; за эти слезы принимают яички насекомых, облипающие древесную ветку и называемые у немцев *kukuks-speichel*, у сербов кукавичја суза, у нас кокушкины слезки» (Афанасьев 1994 (3): 226).

С другой — фитоним *кукушкины слезки* в говорах относится к довольно большой группе растений, для которых признак пестроты не актуален. Так, близкая к третьей группе мотивация может быть усмотрена для растения трясунок средняя *Briza media* L. — *кокушкины слезки* (Могил.) (Анненков 1876: 70), *кукушкины слезки* (а также *Боговы, Богушкины* или *Божьи слёзы, Богородицины слёзы, кошачьи слёзы*) (Каргоп. Арх.) (Мороз 1997: 33), *кукушкины слезки* (Гатч.) (ПМА) — соцветие выглядит как множество плоских темных капелек на тонких стебельках, отходящих от основного стебля. К трясунке по внешнему виду близка ожика равнинная *Luzula campestris* Cand. — *кукушкины слёзки* (б.м.) (Анненков 1876: 200). Также в более или менее плотные соцветия собраны каплевидные цветки купе-

---

⁸⁶ С. Сухотин, комментируя замечание информантки о том, что ветки, срезаемые для обряда, должны быть «беспременно черемуховые», считает интересным «обратить внимание на то, что кора молодой черемухи крапчатая» (Сухотин 1912: 98).

⁸⁷ Вероятно, сюда же относится и название *кукушкины слезки* (Ряз., Зарайск.) ‘*Aecidium Asperifolii* Pers.’ (Анненков 1876: 11) — грибок из рода ржавченников (Uredineae), поселяющийся на листьях дерева.

ны многоцветковой *Convallaria multiflora* L. (= *Polygonatum multiflorum*) — *кукушечьи слёзы* (Нижег.), гадючьего лука кистевидного *Muscari racemosum* Willd. — *кукушкины слёзки* (б.м.) (Там же: 106, 219–220) и ландыша майского *Convallaria majalis* L. — *кукушкины слёзки* (Куйбыш.) (СРНГ 16: 49).

Однако цветы льнянки обыкновенной *Linaria vulgaris* Mill. — *кукушкины слезы* (Влад.) (Анненков 1876: 194) ничем не напоминают слезы. Цветки горлицы кукушкин цвет *Lychnis flos cuculi* L. — *кукушкины слезки* (б.м.) (Там же: 200) — выглядят как розовые звездочки и могут напоминать капли разве что в бутонах. Еще менее схож со слезами клевер средний *Trifolium medium* L. — *кукушьи слезки* (Сарат.) (Там же: 359). Наконец, ирисы обладают крупными и часто единичными цветами, тем не менее также имеют аналогичные фитонимы: ирис *Iris* L. — *кукушкины слезки* (Краснояр.) (СРНГ 16: 49); ирис сибирский *Iris sibirica* L. — *кукушьи слезы* (на Иртыше между Омском и Семипалатинском) (Анненков 1876: 178) и касатик русский *Iris ruthenica* L. — *кукушкины слезки* (Иркут., Алт.) (СРНГ 16: 49). Можно лишь предположить, что для льнянки обыкновенной анализируемый фитоним обусловлен оранжевым пятнышком на нижнем лепестке-губе желтых цветов, собранных в кисть, что может создавать общее впечатление пестроты, а для ириса сибирского — белым пятном на нижнем лепестке. Затруднено выяснение мотивировки фитонима *кукушкины слезки* для паслена сладко-горького *Solanum dulcamara* L. (Дон.) и фиалки (Амур.), *кукушкины слезы* — для лапчатки гусяной *Potentilla anserina* L. (В.-Кет.) (СРНГ 16: 48–49). Наконец, особняком по внешнему виду стоит вороний глаз четырехлиственный *Paris quadrifolia* L. — *кукушкины слезы* (Олон.) (Анненков 1876: 241). Вероятно, в этом случае слезу должна означать одиночная ягодка на фоне листовой розетки.

Мотив девушки или женщины, обращенной за какие-либо грехи в кукушку, характерен для всей славянской территории. В применении к интересующим нас растениям он реализуется в этиологических рассказах, например: «У белорусов сохраняется предание, что некогда праздновалась свадьба, и вдруг неожиданно-негаданно среди шумного веселья, жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков, женщины — в сорок, а невеста — в кукушку; с той самой поры эта горемычная кукушка носится следом за своим суженым и роняет несчетные слезы; там, где она пролетает, текут ручьи и растет трава, известная под названием „кукушечьих слез“» (Афанасьев 1994 (3): 551), ср. еще один белорусский контекст:

«пышныя і прыгожыя кветкі [любка двулистная *Platanthera bifolia* L.]... паходзяць ад слёз *зяюлі*, у якую ператварылася багатая сквапная сястра, якая аплаквала ў скрусе свайго беднага брата Максіма, які памёр ад холаду і крыўды з-за яе сквапнасці» (БМ 2004: 198). Схожий мотив встретился и в современных записях: «точки крапчатые на листочках есь, вот на слезки и находит на кукушьи, плачет теперя, што детей бросила, это така сказка есь» [ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.] (Коновалова 2000: 115).

О применении ятрышника в любовной магии многое уже было сказано выше; добавим лишь, что в Ярославской губ., чтобы узнать пол будущего ребенка, выдергивали растение *кукушкины слёзы* с корнем: «если на корне ее два отростеля, то женщина родит девочку; а если три, то мальчика» (Архангельский 1853: 59), а в восточной Польше мужчины использовали растение *kukawka* (ятрышник) от бесплодия (Niebrzegowska 2000: 148). Однако мотив плачущей кукушки обусловил и другое применение: «В разных местах растение используется в качестве противовоспалительного средства при лечении глазных заболеваний. Настоем протирают глаза, приговаривая: „Кукушкины слезки, кукушкины слезки, сделайте, чтоб у рабы божьей (имярек) не болели глазки“ и т.п.» (Урал) (Коновалова 2000: 116). Видимо, о том же применении свидетельствуют и фитонимы *плакун трава* (Калуж.) ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’, *плакун* (Олон.) ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’ (Анненков 1876: 161, 233).

Говоря о растении *кукушкины слезки* — какой бы денотат ни имелся в виду — нельзя не вспомнить об обряде «крещение и похороны кукушки». Распространенный на сравнительно компактной территории — в основном южнорусских губерний — обряд обычно заключается в девичьем кумовстве с «кукушкой», в роли которой может выступать целый ряд предметов — от настоящей птицы (кукушки, воробья) или орнитоморфного чучела до отдельного экземпляра какого-либо растения, украшенной ветки или венка, шалашика из ветвей и травы, сшитой из лоскутков куклы или даже девушки с поднятыми и обмотанными платком руками. Большинство исследователей полагает, что первична в этом обряде птица, а «вследствие трудности достать настоящую птицу, ее стали заменять „кукушкиною травкою“» (Кедрина 1912: 103, 138) или изготавливать куклу в виде птицы, подкрепляя это положение словами информантов: «Яе делают, как птичку — живую ж яе не паймаешь» (Журавлева 1998: 195). Поэтому в том случае, когда требовалось использовать кон-

кретное растение, оно обычно носило местное название *кукушкины слезки*, *кукушка*; логично полагать, что обрядовый символ делали из травы *кукушкины слезки* «по аналогии с названием травы и потому, что она такая же рябая, как кукушка» (Соколова 1979: 200)⁸⁸.

Иногда авторы прямо указывают номенклатурное название растения. Так, в Козельском у. Калужской губ. использовали *кукушкины слезки* ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’ (причем обращалось внимание на числовые характеристики — растений должно было быть четное число или же одно, но с раздвоенным корнем) (Кедрина 1912: 102). Иногда ограничиваются диалектным фитонимом; тогда о его значении можно догадаться по описанию растения: «кукушку» Перемышльского у. Калужской губ. изготовляли из травы *кукушкины слезки* — «корень этой травы раздвоенный, короткий, утолщенный; каждое утолщение имеет коротенькие отростки, эти утолщения телесного цвета» (Елеонская 1912: 152); в с. Кочетов Новосильского у. Тульской губ. траву *кукушкины слезки* искали «на ржавчике», то есть на болотистом месте (Сухотин 1912: 98), что также характерно для ятрышников. К сожалению, даже описание растения приводится не всегда. Так, по сведениям из Щигровского у. Курской губ. девушки и женщины искали растение *кукушку* и выпалывали вокруг него траву, затем вырывали и наряжали (Громыко 1985: 16), в Трубчевском у. Орловской губ. использовали траву *кукушкины слезки* (Харузина 1912: 144), в той же Орловской губ. надевали крестик на кукушку или «одноименную с ней травку» (Снегирев 1838: 98).

Другие растения прямо названы лишь в двух случаях: *кукушка*, *снитка* ‘кустик подорожника’ (Дмитр.) (Максимов 1995: 588), и не-

---

⁸⁸ Есть и другое мнение — что *кукушка* в данном случае не является звукоподражательным орнитонимом, а означает ‘кукла, чучело’ и возводится «к слав. *kik-, далее к индоевропейскому гнезду *keuk-, развивающему представлению о ‘кривизне, изгибании’<...> При предлагаемом здесь понимании в упомянутом обряде крещения и похорон *кукушки* ритуальная фигурка птицы появилась вторичным образом» (Журавлев 2005: 770–771). Впрочем, А.Ф. Журавлев признает, что такое допущение осложняется существованием других обрядов с «птичьими» именами обрядовых символов — *похороны соловушки*, *воробья* (Там же: 771–772). Ср. тж. обряды без предметного символа с названиями *гоньба утушки*, *провожать весну гагой*, *наряжать гагу*; календарный символ «шуляк» (ястреб), кашубский обряд обезглавливания коршуна (Агапкина 2002: 646–648).

кая *заря* (Орл., г. Болхов) (Харузина 1912: 140)⁸⁹. По сообщению Т.А. Бернштам, в фондах Музея антропологии и этнографии хранятся две кукушки в гробиках — куклы, также сделанные из травы *заря* (вид травы *кукушкины слезки*) из г. Болхова Орл. губ. (Бернштам 1981: 179–180). По ее мнению, это «местные названия одного вида растения из семейства гвоздичных („кукушкин цвет“), иногда его еще называют „дремой“, „кукушкой“, „зорькой“» (Там же: 185) — то есть горлицевидный кукушкин цвет *Lychnis flos cuculi* L. Однако есть основания полагать, что в этой роли выступало другое растение — любисток аптечный *Levisticum officinale* Koch. Во-первых, любисток — распространенное садовое растение, во-вторых, травянистый стебель горлицевидного растения вряд ли пригоден к какому-либо украшению, и, наконец, в описании изготовления «кукушки» сказано, что листья оттягивали так, чтобы они походили на ручки и ножки, «а начало листа образовывали по три пальчика на ноге и на руках» (Харузина 1912: 141) — что также очень напоминает любисток, который к тому же широко применялся в любовной магии.

В некоторых случаях пожилая женщина, руководившая обрядом, забирала по завершении действия «кукушку» себе, поскольку корню растения приписывалась особая сила: «если где-нибудь жена с мужем живут не в ладу, мужа поят настоем этого корня», причем черный корень обозначал мужа, а белый — жену (Кедрина 1912: 107–108). Кроме того, участвовавшие в обряде молодые женщины по корню вырытого растения гадали о поле будущего ребенка: длинный корень предвещал рождение мальчика, круглый — девочки (Там же: 108). Наконец, корень могли потом просто хранить «на счастье» (Мещов.) (Кашкаров 1908: 74).

* * *

Итак, в диалектных названиях ятрышников отражены внешние признаки растения, которые влияют и на фольклорные тексты, и на использование растений, а с другой стороны, связывают растительный символ с другими символами посредством слова, лексемы. Признаков, положенных в основу символического образа растения, может

---

⁸⁹ У курских переселенцев в Томской губ. в качестве обрядового символа использовался касатик русский *Iris ruthenica* «кукушкины слезки» (Красноженова 1914: 82; цит. по: Бернштам 1981: 185).

быть несколько, поэтому и фитонимы, и использование растения образуют несколько блоков. Все три основных блока, подвергшихся анализу, отчетливо нагружены любовной символикой, отражают использование ятрышников и близких к ним растений в любовной магии и регуляции рождаемости. Очевидно, заметную роль в формировании такого образа могла сыграть не только своеобразная форма клубней, но и связь ятрышника с кукушкой — птицей, не имеющей детей или бросившей/потерявшей их.

Анализ семантики практически любого растительного образа осложняется тем, что во многих случаях как фитонимы, так и представления о символике зачастую могут быть общими для нескольких разных растений. Так, из оставшихся пока не упомянутыми выделяется небольшая группа фитонимов типа *болотный певник* (Полт.) ‘ятрышник шлемоносный *Orchis militaris* L.’, *петушки* (Вят., Перм.) ‘венерин башмачок настоящий *Cypripedium calceolus* L.’, *петушки* (Перм.) ‘венерин башмачок крупноцветковый *Cypripedium macranthum* Swartz.’, *петушки* (Урал.) ‘кокушник комариный *Gymnadenia conopsea* Rich.’ (а также *курочки* (Перм.), *куропатка* (Моск.) ‘венерин башмачок пятнистый *Cypripedium guttatum* Swartz.’) (Анненков 1876: 120, 161, 233). Эта модель объединяет вышеперечисленные растения с другими — *петухами* или *петушками* называются многие растения, обычно с голым стеблем и кистью цветов наверху. Особенно часто этот фитоним относится к ирисам и гладиолусам; *петухами* также называют цветущий щавель, льнянку, цветы клевера (Меркулова 1967: 136). Помимо общих фитонимов, могла быть схожей и семантика: на Урале (Шадр.) касатик желтый *Iris pseudoacorus* под местным названием *петушок* использовали как приворот (Коновалова 2000: 157). Интересно, что петух, точнее, его гребень, тоже мог быть средством «от нестанихи»: «Возми красного или белого петуха, подрежь гребень над вином стакана, чтобы капли крови в вино капали, и говори: „Каков петух на курицу, таков бы молодец на девицу“ (3ж). И дать выпеть. После болному пролесть скрозь женския ноги взат и впирет 3ж[ды]» (л. 111 об.) (Рукопись Г.Д. Книголюбова из собрания Н.С. Тихонравова Российской государственной библиотеки. Ф. 299. № 728; цит. по: Топорков 2001).

Небольшую группу общих названий имеют орхидные и ландыш: *конвалия луговая* (Минск.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’; *конвалия* (Минск.), *ландыш* ‘я. пятнистый *O. maculata* L.’; *конвалия* (Могил.), *ландыш* (Твер.) ‘любка двулистная *Platanthera bifolia* Rich.’, которая сильно пахнет ночью, откуда и на-

звания «гвоздики, ландыша или конваллии, ночной фиалки, ночного духа» (Анненков 1876: 233, 260), а также чеш. *konvalinka* ‘любка *Platanthera*’ «так как оба [любка и ландыш. — *В.К.*] приятно пахнут» (Machek 1954: 298).

Тема символической близости растений разных видов, объединенных одним фитонимом (или группой фитонимов), приобретает интересное развитие при сравнении разных славянских ареалов. Так, в болгарском языке много пересечений в названиях (и в употреблении) орхидных и касатиковых, точнее, смешиваются названия касатика германского *Iris germanica* L. и касатика флорентийского *Iris florentina* L. и разных видов *Orchis*: *кукувичи сълзи, тъжжак, перуника, ливадар* (Геров 4: 24). По замечанию К. Рангочева, «в болгарском фольклоре растения вида *Orchis* как бы „не существуют“... А для *перуники* [ирис. — *В.К.*] есть множество верований и обрядовых практик — это цветок, который используют девушки для любовной магии... для отгона змея (дракона) и его любви к девушке» (Рангочев, из личной переписки). То же можно сказать и о другой южнославянской традиции. В Сербии ятрышник известен под именем *каћун, каћунак*. Единственный контекст, демонстрирующий его символику, таков: у сербов корень ятрышника носили под поясом «да деца не би умирала» (чтобы дети не умирали) (Чајкановић 1985: 129). Помимо этого, отмечена лишь красота растения, которая отразилась во фразеологизме «Ођео се као каћун» (о красиво одетом человеке); «каћунити се» значит красиво одеться. Иногда и очень красивому волу дают имя *Каћун* (Софрић 1990: 136). У восточных же (и отчасти западных) славян для любовной магии широко использовались орхидные, а об ирисах, напротив, очень мало сведений, то есть ситуация как бы обратна южнославянской.

* * *

Итак, основные традиционные представления о магических либо целебных свойствах растений, рассмотренных в главе, вызваны морфологическими признаками и другими объективными свойствами этих растений, которые отражены в их названиях, а также в легендах о них и в их ритуальном использовании. Нередко уже в самом названии растения кратко выражен мифологический сюжет, лежащий в основе его символики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был проведен анализ славянской фитонимики с привлечением фольклорных и этнографических материалов. Связующим звеном, скрепляющим эти три уровня культуры, нам видятся реальные признаки растений, которые, однако, «фильтруются», отбираются и трансформируются языком и культурой. Характерно, что растения, обладающие одним и тем же признаком, могут как получать одинаковые названия, так и нагружаться сходной символикой, а также использоваться схожим образом. И наоборот, одно и то же растение в зависимости от того, какой признак замечен и выделен в нем в той или иной локальной традиции, наделяется несколькими фитонимами и применяется с разными целями. Такое положение наблюдается не только в народной ботанике: «Поскольку культурно значимых признаков у одной и той же реалии может быть несколько... [то] предмет в разных контекстах и ситуациях может выступать как носитель разных символических значений. Но во всех случаях это разные символы, хотя они могут быть и „синонимичными“ и совпадать по своему функциональному назначению (например, колючесть и решетчатость одинаково используются в качестве оберегов от нечистой силы)» (Толстая 2002: 10–11).

Одно и то же название может иметь под собой несколько оснований: «Как это часто бывает с выделяющимися, наиболее известными терминами, на образование названия влияют сразу несколько причин — употребление растения, его природные свойства, лекарственное применение, свойства произрастания» (Дубровина 1991: 17). При этом идентичные фитонимы могут иметь прямо противоположную мотивацию: одно растение могло называться *курослепом*, поскольку ему приписывали способность лечить куриную слепоту, другое же — поскольку его считали причиной этой болезни.

Растения, обладающие одинаковыми признаками с другими предметами, применялись также схожим образом. Так, в излечении желтухи, помимо растений с желтыми цветами, использовались и другие предметы желтого цвета: например, у словенцев ребенка, больного желтухой, покрывали в колыбели желтым шелковым платком и пришивали ему на рубашку золотой перстень (Там же: 311–312). В западной Болгарии связывали покойнику руки и ноги красной ниткой; у сербов после похорон участники опускали пальцы в красную краску, получаемую из марены. Окрашивание рук также осуществлялось перед посадом курицы и перед выходом на сев. Красную нить привязывали скотине или клали жениху на шапку как защиту от сглаза (Раденковић 1996б: 294, 298). На Украине при боли в суставах руку перевязывали «обрезком красного сукна или веревкой из красной шерсти» (Проскуровский у.) (Чубинский 1872 (I, 1): 137); при лечении рожи использовали красный пояс (Там же: 117).

Подобные параллели, с одной стороны, подтверждают актуальность объективных, реальных признаков растения для создания его символического образа. С другой стороны, они демонстрируют систематический характер народной культуры, включенность народной ботаники в мифологическую картину мира.

Как и другие предметы окружающей действительности, растения могут наделяться теми или иными функциями в соответствии с универсальными семантическими оппозициями (мужской/женский, четный/нечетный и т.д.) Так, в народной медицине распределение по признаку пола распространялось не только на «отношения» пациента и лекарственного растения: «...часто использовали один род лекарства, если болел мужчина, другой — если женщина. Так, в случае лихорадки, например, в окрестностях Гдова, Бохни и Залозец, больной мужчина пил мочу коня, женщина — мочу кобылы. В Радомском крае рубашку чахоточного больного относили на муравейник под дубом, больной — под березой. Украинцы при коликах давали сок из навоза вола больному мужчине, из навоза коровы — женщине. Часто при этих и многих других болезнях больным давали средства противоположного рода. Например, во многих местах Польши болезни от урока ликвидировали натиранием тела испорченного одеждой (трусами, кальсонами) лица противоположного пола» (Libera 1995: 45). Иногда для успеха лечения важны дни недели, которые также наделялись полом: «На неделе есть женские и мужские дни <...> Вторник мужской, понедельник — опять мой, суббота — женская, моя, моя суббота, вот это склоняются: женский и мужской

род, вот поэтому грыжа заговаривается, рожа заговаривается. Это тоже также женские и мужские дни. Мушшина идет, он заговаривает по мужским дням, женщина идет — по женским дням, мне женщина, у меня рожа была двух ног, и мне заговорила женщина в пятницу и в субботу» (АГ, 00–08–81–14; цит. по: Амосова 2006); «мужчин надо лечить по мужским, женщин надо по женским дням лечить. А дни, это значит, мужика — понедельник, вторник, четверг, а женщины — это среда, пятница, суббота. Воскресенье — это праздник» (Ермакова 2005: 123; цит. по: Амосова 2006).

Признак, как уже отмечалось выше, влияет как на номинацию, так и на использование растения (а также сопровождающие тексты), и эта ситуация соответствует наблюдению Н.И. Толстого над природой обрядового символа, за исключением того, что в данном случае в качестве обрядового символа выступает не «рукотворный», а природный объект: «...обрядовый символ может выражаться в трех основных обликах: реальном (предметном), акциональном (действенном), вербальном (речевом). В лингвистическом представлении эти „облики“, или коды, или „языки“ определялись бы как звуковой (вербальный), кинетический (акциональный) и „пиктографический“ <...> Особенностью обрядового «языка», в отличие от языка обычного, является именно эта одновременная разнокодность, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами» (Толстой 1982: 57–58).

Однако одной и той же функцией могут наделяться и растения с разными признаками. Так произошло с целой группой растений, которые считаются оберегами. К этой группе могут относиться как жгучие растения, так и растения, обладающие шипами и колючками, а также резким запахом и вкусом. В один ряд с перечисленными растениями могли встать также и другие предметы-обереги: чтобы защититься от ведьм накануне Ивана Купалы, «крестьяне осыпают хлева маком, на окнах и на воротах хлевов вешают колючий дедовник, проклятую осину, крапиву, Громничную свечу и травы, освященные в Троицын день, ставят у ворот застланную скамью с хлебом и солью, пишут на косяках дверей изображения крестов дегтем, чтобы ведьмы не стерли, и т.п.» (Романов 1912: 207–208). О том, что предметы, обладающие разными признаками, в народном сознании приравниваются по своим функциям, говорит такое «пожелание» (обращенное к вампиру): «На путу му броѣ и глогово трѣе!» (Пусть на пути у него будут марена и шипы боярышника!) (Карацѣић 1965:

190. № 3239). В данном случае красный цвет марены и колючие шипы боярышника приравниваются по функции. Возможно, из-за объединения этих растений в одну функциональную группу они стали сближаться и для других целей. Так, в купальскую ночь прыгать могли, помимо костра, и через крапиву, и через чертополох, и через полынь. Примерно тот же набор растений опускали в воду для купания новорожденного южные славяне, чтобы сделать ее защитой для ребенка — базилик, крапива, чеснок, колючки боярышника и шиповника (Виноградова 2002: 48). Для изгнания червей из скотины могли использовать как чертополох, так и крапиву; ср. тж. сближение крапивы и шиповника в мотиве «постель для старого мужа». Несмотря на широкое разнообразие ролей и функций каждого растения, при сравнении целого ряда их видно, что они повторяются. И обусловлено это повторение тем, что в основе отбора растений для той или иной цели лежит конечное число объективных признаков и свойств растений — вкус, запах, цвет, которые неизбежно повторяются, а значит, могут служить основанием для объединения растений в группы.

На «возможность перехода на другой код» (то есть выхода за пределы народной ботаники), по замечанию Т.В. Цивьян, указывают уже этиологические легенды, рассказывающие о появлении растений из каких-либо других предметов (Цивьян 1990: 45); в качестве частного примера был рассмотрен мотив борьбы ласки и василиска, приводящий к противопоставлению руты и базилика (Цивьян 1989: 71). В песне из Герцеговины девушка, вышивая платочек, гадала, кому он предназначается: если молодому мужу, то она бы вышила для него розу и базилик, а если старому — то крапиву и колючий куст, а также *оводов, пчел и ядовитую змею* [курсив мой. — В.К.] (Sobotka 1879: 322). На основе общности признака «жалящий, колючий» возможно сближение предметов из разных рядов, разных кодов. Таким образом, «в конкретном мифе некоторая общая (для многих мифов) структура (арматура) или ее элементы реализуется (воплощается, „пересказывается“) в том или ином конкретном коде: космологическом, аграрном, пищевом, социальном и т.п.» (Байбурин, Левинтон 1998: 241). Добавим, что, помимо этиологических легенд, связь кодов проявляется и в образовании фитонимов от зоонимов, этнонимов и слов прочих лексико-семантических групп.

Возвращаясь к растительному коду и прослеживая случаи употребления растений в традиционной культуре, можно увидеть целую систему причинно-следственных связей: некое мифологическое со-

бытие, происшедшее в прошлом, оставляет о себе память на нескольких уровнях: рассказ об этом событии, одновременно объясняющий происхождение того или иного растения или его свойств; название этого растения; само растение; рекомендации по его практическому применению (хотя «идеальные» случаи, когда зафиксированы и фитоним, и соответствующая легенда, и применение на акциональном уровне, не так уж часты). Так, реальный признак растения (шарообразное соцветие) повлиял на его применение в народной медицине (от головной боли) и на народное название растения, которое напоминает о стоящем за ним мотиве головы Адама или отсечения головы Иоанна Крестителя. В южнославянской традиции растение, чей облик, согласно легенде, связан с менструальной кровью Богородицы, получило название *богородичина трава* и употребляется в сфере, связанной с женскими функциями (применение зверобоя от женских половых болезней, при нарушениях менструального цикла, при тяжелых родах и бесплодии). Так обстоит дело с точки зрения мифологического сознания. Здесь причинно-следственные отношения как бы меняют направление — внешний вид растения, послуживший поводом для создания легенды о мифологическом событии, мыслится как результат этого события. Однако с точки зрения наблюдателя за использованием растений с той или иной целью, за их символикой, за этиологическими рассказами, за названиями стоит какой-то реальный признак, свойство этого растения.

Один и тот же признак может осмысляться по разным схемам: так, сочетание двух цветов может мотивировать названия *брат-сестра* или *день и ночь*. Однако нередки и примеры, когда на лексическом материале разных языков реализуется одна и та же семантическая модель. В таких случаях всегда нелегко решить вопрос о том, являются ли такие фитонимы кальками с латыни, заимствованиями или самостоятельными образованиями.

Отдельную проблему, мало затронутую на фитонимическом материале, представляет роль языка в формировании символики растения. Одним из ее аспектов является народная этимология; некоторые примеры этого явления были приведены выше. Еще один аспект — способность слова к рифмовке, напр., *холостяцкая трава* ‘ковыль перистый *Stipa pennata* L.S. ampl.’: «Ковыль — холостяцкая трава, где ковыль, там бобыль, красивый, а дома ставить нельзя, один станешься» (Юрг. Кемер.) (Арьянова 1: 126).

Народная номенклатура растений, привлекая внимание исследователей уже около двух столетий, изучена далеко не полностью.

Причин тому несколько. Активность сбора фитонимов была довольно слабой; однозначность в номинации отсутствовала, поскольку национальная систематика на тот момент еще не сложилась, латинская же номенклатура, очевидно, была известна далеко не всем филологам и фольклористам, обратившим внимание на эту сторону народной культуры, и зачастую более полезными оказываются труды ботаников и медиков, особенно в том случае, если они считали нужным зафиксировать не только использование растений в народном быту и медицине, но и их местные названия. Во многих источниках, особенно в сводных словарях фитонимов по нескольким славянским языкам, отсутствуют географические пометы, что препятствует решению вопроса о заимствованиях из соседних языков в пограничных регионах. Зачастую степень искажения фитонима настолько велика, что не позволяет решить вопрос о его этимологии. Наблюдается неравномерность в исследованности фитонимики, фольклора и этнографических данных по разным регионам и диалектам, что, в свою очередь, сказывается на решении задач лингвогеографии — выводы в этой сфере во многих случаях могут быть лишь приблизительными, и тогда разумнее говорить о тенденциях. Для решения таких задач нужны подробные диалектные фитонимические словари, подобные словарю В.Г. Арьяновой для Среднего Приобья, словарю «Раслінны свет» (РС 2001) для белорусских диалектов и под., к тому же создаваться такие словари должны в тесном сотрудничестве с ботаниками.

ЛИТЕРАТУРА

- Августинович 1853 — Августинович Ф.М. О дикорастущих врачебных растениях Полтавской губернии // Труды комиссии высочайше учрежденной, при императорском ун-те св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 2. Киев, 1853. С. 1–91.
- Автамонов 1902 — Автамонов Я.А. Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. Ноябрь. С. 46–101; № 12. Декабрь. С. 234–288.
- Агапкина 1994 — Агапкина Т.А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 84–110.
- Агапкина 1996 — Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 7–22.
- Агапкина 2002 — Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Ажэшка 2000 — Ажэшка Э. Выбраныя творы / Уклад., прадм. і камент. В. Гапавай. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2000.
- Ајдачић 1992 — Ајдачић Д. Боје у српскохрватској народној поезији // Зборник Матице српске за књижевност и језик. 1992. Бр. XL/2. С. 285–321.
- Алёшина 2003 — Алёшина Л.М. Наименования женской особи конопли в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 136–139.
- Алёшина, Вендина 2007 — Алёшина Л.М., Вендина Т.И. Карта № 2 ЛСЛ 145 Подорожник // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., 2007. Ч. 2. С. 539–549.
- Амосова 2006 — Амосова С.Н. Представления о днях недели у русских. Диссертационное сочинение. СПб., 2006. Рукопись.
- Анненков 1876 — Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1876.
- Арандаренко 1848–1849 — Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии Николая Арандаренка, составленные в 1846 году: В 3-х ч. Полтава, 1848. Ч. 1; 1849. Ч. 2.
- Архангельский 1853 — Архангельский А. Село Давшино Ярославской губернии, Пошехонского уезда // Вестник ИРГО. 1853. Ч. 7. Кн. 1–2. С. 1–80.
- Арьянова — Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006. Т. 1; 2007. Т. 2.
- Афанасьев 1994 — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. (Репринт издания 1865–1869 г.)
- Ахтаров 1939 — Ахтаров Б. Материал за български ботаничен речник. София, 1939.

- Бјелетић 1996 — Бјелетић М. Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 89–101.
- Байбурин, Левинтон 1983 — Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Т. 32 (1–4). С. 3–31.
- Байбурин, Левинтон 1998 — Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Код(ы) и обряд(ы) // Кодови словенских култура. 1998. № 3. С. 239–257.
- Бакулина 2001 — Бакулина Т.А. Семантика диалектных слов, образованных от имен собственных (на материале Ярославского областного словаря) // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Материалы всероссийской научной конференции. Ярославль, 2001. С. 135–136.
- Балов 1896 — Балов А. Крапивное заговенье // Живая старина. 1896. Вып. 2. Год VI. Отдел IV. Смесь. С. 261–262.
- Бантыш-Каменский 1830 — Бантыш-Каменский Н.Д. История Малой России. В 3 ч. Ч. 3. От избрания Мазепы до уничтожения гетманства. М., 1830.
- Бартминовский 2004 — Бартминовский Е. Христианство и народная культура: Богоматерь в польской народной традиции // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого. М., 2004.
- Бейлина 1968 — Бейлина Д.А. Материалы для полесского ботанического словаря // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 415–438.
- Белова 2006 — Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Автореф. дисс.... д.ф.н. М., 2006.
- Беньковский 1904 — Беньковский И. Поверья и обрядности родин и крестин // Киевская старина. 1904. № 10. С. 1–3.
- БЕР — Български етимологичен речник / Съст.: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София: БАН, 1971–.
- Березин 1879 — Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница. В 2 т. Т. 2. Далмация. СПб., 1879.
- Березович 1997 — Березович Е.Л. Две семантические реконструкции: 1. *Иван да Марья*: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда; 2. *Вороного коня в поле не видать* <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich6.htm>
- Березович 2007 — Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М., 2007.
- Березович, Гулик 2002 — Березович Е.Л., Гулик Д.П. Homo ethnicus в зеркале языка: к методике описания // Etnolingwistyka. 2002. № 14. S. 47–67.
- Бернштам 1981 — Бернштам Т.А. Обряд «крещения» и «похорон» кукушки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Т. 37. С. 179–203.
- Белінська 1970 — Весілля в селі Михайлівка-Льовшина Олександрівського повіту Катеринославської губернії. Записала в 1959 году П.Т. Белінська // Весілля. Т. 1. Київ, 1970. С. 412–440.
- Бизеранова 2003 — Бизеранова С. За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско // Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите. София, 2003. С. 42–55.

- БМ 2004 — Беларуская міфалогія. Энц. сл. Мінск, 2004.
- Богаевский 1889 — Богаевский П. Заметка о народной медицине // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 1. С. 101–105.
- Богданович 1895 — Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895.
- Болонев 1978 — Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Болтарович 1980 — Болтарович З.С. Народне лікування українців Карпат кінця XIX — початку XX ст. Київ, 1980.
- Болтарович 1990 — Болтарович З.Є. Народна медицина українців. Київ, 1990.
- Болтарович 1994 — Болтарович З.Є. Українська народна медицина. Київ, 1994.
- Борисовский 1870 — Борисовский А. Приметы, обычаи и пословицы в пяти волостях Нижегородского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским Статистическим комитетом. Т. 3. Н. Новгород, 1870. С. 199–224.
- Брокгауз, Ефрон 1894 — Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 85 тт. 1890–1906. Т. 24 (ХІа). СПб., 1894. С. 481–963.
- Брысина, Кудряшова 2003 — Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Составные наименования растений в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 269–274.
- БТС 2003 — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- БТС 2003 — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Булашев 1909 — Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909.
- Бульгина, Шмелев 1999 — Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. «Народная этимология»: морфонология и картина мира // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 103–115.
- Буслаев 1851 — Буслаев Ф. Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 10. С. 11–17.
- Буслаев 1861 — Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861.
- Бушетић, Мокрањац 1902 — Бушетић Т.М., Мокрањац С.С. Српске народне песме и игре с мелодијама из Левча // Српски етнографски зборник. 1902. Књ. 3.
- Българска митология 1994 — Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
- Быковский 1868 — Быковский В. О празднике купалы // Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб., 1868. С. 77–80.
- Быт 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993.
- Валенцова 2002 — Валенцова М.М. *Первый* в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 192–208.
- Валягина-Малютина 1996 — Валягина-Малютина Е.Т. Лекарственные растения. СПб., 1996.

- Васильченко 1996 — Васильченко С.М. Формально-семантические связи русского имени существительного в семасиологическом и ономазиологическом аспектах. Орел, 1996.
- Великий тлумачний словник... 2001 — Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ, 2001.
- Вельмезова 2004 — Вельмезова Е.В. Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004.
- Вендина 1975 — Вендина Т.И. Из истории суффикса *-ik(a)* // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Гомель, 1975. Тезисы доклада. М., 1975. С. 119–124.
- Вендина 1998 — Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Вендина 1999 — Вендина Т.И. Южнославянская картина мира и словообразование // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 33–46.
- Вендина 2008 — Вендина Т.И. Карта Л 136 Зверобой / Пробные карты лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: «Наука», 2008. С. 577–585.
- Ветухов 1907 — Ветухов А.В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли). В 2 вып. Варшава, 1907.
- Виноградов 1915 — Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–432.
- Виноградова 1988 — Виноградова Л.Н. Славянские заговорные формулы от детской бессонницы // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 82–85.
- Виноградова 1995а — Виноградова Л.Н. Цветочное имя русалки: славянские поверья о цветении растений // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 231–259.
- Виноградова 1995б — Виноградова Л.Н. Откуда дети берутся? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 173–187.
- Виноградова 1996 — Виноградова Л.Н. Календарные переходы нечистой силы во времени и пространстве // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 166–184.
- Виноградова 2000 — Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.
- Виноградова 2002 — Виноградова Л.Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 32–60.
- Виноградова, Толстая 1994 — Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.

- Ганчарык 1927 — Ганчарык М.М. Беларускія назвы расьлін. Ч. 1 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. Т. II. Горы-Горкі, 1927а. С. 194–216; Ч. 2 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. Т. IV. Горкі, 1927б. С. 1–28.
- Георгиева 2000 — Георгиева Е. Представи за змея във фолклора от Ловешко — магии с треви и билки // Известия на исторически музей Ловеч. 2000. Т. V. С. 269–277.
- Герасимов 1898 — Герасимов М.К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 158–183.
- Геров — Геров Н. Речник на българския език. Ч. 1–6. София, 1975–1978.
- Гнатюк 1902 — Галицько-руські народні легенди. Т. I. Зібрав В. Гнатюк // Етнографічний збірник. 1902. Т. XII. У Львові, 1902.
- Голев 1975 — Голев Н.Д. Ономазиологический аспект междиалектных различий в лексике природы (на материале названий птиц) // Вопросы сибирской диалектологии. Вып. 1. Омск, 1975. С. 48–57.
- Голев 1983 — Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (Наблюдения над ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 76–87.
- Головкин 1998 — Головкин Б. Любовный напиток, или Кое-что о приворотных травах // Флора. 1998. № 2. С. 20–23.
- Горницкий 1887 — Горницкий К.С. Заметки об употреблении в народном быту некоторых дикорастущих и разводимых растений украинской флоры. Харьков, 1887.
- Горницкий 1890 — Горницкий К.С. Список русских и немногих инородческих названий растений. Второе дополнение к «Ботаническому словарю» Н. Анненкова. Харьков, 1890.
- Гриб 1983 — Гриб А.В. Некоторые элементы традиционной духовной культуры с. Бурмаки Дрогичинского района // Полесье и этногенез славян: предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 119.
- Григоров — Григоров Г. Неопределенная множественность в числах. Сакральные числа и основания их выбора (в печати).
- Гринченко 1895 — Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних губерниях. Т. 1. Чернигов, 1895.
- Гринченко 1958 — Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / Под ред. Б.Д. Гринченко). Київ, 1958.
- Громько 1985 — Громько М.М. Весенний цикл русских традиционных развлечений молодежи (обычаи завивания венков и кумления XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. Новосибирск, 1985. С. 5–29.
- Губерти 1859 — Книга, глаголемая травник [Публикация В.В. Губерти] // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1859.
- Гура 1997 — Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

- Даль 1880 — Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1889–1991.
- Даль 1997 — Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В 2 т. СПб., 1997.
- Дебельковић 1907 — Дебельковић Д. Обичаји српског народа на Косову пољу // Српски етнографски зборник. 1907. Књ. 7. С. 171–332.
- Делић 1893 — Делић С.Т. Нешто о народним гаткама // Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1893. Г. V. Књ. 2. С. 348–350.
- Демич 1889 — Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Акушерство и гинекология у народа. Ч. 2. СПб., 1889.
- Демич 1899 — Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1899. № 9. Сентябрь. С. 1151–1181; № 10. Октябрь. С. 1240–1267.
- Дикарев 1905 — Дикарев М. Народний календар Валујског повіту // Материяли до українсько-руської етнології. Львів. 1905. Т. VI. С. 114–204.
- Дмитриев 1869 — Дмитриев М.А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869.
- Добровольский 1914 — Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Довнар-Запольский 1909 — Довнар-Запольский М.В. Белорусы: Этнографический очерк // Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Киев, 1909. С. 257–317.
- Доронин 2006 — Доронин Д. Нижегородский травник, или русский Кастанеда: от разрыв-травы до конопли. <http://www.seu.ru/members/bereginya/2006/07/23-1-2.htm>, <http://www.seu.ru/members/bereginya/2006/08/23-1.htm>
- Драгоманов 1876 — Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Издание Юго-Западного отдела ИРГО. Киев, 1876.
- Дубровина 1991 — Дубровина С.Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц). Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 1991.
- Дубровина 1999а — Дубровина С.Ю. Ботаническая лексика в тамбовских говорах // Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Тамбов, 1999. С. 59–68.
- Дубровина 1999б — Дубровина С.Ю. Библиейские сюжеты в народных легендах о растениях // Живая старина. 1999. № 2. С. 8–9.
- Дубровина 2008 — Дубровина С.Ю. Зоонимные названия растений. Воловики, волнушки, «воловыи» травы (в печати).
- Ђокић 2003 — Ђокић М. Српско-хрватски фитонимски деривати на -ика у индоевропском контексту (са посебним освртом на семасиологију назива за дате билке у класичним језицима). Магистарски рад. Београд, 2003. (рукопись).
- Ђорђевић 1909 — Ђорђевић Т.Р. Обичаји народа српскога. Књ. 2 // Српски етнографски зборник. Књ. 14. Београд, 1909.

- Ђорђевић 1958а — Ђорђевић Т.Р. Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 1 // Српски етнографски зборник. Књ. 71. Београд, 1958.
- Ђорђевић 1958б — Ђорђевић Д.М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. Књ. 70. Београд, 1958.
- Елеонская 1912 — Елеонская Е.Н. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 146–154.
- Ермакова 2005 — Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX-начало XXI вв.). Тюмень, 2005. <http://www.ruthenia.ru/folklore/ermakova1.htm>
- Ефименко 1874 — Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.
- Жмурко 2001 — Жмурко О.И. Некоторые факты лингвокраеведческого исследования ивановских говоров // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2001. С. 50–52.
- Журавлев 2005 — Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлева 1998 — Журавлева Е.А. Структура русского обряда с «кукушкой» // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4. С. 191–209.
- Забылин 1996 — Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Ростов-на-Дону, 1996.
- Залесова, Петровская — Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е.Н. Залесовой и О.В. Петровской: В 4 т. СПб., 1898–1901.
- Зеленин 1916 — Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. 3. Пг., 1916. С. 989–1279.
- Зеленин 1991 — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин 1995 — Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
- Зеленин 1999 — Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1917–1934. М., 1999.
- Земцовский 1970 — Земцовский И.И. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970.
- Золотницкий 1994 — Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Київ, 1994.
- Зубов 1887 — Зубов А. Заметка о травнике Трощаго воеводы Станислава Гажтовта. М., 1887.
- Зяблюк 2000 — Зяблюк Н. Мак у віруваннях, обрядах і звичаях українців // Українська родина: Родинний і громадський побут. К., 2000. С. 355–369.
- Иваницкий 1890 — Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. 1. М., 1890. С. 1–231.
- Иванов 1888 — Иванов П.В. Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру. (Материалы для характеристики мирозерцания кре-

- стьянского населения Купянского уезда) // Харьковский сборник. Т. 2. Харьков, 1888. С. 81–99.
- Иванов 1893 — Иванов П.В. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках (материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5. Труды Педагогического отдела историко-филологического общества. Вып. 1. С. 23–74.
- Иванов 1898 — [Иванов В.В.] Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии (очерк по этнографии края) / Под. ред. В.В. Иванова. Т. 1. Харьков, 1898.
- Иванов 1986 — Иванов Вяч. Вс. К проблеме ‘лютого зверя’ // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986. С. 79.
- Иванов 2001 — Иванов К.И. Этнонимы в лингвоментальном комплексе болгар // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики. Мат-лы межд. науч. конф. Минск, 2–4 ноября 2000 г. Минск, 2001. С. 155–158.
- Иванов, Ланджев, Нешев 1971 — Иванов И., Ланджев И., Нешев Г. Билките в България и използването им. София, 1971.
- Иванов, Топоров 1974 — Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванова 2002 — Иванова Р. Култура на кризата — криза в културата. София, 2002.
- Ипполитова 2002 — Ипполитова А.Б. Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 267–300.
- Ипполитова 2004 — Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Ипполитова 2008 — Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
- Кабакова 1992 — Кабакова Г.И. Дитя природы в системе природных и культурных кодов // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения –1. М., 1992. С. 94–105.
- Кабакова 1999 — Кабакова Г.И. Запах смерти (доклад на конференции «La Mort et ses Representations dans l’Europe du Nord, Colloque»). Universite de Paris IV Sorbonne, UFR d’Etudes Slaves. Paris, France. 4–6 May, 1999.
- Каблешкова 2002 — Каблешкова Р. Отражение на билките в българските народни вярвания и използването им в народната медицина // Етър. Етнологички изследвания. Т. 4. Габрово, 2002. С. 95–110.
- Кагаров 1913 — Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
- Калезич 2008 — Калезич М. Фитономастические заметки (1) (в печати).
- Караџић 1841 — Караџић В. Српске народне пјесме. Књ. 1. У Бечу, 1841.
- Караџић 1845 — Караџић В. Српске народне пјесме. Књ. 2. У Бечу, 1845.
- Караџић 1965 — Караџић В. Српске народне пословице. Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 9. Приредило М. Панџић. Београд, 1965. (по изданию: У Бечу: у штампарији Јерменскога манастира, 1849). С. 9–319.

- Кашкаров 1908 — Кашкаров В.М. Калужская губерния. Курс родниоведения. Калуга, 1908.
- Кедрина 1912 — Кедрина Р.Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. № 1/2. Кн. 92–93. С. 101–139.
- Киркор 1858 — Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. 1858. Вып. 3. С. 115–276.
- Колодюк 2006 — Колодюк І. Народна медицина у традиційній культурі українців Центрального Полісся (остання чверть ХХ — початок ХХІ ст.). Київ, 2006.
- Колокольцева, Кудряшова 2003 — Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Варианты наименований растения *василёк* в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 65–73.
- Коломієць, Шамота 1979 — Коломієць В.П., Шамота А.М. Семантична мотивація українських назв рослин // Мовознавство. 1979. № 4. С. 20–25.
- Колосова 2008 — Колосова В.Б. Этноботаника: очерк истории дисциплины (в печати).
- Кондратенко 1994 — Кондратенко М.М. Сравнения и метафоры в славянской диалектной метеорологической лексике // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1993. СПб., 1994. С. 100–103.
- Коновалова 1993 — Коновалова Н.И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системнофункциональном аспекте. Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 1993.
- Коновалова 2000 — Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Коновалова 2001 — Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.
- КОО 1978 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978.
- Коппалева 2007 — Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск, 2007.
- Костомаров 1843 — Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843.
- Костомаров 1872 — Костомаров Н.И. Историческое значение южно-русского народного песенного творчества // Беседа. 1872. № 4. С. 5–68.
- Котаў 1927 — Котаў Т. І. Вясельле. ІІ. Купальле. Апісаньне Горацкага раёну (прырода, гаспадарка, гісторыя і быт) // Праца Навуковага таварыства па вывучэнню Беларусі. Т. 3. Горкі, 1927. С. 202–215.
- Красноженова 1911 — Красноженова М.В. Материалы по народной медицине Енисейской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 42. Иркутск, 1911. С. 65–86.
- Красноженова 1914 — Красноженова М.В. Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии) // Известия Красноярского отдела Восточно-Сибирского отделения РГО. Т. 2. Вып. 6. Красноярск, 1914. С. 67–116.

- Крачковский 1874 — Крачковский Ю.Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874.
- Круглякова 2001 — Круглякова Т.А. Быт и фольклор дородового отделения // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 217–235.
- Крылов 1876 — Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Казань, 1876. Т. 5. Вып. 2.
- Крылов 1882 — Крылов П. Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Казань, 1882. Т. 11. Вып. 4.
- Кудряшова, Колокольцева 2004 — Кудряшова Р.И., Колокольцева Т.Н. Варианты названий растения *девясил* в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 2001–2004. СПб., 2004. С. 28–35.
- Кузнецова, Резникова 1992 — Кузнецова М.А., Резникова А.С. Сказания о лекарственных растениях. М., 1992.
- Кульчицкий 1873 — Кульчицкий С. О суеверных обычаях, повериях и приметах жителей села Ставучан Хотинского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1873. № 7. С. 314–319; № 10. С. 425–435; № 17. С. 626–630; № 18. С. 670–680; № 22. С. 813–824.
- Лазий-Коцьк, Вуловић 2007 — Лазий-Коцьк И., Вуловић Н. Семантико-деривациона анализа броја *net* // Наш језик. 2007. Књ. XXXVIII. Св. 1–4. С. 43–64.
- Лахтин 1911 — Лахтин М.Ю. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911. (Записки Московского Археологического института. Т. 17).
- Левкиевская, Плотникова 2001 — Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А. Этнолингвистическое описание севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 259–299.
- Лимаренко 1960 — Лимаренко В.С. До історії назв рослин бабка, подорожник, спориш у діалектах української мови // Черновицький Государственный Университет. Научный ежегодник за 1958 г. Отд. выпуск. Филологический факультет. Черновцы, 1960. С. 132–133.
- Лукинова 1986 — Лукинова Т.Б. Лексика славянского язычества // Этимология-1984. М., 1986. С. 119–124.
- Ляметри 1862 — Ляметри И.П. Некоторые черты из крестьянского быта в Мещовском уезде // Экономист. 1862. Год 5. Кн. 7–8. С. 25–48.
- Майков 1994 — Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1994.
- Макаренко 1913 — Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь, Енисейская губерния // Записки Русского Географического общества по отделению этнографии. 1913. Т. XXXVI.
- Маковій 1993 — Маковій Г.П. Затоптаний цвіт: Народознавчі оповідки. Київ, 1993.

- Максимов 1995 — Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.
- Максимович 1856 — Максимович М.А. Дни и месяцы украинского селянина // Русская беседа. 1856. № 3. Май. С. 73–108.
- Максимович-Амбодик 1804 — Максимович-Амбодик Н. Новый ботанический словарь на латинском, немецком и российском языках. СПб., 1804.
- Малинка 1898 — Малинка А.Н. Иван Купало в Черниговской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 2. Год 10. Кн. 37. С. 128–132.
- Малчев 2006 — Малчев Р. Сакрализоването на един фитонимичен словообразователен модел в българските фолклорни балади // Арnaudов сборник. Т. 4. Русе, 2006. С. 77–82.
- Мандельштам 1882 — Мандельштам И. Опыт объяснения обычаев (индоевропейских народов) созданных под влиянием мифа. Ч. I. СПб., 1882.
- Манжура 1889 — Манжура И. Легенда о «Петровом батоге» // Киевская старина. 1889. Т. 26. № 9. Сентябрь. С. 763–765.
- Маринов 2003 — Маринов Д. Народна вяра. Избрани произведения в 5 тома. Т. I. Ч. 1. София, 2003.
- Маркевич 1860 — Маркевич Н.А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем. Киев, 1860.
- Маркович 1891 — Маркович В.В. Знахарки нового типа // Киевская старина. 1891. Т. 35. Декабрь. С. 413–429.
- Мейер 1781–1783 — Мейер А. Ботанический подробный словарь, или Травник: В 2 ч. М., 1781. Ч. 1; 1783. Ч. 2.
- Меркулова 1963 — Меркулова В.А. Слав. *žab-; праслав. *žagovъjъ ‘высокий, прямой’ // Этимология. М., 1963. С. 72–80.
- Меркулова 1965 — Меркулова В.А. О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология 1964. М., 1965. С. 72–87.
- Меркулова 1967 — Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Меркулова 1969 — Меркулова В.А. Народные названия болезней I (На материале русского языка) // Этимология-1967. М., 1969. С. 158–172.
- Мизгер 1869 — Мизгер А.М. Конспект растений дикорастущих и разводимых в Курской губернии // Труды Курского Губернского статистического комитета. Вып. 3. Курск, 1869. С. 225–341.
- Мијатовић 1907 — Мијатовић С.М. Обичаји српског народа из Левча и Темнића // Српски етнографски зборник. 1907. Књ. 7. Обичаји народа српскога. Књ. 1. С. 1–169.
- Мијатовић 1909 — Мијатовић С.М. Народна медицина Срба селяка у Левчу и Темнићу // Српски етнографски зборник. 1909. Књ. 13. С. 259–492.
- Милићевић 1894 — Милићевић М.П. Живот срба селяка. Српски етнографски зборник. 1894. Књ. 1.
- Минх 1890 — Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах // Записки РГО. 1890. Т. 19. Вып. 2. СПб., 1890.

- Митрофанова 1968 — Загадки / Изд. подг. В. Митрофанова. Л., 1968.
- Мишовић 1952 — Мишовић Ј. Живот и обичаји Поповаца // Српски етнографски зборник. 1952. Књ. 65. Живот и обичаји народни. Књ. 29.
- Младенов 1941 — Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Мороз 1997 — Мороз А.Б. «Боговы слезы» и «Кукушкины слезки» // Живая старина. 1997. № 1. С. 33.
- Мороз 2000 — Мороз А.Б. Народное огородничество у восточных славян как система кодов // Кодови словенских култура. 2000. Бр. 5. С. 131–145.
- Мочульский 1887 — Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.
- Народный праздник... 1861 — Народный праздник Купала, описанный и объясненный ведля сохранившихся преданий и поверий народа. Львов, 1861.
- Непоп-Айдачич 2008 — Непоп-Айдачич Л. Стереотип гвоздики в польском языке и культуре (в печати).
- Нижегородские заговоры 1997 — Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / Сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Коровашко / Отв. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород, 1997.
- Никифоровский 1897 — Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- НМГ 2003 — Народная міфалогія Гомельшчыны. Мінск, 2003.
- Номис 1864 — Українські приказки, прислів'я та інше. Спорудив М. Номис. СПб., 1864.
- Носаль, Носаль 1960 — Носаль М.А., Носаль І.М. Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.
- Омельковець 2006 — Омельковець Р. Західнополіські найменування звіробою звичайного (*Hypericum perforatum* L.) // Flora i fitonimy na pograniczu polsko-ukraińskim. Lublin, 2006. S. 99–106.
- П.И. 1891 — П.И[ванов]. Из области малорусских народных легенд (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. Кн. 9. С. 110–132.
- П.И. 1892 — П.И[ванов]. К вопросу о васильках // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. Кн. 12. С. 192.
- Пастернак 1929 — Пастернак Я. Звичаї та вірування в с. Зіболках, Жовківського повіту // Матеріали до етнології й антропології. Т. 21–22. Львів, 1929.
- Пашина 2000 — Пашина О. К вопросу о взаимодействии культурных текстов: жатва и свадьба // Кодови словенских култура. 2000. Бр. 5. С. 86–97.
- Петровић 1992 — Петровић С. Културна историја Сврљига. Књ 1. Ниш-Сврљиг, 1992.
- Петропавловский 1908 — Петропавловский А. «Коляда» и «Купало» в Белоруссии // Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2. С. 158–164.
- Пирински... 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Плевачева 1968 — Плевачева Г. К слав. *zabrъjъ // Этимология 1966. М., 1968. С. 90–96.

- Пловдивски... 1986 — Пловдивски край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1986.
- Плотникова 1999 — Плотникова А.А. Заметки о народном календаре Драгачевского края // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 348–364.
- По страницам... 1987 — По страницам Красной книги: Растения: Попул. энцикл. справ. Мн., 1987.
- Поверья русских... 1846 — Поверья русских о русалках // Полтавские губернские ведомости. 1846. Прибавление к № 21. С. 278–280.
- Поділля 1994 — Поділля. Историко-етнографічне дослідження. Київ, 1994.
- Познанский 1995 — Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.
- Попов 1996 — Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 277–477.
- Попов 2004 — Попов Р. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого (1923–1996). М., 2004. С. 131–137.
- Потанин 1899 — Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23–60; Вып. 2. С. 167–239.
- Потебня 1890 — Потебня А. Малорусские домашние лечебники XVIII века. Киев, 1890.
- Потебня 1914 — Потебня А.А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях // Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 159–187.
- Потебня 2000 — Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- Преображенский 1959 — Этимологический словарь русского языка / Под ред. А. Г. Преображенского. Т. 1. А-О. М., 1959.
- Приходько 1927 — Приходько П.Т. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Томского краевого музея. 1927. Т. 1. С. 110–124.
- Пропп 2000 — Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2000.
- Раденковић 1996 — Раденковић Љ. Символика света у народној магији јужних словена. Ниш, 1996.
- Раденковић 2000 — Раденковић Љ. Расковник у кругу сличних биљака. Словенске паралеле // Расковник. Часопис за књижевност и културу. 2000. Т. XXVI. Бр. 100. Београд. С. 79–86.
- Раденкович 1989 — Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 122–149.
- Радин 1996 — Радин А. Бильке у заштити против вампира // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 85–88.
- Рогович 1874 — Рогович А.С. Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми повериями и рассказами о них. Киев, 1874.

- Родионова 2001 — Родионова И.В. К вопросу о специфике отражения прецедентного текста на уровне языковых отономастических номинаций // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Выпуск 4. Ономастика: общие вопросы. http://virlib.eunnet.net/proceedings/N20_01/win/10.html
- Родионова 2002 — Родионова И.В. Библейские мотивы в народных названиях растений // Живая старина. 2002. № 2 (34). С. 38–39.
- Романов 1891 (4) — Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. Витебск, 1891.
- Романов 1891 (5) — Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск, 1891.
- Романов 1912 — Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 8. Быт белоруса. Вильна, 1912.
- РС 2001 — Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Мн., 2001.
- Русинова, Богачева 2003 — Русинова И.И., Богачева М.В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 116–127.
- Русские дети 2006 — Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006.
- Рязанская... 2001 — Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / Авт.-сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Н.Н. Гилярова, Л.Н. Чижикова. Рязань, 2001.
- Сабадош 1982 — Сабадош І.В. Прояв народної етимології в українських діалектних назвах флори // Дослідження лексики і фразеології говорів українських Карпат. Ужгород, 1982. С. 71–79.
- Сабаляускас 1986 — Сабаляускас А. Литовское *liūtas* ‘лев’ // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986. С. 78–79.
- Садовников 1995 — Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. М., 1995.
- Салавей — Салавей Л. Сукенка Маці Боскай // Беларуска міфалогія. Выд. 3-е, дапрац. і дап. (в печати).
- Самолечение... 1884 — Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 40. С. 385–386; № 41. С. 395–396; № 42. С. 405–406; № 43. С. 414–415; № 44. С. 423–424; № 45. С. 430–431; № 46. С. 441–442.
- СБГ 1988 — Словарь брянских говоров. Вып. 5. Л., 1988.
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3.
- Седакова 1994 — Седакова И.А. Балканославянские представления о демонах судьбы: трансформации во времени и в пространстве // Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994. С. 42–63.
- Седакова 2002 — Седакова И.А. Семантика и символика *второго* у болгар (с некоторыми славянскими параллелями) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 209–224.

- Седакова 2007 — Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.
- Семенова 1898 — Семенова О.П. Смерть и душа // Живая старина. 1898. № 2. С. 228–234.
- Сементовский А. 1845 — Сементовский А. Очерки малороссийской демонологии // Киевские губернские ведомости. 1845. Прибавление к № 13. С. 91–93. Прибавление к № 14. С. 98–100. Прибавление к № 15. С. 108–109. Прибавление к № 16. С. 117–118.
- Сементовский К. М. 1845 — Сементовский К.М. Некоторые народные обычаи и поверья здешней губернии // Полтавские губернские ведомости. 1845. Прибавление к № 15. С. 157–158. Прибавление к № 19. С. 187–189. Прибавление к № 22. С. 213–214. Прибавление к № 24. С. 227–228. Прибавление к № 37. С. 352–354.
- Сикимић 1996 — Сикимић Б. Еротске конотације фитонима у народним заговеткама // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 57–67.
- Симоновић 1959 — Симоновић Д. Ботанички речник. Имена бильака. Српска академија наука. Посебна издања. 1959. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959.
- Сказки... 1970 — Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Скалозубов 1913 — Скалозубов Н.Л. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. 21. Год 19. Тобольск, 1913. С. 1–87.
- Скорород 1936 — Скорород В. Как возникали наименования растений // Вестник знания. 1936. № 7. Июль. С. 518–522.
- Слинкина 2006 — Слинкина Т.Д. Народная медицина манси, основанная на традиционном мировосприятии // Вестник угроведения. 2006. № 2. С. 61–66.
- Слов. карт. ИРЯЗ — Словарная картотека Института Русского Языка (Институт лингвистических исследований РАН)
- Словник — Етимологічний словник української мови. В 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ, 1983–
- Словцов 1891 — Словцов И.Я. Материалы по фитографии Тобольской губернии // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1891. Кн. XII. Омск, 1891.
- Смирнов 1927 — Смирнов В. Народные гаданья в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XLI. Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. С. 17–91.
- Смирнов 1978 — Смирнов Ю.И. Эпика Полесья // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 219–269.
- Смирнов 1986 — Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г., ч. 1) // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 243–285.
- Смирнова 2003 — Смирнова О.В. Лингвогеографический аспект изучения лексики растительного мира в говорах Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 74–77.

- Смирнова 2004 — Смирнова О.В. Лексика растительного мира в ареальном аспекте (на материале говоров северо-восточной части Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004. С. 38–43.
- Снегирев 1838 — Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3. М., 1838.
- Соболевский 1895–1899 — Соболевский А.И. Великорусские народные песни. В 5 т. СПб., 1895. Т. 1; 1896. Т. 2; 1897. Т. 3; 1898. Т. 4; 1899. Т. 5.
- Соколов, Замотаев 1990 — Соколов С.Я., Замотаев И.П. Справочник по лекарственным растениям. М., 1990.
- Соколова 1979 — Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Софийски... 1993 — Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.
- Софрић 1990 — Софрић П. Главније билье у народном веровању и предању код нас Срба. Београд: БИГЗ, 1990.
- Спространов 1900 — Спространов Е. Народен календар от Охрид // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900. Кн. 16–17. Ч. 2. Материали. С. 24–40.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. СПб., 2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003; Т. 2. СПб., 2005.
- Срезневский 1989 — Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965–
- Странджа 1996 — Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- Судник, Цивьян 1979 — Судник Т.М., Цивьян Т.В. Еще о растительном коде основного мифа: мак // Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 99–103.
- Судник, Цивьян 1981 — Судник Т.М., Цивьян Т.В. Мак в растительном коде основного мифа // Balto-balkanika. Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 300–317.
- Сумникова 1986 — Сумникова Т.А. О словосочетании *лютый зверь* в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986. С. 59–77.
- Тарачков 1861 — Тарачков Н. Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии // Воронежская беседа. 1861. С. 224–274.
- Терещенко 1848 — Терещенко А.И. Быт русского народа: В 7 ч. СПб., 1848. Ч. 2. Свадьбы; Ч. 5. Простонародные обряды.
- Тетрадь 1836 — Тетрадь любви. Сочинение, необходимое для всякого, желающего иметь успех между прекрасным полом. СПб., 1836.
- Толстая 1978 — Толстая С.М. Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 131–142.

- Толстая 2001 — Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 151–205.
- Толстая 2002 — Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 7–20.
- Толстая 2008 — Толстая С.М. «Человек живет, как трава растет» // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 338–346.
- Толстой 1963 — Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–45.
- Толстой 1982 — Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 576. Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Труды по знаковым системам XV. Тарту, 1982. С. 57–71.
- Толстой 1988 — Толстой Н.И. Заклинания, связанные с институтом побратимов и «одномесечников» // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 85–88.
- Толстой 1994 — Толстой Н.И. *Vita herbae et vita rei* в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 139–168.
- Толстой 1995 — Толстой Н.И. «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 333–340.
- Толстые 1995 — Толстые Н.И. и С.М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 5–14.
- Топорков 2001 — Топорков А.Л. О рукописи Г.Д. Книголюбова // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. Сост.: Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, А.Л. Топорков. М., 2001. http://karija.narod.ru/Ethnoslavistics/top_knigoljubov.htm
- Топоров 1977 — Топоров В.Н. Заметки о растительном коде основного мифа // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 196–207.
- Топоров 1978 — Топоров В.Н. Русск. заби(ва)ть козла // *Studia linguistica Alexandro Vasiliu filio Issatschenko a collegis amicisque oblate*. Lisse, 1978. С. 425–433.
- Топоров 1979 — Топоров В.Н. Др.-греч. ΜΑΚΑΡ, ΜΑΚΑΡΙΟΣ и под. (*marginalia* к статьям о маке и вызывании дождя) // *Balkano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 39–46.
- Топоров 1982 — Топоров В.Н. Мандрагора // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 102–103.
- Топоров 1988 — Топоров В.Н. Вокруг «лютого зверя» (голос в дискуссии) // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 249–258.
- Торэн 1953 — Торэн М.Д. Народные способы лечения русских, украинцев и белорусов в XIX веке. Автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1953.

- Торэн 1996 — Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- Туцаков 1965 — Туцаков Ј. Психосугестивни елементи у народној медицини Сврљишког Тимока. Српска Академија Наука и уметности. Посебне издања. Књ. 380. Одељење медицинских наука. Књ. 18. Београд, 1965.
- Усачева 1979 — Усачева В.В. Мифология растений в болгарских народных песнях // *Balkano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 104–106.
- Усачева 1991 — Усачева В.В. Этноботанический этюд: базилик *Ocimum basilicum* L. // *Studia slavica / Языкознание. Литературоведение. История. История науки*. К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991. С. 92–99.
- Усачева 2000 — Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*. М., 2000. С. 259–302.
- Усачева 2001 — Усачева В.В. Семиотика зеленого цвета в народной культуре славян // *Кодови словенских култура*. 2001. Бр. 6. С. 141–151.
- Успенский 1982 — Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Уткин 1928 — Уткин Л.А. Заметки по народной медицине. Представления и народные верования, связанные с растениями (в б. Томской и Алтайской губ.) // *Сибирская живая старина*. 1928. Вып. 7. С. 89–100.
- Фасмер 1996 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. СПб.; М., 1996.
- Федотов 1991 — Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
- Флоринский 1879–1880 — Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII вв. Казань, 1879–1880.
- Франко 1898 — Франко І. Людові вірування на Підгір'ю // *Етнографічний збірник*. 1898. Т. V. С. 160–218.
- Франко 1907 — Франко І. Галицько-руські народні приповідки. Т. II. Вып. 1. (Діти — Кпити) // *Етнографічний збірник*. 1907. Т. XXIII.
- Франко 1909 — Франко І. Галицько-руські народні приповідки. Т. III. Вып. 1. // *Етнографічний збірник*. 1909. Т. XXVII.
- Харитонов 1848 — Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // *Отечественные записки*. 1848. № 5–6. Т. 58. Смесь. С. 1–24.
- Харузина 1912 — Харузина В.Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии // *Этнографическое обозрение*. 1912. № 1/2. Кн. 92–93. С. 140–145.
- Хатемкин 1900 — Хатемкин А.Г. Приворотные средства // *Киевская старина*. 1900. Т. 68. № 4. Апрель. С. 8–9.
- Худяков 1860 — Худяков И.А. Великорусские сказки. М., 1860. Вып. 1.
- Цанкова 2003 — Цанкова Т. «От градина — на главина» или от моминската градина към моминската китка и невестинския венец // *Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите*. София, 2003. С. 207–214.

- Цивьян 1989 — Цивьян Т.В. Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарии: рута // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 69–73.
- Цивьян 1990 — Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян 1991 — Цивьян Т.В. Опозиция мужской/женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 77–92.
- Чајкановић 1985 — Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
- Часовникова 2003 — Часовникова А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. М., 2003.
- Чубинский 1872 (I, 1) — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. I. Вып. 1. СПб., 1872.
- Чубинский 1872 (III) — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. III. Народный дневник. СПб., 1872.
- Чубинский 1874 (V) — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. V. Песни любовные, семейные, бытовые и шуточные. СПб., 1874.
- Чубинский 1877 (I, 2) — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. I. Вып. 2. Пословицы. Загадки. Колдовство. СПб., 1877.
- Чубинский 1877 (IV) — Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. IV. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. СПб., 1877.
- Чулков 1782 — Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.
- Чхобадзе 2005 — Чхобадзе А.Б. Материалы ботанических экспедиций в Вологодскую область http://ungern.ru/zapal/zapal_ethnobotany_listera-ovata.htm
- Шейн 1887 — Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1. Ч. 1 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. 41. № 3.
- Шейн 1898 — Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах, и т.п. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898.
- Шпилевский 1853 — Шпилевский П. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках. 4. Свадебные обряды у поселян Могилевской и Минской губерний // Пантеон. 1853. Т. 9. Кн. 5–6. С. 1–20. (Раздел «Смесь»).
- Шпис-Ћулум 1995 — Шпис-Ћулум М. Фитонимја југозападне Бачке (коровска флора) // Српски дијалектолошки зборник. XLI. Београд, 1995. С. 397–490.
- Эльдемуров 1997 — Эльдемуров Ф. Фитоиндикация: возрождение древнего знания? // Аномалия. Научно-информационный вестник ИТАР-ТАСС. М., 1997. № 3–4 (36). С. 66–71.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–

- Яківчук 1970 — Весілля в селах Горощівці і Чорний Потік Заставнівського району Чернівецької області. Записав А.Ф. Яківчук. 1965 // Весілля. В 2 т. Т. 2. Київ, 1970. С. 294–332.
- Якушкин 1844 — Якушкин (б.и.) Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде // Москвитянин. 1844. Ч. 6. № 11–12. С. 25–44. Смес.
- Яневский 2000 — Яневский С. Миракли. СПб., 2000.
- Adamowski et. al. 1995 — Adamowski J., Barmiński J., Niebrzegowska S. Ptaki, zwierzęta i rośliny w relacjach gwarowych z okolic Biłgoraja // Etnolingwistyka. 1995. T. 7. S. 135–178.
- Arabas 1986 — Arabas I. Leki roślinne w „Dzielnach wszystkich” Oskara Kolberga // Historia leków naturalnych I. Źródła do dziejów etnofarmacji polskiej. Warszawa, 1986. S. 91–161.
- Balick 1996 — Balick M.J. Transforming ethnobotany for the new millennium // Annals of the Missouri Botanical Garden. 1996. 83 (1). S. 58.
- Berliocchi 2000 — Berliocchi L. The orchid in lore and legend. Portland, 2000.
- Brückner 1970 — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
- Budziszewska 1993 — Budziszewska W. Z górskich nazw roślin (na tle porównawczym) // Historia leków naturalnych IV. Warszawa, 1993. S. 87–97.
- Budziszewska 1991 — Budziszewska W. Z problematyki obcości w języku magii // Język a kultura. 1991. T. 4. S. 87–92.
- Budziszewska 1972 — Budziszewska W. Związki polsko-ruskie w zakresie terminologii botanicznej // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. T. XI. S. 113–121.
- Dubisz 1977 — Dubisz S. Nazwy roślin w gwarach ostródzko-warmińsko-mazurskich. Wrocław etc., 1977.
- Federowski 1888 — Federowski M. Lud okolic Żarek, Siewerza i Pilicy. T. 1. Warszawa, 1888.
- Folfasiński 1975 — Folfasiński S. Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.
- Ford 1994 — Ford R.I. Ethnobotany: Historical Diversity and Synthesis // The Nature and Status of Ethnobotany. Ed. R.I. Ford. Ann Arbor, 1994. P. 33–49.
- Glück 1892 — Glück L. Narodni lijekovi iz bilinstva u Bosni // Гласник Земальског Музеја. 1892. Књ. II. С. 134–167.
- Gustawicz 1882 — Gustawicz B. Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Część druga. Rośliny // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1882. T. VI. S. 201–317.
- Czyż 1989 — Czyż L. Ziołolecznictwo ludowe Lasowiaków, Rzeszowiaków i Podgórczan — na podstawie materiałów Muzeum Okręgowego w Rzeszowie // Historia leków naturalnych II. Warszawa, 1989. S. 161–167.
- Czyż, Wysakowska 1993 — Czyż L., Wysakowska B. Ziołolecznictwo regionu rzeszowskiego w badaniach Franciszka Kotuli // Historia leków naturalnych III. Warszawa, 1993. S. 83–118.
- Henslowa 1976 — Henslowa M. Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. I. *Hypericum perforatum* L. — *Dziurawiec zwyczajny* // Slavia Antiqua. 1976. T. XXIII. S. 229–251.

- Henslowa 1977 — Henslowa M. Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. II. *Thymus serpyllum* L. — *Macierzanka piaskowa*, III. *Ruta graveolens* L. — *Ruta zwyczajna* // *Slavia Antiqua*. 1977. T. XXIV. S. 163–212.
- Hladká 2000 — Hladká Z. Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.
- HNP 1909 — Hrvatske narodne pjesme. Zagreb, 1909. Sv. 1. Ženske pjesme (Romanse i balade).
- Jastrzębski 1989 — Jastrzębski J. Tradycje lecznictwa ziołowego zwierząt // *Historia leków naturalnych* II. Warszawa, 1989. S. 168–172.
- Kalinowska 1949 — Kalinowska Z. Polskie nazwy roślin dopisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z r. 1587 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 1949. Vol. IV, 5. Sectio E. S. 153–239.
- Kamińska 1986 — Kamińska E. Ziołoznawstwo i ziołolecznictwo w publikacjach etnograficznych Elizy Orzeszkowej // *Historia leków naturalnych*. T. I. Źródła do dziejów etnofarmacji polskiej. Warszawa, 1986. S. 25–90.
- Kolberg 7 — Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 7. Krakowskie. Cz. 3. Krakow, 1874.
- Kołodziejczyk 1957 — Kołodziejczyk J. W świecie roślin. Warszawa, 1957.
- Köhler 1993 — Köhler P. Nazewnictwo i użytkowanie roślin leczniczych na ziemiach polskich w XIX wieku na podstawie ankiety Józefa Rostafińskiego // *Historia leków naturalnych* IV. Warszawa, 1993. S. 61–85.
- Lehr 1985 — Lehr U. Rośliny jako magiczne środki apotropaiczne w polskiej demonologii ludowej i magii // *Etnobotanika. Materiały I Ogólnopolskiego Seminarium Etnobotanicznego*. Wrocław, 1985. S. 57–82.
- Lehr 1999 — Lehr U. The Magic of the Time of Death: A Contribution to the Study of Funeral Customs in the Carpathian Village // *Ethnology*. 1999. 9 (60). № 1. C. 117–126.
- Libera 1995 — Libera Z. *Medycyna ludowa. Chłopski rozsądek czy gminna fantazja?* Wrocław, 1995.
- Lud Ukraiński 1857 — Lud Ukraiński / przez Antoniego Nowosielskiego. Wilno: Księgarza i Typografa Wileńskiego Naukowego Okręgu, 1857. T. 1–2.
- Machek 1954 — Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Machek 1971 — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Makowiecki 1936 — Makowiecki S. *Słownik botaniczny łańcińsko-małoruski*. Kraków, 1936.
- Malinowski 1885 — Malinowski L. *Studia nad etymologią ludową* // *Prace Filologiczne*. 1885. T. I. S. 134–158.
- Mareš 1957 — Mareš F.V. JITROCEL — SKOROCEL “plantago, babka” // *Język polski*. 1957. T. XXXVII. S. 188–190.
- Michajłow 1993 — Michajłow P. Ludowe nazwy roślin i ich lecznicze zastosowanie u Poleszuków zachodnich // *Historia leków naturalnych* IV. Warszawa, 1993. S. 99–119.
- Morawski 1884 — Morawski Z. *Myt roślinny w Polsce i na Rusi*. Tarnów, 1884.
- Myl 1999 — Myl B. *Zioła w polskim językowym obrazie świata* (Praca magisterska). Lublin, 1999.
- Niebrzegowska 2000 — Niebrzegowska S. *Przestrach od przestrachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych*. Lublin, 2000.

- Nitsch, Mrozówna 1955 — Nitsch K., Mrozówna E. Mazowieckie wyrazy przyrodnicze // Wybór pism polonistycznych. T. II. Warszawa, 1955. S. 86–116.
- Orzeszkowa 1888 — Orzeszkowa E. Ludzie i kwiaty nad Niemnem // Wisła. 1888. T. II. S. 1–15; 1891. T. V, z. II. S. 675–703.
- Palavestra 1953 — Palavestra V. Narodne pripovijetke s Kupreškog Polja i s područja jajačkog sreza // Bilten instituta za proučavanje folklor. Sarajevo. 1953. № 2. S. 279–308.
- Paluch 1989 — Paluch A. „Zerwij ziele z dziewięciu miedz...” Ziołolecznictwo ludowe w Polsce w XIX i początku XX wieku. Wrocław, 1989.
- Pawłowski 1974 — Pawłowski Eugeniusz. Polskie nazwy roślin. Próba klasyfikacji semantycznej // Studia indoeuropejskie. 1974. S. 163–169. (Prace Komisji językoznawstwa. Nr 37).
- Pelcowa 2001 — Pelcowa H. Nazwy roślin w świadomości językowej ludności wiejskiej // Język a kultura. 2001. Tom 16. Wrocław. S. 99–116.
- Piekarczyk 2004 — Piekarczyk D. Kwiaty we współczesnym obrazie świata. Lublin, 2004.
- Piškur 1965 — Piškur M. Pomenska analiza beside *baba* // Jezik in slovstvo. 1965. Št. 1. S. 6–15.
- Rogowska 1998 — Rogowska E. Kaszubskie nazwy roślin uprawnych. Gdańsk, 1998.
- Rokossowska 1889 — Rokossowska Z. O świecie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wołyniu we wsi Jurkowszczyźnie pow. Zwiąhelskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1889. T. XIII. S. 163–199.
- Rostafiński 1904 — Rostafiński J. Prowincjonalne polskie nazwy roślin XVIII w., z Prus książeńcych, głównie z rękopisu Andrzeja Helwina. Kraków, 1904.
- Seweryn — Seweryn T. Ikonografia etnograficzna // Lud. 1946. XXXVII. S. 277–308; 1947. T. XXXVIII. S. 229–276; 1948–1951. T. XXXIX. S. 291–354.
- Skok 1972 — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. II. Zagreb, 1972.
- Słownik... 1979 — Słownik prastowiański. T. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.
- Sobotka 1879 — Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písniach, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice // Novočeská bibliothéka. Číslo XXII. Praha, 1879.
- Spólnik 1990 — Spólnik A. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Ossolineum. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990.
- Spólnik 1993 — Spólnik A. Nazwy roślinnych afrodyzjaków w staropolskich herbarzach // Historia leków naturalnych IV. Z historii i etymologii polskich nazw roślin leczniczych. Warszawa, 1993. S. 51–59.
- Steffen 1963 — Steffen A. Nazwy gryki: poganka i tatarka // Język Polski. T. XLIII. S. 37–40.
- Sychta — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. 1–7. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967–1976.
- Szot-Radziszewska 1999 — Szot-Radziszewska E. Roślina w etnograficznych publikacjach Władysława Siarkowskiego // Historia leków naturalnych V. Materia pharmaceutica. Warszawa, 1999. S. 106–127.

- Szot-Radziszewska 2005 — Szot-Radziszewska E. Sekrety ziół. Wiedza ludowa, magia, obrzędy, leczenie. Warszawa, 2005.
- Šimundić 1978 — Šimundić M. Prilog motivaciji biljnih naziva // Filologija. 1978. № 8. S. 291–297.
- Šulek 1879 — Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
- Udziela 1929 — Udziela S. Zabawki z roślin // Lud. 1929. XXVIII. S. 58–70.
- Wereńko 1896 — Wereńko F. Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków. 1896. T. 1. S. 99–228.
- Wróbel 1962 — Wróbel H. Związki staroczesko-staropolskie w terminologii botanicznej // Zeszyty Naukowe WSP w Katowicach. Sekcja Językoznawcza. Katowice, 1962. S. 105–137.
- Zíbrt 1896 — Zíbrt Č. Z netišťených zápisků Krolmusových // Český lid. 1896. R. 6.
- Zíbrt 1897 — Český lid. R. 6. Red. Č. Zíbrt. Praha, 1897.
- Zowczak 2000 — Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000.

СОКРАЩЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ

АГ	Фольклорный архив Академической гимназии СПбГУ. Новосokolьнический р-н Псковской обл.
ЕУ-Гдов-2000	Материалы экспедиции Европейского университета в СПб в Гдовский р-н Псковской обл. 2000 г.
ЕУ-Хвойн-98	Материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Хвойненский р-н Новгородской обл. 1998 г.
ЕУ-Черновиц-99	Материалы экспедиции Европейского университета в СПб в с. Старые Бросковцы Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. 1999 г.
ЕУ-Черновиц-2000	Материалы экспедиции Европейского университета в СПб в с. Старые Бросковцы Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. 2000 г.
ПМА	Полевые материалы автора

АРХИВЫ

- ПА — Полесский архив (Институт славяноведения РАН)
- РГБ. Музейное собр. № 4492 — Лицевой травник последней четверти XVIII в. Российская государственная библиотека (Москва). Музейное собр., № 4492.
- РНБ F.VI.16 — Лицевой травник XVIII в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Основное собрание рукописной книги, F.VI.16.
- РНБ. Q.VI.18 — Травник второй половины XVIII в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Основное собрание рукописной книги, Q.VI.18.
- ТОА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 470. — Тверской Областной Архив. Фонд 1409. Описание 1. Дело 470. Лечебник. XVIII века, вторая половина. В 4^о, 112 л.
- ТОА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 590. — Тверской Областной Архив. Фонд 1409. Описание 1. Дело 590. Старинный рукописный лечебник. 227 л.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИРГО	Императорское Русское географическое общество
МАЭ	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Алап. — Алапаевский р-н Свердловской обл.
Алт. — Алтайское
Амур. — Амурское
Арг. — Аргунский край
Арх. — Архангельская губ.
Асб. — Асбестовский р-н Свердловской обл.
Астрах. — Астраханская губ./обл.
Афанас. Киров. — Афанасьевский р-н Кировской обл.
Байк. — Байкаловский р-н Свердловской обл.
Бакч. — Бакчарский р-н Томской обл.
Баран. — Барановичский р-н Брестской обл.
Бел. Кемер. — Беловский р-н Кемеровской обл.
Белор. — Белоруссия
Берез. — Березовский р-н Свердловской обл.
Березин. — Березинский р-н Минской обл.
Бесс. — Бессарабская губ.
Беш. — Бешенковичский р-н Витебской обл.
Бобр. — Бобруйский р-н Могилевской обл.
Богдан. — Богдановичский р-н Свердловской обл.
Большеболд. Нижегород. — Большеболдинский р-н Нижегородской обл.
Борис. — Борисовский р-н Минской обл.
Брасл. — Браславский р-н Витебской обл.
Брест. — Брестская обл.
Брест. Брест. — Брестский р-н Брестской обл.
Брян. — Брянская губ.
Буда-Кош. — Буда-Кошелевский р-н Гомельской обл.
Бых. — Быховский р-н Могилевской обл.
В.-Кет. — Верхнекетский р-н Томской обл.
Верхнедвин. — Верхнедвинский р-н Витебской обл.
Ветк. — Ветковский р-н Гомельской обл.
Вил. — Виленская губ.
Вилей. — Вилейский р-н Минской обл.
Вит. — Витебская губ. (обл.)
Вит. Вит. — Витебский р-н Витебской обл.
Влад. — Владимирская губ.
Волгогр. — Волгоградская обл.
Волк. — Волковьский р-н Гродненской обл.
Волог. — Вологодская губ.
Волог. Волог. — Вологодский у. Вологодской губ.
Волын. — Волынская губ.
Ворон. — Воронежская губ.
Воронов. — Вороновский р-н Гродненской обл.
Вят. — Вятская губ.
Галич. — Галичский у. Костромской губ.

- Ганц. — Ганцевичский р-н Брестской обл.
Гатч. — Гатчинский р-н Ленинградской обл.
Глуб. — Глубокский р-н Витебской обл.
Гомел. — Гомельская обл.
Город. — Городокский р-н Витебской обл.
Горьк. — Горьковская обл.
Гриб. Ворон. — Грибановский р-н Воронежской обл.
Гродн. — Гродненская губ. (обл.)
Гродн. Гродн. — Гродненский р-н Гродненской обл.
Даур. — Даурский р-н Красноярского края
Дзерж. — Дзержинский р-н Минской обл.
Дмитр. — Дмитровский у. Орловской губ.
Добр. — Добрушский р-н Гомельской обл.
Докш. — Докшицкий у. (р-н) Витебской губ. (обл.)
Дон. — Донское
Дрог. — Дрогичинский р-н Брестской обл.
Дятл. — Дятловский р-н Гродненской обл.
Егор. Моск. — Егорьевский р-н Московской обл.
Екат. — Екатеринославская губ.
Ельн. — Ельнинский у. Смоленской губ.
Ельск. — Ельский р-н Гомельской обл.
Енис. — Енисейская губ.
Житк. — Житковичский р-н Гомельской обл.
Забайк. — Забайкалье
Зарайск. — Зарайский у. Рязанской губ.
Иван. — Ивановская обл.
Ивановск. — Ивановский р-н Брестской обл.
Ивац. — Ивацевичский р-н Брестской обл.
Ивьев. — Ивьевский р-н Гродненской обл.
Ирбит. — Ирбитский р-н Свердловской обл.
Иркут. — Иркутская губ.
Казан. — Казанская губ.
Калин. — Калининская обл.
Калинк. — Калининский р-н Гомельской обл.
Калуж. — Калужская губ.
Каменск. — Каменский р-н Свердловской обл.
Каргоп. Арх. — Каргопольский р-н Архангельской обл.
Карел. — Карелия
Кашинск. — Кашинский у. Тверской губ.
Кемер. — Кемеровская обл.
Киев. — Киевская губ.
Киров. — Кировская обл.
Коверн. Горьк. — Ковернинский р-н Горьковской обл.
Кож. Том. — Кожевниковский р-н Томской обл.
Колп. Род. — Колпашевский р-н Томской обл.
Корел. — Кореличский р-н Гродненской обл.

- Костр. — Костромская губ. (обл.)
Костюк. — Костюковичский р-н Могилевской обл.
Крап. — Крапивинский р-н Кемеровской обл.
Краснодар. — Краснодарский край
Красноур. — Красноуральский р-н Свердловской обл.
Красноуф. — Красноуфимский р-н Свердловской обл.
Краснояр. — Красноярский край
Крив. — Кривошеинский р-н Томской обл.
Крич. — Кричевский р-н Могилевской обл.
Круп. — Крупский р-н Минской обл.
Куйбыш. — Куйбышевская обл.
Кунг. — Кунгурский у. Пермской губ.
Купян. — Купянский у. Харьковской губ.
Курск. — Курская губ.
Латгал. — Латгальский диалектный регион
Лельч. — Лельчицкий р-н Гомельской обл.
Ленингр. — Ленинградская обл.
Лиозн. — Лиозненский р-н Витебской обл.
Липецк. — Липецкая обл.
Лит. — Лит. ССР
Литин. Подол. — Литинский у. Подольской губ.
Лун. — Лунинецкий р-н Брестской обл.
Люберец. Моск. — Люберецкий р-н Московской обл.
Лях. — Ляховичский р-н Брестской обл.
Малор. — Малороссия
Малорит. — Малоритский р-н Брестской обл.
Мар. Кемер. — Мариинский р-н Кемеровской обл.
Медвен. Курск. — Медвенский р-н Курской обл.
Мещов. — Мещовский у. Калужской губ.
Минск. — Минская губ. (обл.)
Минск. Минск. — Минский р-н Минской обл.
Миор. — Миорский р-н Витебской обл.
Михайл. — Михайловский р-н Свердловской обл.
Могил. — Могилевская губ.
Могил. Могил. — Могилевский р-н Могилевской обл.
Моз. — Мозырский р-н Гомельской обл.
Моск. — Московская губ.
Мядз. — Мядзельский р-н Минской обл.
Нагор. Киров. — Нагорский р-н Кировской обл.
Нерч. — Нерчинский округ Иркутской губ.
Нижег. — Нижегородская губ.
Никол. Волог. — Никольский у. Вологодской губ.
Новг. — Новгородская губ.
Новогр. — Новогрудский р-н Гродненской обл.
Новор. Черном. — Новороссийский у. Черноморской губ.
Новорос. — Новороссийский край

- Новосиб. — Новосибирская обл.
Олон. — Олонецкая губ.
Омск. — Омская обл.
Опоч. Пск. — Опочецкий у. (р-н) Псковской губ. (обл.)
Оренб. — Оренбургская губ.
Орл. — Орловская губ.
Осин. — Осинский у. Пермской губ.
Осип. — Осиповичский р-н Могилевской обл.
Ошм. — Ошмянский р-н Гродненской обл.
Пар. — Парабельский р-н Томской обл.
Пенз. — Пензенская губ.
Перв. — Первомайский р-н Томской обл.
Перм. — Пермская губ.
Петерб. — Петербургская губ.
Петр. — Петриковский р-н Гомельской обл.
Петровск. — Петровский у. Ярославской губ.
Пин. — Пинский р-н Брестской обл.
Подол. — Подольская губ.
Полевск. — Полевской р-н Свердловской обл.
Полес. — Полесье
Полесск. Киев. — Полесский р-н Киевской обл.
Полоцк. — Полоцкий у. Витебской губ.
Полт. — Полтавская губ.
Понем. — Понеманье
Пост. — Поставский р-н Витебской обл.
Приарг. — Приаргунское
Пригородн. — Пригородный р-н Свердловской обл.
Пруж. — Пружанский р-н Брестской обл.
Пск. — Псковская губ.
Пух. — Пуховичский р-н Минской обл.
Пышм. — Пышминский р-н Свердловской обл.
Ревд. — Ревдинский р-н Свердловской обл.
Реч. — Речицкий р-н Гомельской обл.
Ржев. — Ржевский у. Тверской губ.
Рог. — Рогачёвский р-н Гомельской обл.
Росс. — Россонский р-н Витебской обл.
Рост. — Ростовская обл.
Ряз. — Рязанская губ.
Ряз. Ряз. — Рязанский у. Рязанской губ.
Самар. — Самарская губ.
Сарат. — Саратовская губ.
Свердл. — Свердловская обл.
Светл. — Светлогорский р-н Гомельской обл.
Свисл. — Свислочский р-н Гродненской обл.
Себеж. Пск. — Себежский р-н Псковской обл.
Североур. — Североуральский р-н Свердловской обл.

- Селенг. — Селенгинский округ Забайкальской обл.
Семипалат. — Семипалатинская обл.
Сеннен. — Сенненский р-н Витебской обл.
Серовск. — Серовский р-н Свердловской обл.
Сиб. — Сибирское
Симб. — Симбирская губ.
Слобод. — Слободотуринский р-н Свердловской обл.
Слон. — Слонимский р-н Гродненской обл.
Слуц. — Слуцкий р-н Минской обл.
Смол. — Смоленская губ.
Совет. Киров. — Советский р-н Кировской обл.
Ср. Приоб. — Среднее Приобье
Ср. Урал — Средний Урал
Ставр. — Ставропольская губ. / Ставропольский край
Стар. — Стародубский у. Черниговской губ.
Стол. — Столинский р-н Брестской обл.
Столб. — Столбцовский р-н Минской обл.
Судог. Влад. — Судогодский у. Владимирской губ.
Сухолож. — Сухоложский р-н Свердловской обл.
Сысерг. — Сысертский р-н Свердловской обл.
Тавд. — Тавдинский р-н Свердловской обл.
Тавр. — Таврическая губ.
Талиц. — Талицкий р-н Свердловской обл.
Тамб. — Тамбовская губ.
Твер. — Тверская губ.
Терск. — Терская обл.
Тобол. — Тобольская губ.
Том. — Томская губ. (обл.)
Том. Том. — Томский р-н Томской обл.
Топк. Кемер. — Топкинский р-н Кемеровской обл.
Тотем. Волог. — Тотемский у. Вологодской губ.
Тугул. — Тугулымский р-н Свердловской обл.
Тул. — Тульская губ.
Турин. — Туринский р-н Свердловской обл.
Тюм. — Тюменская обл.
Угрин. Смол. — Угринский р-н Смоленской обл.
Удм. — Удмуртия
Укр. — Украина
Урал. — Уральское
Уф. — Уфимская губ.
Харьк. — Харьковская губ.
Херс. — Херсонская губ.
Хмельн. — Хмельницкая обл.
Хот. — Хотимский р-н Могилевской обл.
Чаин. — Чаинский р-н Томской обл.
Чебул. Кемер. — Чебулинский р-н Кемеровской обл.

- Челяб. — Челябинская обл.
Черн. — Черниговская губ. (обл.)
Чистоп. Казан. — Чистопольский у. Казанской губ.
Чкал. Горьк. — Чкаловский р-н Горьковской обл.
Чучков. Ряз. — Чучковский р-н Рязанской обл.
Шадр. — Шадринский р-н Свердловской обл.
Шег. — Шегарский р-н Томской обл.
Шенк. — Шенкурский уезд Архангельской губ.
Шуйск. Иван. — Шуйский р-н Ивановской обл.
Щигр. Курск. — Щигровский уезд Курской губ.
Щуч. — Щучинский р-н Гродненской обл.
Южн. — Южное
Юрг. Кемер. — Юргинский р-н Кемеровской обл.
Яйск. Кемер. — Яйский р-н Кемеровской обл.
Яросл. — Ярославская губ.
Яшк. Кемер. — Яшкинский р-н Кемеровской обл.

УКАЗАТЕЛЬ ФИТОНИМОВ*

Научные и литературные названия

- адонис 99, 124, 180, 190
 адонис весенний 12, 16, 18
 адонис летний 99
 адонис осенний 99
 адонис сибирский 85, 141
 аир 49, 212
 аистник длинноклювый 60
 аистник цикутolistный 28, 57, 68, 81, 130
 акант длиннолистный 55
 аконит 27, 31, 117
 аконит белый 117
 аконит высокий 13, 91, 130, 135
 аконит клубочковый 45, 117, 118
 алтей 98
 алтей аптечный 123
 амариллис 82
 анис 86
 анютины глазки 98
 арника горная 40
- арум 113
 арум пятнистый 88, 90, 110
 астра 41, 42
 астра ромашковая 39, 87
 астрагал 49
 астрагал сладколистный 81, 88, 93
 астрагал хлопунец 66, 92
 багульник 52, 54
 багульник болотный 43, 59
 базилик 15, 47, 48, 49, 71, 96, 114, 148, 149, 150, 157, 161, 175, 177, 213, 227, 228, 269
 базилик душистый 47, 143, 148, 149
 бальзамин садовый 50, 60
 барвинок 13, 15, 25, 38, 125, 161, 224, 225
 барвинок малый 123
 бархатцы 117, 121
 бархатцы крупноцветковые 117, 121
 бархатцы мелкоцветковые 121

* В первой части указателя приведены русские и латинские номенклатурные названия растений, а также русские названия, используемые в литературном и разговорном русском языке (в том случае, если в источнике не указано их научное название). Вторая часть указателя содержит диалектные фитонимы из русского, инославянских и других иностранных языков. Если в источнике указывались более точные пометы, как, например, «русинский», такие фитонимы выносились в отдельный список. Во многих источниках при фитонимах стоит помета «сербохорватское», без разделения на сербский и хорватский языки. Поэтому сербские и хорватские фитонимы даются в отдельных списках в тех случаях, когда в источниках имелись соответствующие пометы или точная географическая помета. То же касается и лужицких языков.

- безвременник осенний 38, 39, 51, 85,
белена 52, 114
белена черная 48, 51, 52, 60,
белозор болотный 56, 106
белокрыльник болотный 12
белый гриб 83
бenedикт аптечный 136, 235, 245
береза 74, 166, 172, 252, 259, 267
бересклет бородавчатый 97, 120,
бересклет европейский 69, 101, 120
бессмертник 48, 71, 150, 175
бодяга 80
бодяк 109, 110, 115, 146, 234, 235, 236,
237, 238, 239, 240
бодяк болотный 109, 120, 235, 237
бодяк ланцетолистный 109
бодяк обыкновенный 235, 237
бодяк огородный 236
бодяк полевой 120, 235, 236, 238, 240,
244
бодяк польский 109, 237
бодяк разнолистный 109, 235, 236, 237,
238
бодяк серый 243
бодяк съедобный 109, 237
болиголов 47
болиголов крапчатый 47, 51, 57, 65
болотник 43
борец вьющийся 118
борщевик 133
борщевик обыкновенный 46
боярышник 246, 268, 269
будра плосколистная 40, 49, 134
бузина 48, 72
буквица лекарственная 135
бусенник обыкновенный 94, 103
бутень ароматический 78
валериана красная 140, 141
валериана лекарственная 86, 135, 136
валериана сомнительная 68
василек 13, 45, 59, 66, 86, 119, 123, 143,
144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 152,
153, 154, 155, 229
василек волосистоголовый 147
василек восточный 147
василек горный 147
василек горькуша 38, 64, 117, 123, 144,
145, 146, 147, 148, 152, 154
василек колючеголовый 145, 146, 152
василек луговой 145, 146
василек метельчатый 154
василек пиренейский 147
василек полевой 143, 145
василек пятнистый 145, 147, 153
василек распростертый 154
василек русский 57, 147, 152
василек сибирский 145, 154
василек синий 45, 123, 143, 145, 146,
147, 148, 149, 152, 153, 154
василек скабиозовидный 64, 68, 119,
123, 134, 145, 146, 147, 148, 154
василек фригийский 80, 119, 145, 146,
147, 154
василек черный 123, 145, 146
василек шероховатый 146
василистник 18
василистник вонючий 16
василистник желтый 134
василистник малый 16
василистник простой 30, 68, 121
ваточник 92
ваточник сирийский 122
вахта трехлистная 43, 45, 128
вейник 131
вейник Лангсдорфа 59
вейник незамеченный 78
венерин башмачок крупноцветковый
118, 258, 264
венерин башмачок настоящий 27, 118,
127, 256, 258, 264
венерин башмачок пятнистый 118, 258,
264
верба 18, 212
вербейник 25
вербейник луговой чай 43
вербейник обыкновенный 27, 83, 102,
114, 121
вербена аптечная 93
вереск 47
вероника аптечная 41
вероника беловойлочная 25, 78
вероника береговая 97
вероника Буксбаума 40, 87
вероника Диллена 82, 105
вероника длиннолистная 90, 102
вероника дубровка 97, 98, 99, 137, 139
вероника лекарственная 81
вероника ложная 90
вероника простертая 136
вероника трехлистная 80
вероника широколистная 30, 65, 249
ветреница 19, 90, 124
ветреница алтайская 124
ветреница голубая 137
ветреница дубравная 27, 44, 101
ветреница лесная 16, 19, 44, 55, 90, 100,
101, 106
ветреница лютиковая 19, 37, 124
ветреница уральская 137
вика лесная 80
виноград 69, 73, 109
вишня 111

- водосбор 99
водосбор обыкновенный 89, 93, 117, 118, 121
водяная лилия 26
водяной лютик расходящийся 183
воловик аптечный 100
володушка золотистая 56
волчец 238
волчегородник волчье лыко 109
воронец колосовидный 135
вороний глаз 37, 125
вороний глаз четырехлистый 19, 51, 98, 124, 128, 260
ворсянка 31, 105, 128
ворсянка бесцветная 128
ворсянка раздельная 31
вьюнок полевой 46, 117, 123
вязель пестрый 138
гадючий лук кистевидный 60, 260
гвоздика 21, 22, 47, 91, 95, 103, 111, 227, 228, 265
гвоздика картузианская 17, 39, 95, 104
гвоздика полевая 25, 90
гвоздика пышная 97
гвоздика травянка 25, 28, 33, 80, 104
гвоздичник 91
герань 58, 81, 136
герань болотная 128, 129, 136
герань кровянокрасная 136
герань лесная 88, 90, 134, 136
герань луговая 33, 90, 131, 135, 139
герань пиренейская 81
герань темная 111
гладиолус 264
голубика 51
горец 43, 83, 94
горец вьющийся 28, 123
горец змеиный 29, 53, 54, 57, 68, 201, 248
горец песчаный 198
горец почечуйный 20, 21, 24, 25, 45, 71, 77, 94, 131
горец птичий 44, 60, 198
горец щавелелистный 94, 131
горечавка горьковатая 56
горечавка легочная 116
горечавка перекрестнолистная 24, 32, 45, 88, 130, 131
горичвет кожистый 121
горичвет кукушкин цвет 91, 260, 263
горлоха ястребинковидная 137
горох 70, 103, 115, 132
горошек мышиный 24
горчица 46, 226
горянка эпимедиум 117
гравилат городской 34
гравилат кроваво-красный 81
гравилат прибрежный 25, 30, 74
гравилат прямой 34
гребенщик французский 115–116
гречский орех 69, 108
гречиха 24, 108, 109
гречиха посевная 108
гроздовник полулунный 118
грудница шерстистая 55
грушанка круглолистная 99, 104, 134
грыжник 198
грыжник Вессера 44
грыжник гладкий 44
двойчатка лучистая 47
девясил 54, 127, 131, 132, 133, 138, 140
девясил высокий 85, 119, 131, 141
девясил иволестный 97, 98
дербенник 102
дербенник иволестный 36, 47, 50, 83, 102, 156
дербенник лозный 102
дикая гречиха 24
дикая морковь 69
донник 59, 197
донник аптечный 87
донник белый 87, 102
дрема белая 50
дрок красильный 59
дряква 117
дуб 111, 151, 267
дуб пушистый 111
дубровка 40
дубровка женевская 168
дудник аптечный 134
дудник лесной 46, 110
дурман 114
дурман обыкновенный 48, 51
дурнишник 128, 234, 245
дурнишник колючий 109, 110, 128, 235, 236, 237, 245, 246
дурнишник обыкновенный 236, 238, 244
душица 160, 197
душица обыкновенная 47, 53, 86
дягиль низбегающий 110
ежевика 72, 249
ежовник 46
ель 141, 193
жабник полевой 55, 121
женьшень 45
жерушник 181
жерушник лесной 45
живокость 54
живокость Аяксова 119
живокость высокая 52, 59, 98, 106
живокость полевая 27, 82, 118, 119, 143

- жимолость душистая 123
жимолость немецкая 123
зайцеухост 121
заячья капуста 130
звездчатка 43
звездчатка Бунге 38
звездчатка средняя 31, 101
зверобой 11, 13, 14, 17, 19, 20, 71, 87, 88, 91, 92, 93, 94, 95, 141, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161
зверобой большой 102, 156
зверобой пронзеннолистный 31, 50, 58, 71, 94, 103, 141, 155, 156, 157, 159, 160
зверобой стелющийся 66, 92, 157
зверобой четырехгранный 20, 157, 159
зеленчук желтый 41
земляная груша 240
земляника лесная 25
зимолюбка зонтичная 35
змеевик 92
змееголовник тимьяноцветковый 80
золотарник золотая розга 56
золототысячник зонтичный 130, 136
зопник клубеносный 25, 55, 83, 116, 121
зорька 141
зорька горичвет 97
зоря 49
зубровка 44
зубровка душистая 60
зубчатка осенняя 56
зубянка девятилистная 89
зубянка клубеносная 67
иван-да-марья 23, 72, 79, 162, 164, 166, 167
иван-чай 79
иглица подъязычная 92
ирихонская роза 67, 92, 250
инжир 69
ипомея 123
ирис 140, 260, 264, 265
ирис сибирский 260
исландский мох 119
истод обыкновенный 56
кактус 81, 82
календула 58
калужница 43
калужница болотная 43, 98
камеломка 110
камыш озерный 122
канареечник тростниковидный 122
канатник Теофраста 134
капуста 65, 69, 73, 175, 246
кардаминопис песчаный 66, 77
картофель 68, 111
картошка 73, 111
касатик 28, 258, 265
касатик германский 265
касатик желтый 30, 201, 264
касатик русский 83, 118, 260, 263
касатик сибирский 102
касатик флорентийский 265
качим метельчатый 136
каштан 125
кипрей узколистный 122
кипрейник сродный 56
кислица обыкновенная 46, 110, 128
кислица прямая 46
клевер 35, 43, 46, 60, 103, 128, 129, 264
клевер альпийский 147, 151
клевер горный 84, 86, 104, 117
клевер каштановый 44
клевер луговой 13, 19, 60, 128, 198
клевер мясо-красный 198
клевер пашенный 29, 66, 150
клевер полевой 128
клевер ползучий 19
клевер средний 29, 260
клен татарский 120
клоповник 181
княжик 123
княжик альпийский 88
княжик сибирский 91
ковыль 34, 270
ковыль волосатик 34, 36, 122
ковыль перистый 270
козелец пурпуровый 136
козлобородник 15, 109
кокушник душистый 92
кокушник комариный 68, 92, 102, 123, 130, 253, 256, 258, 261, 264
колокольчик 26, 37
колокольчик жестковолосый 26, 27
колокольчик крапиволистный 26
колокольчик круглолистный 26, 119
колокольчик ломкий 77
колокольчик периколистный 26, 29, 64, 119
колокольчик равнолистный 77
колокольчик раскидистый 26, 27
колокольчик репчатый 119
колокольчик скученный 79, 101, 135, 168
колючник 133, 234, 235, 236
колючник бесстебельный 110, 237, 240, 244, 245, 246, 247
колючник Биберштейна 57, 81
колючник обыкновенный 57, 81, 133, 236, 242
конопля 49, 76, 170, 224
копеечник сибирский 131
копытень 25

- копытень европейский 28, 29, 55, 58
 коровяк 93
 коровяк медвежье ухо 28, 90, 93
 коровяк черный 24
 короставник полевой 66, 136, 150
 костенец волосовидный 138
 костенец постенный 138
 костер 110
 котовник кошачий 110
 кошачья лапка двудомная 53, 55, 135
 кошельки 118
 крапива 47, 48, 52, 53, 71, 73, 74, 99, 149, 166, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 242, 268, 269
 крапива двудомная 111, 168, 170, 177
 крапива жгучая 111, 168
 крапива коноплевая 178
 красавка белладонна 52, 106
 крестовник луговой 117, 119, 135
 кривоцвет полевой 105
 кровохлебка 70
 кровохлебка аптечная 13, 14, 17, 18, 19, 20, 44, 81, 93
 крупка перелесковая 57, 70
 крушина 83
 крыжовник 124
 крыжовник отклоненный 109
 кубышка желтая 26–27, 83, 117, 120
 кувшинка 22, 42, 43, 105
 кувшинка белая 26
 куколь посевной 66, 150
 кукуруза 69, 107, 108
 кукушкин лен обыкновенный 138
 купальница азиатская 16, 86, 138
 купальница европейская 42, 117, 120
 купена аптечная 90
 купена многоцветковая 259, 260
 купена широколистная 105
 купырь лесной 28
 лабазник вязолистный 46, 86, 102, 110, 135
 лабазник шестилепестный 81, 121
 ладынь трехнадрезный 88, 89
 лазурник трехлопастный 44
 ландыш 264, 265
 ландыш купеновый 88, 94, 98, 103, 123, 138
 ландыш майский 29, 34, 40, 80, 116, 260
 лапчатка 129
 лапчатка белая 129
 лапчатка гусятая 104, 129, 136, 260
 лапчатка норвежская 53
 лапчатка ползучая 129
 лапчатка прямая 133, 201, 248
 лапчатка прямостоячая 136
 лапчатка семилисточковая 83
 лапчатка серебристая 25, 53, 55, 129
 ластовень 24
 ластовень аптечный 66, 78
 латук 15, 232
 лебеда 33
 лебеда поникшая 12
 лен 14, 41, 107, 170
 лилия 95
 лилия белая 91
 лилия кудреватая 28
 лимонная мята аптечная 110
 липучка ежевая 34
 лисохвост луговой 28
 лихнис – татарское мыло 16, 86, 97, 110, 115, 121, 140
 лиций обыкновенный 123
 ломонос 123
 ломонос прямой 133
 ломонос цельнолистный 112
 лопух 14, 90, 215, 218, 236, 240, 243, 244
 лопух войлочный 80
 лопух паутинистый 240
 лопушник 234, 236, 238, 239
 лопушник большой 24, 85, 215, 235, 238, 239, 241, 244
 лук 18, 45, 73, 111, 113, 183
 лук-шалот 111
 льнянка 92, 264
 льнянка обыкновенная 57, 92, 104, 118, 135, 260
 любисток 49, 212, 213, 263
 любисток аптечный 213, 263
 любка 265
 любка двулистная 251, 256, 258, 261, 264
 люпин 115
 лютик 12–13, 17, 35, 42, 43, 45, 52, 55, 101, 158, 166, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 192, 197
 лютик болотный 43
 лютик длиннолистный 186
 лютик едкий 14, 16, 35, 51, 52, 100, 101, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187
 лютик жгучий 182, 183, 184
 лютик золотистый 42, 183, 185
 лютик иллирийский 183
 лютик многоцветковый 45, 55, 100, 180, 181, 184, 185
 лютик плавающий 184
 лютик платанолистный 184
 лютик полевой 180, 181, 184, 187
 лютик ползучий 35, 42, 180, 181, 184, 186
 лютик прыщинец 186

- лютик ядовитый 43, 45, 180, 181, 182, 186, 187
лютик языколистный 180, 182, 184, 185
лядвенец рогатый 29
майник двулистный 68
мак 17, 72, 99, 112, 139, 268
мак восточный 99
мак самосейка 13, 50, 60, 99, 112
мальва 26, 98
мандрагора 80, 103
манжетка 31, 68, 91
манжетка обыкновенная 29, 31, 68, 104, 117, 120
манник водный 91
маргаритка 24
маргаритка многолетняя 80, 84, 97, 121
марена 267, 268, 269
марена красильная 19
марь белая 12
марь красная 12
марьянник 14, 79, 110, 127, 165, 168
марьянник дубравный 14, 21, 72, 87, 98, 126, 128, 162, 164, 165, 167
марьянник луговой 55, 126, 165, 168
марьянник полевой 167, 168
мать-и-мачеха 12, 61
мать-и-мачеха обыкновенная 12, 28, 34, 38, 81, 125, 133
медвежья ягода 36
медуница 21, 140
медуница аптечная 21, 46, 137, 168
медуница мягкая 86, 121
медуница неясная 60
медуница узколистная 46
мелкопестник едкий 40, 42
мелкопестник канадский 106
метлица 170
метлица обыкновенная 25
миндаль обыкновенный 108
мирикария германская 113
можжевельник 86
молочай 15, 16, 60, 189
молочай лозный 16, 191
молочай Палласа 80
мордовник 234, 236, 239, 242
мордовник русский 64
мордовник шароголовый 64, 88
морозник черный 51, 65
морозник 249
мыльнянка аптечная 36, 134
мытник крупноцветковый 116
мята 49, 166, 213
мята болотная 59
мята водяная 47, 49
мята длиннолистная 47
мята лапландская 168
мятлик боровой 136
мятлик обыкновенный 136
наперстянка крупноцветная 26
недотрога 36
недотрога обыкновенная 37, 92
незабудка 99, 101
незабудка болотная 43, 80, 99, 105
незабудка лесная 105
нивяник обыкновенный 39, 116, 120
ноннея коричневая 100
норичник шишковатый 88, 131, 134
овес 111, 237, 250
огурец 19, 69, 70, 73, 177
одуванчик 12, 14, 15, 16, 36, 44, 78, 85, 116, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193
одуванчик аптечный 16, 27, 32, 39, 45, 53, 98, 113, 117, 187, 198
ожика 112
ожика волосистая 134
ожика равнинная 259
окопник аптечный 54
омежник 47
опенок луговой 198
опунция обыкновенная 81, 115
орех 41, 141
орех грецкий 69, 108
орляк обыкновенный 92
орхидея 126, 251
осина 74, 141, 176, 268
осока 33, 60, 122
осока волосистая 122
осот 137, 234, 237, 238
осот огородный 15, 238
офрис человеконосный 253, 256
очанка лекарственная 20, 55, 66, 97, 105
очиток 25
очиток едкий 50, 54, 56
очный цвет 43
очный цвет полевой 40, 77, 99, 100, 101, 106
падуб остролистный 122
пальчатокоренник балтийский 130, 253
папоротник 41, 77, 135, 136, 156, 166, 224
паприка 14, 69
паслен сладко-горький 99, 114, 120, 260
паслен черный 46
пастушья сумка 83
пастушья сумка обыкновенная 27, 30, 55, 70, 99, 104
пеларгония 113
первоцвет 28, 37, 67, 89, 193, 194, 195, 196, 197
первоцвет аптечный 28, 89, 137, 193, 194, 195, 195

- первоцвет высокий 89, 193, 194, 195, 197
первоцвет золотистый 195, 197
первоцвет истинный 37, 67, 101, 129, 193, 194, 197
первоцвет кортузовидный 37, 195
первоцвет Палласа 37, 195
переступень белый 58
перец 45, 46, 112, 183
песья вишня 111
песья вишня обыкновенная 111
петров крест чешуйчатый 88, 89, 203
петрушка 49, 213, 214
печеночница обыкновенная 44
пижма 132, 139, 141, 197
пижма обыкновенная 78, 120, 133, 134, 140, 141
пион 21, 71, 114
плаун булавовидный 88, 119, 122
плаун годичный 59
плющ 13, 38, 171
плющ обыкновенный 123
повилика 122, 123
повилика тимьянная 78
повой заборный 39
повойничек водяной перец 123
поганка 111, 117
погремок большой 39, 50
погремок обыкновенный 50
подбел 117, 133
подбел белый 37
подбел гибридный 37
подберезовик 83
подмаренник настоящий 40, 41, 59, 80, 87
подмаренник топяной 124
подмаренник цепкий 34, 119
подорожник 44, 83, 84, 130, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 262
подорожник большой 60, 130, 136, 199, 200, 201, 202, 204, 206
подорожник ланцетовидный 130, 199, 200, 201, 202, 204, 206, 210
подорожник песчаный 199, 205
подорожник средний 83, 84, 130, 198, 200, 201, 206
подснежник 37, 38
подснежник снеговой 84, 111
подсолнечник однолетний 18, 99
полевика белая 66
поленика 249
полюнь 12, 45, 46, 47, 49, 72, 90, 119, 166, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 239, 269
полюнь веничная 228
полюнь высокая 223
полюнь горькая 14, 45, 211, 216, 217, 218, 219, 220, 221
полюнь лечебная 46, 80, 211, 216, 217, 218, 219, 221, 222
полюнь обыкновенная 14, 16, 19, 88, 119, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 228
полюнь однолетняя 228
полюнь полевая 219, 222
полюнь цитварная 218, 220
поручейник сизаровидный 121
посконник коноплевый 117
посконь 76
постенница 168
постенница аптечная 123
прицепник 74
просвирыняк 25, 26
просвирыняк курчавый 66
просвирыняк лесной 143
просвирыняк низкий 26, 120, 143
просо петушиное 46
прострел 31, 75, 90
прострел луговой 31, 32, 38, 75, 106
прострел обыкновенный 31, 60, 75, 124
прострел раскрытый 31, 75, 108
прострел сон-трава 124
прострел широколистный 106
пупавка благородная 119
пупавка красильная 56, 119
пупавка полевая 24, 45
пшеница 72, 79, 111
пыльцеголовник красный 91
расторопша пятнистая 94
рдест блестящий 131
разрыв-трава 156
ревень 103
редька 49, 65
резак обыкновенный 33
резуха 77
репейник 56, 83, 235, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 247
репейничек 234
репейничек аптечный 24, 56, 93, 134
ржавценник 259
рис посевной 107
рогос 122
рогос узколистный 117, 122
рогос широколистный 27, 28, 59, 122
рожь 14, 41, 45, 72, 79, 107, 145, 148, 155
роза 15, 18, 20, 22, 124, 173, 177, 227, 228, 269
ромашка 12, 14, 22, 66, 68, 119, 166
ромашка аптечная 24, 87

- ромашка лекарственная 54
ромашка непахучая 119
рута 42, 269
рута садовая 129
рябина 41, 70, 74
рябчик царский 116
ряска 43
сабельник болотный 129
самшит 13, 38
саррацения 117
сатирум 69, 253, 256, 258
свидина кроваво-красная 101
свинойрой пальчатый 60
свинуха 86
седмичник 124
седмичник европейский 98, 124, 130
селезеночник обыкновенный 124, 137
сердечник 181
сивец луговой 30, 66, 90, 102
синеголовник 234
синеголовник плоский 241, 242, 243
синеголовник полевой 64, 136
синеголовник равнинный 236
синюха голубая 56, 90, 127, 135, 140, 143
синяк обыкновенный 59
сирень 35, 109, 129
скабиоза желтая 138
скабиоза темнопурпуровая 121
сколопендриум 136
скрученник 95
слива 73
смолевка поникшая 25, 31, 74, 100
смолевка широколистная 50, 60, 117, 120, 136
смолка клейкая 54, 55, 106
смородина красная 109, 249
сморчок 117
солодка 46
солодка шиповатая 110
сочевичник весенний 82, 88, 118
сочевичник черный 111, 118, 147
стрелolist стрелolistный 43
строчок обыкновенный 85
сушеница 16
сушеница топяная 55, 66, 150
сыроежка 198
табак 72, 109, 154
тайник овальный 78, 123, 127, 256, 257, 258
тамариск 113
тамус обыкновенный 79
татарник 234
татарник колючий 235
татарник обыкновенный 93, 235, 236, 238, 240
телорез обыкновенный 33
тимофеевка луговая 28
тимьян 82, 83, 84, 92
тина 43
толокнянка аптечная 36
тополь серебристый 19
торица крупная 123
трутовик 117
трясунка 94, 95, 259
трясунка средняя 80, 103, 104, 110, 120, 259
турча болотная 101
тут белый 122
тут черный 122
тыква 19, 69, 73
тысячеголов испанский 136
тысячелистник 139, 197
тысячелистник желтый 45
тысячелистник обыкновенный 20, 41, 59, 60, 76, 87, 133, 135, 201
тысячелистник Птармика 133
тысячелистник хрящеватый 133
узик стоячий 54
фасоль 69, 238
феопапус трехнервный 154
фиалка 47, 79, 81, 98, 106, 137, 165, 166, 167, 168, 260
фиалка белая 118
фиалка душистая 38, 53, 58
фиалка полевая 165
фиалка скальная 105
фиалка собачья 37
фиалка трехцветная 66, 72, 85, 87, 97, 98, 99, 101, 118, 126, 127, 134, 162, 164, 165, 166, 167
фуксия 120
хвощ лесной 36
хвощ полевой 131
хлопчатник 122
хмель 141
хрен 114, 214
хризантема 24
хрящеветник 29, 67
цетрария исландская 119
цикорий 13, 17, 36, 44, 72, 85, 89, 116, 146, 191, 198, 229, 230, 231, 232, 233, 234
цикорий обыкновенный 40, 56, 88, 89, 119, 229
цикорий-эндивий 229, 230
цикута 47
цикута ядовитая 51, 65
цмин песчаный 16, 18, 39, 122
чабрец 82, 86, 203
чабрец обыкновенный 82, 92
частуха 43

- частуха подорожниковая 43
 череда трехраздельная 112
 черемуха 14, 259
 черника 14
 чернобыль 215, 216, 220
 чернобыльник 83, 215, 217, 219, 220, 221, 222–223
 черноголовка обыкновенная 79, 120
 чернушка полевая 78
 черный груздь 86
 чертополох 109, 110, 145, 146, 171, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 269
 чертополох акантолистный 235, 236, 245
 чертополох курчавый 109, 235, 236, 237, 238
 чертополох поникший 235, 236, 241
 чеснок 47, 49, 67, 112, 113, 269
 четырехкрыльник пурпуровый 128
 чечвица 119
 чилибуха 120
 чилига древовидная 92
 чина гороховидная 89
 чина лесная 88
 чина луговая 120
 чистец болотный 29, 88
 чистотел 53, 70
 чистотел большой 13, 54, 70, 105, 121
 чистяк весенний 35, 42, 81, 180, 181, 183, 187
 шалфей 83, 84, 203
 шалфей клейкий 203
 шалфей луговой 84, 168, 203
 шалфей степной 143
 шаровница 117
 шафран 39
 шафран сетчатый 42
 шелковица 122
 шиповник 14, 20, 176, 269
 шиповник собачий 211
 шлемник колпаконосный 83
 шлемник копельистный 86
 шавель 45, 110, 183, 264
 шавель кислый 46
 ширица запрокинутая 116
 ширица хвостатая 121
 шитовник мужской 77, 135
 эгилопс 138
 эспарцет песчаный 102, 103
 яблоня 73, 112
 ярутка 116
 ярутка полевая 56
 ясенник душистый 137
 ясенник красильный 80
 яснотка 41, 52
 яснотка белая 52, 81, 99
 яснотка пурпурная 41, 44, 101
 яснотка стеблеобъемлющая 41
 ястребинка 119
 ястребинка волосистая 18, 25, 27, 74
 ястребинка зонтичная 101, 105, 131
 ястребинка луговая 140
 ястребинка синяковидная 25
 ятрышник 30, 67, 68, 69, 70, 77, 78, 79, 96, 104, 126, 127, 209, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 262, 263, 264, 265
 ятрышник болотный 30, 69, 248
 ятрышник-дремлик 81, 118, 248, 249, 254, 257, 259
 ятрышник мужской 67, 127, 250, 251, 254, 257, 258, 259
 ятрышник обожженный 254
 ятрышник пурпуровый 248, 253, 257
 ятрышник пятнистый 67, 69, 104, 130, 168, 248, 249, 250, 251, 253, 254, 255, 257, 258, 261, 264
 ятрышник широколистный 67, 69, 123, 130, 248, 249, 250, 254, 257, 258, 262, 264
 ятрышник шлемоносный 30, 67, 92, 251, 254, 257, 259, 264
 ячменник стелющийся 77

Латынь

- Abutilon avicennae* 134
Acanthus longifolius Host. 55
Acer tataricum L. 120
Achillea cartilaginea 133
Achillea clypeolata Sm. 45
Achillea millefolium L. 20, 41, 59, 60, 76, 87, 133, 136, 201
Aconitum album 117
Aconitum excelsum Reich. 13, 91, 130, 135
Aconitum napellus L. 45, 117, 118
Aconitum volubile Pall. 118
Actaea spicata L. 135
Adonis Dill. 124
Adonis L. 190
Adonis aestivalis L. 99
Adonis autumnalis L. 99
Adonis sibiricus 141, 85
Adonis vernalis L. 12, 16, 18
Aecidium Asperifolii Pers. 259

- Aegilops* L. 138
Agaricus comatus Müll. 117
Agrimonia 234
Agrimonia eupatoria 93
Agrimonia eupatoria L. 24, 56, 134
Agrostis alba L. 66
Ajuga L. 40
Ajuga genevensis L. 168
Alchemilla vulgaris L. 29, 68, 104, 117, 120, 135
Alectorolophus major Rchb. 50
Alisma plantago L. 43
Alopecurus pratensis L. 28
Althaea officinalis L. 123
Amarantus caudatus L. 121
Amarantus retroflexus L. 116
Amaryllis 82
Amygdalus communis L. 108
Anagallis arvensis L. 40, 77, 99, 100, 101, 106
Anastatica hierochuntica L. 67, 92, 250
Anchusa officinalis L. 100
Anemone altaica Fisch. 124
Anemone L. 124
Anemone nemorosa L. 27, 44, 101
Anemone patens L. 124
Anemone pulsatilla L. 60, 124
Anemone ranunculoides 37, 106
Anemone ranunculoides L. 19, 124
Anemone sylvestris L. 16, 19, 44, 90, 100, 101, 106
Anemone uralensis Fisch. 137
Angelica archangelica 134
Angelica sylvestris L. 46, 110
Antennaria dioica Gärtn. 55, 135
Anthemis arvensis L. 24, 45
Anthemis nobilis L. 119
Anthemis tinctoria L. 56, 119
Anthriscus sylvestris (L.) Hoffm. 28
Apera spica 25
Aquilegia Tourn. 99
Aquilegia vulgaris 93
Aquilegia vulgaris L. 89, 117, 118, 121
Arabis arenosa 66, 77
Archangelica decurrens Ledb. 110
Arctium 234, 236, 239
Arctium lappa L. 24, 85, 215
Arctium tomentosum Mill. 80, 240
Arctostaphylos uva ursi Spr. 36
Arnica montana L. 40
Artemisia L. 211
Artemisia abrotanum 46, 211
Artemisia abrotanum L. 80, 216, 217, 219, 221, 222, 223
Artemisia absinthium 216, 217, 218
Artemisia absinthium L. 14, 45, 211, 217, 218, 219, 220, 221
Artemisia annua 216
Artemisia annua L. 228
Artemisia campestris L. 219, 222
Artemisia camphorata Vill. 220, 222
Artemisia cina 218
Artemisia cina L. 218, 220
Artemisia procera Willd. 223
Artemisia scoparia W. et K. 228
Artemisia vahliana Kostel. 218
Artemisia vulgaris 216, 217
Artemisia vulgaris L. 14, 19, 88, 119, 211, 214, 215, 218, 219, 220, 221, 228
Arum 113
Arum maculatum 88
Arum maculatum L. 90, 110
Asarum 25
Asarum europaeum L. 28, 29, 55, 58
Ascalonicum 111
Asclepias 92
Asclepias syriaca L. 122
Asperula odorata L. 137
Asperula tinctoria L. 80
Aspidium Filix mas Sw. 135
Asplenium ruta muraria L. 138
Asplenium trichomanes L. 138
Aster amellus 87
Aster amellus L. 39
Astragalus 49
Astragalus cicer L. 66, 92
Astragalus glycyphyllos 93
Astragalus glycyphyllus L. 81, 88
Atragene L. 123
Atragene alpina L. 88
Atragene sibirica 91
Atriplex patula L. 12
Atropa belladonna 52, 106
Balsamina hortensis DC. 60
Bellis 24
Bellis perennis 84
Bellis perennis L. 80, 97, 121
Betonica vulgaris L. 133, 135
Bidens tripartita L. 112
Bifora radians MB. 47
Botrychium lunaria 118
Briza 94
Briza media L. 80, 103, 104, 110, 120, 259
Bromus L. 110
Bryonia alba 58
Bupleurum aureum Fisch. 56
Buxus 13
Calamagrostis Roth. 131
Calamagrostis Langsdorfii 59
Calamagrostis neglecta 78
Calceolaria Lin. 118
Calendula L. 58
Calla palustris L. 12

- Caltha* 43
Caltha palustris 43, 100, 185
Caltha palustris L. 43, 98
Calystegia sepium 39
Campanula 26, 37
Campanula cervicaria L. 26, 27
Campanula fragilis Cyrill. 77
Campanula glomerata 79
Campanula glomerata L. 26, 101, 135, 168
Campanula isophylla Moret. 77
Campanula patula L. 26, 27
Campanula persicifolia L. 26, 29, 64, 119
Campanula rapunculus L. 119
Campanula rotundifolia L. 26, 119
Campanula trachelium L. 26
Capsella bursa pastoris 30, 55, 70, 104
Capsella bursa pastoris L. 27
Capsella bursa pastoris Moench. 99
Caragana arborescens Lam. 92
Cardamine 181
Carduus 234, 235, 236, 237, 239
Carduus Gaertn. 109, 235, 237, 238
Carduus L. 110, 237
Carduus acanthoides L. 235, 236, 245
Carduus candicans W.K. 110, 235, 236, 237
Carduus cnicus 245
Carduus crispus L. 109, 235, 236, 237, 238
Carduus nutans L. 235, 236, 241
Carex L. 33, 122
Carex hirta L. 122
Carlina 133, 234, 235, 236
Carlina L. 235, 236
Carlina acanthifolia All. 110, 237
Carlina acanthifolia L. 240, 244, 245, 246, 247
Carlina biebersteinii 57, 81
Carlina vulgaris 57, 81
Carlina vulgaris L. 133, 236, 242
Caucalis grandiflora 74
Centaurea 148, 235
Centaurea Less. 119, 145, 153
Centaurea austriaca Willd. 145
Centaurea Biebersteinii 145, 147
Centaurea calcitrapa 145
Centaurea calcitrapa L. 145, 146, 152
Centaurea cyanus 148
Centaurea cyanus L. 45, 123, 143, 146, 148, 149, 152, 153, 154
Centaurea diffusa Lam. 154
Centaurea iberica Trev. 147
Centaurea jacea 38, 147, 152, 154
Centaurea jacea L. 64, 117, 123, 144, 145, 146, 147, 148, 154
Centaurea montana L. 147
Centaurea nigra L. 123, 145, 146
Centaurea orientalis L. 147
Centaurea phrygia 80
Centaurea phrygia L. 119, 145, 146, 147, 154
Centaurea ruthenica Lam. 57, 147, 152
Centaurea scabiosa 134
Centaurea scabiosa L. 64, 68, 119, 123, 145, 146, 147, 148, 154
Centaurea sibirica L. 145, 154
Centaurea stoebe L. 154
Centaurea trichocephala 147
Centaurea trinervia Steph. 154
Centranthus ruber 140, 141
Cephalanthera rubra Rich. 91
Cetraria islandica Ach. 119
Chaerophyllum aromaticum 78
Chamaenerion 79
Chelidonium majus L. 13, 54, 70, 105, 121
Chenopodium album L. 12
Chenopodium rubrum L. 12
Chimaphila umbellata (L.) Nutt. 35
Chrysanthemum 24
Chrysanthemum leucanthemum L. 116, 120
Chrysosplenium alternifolium L. 124, 137
Cichorium 230
Cichorium endivia 230, 233
Cichorium intybus 88, 89
Cichorium intybus L. 40, 56, 119, 229
Cichorium sativum 232
Cicuta virosa L. 51, 65
Cirsium 234, 235, 236, 239, 240
Cirsium Tourn. 109, 110, 115, 235, 236, 237, 238
Cirsium afrum Hoffm. 235, 236, 240
Cirsium arvense 238
Cirsium arvense L. 236, 240
Cirsium arvense Scop. 120, 235, 235, 236, 238, 244
Cirsium canum M.B. 243
Cirsium eriophorum Scop. 109, 237
Cirsium esculentum C.A.M. 109, 237
Cirsium heterophyllum All. 109, 235, 236, 237, 238
Cirsium lanceolatum Scop. 109, 235, 237
Cirsium oleraceum 236
Cirsium palustre (L.) Scop. 109, 237
Cirsium palustre Scop. 120, 235
Clematis De. 123
Clematis erecta 60
Clematis integrifolia L. 112
Clematis recta L. 133
Cnicus 235
Cnicus benedictus Gärtn. 136
Cnicus benedictus L. 235, 245, 247

- Coix lacryma-jobi L. 94, 103
Colchicum autumnale 85
Colchicum autumnale L. 38, 39, 51
Conferva L. 43
Conium maculatum L. 47, 51, 57, 65
Convallaria majalis 40, 80
Convallaria majalis L. 29, 34, 40, 116, 260
Convallaria multiflora L. 260
Convallaria polygonatum L. 88, 94, 98, 103, 123, 138
Convolvulus arvensis L. 46, 117, 123
Corallorhiza innata R.Br. 89
Corallorhiza trifida Chatel. 89
Cornus sanguinea L. 101
Coronilla varia L. 138
Crocus pallasianus 39
Crocus reticulatus M.B. 42
Cuscuta L. 122
Cuscuta Tourn. 122, 123
Cuscuta epithymum L. 78
Cyclamen L. 117
Cynodon dactylon Pers. 60
Cypripedium calceolus L. 27, 118, 127, 256, 258, 264
Cypripedium guttatum Swartz. 118, 258, 264
Cypripedium macranthum L. 118
Cypripedium macranthum Swartz. 258, 264
Comarum palustre L. 129
Dactylorhiza baltica 130, 253
Daphne mezereum L. 109
Datura stramonium L. 48, 51
Delphinium Ajacis L. 119
Delphinium consolida L. 27, 82, 118, 119, 143
Delphinium elatum L. 52, 59, 98, 106
Dens leonis 188
Dentaria 67
Dentaria bulbifera L. 67
Dentaria enneaphylla 89
Dianthus L. 90
Dianthus carthuasiorum 17, 39
Dianthus carthuasiorum L. 95, 104
Dianthus deltoides 25, 33, 80
Dianthus deltoides L. 48, 104
Dianthus superbus L. 97
Dianthus sylvestris L. 95, 104
Digitalis grandiflora Mill. 26
Dipsacus laciniatus L. 31
Dipsacus strigosus Willd. 128
Draba nemorosa L. 57, 70
Dracocephalum thymiflorum 80
Echinops 234, 236, 242
Echinops L. 236, 239
Echinops ritro L. 64
Echinops sphaerocephalus 88
Echinops sphaerocephalus L. 64, 88
Echium vulgare L. 59
Elatine hydropiper L. 123
Epilobium angustifolium L. 102, 122
Epilobium tetragonum L. 56
Epimedium alpinum L. 117
Equisetum sylvaticum L. 36
Erigeron 242
Erigeron acer L. 40
Erigeron acris 42
Erigeron canadensis L. 106
Erodium ciconium Willd. 60
Erodium cicutarium L. 57, 68, 81, 130
Erodium cicutarium L. Herit. 28, 57, 68
Ervum lens L. 119
Eryngium 234
Eryngium campestre L. 64, 136, 236
Eryngium planum L. 241, 242, 243
Erythraea centaurium L. 130, 136
Eupatorium cannabinum L. 117
Euphorbia 15, 189
Euphorbia Pallasii Turcz. 80
Euphorbia virgata W. et K. 16, 191
Euphrasia officinale L. 20, 66
Euphrasia officinalis L. 55, 97, 105
Evonymus europaea L. 69, 120
Evonymus europaeus L. 101
Evonymus verrucosus L. 97, 120
Fagopyrum esculentum 108
Falcaria vulgaris 33
Filago arvensis L. 55, 121
Filipendula ulmaria (L.) Maxim. 86
Fragaria vesca L. 25
Fritillaria imperialis L. 116, 117
Fuchsia Plum. 120
Galanthus nivalis 84, 111
Galium aparine L. 34, 119
Galium uliginosum 124
Galium verum 41, 87
Galium verum L. 40, 59, 80
Genista tinctoria L. 59
Gentiana amarella L. 56
Gentiana cruciata L. 24, 32, 45, 88, 131
Gentiana pneumonantha L. 116
Geranium L. 58, 81
Geranium L'Herit. 113
Geranium palustre L. 128, 129, 136
Geranium phaeum 111
Geranium pratense 33
Geranium pratense L. 90, 131, 135
Geranium pyrenaicum L. 81
Geranium sanguineum L. 136
Geranium sylvaticum 88
Geranium sylvaticum L. 90, 134, 136
Geum coccineum 81
Geum rivale L. 25, 30, 31, 74

- Geum strictum* Ait. 34
Geum urbanum L. 34
Glechoma hederacea L. 40, 49, 134
Globularia 117
Glyceria aquatica Wahlb. 41
Glycyrrhiza L. 46
Glycyrrhiza asperima L. 110
Gnaphalium L. 16
Gnaphalium dioicum L. 53
Gnaphalium uliginosum L. 55, 150
Gymnadenia conopsea 92
Gymnadenia conopsea R. Br. 68, 130, 253
Gymnadenia conopsea Rich. 102, 123, 253, 256, 258, 261, 264
Gymnadenia odoratissima 92
Gypsophila paniculata Led. 136
Gyromitra esculenta 85
Hedera 13
Hedera Helix L. 123
Hedysarum esculentum/neglectum Ledeb. 131
Helianthus annuus 18, 99
Helichrysum arenarium L. 39
Helichrysum arenarium (L.) DC. 18
Helichrysum arenarium Mnch. 16
Helleborus niger 51, 65
Helychrisum arenarium 122
Hepatica triloba Chaix 44
Heracleum 133
Heracleum spondylium L. 46
Herniaria glabra L. 44
Herniaria incana Lam. 44
Hieracium echioides L. 25
Hieracium paludosum L. 119
Hieracium pilosella L. 18, 25, 27, 74
Hieracium pratense Tausch. 140
Hieracium umbellatum L. 101, 105, 131
Hierochloa 44
Hierochloa odorata Wah. 60
Hottonia palustris L. 101
Hyosциamus niger L. 48, 51, 52, 60
Hypericum 158
Hypericum ascyron 156
Hypericum ascyron L. 102
Hypericum humifusum L. 66, 92, 157
Hypericum perforatum 50, 159, 160
Hypericum perforatum L. 31, 58, 71, 94, 103, 141, 155, 156, 157
Hypericum quadrangulum 159
Hypericum quadrangulum L. 20, 157
Ilex aquifolium L. 122
Illecebrum 29, 67
Impatiens L. 36
Impatiens balsamina L. 50
Impatiens noli tangere L. 37, 92
Inula 54, 131
Inula helenium 85
Inula helenium L. 119, 131, 133, 141
Inula salicina L. 97, 98
Ipomaea L. 123
Iris 28
Iris L. 260
Iris florentina L. 265
Iris germanica L. 265
Iris nobilis 140
Iris pseudacorus 30, 201, 264
Iris ruthenica 263
Iris ruthenica Ker.-Gawl. 83, 118
Iris ruthenica L. 260
Iris sibirica L. 102, 260
Juglans regia L. 108
Lactuca scariola 15
Lagurus 121
Lamium album 99
Lamium album L. 52, 81
Lamium amplexicaule 41
Lamium galebdolon 41
Lamium purpureum 41, 44, 101
Lappa 238
Lappa Tourn. 238
Lappa major Gärtn. 235, 238, 241, 244
Lappa major Grtn. 238, 239
Lappula echinata Gilib. 34
Lathraea squamaria L. 88, 89, 203
Lathyrus pisiformis L. 89
Lathyrus pratensis L. 120
Lathyrus silvestris 88
Ledum acre L. 54
Ledum palustre L. 43, 59
Leontodon 15
Leontodon taraxacum L. 16, 187
Lepidium 181
Leucanthemum vulgare Lam. 39
Levisticum officinale Koch. 263
Levisticum officinale L. 213
Lilium candidum L. 91
Lilium martagon L. 28
Linaria vulgaris L. 92
Linaria vulgaris Mill. 57, 104, 118, 135, 260
Linosyris villosa DC. 55, 56
Listera ovata 78, 257
Listera ovata (L.) R. Br. 127
Listera ovata R. Br. 123, 256, 258
Lonicera caprifolium L. 123
Lonicera periclymenum L. 123
Lotus corniculatus L. 29
Lupinus 115
Luzula 112
Luzula campestris Cand. 259
Luzula pilosa Willd. 134
Lychnis chalconica 140

- Lychnis chalconica* L. 16, 86, 97, 110, 115, 119, 121
Lychnis coronaria L. 121
Lychnis flos cuculi L. 91, 184, 260, 263
Lychnis githago Scop. 150
Lychnis viscaria L. 55
Lycium barbarum L. 123
Lycopodium annotinum L. 59
Lycopodium clavatum 88
Lycopodium clavatum L. 119, 122
Lycopsis arvensis L. 105
Lysimachia 25
Lysimachia nummularia 43
Lysimachia vulgaris 114
Lysimachia vulgaris L. 27, 83, 102, 121
Lythrum Juss. 102
Lythrum salicaria 83
Lythrum salicaria L. 36, 47, 50, 102, 156
Lythrum virgatum L. 102
Majanthemum bifolium (L.) Schidt. 68
Malva 25
Malva L. 26
Malva borealis 143
Malva borealis Wallm. 26
Malva crispa L. 66
Malva pusilla Sm. 119
Malva rotundifolia L. 120, 143
Malva sylvestris L. 143
Matricaria chamomilla L. 24, 41, 87
Matricaria inodora L. 119
Melampyrum L. 110
Melampyrum nemorosum L. 72
Melampyrum arvense L. 167
Melampyrum nemorosum 162
Melampyrum nemorosum L. 14, 21, 87, 98, 126, 128, 164, 165, 167
Melampyrum pratense 126, 165
Melampyrum pratense L. 55, 168
Melandrium album (Milld) Garcke. 50
Melilotus L. 59
Melilotus alba Desf. 102
Melilotus albus Desr. 87
Melilotus officinalis Desr. 87
Melissa officinalis L. 110
Mentha aquatica 49
Mentha aquatica L. 47
Mentha arvensis L. 168
Mentha pulegium L. 59
Mentha silvestris L. 47
Menyanthes trifoliata 43
Menyanthes trifoliata L. 45, 128
Merendera sobolifera 38
Morchella sp. 117
Morus alba L. 122
Morus nigra L. 122
Muscari racemosum DC. 60
Muscari racemosum Willd. 260
Myosotis Dill. 101
Myosotis palustris 43
Myosotis palustris With. 80, 99, 105
Myosotis sylvaticum 105
Myricaria germanica 113
Myristica clinopodium 47
Nepeta cataria L. 110
Nigella arvensis L. 78
Nonnea pulla (L.) DC. 100
Nuphar luteum 27
Nuphar luteum L. 26
Nuphar luteum Smith. 26, 117, 120
Nymphaea 42, 43
Nymphaea alba 26
Nymphaea alba L. 26
Ocimum basilicaria 48, 148
Ocimum basilicum L. 47, 143, 148
Odonites rubra Pers. 56
Onobrychis sativa L. 103
Onopordon 234, 235
Onopordon acanthium 93, 238
Onopordon acanthium L. 235, 236, 240
Ophrys anthropophora L. 253, 256
Opuntia vulgaris Mill. 81, 115
Orchis 69, 127, 248, 252, 256, 257, 265
Orchis L. 249, 254, 257, 258
Orchis incarnata L. 248, 253, 257
Orchis latifolia L. 67, 69, 123, 130, 248, 249, 250, 253, 254, 257, 258, 262, 264
Orchis maculata 251
Orchis maculata L. 67, 69, 104, 130, 168, 248, 249, 250, 251, 254, 255, 257, 258, 261, 264
Orchis mascula L. 67, 127, 250, 254, 257, 258, 259
Orchis militaris 30, 67, 92
Orchis militaris L. 127, 251, 254, 257, 259, 264
Orchis morio L. 81, 118, 248, 249, 254, 257, 259
Orchis palustris Jacq. 30, 69, 248
Orchis ustulata L. 254
Origanum vulgare 47, 86
Origanum vulgare L. 53
Orobus niger L. 111, 118, 147
Orobus vernus L. 82, 88, 118
Oryza sativa 107
Oxalis acetosella L. 46, 110, 115, 128
Oxalis stricta L. 46
Panicum crus-galli L. 46
Papaver L. 112
Papaver orientale L. 99
Papaver rhoeas 13, 99
Papaver rhoeas L. 50, 60, 112
Parietaria 168

- Parietaria officinalis* L. 123
Paris 37
Paris quadrifolia L. 19, 51, 98, 124, 128, 260
Parnassia palustris 106
Parnassia palustris L. 56
Pedicularis grandiflora 116
Petasites Tourn. 117
Petasites albus (L.) Gaertn. 37
Petasites hybridus (L.) Sch. 37
Petasites vulgaris Desb. 133
Pezeza L. 85
Phaeopappus trinervius Boiss. 154
Phalaris arundinacea L. 122
Phleum pratense L. 28
Phlomis tuberosa L. 25, 55, 116, 121
Physalis 111
Physalis alkekengi L. 111
Picris hieracioides 137
Plantago 84
Plantago L. 198, 199, 202, 204
Plantago arenaria W. et K. 199
Plantago indica L. 205
Plantago lanceolata L. 199, 200, 201, 204, 206
Plantago major L. 60, 130, 136, 199, 200, 201, 202, 204, 206
Plantago media L. 84, 201
Platanthera 252, 265
Platanthera bifolia L. 251, 258, 261
Platanthera bifolia Rich. 251, 256, 264
Poa nemoralis L. 136
Poa trivialis L. 136
Polemonium coeruleum 127, 140
Polemonium coeruleum L. 56, 90, 135, 143
Polygala vulgaris L. 56
Polygonatum latifolium Desf. 105
Polygonatum multiflorum 260
Polygonatum officinale 99
Polygonum L. 94
Polygonum aviculare 44, 60
Polygonum aviculare L. 60
Polygonum bistorta L. 29, 53, 54, 57, 68, 201, 248
Polygonum convolvulus L. 28, 123
Polygonum fagopyrum 108
Polygonum lapathifolium L. 94, 131
Polygonum persicaria L. 20, 21, 25, 45, 71, 77, 94, 131
Polyporus ignarius Fr. 117
Polystichum Filix mas. Roth. 77
Polytrichum commune L. 138
Populus alba L. 19
Potamogeton lucens L. 131
Potentilla Nestl. 129
Potentilla alba L. 129
Potentilla anserina L. 104, 129, 136, 260
Potentilla argentea L. 25, 53, 55, 129
Potentilla norvegica L. 53
Potentilla opaca Koch. 83
Potentilla recta L. 136
Potentilla reptans L. 129
Potentilla tormentilla Schr. 133
Potentilla tormentilla Schrenk. 201, 248
Primula L. 89, 193, 194, 195, 196, 197
Primula auricula 197
Primula auricula L. 195
Primula cortusoides L. 37, 195
Primula elatior Jacq. 194, 196, 197
Primula officinalis 195
Primula officinalis Jacq. 28, 89, 137, 193, 194, 196
Primula pallasii Lehm. 37, 194, 195
Primula suaveolens Bert. 193, 194, 196, 197
Primula veris elatior 89, 193, 195
Primula veris L. 37, 67, 101, 129, 193, 194, 197
Prunella vulgaris 79
Prunella vulgaris L. 120
Pteris aquilina DC 133
Pteris aquilina 92
Pulmonaria 106, 140
Pulmonaria angustifolia L. 46
Pulmonaria molissima 86
Pulmonaria molissima A. Kerner. 121
Pulmonaria obscura Dum. 60
Pulmonaria officinalis L. 21, 46, 137, 168
Pulsatilla latifolia 106
Pulsatilla patens 106
Pulsatilla patens Mill. 31, 32, 75
Pulsatilla pratensis 38, 106
Pulsatilla pratensis L. 26
Pulsatilla pratensis (L.) Mill. 32
Pulsatilla pratensis Mill. 31, 32, 75
Pulsatilla vulgaris Mill. 31, 75
Pyrola rotundifolia L. 99, 104, 134
Quercus pubescens Willd. 111
Ranunculus 158, 180, 181, 184, 185
Ranunculus L. 42, 180, 183, 184, 185
Ranunculus acer 14, 51, 182, 183, 185, 186
Ranunculus acer L. 35, 52, 100, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187
Ranunculus acris 184
Ranunculus acris L. 16, 35, 87, 101, 180, 181, 183, 184, 185, 186
Ranunculus aquatilis L. 42, 183
Ranunculus arvensis 181
Ranunculus arvensis L. 184
Ranunculus auricomus 183

- Ranunculus auricomus L. 42, 183, 185
Ranunculus divaricatus Schr. 183
Ranunculus ficaria L. 35, 81, 180, 181, 187
Ranunculus flammula 182
Ranunculus flammula L. 182, 183, 184, 186
Ranunculus fluitans Lam. 184
Ranunculus illyricus L. 183
Ranunculus lingua L. 180, 182, 184, 185, 186
Ranunculus platanifolius L. 184
Ranunculus polyanthemus L. 45, 180, 181, 184, 185
Ranunculus repens L. 35, 42, 180, 181, 184, 186
Ranunculus sceleratus L. 45, 180, 181, 182, 186, 187
Rheum 103
Rhinanthus crista galli L. 50
Rhinanthus vernalis L. 39, 50
Ribes grossularia 109
Ribes rubrum L. 109
Roripa 181
Roripa silvestris (L.) Bess. 45
Rosa canina L. 211
Rubia tinctorum L. 19
Rumex acetosa L. 46
Ruscus hypoglossum 92
Ruta graveolens 129
Sagittaria sagittifolia L. 43
Salvia 84, 203
Salvia dumetorum 143
Salvia glutinosa L. 203
Salvia pratensis L. 84, 168, 203
Sanguisorba L. 70
Sanguisorba officinalis 93
Sanguisorba officinalis L. 13, 14, 17, 18, 19, 20, 24, 81
Saponaria officinalis L. 36, 134
Saponaria vaccaria L. 136
Sarracenia L. 117
Satyrium L. 69, 253, 256, 258
Saxifraga crassifolia L. 110
Scabiosa arvensis 136, 150
Scabiosa atropurpurea L. 121
Scabiosa ochroleuca L. 138
Scabiosa succisa L. 30, 102
Scirpus lacustris L. 122
Scolopendrium Sm. 136
Scorzonera purpurea L. 136
Scrophularia nodosa L. 88, 131, 134
Scutellaria hastifolia L. 86
Sedum 25
Sedum acre L. 50, 54, 56
Sedum telephium L. 130
Senecio Jacobaea L. 117, 119, 135
Silene inflata 50
Silene inflata Sm. 60
Silene inflata Smith. 117, 120, 136
Silene nutans L. 25, 31, 74, 100
Siler trilobum 44
Silybum Marianum (L.) Gaertn. 94
Sium lancifolium 121
Solanum dulcamara 99
Solanum dulcamara L. 114, 120, 260
Solanum nigrum L. 46
Solidago virga aurea L. 56
Sonchus 234
Sonchus Cass. 238
Sonchus oleraceus 15
Sonchus oleraceus L. 238
Spargula arvensis L. 123
Spiraea filipendula L. 81, 121
Spiraea ulmaria L. 46, 102, 110, 135
Spiranthes spiralis 95
Stachys palustris 88
Stellaria Bungeana Fenzl. 38
Stellaria media L. 31, 101
Stipa capillata 36
Stipa capillata L. 34
Stipa pennata L. 34, 122, 270
Stratiotes aloides L. 33
Strychnos nux vomica L. 120
Succica pratensis 66, 90
Symphytum officinale L. 54
Tagetes L. 18
Tagetes Tourn. 121
Tagetes erectus L. 117, 121
Tagetes patulus L. 121
Tamarix gallica L. 116
Tamarix germanica 113
Tamus communis L. 79
Tanacetum vulgare L. 78, 120, 133, 134, 140, 141
Taraxacum dens leonis Desf. 117
Taraxacum officinale L. 32, 53
Taraxacum officinale Web. 39, 45, 189
Taraxacum officinale Wigg. 27, 98, 113, 187
Tetragonolobus purpureus 128
Thalictrum flavum L. 134
Thalictrum foetidum L. 16
Thalictrum majus Jacq. 18
Thalictrum minus L. 16
Thalictrum simplex 30, 68
Thalictrum strictum Andrz. 121
Thlapsi Dill. 116
Thlaspi arvense L. 56
Thymus 86, 203
Thymus serpyllum L. 82
Thysellinum palustre L. 68

- Tormentilla erecta L. 54, 248
 Tragopogon 15, 109
 Trientalis L. 124
 Trientalis europaea L. 98, 124, 130
 Trifolium 128
 Trifolium Tourn. 128
 Trifolium agrarium L. 128
 Trifolium alpestre L. 147, 151
 Trifolium arvense L. 29, 150
 Trifolium medium L. 260
 Trifolium montanum 84, 104
 Trifolium montanum L. 86, 117
 Trifolium pratense L. 13, 19, 60, 128
 Trifolium repens L. 19
 Trifolium spadiceum L. 44
 Trollius asiaticus L. 86, 138
 Trollius europaeus 42
 Trollius europaeus L. 117, 120
 Tussilago farfara 38, 81
 Tussilago farfara L. 12, 28, 34, 125, 133
 Typha angustifolia L.
 Typha L. 122
 Typha angustifolia L. 117, 122
 Typha latifolia L. 27, 28, 59, 122
 Urtica cannabina L. 178
 Urtica dioica L. 111, 168, 170
 Urtica urens L. 111, 168
 Vaccinium uliginosum L. 51
 Valeriana dubia Bung. 68
 Valeriana officinalis L. 86, 135, 136
 Verbascum nigrum 24
 Verbascum thapsus 93
 Verbascum thapsus L. 28, 90
 Verbena officinalis 93
 Veronica anagallis 97
 Veronica buxbaumii 40, 87
 Veronica chamaedrys L. 97, 98, 99, 137, 139
 Veronica Dillenii 82, 105
 Veronica incana L. 25, 78
 Veronica latifolia L. 30, 65, 249
 Veronica longifolia L. 90, 102
 Veronica officinalis 41
 Veronica prostrata L. 136
 Veronica spuria L. 90
 Veronica triphyllos L. 80
 Vicia sylvatica 80
 Vinca 13
 Vinca minor L. 123
 Vincetoxicum laxum Godr. et Gren. 24
 Vincetoxicum officinale L. 66, 78
 Viola arenaria DC. 105
 Viola arvensis Murr. 165
 Viola canina L. 37
 Viola lactea 118
 Viola odorata 38, 58
 Viola odorata L. 53
 Viola tricolor 162
 Viola tricolor L. 66, 72, 87, 97, 98, 99, 101, 118, 126, 127, 134, 164, 165, 166, 167
 Viscaria vulgaris 106
 Viscaria vulgaris Röhl. 54
 Xanthium 234, 235
 Xanthium spinosum 128
 Xanthium spinosum L. 110, 235, 236, 237, 245, 246
 Xanthium strumarium L. 238, 244
 Zea mays L. 107, 108

Русский

<i>авдотки</i> 86	<i>архирейская метла</i> 78	<i>барашки</i> 195, 197–198
<i>аверьянка</i> 86	<i>атаман-трава</i> 24	<i>бархатец</i> 121
<i>аверьяновка</i> 86	<i>баба</i> 84, 203	<i>бархатинка</i> 121
<i>аграфена-купальница</i>	<i>бабий переполох</i> 57, 81	<i>бархатка</i> 121
87, 184	<i>бабка</i> 83, 84, 203	<i>бархатки полевые</i> 121
<i>адамова голова</i> 29, 64,	<i>бабочка</i> 146	<i>бархатная травка</i> 121
65, 90, 146	<i>бабочки</i> 146	<i>бархатник</i> 121
<i>адамовы слезы</i> 70, 104	<i>бабы зубы</i> 67	<i>бархатный лист</i> 121
<i>азовский орех</i> 68	<i>бабы румяна</i> 80	<i>бархатный цвет</i> 121
<i>акулька</i> 86	<i>бабы слёзы</i> 84, 104	<i>бархатцы</i> 121
<i>анютины глазки</i> 66, 98,	<i>бабы сплетни</i> 80	<i>бархотка</i> 121
164, 166	<i>бабья трава</i> 80	<i>батог</i> 231
<i>арабка</i> 111	<i>балаболка</i> 26	<i>батог петровы</i> 231
<i>арабки</i> 111	<i>баранки</i> 195	<i>батожки</i> 231
<i>арап</i> 111	<i>баранчик</i> 195	<i>батожок</i> 229
<i>арапка</i> 111	<i>баранчики</i> 195	<i>баשמачки</i> 118
<i>арапчик</i> 111	<i>баранья медушка</i> 195	<i>баשמачник</i> 118
<i>армянский бурьян</i> 109, 237	<i>баранья трава</i> 195	<i>баשמачок</i> 118

- бедовник 51
 безвременный цвет 39
 безсмертник 154
 белая глухая крапива 52
 белая девятихв 133
 белая шелковица 122
 белица 12
 белоглазка 12
 белоголовник 12
 белозор 106
 белоколка 12
 белолытка 12
 белохай 257
 белоцвет 12
 белый девятильник 133
 белый плакун 102
 белый узик 201
 белый чернобыль 221
 берёзка 28
 бесиво 51
 беспрогонная трава 166
 бестолковчик 38
 бешанец 51
 бешеная трава 51
 бешенница 51
 биз-дерево 222
 биз-дерево 222
 блават 144
 благородник 45
 блошник 59
 богова скатерка 60
 богова слезка 104
 боговы слёзы 95, 259
 богородицкая трава 92, 166
 богородицын башмачок 118
 богородицыны слезки 94, 103
 богородицыны слёзы 94, 95, 103, 259
 богородичник 92
 богородка 92
 богородная трава 92
 Божушкины слёзы 95, 259
 бодряка 236
 бодяк 145, 236
 божья трава 242
 божье дерево 222
 божьи ручки 67, 194
 божьи слезки 104
 Божьи слёзы 96, 259
 божья милость 160
 бойцы 210
 болиголов 51, 65
 болоболки 26
 болотина 42, 43
 болотник 43
 болотный ванька 86
 большая зубчатая трава 146
 большой прикрыт 31, 91
 болячки 53, 193
 бордоголовка 13
 бордоголовник 13
 борец синий 13
 боровые кувшинчики 27
 бородавник 53
 бородавочник 53
 босоног 204
 боярышник 268
 брат и сестра 21, 140, 164
 брат с сестрой 21, 164
 брат с сестрою 184
 братики 164
 будак 245
 будяк 234, 236
 бусурманская трава 109, 237
 ванька кочкин 86
 ванька красный 86
 вая красненький 86
 вая-да-маня 164
 васёк 86, 148
 васелька 148
 василежник 148
 василек 143, 148, 149, 150, 151, 229
 василёк 86, 148
 василек болотный 143
 василек полевой 143
 василечик 148
 василина 148
 василиск 148
 василиски 148
 василистник 148
 васильки 148, 149
 васильковый цвет 148
 васильчик 148
 васькины глазки 86, 144
 васютка 148
 ваточник 122
 вдовья трава 46
 венчальный цвет 77
 веретённик 28
 веретёшечник 28
 веретёшки 28
 веробой 156
 веселые глазки 66, 166
 весёлые глазки 97
 веснянка 37
 веснянки 37
 ветодуй 189
 ветренник 189
 ветродуйки 189
 взоробой 156
 висюлёк 148
 висюльки 148
 вишня жидовская 111
 водянка 42
 водяной измоден 183
 водяной куростеп 101
 водяной-скрытый 50
 войлочная трава 122
 воловские орехи 108
 волосец 66
 волосик 147
 волосник 66
 волосянец 66
 волощечка 148
 волошик 147
 волошка 66, 147, 148, 149, 150, 153
 волошки 66, 148, 150
 волошок 148
 волчец 33, 234, 238
 волчок 33, 238
 волчья серьги 120
 вонёк 47
 вонюка 47
 вонючая трава 47
 вороний глаз 98, 102
 вороновы глаза 98
 вороновы глазки 98
 вороньи глаза 98
 вороньи глазки 98
 вороньи ягоды 19
 восковница 35
 всем травам мать 83
 вторая осоть 137
 вымечко 251
 высопелька 147
 вытопошный лист 200
 гадючье молоко 193
 гажья трава 249
 галочья пряжа 123
 галунок 147
 гардамон 59
 глазная трава 20, 66, 105
 глазница 20, 66, 97

- глазомой 153
 глазопарка 105
 глазуи 97
 глистник 46, 218
 глухая крапива 52
 глухой мак 50
 головик 64, 146
 головник 146
 головолом 51, 65
 голубень 143
 голубец 143, 144
 голубка 143
 голубоглазка 144
 голубой колокольчик 143
 голубок 143
 голубоцветник 143
 голубые глазки 144
 голубые цветки 13, 143
 голубянка 143
 горечь 45, 211
 горитва 16
 горчица 16
 горчицвет 16
 горлянка 53
 гортанная трава 154
 горчак 45, 181
 горчаница 45, 211
 горчица 45, 181
 горькая трава 45, 181
 горькуха 45, 181, 211
 горькуша 45, 211
 горькушник 45
 граммофончик 28
 греческий орех 108
 грязная трава 56
 грязница 55
 гульняная трава 251
 гуменцо попово 78, 190
 гусарчик 210
 двенадцать лихоманок 134, 138
 двоекраска 126
 двоелистник 125
 двулистник 127
 двуличник 125
 двусил 127, 139, 140
 двусильная 127
 двухцветная трава 127
 двухцветник 126
 девесил 133, 165
 девесиль 133
 девятигла 133
 девичий переполох 57, 81
 девичье мыло 115
 девичья коса 77
 девичья красота 77
 девичья травка 80
 девясил 54, 131, 139, 140
 девясил белый 133
 девясильник 131
 девясильный корень 131
 девясин 133
 девятиболезник 132
 девятибрат 140, 141
 девятибратная 140
 девятибратник 85, 141
 девятигла 133
 девятигрязная трава 133
 девятижилник 132
 девятильник 133, 134
 девятильник желтый 133
 девятисил 131, 132, 133
 девятисильник 131, 132
 девятихвост 133, 139
 девятихвост белая 133
 девятихвост желтая 133
 девятихвост красная 133
 девятухвост 133
 дёготник 200
 дед 85, 240
 дедки 85, 240
 дедовина 85, 240
 дедовник 80, 85, 234, 240, 241, 242
 дедок 240
 денежник 50
 день-и-ночь 165, 270
 дерюга 122
 десятильник 134
 десятичник 134
 десятисильник 134
 детская трава 57
 дивесил 131
 дивосил 132
 дивясил 131
 дикая серпуха 146
 дикая цикория 188
 дикий репейник 145
 дикое мыло 115
 диравик 155
 дойник 188
 доктор 204
 долголет 38
 дорожник 44, 198
 драчье 236
 дрема 54, 106, 263
 дубовая лапти 119
 дувачник 189
 дудель 32
 дудка 32
 дудки 32
 дунька-медунка 86
 дуняшка 86
 дурачья шапка 117
 дур-трава 51
 духмяник 47
 духмянка 47
 душица 47
 душки 47, 48
 душмянка 47
 дырвялиный зверобой 155
 дырвяник 155
 дырвячик 155
 дырвявый зверобой 155
 ебун-корень 257
 егорово копы 90
 егорьево копы 33, 90, 91
 егорьевское копы 90
 еремей 86
 жабинец 184
 жабная 55
 жабная трава 53, 55, 184
 жабник 43
 жабовник 55
 жагала 169
 жала 169
 жальница 52
 жарки 16
 жгучка 52, 169
 жегала 169
 железняк 208
 желтая одномесечная 124
 желтая цикория 188
 желтоголовик 12
 желтоголовник 180
 желтомолочник 13
 желтотысячник 12
 желтоцвет 12, 180
 желтоцветка 19
 желтушка 12, 180
 желтый глаз 97
 желтый молочай 13
 желтый пугвенник 119
 желтый пугвальник 119
 желтый цвет 180, 186

- жених* 77
женская тижма 78
женский тысячелистник 76
жеробей 156
жеруха 181
живокость 54
животный корень 53,68
жига 169
жигалка 169
жигучка 169
жидовинник 113
жидовское кресло 109, 237
жилика 169
жилиник 202
жильистый листок 202
жильная лапушка 202
жильник 202
житник 145
житничек 145
жолуничный корень 53, 68–69
журавелка 28
завязник 201
завязной корень 248
завязный корень 54, 201, 248
занозная трава 208
запонки 120
зарники 230
заря 263
заячьи уши 29
звездянка 27
звериный глаз 99
зверобат 156
зверобец 156
зверобой 139, 155, 156
звонец 50
звоница 50
звонок 146
здоровая-трава 159
зелие многоглазое 138
зимовик 39
зимоцвета 37
златотысячник 137
златотысячица 137
змеевик 249
змеевка 56
змеиная трава 249
змеиный скус 249
змеиный укус 249
змиевик 249
зозилькины баשמачки 258
зозулины ручнички 258
- зозулины ручнички* 258
золотая трава 18
золототысячная трава 136
золототысячник 137
золотуха 18
золотушная трава 55, 167
золотушник 55, 56
зорька 263
зубная трава 188
зубник 188
зубница 67
зубной корень 188
зубянка 67
зырки 97
зырянская рожь 107
зязюля 257
Иван безголовый 30, 65
иван белый 86
иван болотов 86
иван головастый 88
Иван да Марья 164
иван качало 86
иван-да-марья 21, 72, 79, 87, 126, 140, 162, 164, 165, 166, 168
иванова голова 29, 64, 65, 80, 146
иванова трава 184
иголка 34
изглас 252
имтелас 252
кавалерские шпоры 119
казачки 110
какуй 252
калачик 26
калачник 26
калмыцкий ладан 115
калмыцкий чай 110
камчуг 196
камчужная 196
карелка 107
каталочки 147
кашка 19, 36
квашня 27
кильная трава 55, 56
кисарь 252
киселица 46
кислец 46
кислица 46
кисличка 46
китайские орехи 108
китайское мыло 110, 115
- клубок* 117
клубуки 117
клубуки поповские 117
клубучек 117
клубучник 117
кловики 28
ключики 28, 193
кобыльник 221
ковьяль 36
козаки 210
козелец 106, 185
козелки 185
кокошники 257
кокуй 252
кокус 252
кокушечьи слезы 260
кокушка 258
кокушкины баשמачки 118, 258
кокушкины слёзы 259
кокушник 258
колетуха 235
колетушка 235
колка 235
колокольчик 25, 146
колотуха 235
колтак 117
колпакуша 117
колпачки 27, 117
колун 235
колуха 235
колока 235
колотик 235
колоха 32, 235
колочка 235
колочки 235
колошки 235
колошник 32
комоница 249
конваля 265
конёвник 221
конопот 200
копеечный цвет 181
копус 252
копытень 28, 200
корелка 107
корень от девяти
грыж 133
коровник 188
коровяк 188
коростовая трава 182
косарь 27
косатик 27
косатник 27
косица 27–28
кострика 170

- кострыка* 170
костырка 170
котелки 27
кошачьи слёзы 259
крапивá 169
крапива 99, 168, 169, 174, 175, 176
крапива свиная 111
крапивная пряжа 123
красная кашка 13, 19
красноголовик 13
красноголовка 13
красноголовки 64, 146
красноголовник 13
краснокорёнка 13, 157
краснокоренник 13
красные корни 13
красный плакун 102
крест трава 128
крипива 169
кروавик 205
кровепуск 205
кровехлёб 205
кровопои 205
кросососка 71
кровохлёбка 71
кропивушка 176
кроповá 169
крупяник 210
крутник 230
кряпива 169
кубышечник 26
кубышка 26
кувшинка 26
кувшинник 26
кувшинчик 26
кувшинчики 26
кувишины 26
кудель-барашки 195
куколь 117, 252
кукоос 252
кукоось 252
кукуша 70, 253
кукушечьи слёзки 83
кукушечьи слезы 257, 260
кукушка 209, 257, 262, 263
кукушки 257
кукушкин башмачок 118
кукушкин рукомоинчик 27
кукушкин сапожок 118
кукушкин умывальничек 27
кукушкин цвет 263
кукушкино мыло 115
кукушкины башмачки 118
кукушкины дары 254
кукушкины дары 257
кукушкины лапти 118
кукушкины ножки 258
кукушкины сапожки 118, 258
кукушкины слезки 104, 107, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 262, 263
кукушкины слёзки 83, 259
кукушкины слезы 249, 257, 260
кукушкины слёзы 259, 261
кукушкины тапочки 118
кукушник 258
кукушники 257
кукушница 257
кукушница двулистная 258
кукушница женская 257
кукушьи слезки 257, 260
кукушьи слезы 260
кульбаба 190
купало 184
купальница 184, 186
купена 138
купена-лупена 138
куриная слепота 55, 100, 101, 105, 185, 192
куричья слепота 101, 105, 185, 192
куропатиное просо 210
куропатка 264
курослеп 55, 100, 101, 185, 266
курослепник 100, 101, 185
курочки 264
курья слепота 101
курячья слепота 55, 101, 185
кытки 29
кыточник 29
ладошка 130, 253
лазоревые васильки 137
лазоревый цветок 143
ландыш 264
лапка 190
лапух 239
лапуха 239
лапушник 239
лас 252
лась 252
лебеда 12
ленточная трава 119
ленточник 119
лепельник 238
лепёшник 26
лепилки 238
лепильник 238
лепушка 238
лепушки 238
лепушник 238
лепчица 34
лесной репей 145
летунок 189
лечебная трава 204
лечебник 204
липкая трава 34
липяк 165
липок 238
липушка 238
липушки 238
липушник 34
липчица 34
лисьи яйца 256
лисьи яйца трава 256
лихорадочная трава 55, 186, 249
лобода 12
лобуда 12
ломонос 60
лопотун 26
лопух 22, 81, 234, 239
лопуха 239
лопушек 239
лопушка-тягушка 202
лопушник 239
лосис 252
лосись 252
лоскутница 123, 146
лоскутный цвет 123, 146
лось 252
луговка 44
луговник 44, 229
люб трава 253
люб цветок 59
люб-трава 256
любен трава 256
любжа 256
любим корень 253
любим-трава 34

- любима 34
 любимка 253
 любка 253, 256
 любовное зелье 256
 любовны ручки 253
 любовный корень 256
 лютик 45, 183
 лютик золотистый 186
 лютик ядовитый 186
 лютый цвет 183
 лягушатник 43
 лягушачий цветок 43
 лягушачий шелк 122
 лягушачье мыло 43
 лягушачьи слёзы 43
 лягушачья трава 43
 лягушечник 43, 184
 лягушник 43
 лягушье платье 116
 лягушник 44
 м...о 256
 мамыны слёзы 83
 мансийский чай 110
 марийка 86
 марьины слёзы 259
 маточник 54
 матрёшка 86
 мать и мачиха 167
 мать-и-мачеха 34, 81
 мачимачеха 167
 медвёдок 147
 медвежье мыло 110, 115
 медовик 46
 медовник 46, 47
 медунка 106, 196
 межсепарица 29, 68
 межсеперстица 29, 68
 межсперстица 29, 68
 межсперстица 129
 мертвая крапива 52
 мешочница 27
 младенческая 152
 младенческая трава 57, 152
 многоголовник 138
 многоцвет 138
 мокрец 31
 мокрица 31
 мокруша 42, 183
 молоканка 188
 молоканчик 188
 молокоед 188
 молочай 15, 188, 191
 молочая 188
 молочник 15, 188
 молньная трава 59
 монгольский чай 110
 мордвин 109, 234, 235, 237
 мордовинник 33, 109, 237, 241, 245, 246
 мордовник 109, 236, 237, 240
 морковник 28
 мороз трава 39
 мотылёк 146
 мочажина 43
 муженёк 80
 мужик-корень 80
 мужицкий переполох 57, 81
 мужичок 80, 223
 мужская жабная 55
 мужская пижма 78
 мужской жабник 55
 мужской тысячелистник 76
 мухомор 59
 мыльник 36
 мыльный корень 36
 мышатник 195
 насадная трава 78
 нарыв 52, 182, 186
 нарывная трава 52, 182, 186
 не замай меня 37
 не тронь меня 37
 невеста 77
 невестка 77
 невестаниха 253
 неглухой мак 50
 недотрога 37
 недотыка 37
 нерусская пучка 110
 несчастливец 39, 51
 не-тронь-меня 37
 неумолкай 50
 неумолкайка 50
 неумолканка 50
 нехворощь 223
 нечуй 25
 нечуй-ветер 25
 нищая трава 60
 норичная трава 56
 ночная фиалка 265
 ночной дух 265
 нудушки 256
 овечья смерть 34
 огнев цвет 16
 огневик 16
 огненный цвет 16
 огонёк 16
 огонечки 138
 огородный желтняк 180
 одиначик холостой 125
 одномесячная 124
 одномесячная трава 124
 одномесячник 124
 одномесячный цвет 124
 односторонник 125
 одолень-трава 58
 одуайчик 189
 одуанчик 189
 одуван 189
 одуванчик 189
 одуш плешь 189
 ожальник 169
 онисим 86
 опорез-трава 204
 опухольная 206
 осенний цвет 39
 осот 32, 234, 237
 острец 201
 остяцкая крапива 111
 остяцко конопль 111
 остяцкое мыло 110, 115
 очанка 20, 66, 97
 очи трава 97
 очная помощь 105
 очная трава 20, 66, 105
 очный цвет 100
 павки 190
 павлинья очки 99
 падушная трава 56
 пальчики 130, 253
 папарытник 166
 пастуший баשמачок 118
 пахучка 47
 пена-луэна 138
 первенец 37, 195
 первоцвет 10, 37, 137, 195
 первоцветики 37, 195
 первоцветка 37, 137, 195
 перелой 56
 перелойка 56
 перелойная трава 56
 переполох 145
 перетон 200

- петрив бати* 231
петров батог 231
петров кнут 89, 231
петров крест 88
петров крест трава 89
петровы батог 89, 231
петухи 264
петушки 264
петушки-или-курочки 59
петушок 30, 194, 264
петушья нога 181
плакун 36, 70, 102, 103, 156, 261
плакун-трава 36, 102, 103, 107, 156
плакун желтый 102
плакун красный 36
плакун трава 103, 261
плакун черный 102
плакунь 102
плетень 24
плетун 24
плетшаки 190
плешивец 190
плешь 190
повой 123
повой благовонный 123
повой воловый 123
повой малый 123
повой подстенный 123
повойник 123
повойничек 123
поддорожник 199
поддувальник 189
поддуванчик 189
поджележник 208
поджележница 208
подойник 188
подойница 27, 188
подойнички 27, 188
подорожник 44, 198, 208
подорожница 44, 198
подоянка 188
подснежник 37
позвонки 50
позвонок 50
поздноцвет 39
полая трава 32, 188
полевой цветок 145
полевой цихорий 188
полевые слезки 104
ползунка 25
попынушка 225, 226
попынь 45, 46, 211, 226, 227
попынька 225
попынюша 226
попыня 226
попик 137
попова плешь 190
попутник 44, 198, 207, 208
попутный лист 44, 198
поранник 204
порезник 204, 206
последник 200
потоскуйка 25, 31, 74
похочун-трава 257
приворот 152
приворотник 152
приворотный корень 57
придорож 44, 191
придорожная трава 229
придорожник 44, 198, 199, 206, 229
прикрыт 31, 91
припутник 208
приточник 135
просвирка 26
просвирки 26
просвирняк 26
проскурка 26
проскурки 26
прострел 32
прострел белый 19
прострел боровой 32
прострел-трава 32
прострельная трава 55
прыгун 37
прыщенец 182
прыщинец 52, 182
пряжа 123
пряжка 119
пряничник 26
пугвена 119
пуговицы 119
пуговички 119
пуговичник 120
пуговка 120
пуговки 119, 120
пуговник 119, 145
пуговник синий 120
пупная трава 138
пуповник 207
пустодуй 189
путик 44, 198
путики 198
путник 44, 198
путиничное листьё 198
пухляка 189
пуховичок 189
пуховишник 120
пуховка 120, 189
пуховка трава 189
пушица круглая 189
пушки 189
пушиник 189
пушок 189
пырей 246
пышечка 26
пышечник 26
пьяная ягода 51
пьяный корень 51
пятидесятилистка 136
пятилапка 130, 253
пятилапник 130, 253
пятилистник 129
пятилистник большой 129
пятипалечная трава 67, 129, 130, 250
пятипалечник 67, 129, 130, 250
пятипалешник 67, 130, 250
пятипальчики 129
пять пальцев 130, 253
раздуванчик 189
раковые шейки 29
ранник 56, 206
расперстная 129
расходник 25
рачики 29
рачы шейки 29
ребячья м.ушки 69, 256
ревенька 103
резец 33
резная трава 56
резун 33
резунец 33
резуница 33
резунка 33
резучка 33
репей 234, 238, 246
репейник 234, 238
репейник-дятловник 145
репехи 145
репях 238

- речной плакун* 102
ржаные синюшки 45, 145, 154
рожевой цвет 145
рогожник 122
розога 122
родовик 153
росник 104
росница 104
росянка 104
румянка 59
румянок 59
русская пучка 110
русский хлопок 122
русский цикорий 188
рутва-мята 151
ручка 253
ручки 253
самоварчики 26
сапожки 118
сапожки богородичны трава 118
сарацинское пшено 107
сатанинское зелье 183
свербуха 169
свет очей 66, 97
светлая 105
светлик 66, 105
светозар 105
свеча 210
свечи 105
свечка 66
свиновник 60
свиньячья радость 60
святоивановская трава 158
сдуванчики 189
семибратная кровь 17, 71, 141, 156
семибратская кровь 131
семижильник 130, 202
семиколенка 131, 139
семиколенная трава 131
семиколенник 131
семиколенник женский 131
семиколенник мужской 131
семилаповка 130
семиприточная 130
семитычинник 130, 140
семиугольник 130
семицветная 131
сенокоска 39
сенокосник 39
сердечная трава 68
сердечник 68
сердцева трава 30, 68
серебристая трава 16
серебристка 16
серебрянка 16
сережка 120
сережки 120
сережник 120
серп трава 236
серпий 236
серпуха 146, 154, 236
серьги 120
сибирский чай 110
сибирский чертополох 145
синеглазик 144
синеглазка 13, 144
синеголов 144
синенький цветок 144
синец 143
синецветка 144
синие батоги 231
синий житник 145
синий цвет во ржи 45, 145
синий цветок 13
синик 143
синик-василь 144
синовница 13, 143
синоцветка 13, 143
синушка 143
синька 143
синьки 143
синюга 143
синюжник 143
синюха 143
синюшки 143, 153, 154
синюшник 13, 143
синявка 13, 143
синявушки 143, 144
синяк 144
синяя трава 144
скрипун 50
скрыпун 50
сладкая трава 46
сладкие дудки 46
сладкий корень 46
слезки 104
слепая крапива 99
слепец 99, 100
слепка 100
слепой мак 99
слепокур 100
слепокурник 55, 100, 101, 185
слепота куриная 101
слепота курячья 101
слепушник 100
снитка 262
собаки 238
собачий хвост 238
собачий язык 29, 200
собачья голова 64, 146
собачка 34, 238
собачки 33, 34, 238
собачник 238
собачье мыло 115
собачья мята 49
соколиные глаза 98
солдатики 209
солдатские сумочки 27
солнцева сестра 230
солнцева трава 230
соломонидина ручка 67, 96, 130, 250
соломонова печать 90
сон 90
сон богородицы 90, 106
сон Пресвятой Богородицы 52, 106
сонник 31, 75
сон-трава 90, 106, 107
сончик 31, 75
сопелька 147
сорокалистник 136
сорокобратов 141
сорокозуб 135, 140
сороконедужная 134
сороконедужник 134
сороконежная 134
сорокоперник 135
сорокопитник 135
сорокоплитка 135
сорокопритка 135
сорокопритник 135
сорокоприток 135
сорокоприточка 135
сорокоприточная 135
сороко-приточник 134-135
сорокопытник 135
сорочка 116
сорочки 116
сорочняк 116
сорочки глазки 98, 99, 166
сорочки сережки 120
сорочька 116

- сорочья пряжа* 123
сосульки 60
статушки 256
стоглав трава 136
стоголовник 136
стодорожник 136, 199
столлистник 136
стоног 136
стосил 139
стракива 169
стрекашина 169
стрекива 169
стрекиша 169
стрекучая крапива 169
стрекучка 169
стрельная трава 32
стрельник 56
стрякашина 169
сузик 201
суставник 231
суставница 55
сывороточная трава 59
сын без отца 85
сын раньше отца 85
сырбой 156
сычужник 59
тайнишная трава 55
татарин 33, 109, 234, 235, 237, 242
татарка 109, 237
татарки 109, 237
татарник 109, 237, 240, 242, 246
татарское мыло 110, 115
тещин язык 81
толкачки 210
толстушка 54
топтотел 200
топтун 200
топтунец 200
трава девяти братьев 85, 140, 141
трава иисуса Христа 91
трава от двенадцати родимчиков 134
трава от ребят 251
трава от ста болезней 139
трава-мария 86
трава-ревенька 103
травка-хероставка 257
трепутник 199
третница 137
третьина 128
третья лихорадка 137
треуха 128
треушник 128
трехланник 128
трехлиственник 128
трехлистник 128
трехцветка 127, 166
трехцветная трава 127
трилистник 128
трилистник кислый 128
трипальник 128
трипутник 199
троеколенка 139
троелестка 128
троецветка 127, 166
троица 128
тропинник 44, 199
тропняк 44, 199
турецкая пшеница 107
турецкий орех 108
турецкое пшено 107
турок 107
тысячаголовник 136
тысячелист 136
тысячелиственник розовый 136
тысячелистка 136
тысячелистник 136
тысячелистница 136
тысячник 76, 137
тысящелистник 136
тягунец 202
тягуха 202
тягушки 202
убор-трава 116
ужик 201
ужовка 56, 186
узик 201
ужосная трава 55
укрыт 31
умывальница 184
уразница 159, 160
ускопная трава 249
фонарики 28
хворобой 159
хлопуцы 49
холостяцкая трава 270
хочун-трава 257
хранитель 31, 91
Христа прикрыт 91
Христов прикрыт 91
Христов укрой 31
Христовая роса 91
Христово колье 31, 91
Христопокрой 91
Христопродавка 91
Христовы ребра 68, 154
худобная 55
цареградская шелковица 122
царские кудри 66
царь 240
царь Иван 134
царь мордвин 109, 237
цвет лоскутный 123, 146
цветы венцы 117
цихорий 188
цыганка 111
цыганское мыло 110, 115
часики 147
чедильник 59
чемерика 45, 182
чемерица 45, 182
черень 14
черная шелковица 122
чернижница 14
чернобыл трава 224
чернобылец 220
чернобыль 14, 215, 220
чернобыльчик 215, 220
черноголовка 14
черноголовник 14
чернодырка 14
чёрное зелье 14, 51, 183
черный чернобыль 220
чертова ручка 67, 130, 250, 253
чёртово серебро 16
чертогон 33, 241, 242
чертогрыз 30
чертополох 33, 145, 234, 241, 242, 243
чертопугальник 241
чижов глаз 99
чильчажная трава 55
чирнабыль 166
чирьевая 204
чирьевая трава 204
чирья трава 204
чистотел 54, 70
чистотел детский 57, 70
чистуха 54, 70
чистяк 186
шапки 117

шапки болотные 117
шапочка – дунуть
пleshка 117, 189
шапочки 117
шапошник 117
шашабара 241
шелковая трава 122
шелковица 122
шелковичное сирийское
растение 122
шеркунчик 50
шестинедельник 130
шитица 176

Древнерусский пелынь 224

Белорусский

адуванчык 189
аксамитка 121
аксамитник 121
баба 84, 192, 203
бабін цвет 203
бабка 83, 84, 203
бабкі 84, 203
бабнік 203
бабок 192
багатка 191
багно 43
багульнік 43
багун 43
балагалоўнік 52
баравая звонка 26
блашчышнік 35, 181
блэкот 51
бліскуны 35, 181
бліскушка 35, 181
богатка 42
божай маці пальчыкі
194
божай мацеры сароч-
ка 116
боже-дреука 215
божье дерево 222
божья ручка 67, 96,
250
боцікі 27, 118
брат з сястрой 164
брат з сястрою 164
брат-сестра 21, 126,
164, 270
брат сястра 162
брат-сястра 164
братачкі 164

шишебарник 241
шишибара 241
шишобар 33, 241
шпорник 119
шумиха 50
щавель 46
щелкунец 50
щербак 229
юбочка 116
Юрьева роса 40, 87
яблоко жидовское 111
яблочко дедушки до-
мового 242

peлyнь 211

браткі 72, 162
браткі 164
браткі лясныя 164
братовка 164
братоўка 164
браціц-сястрыца 164
бубны 26
букоука 42
валасень 55
валошка 148, 149
васелік 148
васілёк 148, 149
васілька 148
вераднік 55
верба 215
віштуклі 187
волошек 148
волошка 148
волошки 148, 150
вороньі очки 98
воўча малако 193
галаваболь 52
галавач 146
галоўкі мядзвежыя 146
гладыш 34
головач 54, 146
грабелькі 194
грамкі 50
гусячы лапкі 181
далонка 130, 250
дарожнік 44, 198
дедовник 268
день і ночь 165
дзівасіл 131, 132
дзванкі 26
дзвонак 26

ядрышник 254
ядро-корень 254
ядрушкі 256
ядрышкі 254
яцца княжыя трава
256
ячкі 127, 254, 256
ятрышник 126
ятрышник малый 254
bab'e uxo 85
materduszka 82
matkina duška 82
troicin cvět 127, 166

peлyнь 211

дзвонец 50
дзвончыкі 26
дзед 85, 190, 240
дзед і баба 190
дзеравянка 187
дзиробой 156
дзьмухавец 189
дзядок 190
дмухавец 189
дмухель 189
дрыштушкі 187
дуброўка 44
дуванчык 189
дурава 51
дурац 51
дурмап'ян 51
дурнап'ян 51
дурніка 51
дурніцы 51
дурнічнік 52
дурэц 51
дываньчык 189
дэрэўлянка 187
дядовник 124, 172, 242
жабы очки 99
жаўтушкі 12, 180
жаўтушнікі 180
жебанкі 26
жгучка 169
желтый молочай 13
жиглипка 172
жидовки 113
жоўтая цыкор'я 188
жоўтыя кветкі 180
жоўтыя краскі 180
жывасіл 131

- жыгучка* 169
жыдок 113, 188
жыдоўкі 188
жыжка 169
жытнічкі 145
залатуха 167
зараза 181
заружа 181
заруза 181
заруха 181
заячча-кроў 17, 71, 156
званец 50
званкі 26
званок 26
званок лесавы 26
звонец-сковородка 50
зеэюлін подарок 257
змяіная трава 249
змяёўка 249
знахорка 192
зозуліны ручнікі 123
зубнік 188
зубнік 55, 188
зубрава трава 60
зубраўка 60
зяюліны слёзкі 258
зяюліны сьлёзы 257
зяюлка 257
зяюлька 257
зяюлька 258
зяюлька 257
зялезьнік 36
Іван-да-Мар'я 163
казёл 185
казёлак 185
казелец 185
казеліца 185
казелькі 185
казельнік 185
казельчыкі 185
казлы 185
казялец 185
капытнік 200
караста 186
касталом 55
кисленица 46
ключікі святога Пётра і Паўла 28, 89, 193
ключыкі 28, 193
козлікі 185
козы 185
кокушыны слезкі 259
комонишнік 249
конвалія 264
конвалія луговая 264
конікі 187
крапівка 176
крапіва 169, 174
красная травіца 156
крававец 71, 156
кравяўнік 17, 71, 156
крытытнік 199
ксьэндз 190
ксяндзоў плеш 190
кукавки 257
кукулка 257
кукушка 209
кукушкі 257
кульбаба 190
купаленка 42
купалка 40
купальнік 40
кураслеп 55, 185
курасьлеп жоўты 55
курача слепата 185
курачка слепата 55
курослеп 100, 185
куруная слепата 185
куруная сьляпата 55
ладышнік 181
ластаўчын лянок 187
лопух 239
лоскутніца 123
люцік 183
ляскутніца 146
малачай 15, 188
малач'як 188
малочнік 188
матэлькі 146
мацёрдушка 82
мацёржанка 82
мелкий дедовник 145
міжперстніца 206
міжыпарніца 206
міжыперсьніца 206
міжыперсьніца гладкая 206
млечнік 15, 188
многаножка 138
мокруха 31
мучанічкі 36
мята 215
мячэўнік 27
надуванчык 189
нарыўнік 52
нарыўнік 182
нізіперсьніца 206
осот 237
п'яніца 51
п'янішніца 52
панікніца 25, 31, 74
падарожнік 198, 209, 229
падарожнік 44
падрожнік 44
падучнік 55
пажарнік 44
пазёмка 25
палын 211, 226, 227
палынка 211
палынь 211
парушэнец жаночы 81
парушэнец мужчынскі 81
пахучка 47
пералётнік 189
повойка 123
полевые черевички 119
полын 211
пралескі 44
пріпутнік 44, 198
проскурнік 26
прыгаўка 37
прыговка 37
прычар 256
прычарнік 256
прышчатнік 182
прышчаўнік 182
прышчынец 182
пуговица 119
пухар 189
пухоўка 189
пяціперстніца 129
пяшчанка 44
раздуванчык 189
раннік 204
раньнік 37
расічка 31, 104
ручнікі 123, 253
св. Івана зелье 158
святога Пятра ключыкі 194
святоянские цветы 158
святоянское зелье 158
седмачок 130
семитичник 131
семитычник 130
сердечник 249–250
серпарэзнік 204
сіноўнік 143
сінька 143
слезкі 104
слепак 185
слепата 185
слепота 193
слепэтка 185
сляпуха 185
сляпэтка 185

собачий язык 29
сон лугавы 106
сон-трава 106
сончик 31, 75
станоўнік кабецін 79
станоўнік мужыцкі 79
старчик 256, 258
сукенка Маці Боскай 116, 229
сьвентаянскае зелья 158
сьвятаянкі 158
сьямёнова кроў 17, 71, 156
трава трыцьеветная 128, 166
трайцьевет 127, 166
тريدзевятка 137, 139
триперстница 128
трупіцень 199
трыдзевятка 137
трыпуднік 199

Полесский

ан'уціны глэски 66
бабін цвет 203
баба 192
бабка 83
браткі 164, 167
братки 163
братыкы 163
валюшка 149
васил'кі 149
волёшка 149
волошка 152
гладышнік 181
дурнец 51
жытнички 45
звез'дица 27
звиз'дин'анка 27

Украинский

адамова голова 64
адамове ребро 68
аксаміткы 121
аксамес 121
аксамет 121
бабка 84, 203
баранчики 195
барвінок 224, 225
барвінок 15
бархотки 121
безсмертніки польові 39

трыпутнік 199, 200
трыпуцень 199
трыцьевет 127, 166
трэпатнік 199
трэпутнік 199
хамутнік 59
хварбідла 59
хлебны карань 145
целяржыца 45, 182
цыганка 112
цягун 202, 209
чараўнік 256
чарнобыль 220
чартапалох 145
червиевец 57
чертова ручка 67, 96, 130, 250
чортавы гарлачыкі 51
чортаў агуэрэчнік 51
шалей 51
шалянец 51
шалянея 51

звон'чики 25
звонец 25
звонковки 25
звонкунцы 25
звоночки 25
звонцы 25
иванова голова 29, 64
Ісусіна кров 157
колокол'чик 25
коров'як 79
курыная слепата 185
лопух 22
малачай 15, 188
молочак 16
нізіперснік 206
нізіперсніца 206

белая куриная слепота 101
белый курослеп 101
беля буквиця 196
биж-дерево 222
биждеревочок 224
бильый каменец 19
біла буквиця 196
біла куряча сліпота 101
біла шовковиця 122
блатат 144, 147

шапошник 117
шипшинник 176
шипшинничек 176
шпарнік 206
шпарніца 206
ядрушкі 256
яскар 183
яскір 183
яскра 182
babie lato 79
babka 198
dalonka 67, 251
dalonka Najświętszej Matki 30, 92, 96
dzierewianka 231
dzierewianka 231
podróznik 198
pólnocnik 39, 152
ziaziulka 251, 257
zywotobolnik 205

падрожнік 229
парушэнец мужчынскі 81
польны 214
сердечник 53
слепата 185
смокота 60
смоктушкі 60
сэрдэчнік 53
трубнік луговыі 32
ужацішнік 206
хрен 214
цыганка 112
чортпалох 242
шпарніца 206
kosa bozej maciery 92

блекот 51
блекота 48, 51, 52
блокітны очки 97
блеховнік 59
блехогонка 59
богоматерина коса 66, 92
богородишна коса 66, 92
бодячок лесной 145
божэі ручки 67, 194
божа ручка 67, 194

- боже дерево* 222
божьи ручки 67, 194
болотне слепокурник
зілле 55
болотный певник 264
большоголов 57, 65
борода чортова 66, 78
брат и сестра 168, 184
братици 164
братки 126, 162, 164
бриндушки 42
будяк 225, 243
буквица зеленая 196
буквица желтая 196
відук 99
відун 99
василек 149, 175
васильки 47, 48, 49, 148
васильок 96
василькы 49
видун 99
видух 99
видуха 99
видюк 99
видяк 99
вовчі серги 120
воловьи очки 98
волошка 150
волошки 147, 148, 150
воробьино око 99
воронний глаз 98
встаниха 254
глават 147
глички 26
глистник болотный
154
глуха біла крапива 52
головатень 147
голубій 13, 229
горицвіт 16
груши жидівські 111
гусяча лапка 29
дійдеревцо 48
девясильник 131
дивесил 131
дивосил 131
дивясил 131
дике мыло 36
дикий маточник 153
диравик 32
дудва 32
дудла 32
дурман 51
дурнопьян 51
душистый василек 47
дырбой 156
жабник 43
жабур 43
жалава 169
жгучка 52, 169
желтая лиферия 196
желтуха 196
желтый молочай 13
живокість 54
жигавица 169
жигавка 169
жигалка 169
жигучка 169
жигжка 169
жовти зозульки 258
жовтобрюшник 12,
180
жолтец 180
забудки 224
забудьки 223
забудькы 223
завязник 54, 248
збанок 26
збаночки 26
здрікан 99
здрячий 99
зезюлины слезы 257
зезюльки 257
зелёнка 13
зиркач 99
зілле од трясці 55
зілле од трясці 186
зіркачий 99
зіркач 99
зозулены слезки 258
зозулинець 255
зозулины слёзы 258
зозулины рушнички
123, 257
зозулины сапожки 118
зозулины слёзы 258
зозулины слезки 258
зозулины черевички 27,
118, 258
зозулины черны чере-
вички 118
зозульки 258
золотисячник 137
зузуль 257
зязюльки жовтыї 258
иван-и-маричка 126
ивасик 86
Іван да Марья 21
Іван-да-Марья 164
іванок 158
калачики 26
калужница 43
калюжница 43
капелюши 117
каптурник 117
квасец 46
ключики 28
кмен 228
козелец 185
козельцы 106
колчачки 117
копитняк 28
коса богоматерина
157
кошовник 160
красни зязюльки 258
красные султанчики
30, 69
крвавник 59
криничник 42, 183
кропива 169, 171, 174,
175, 177
кропилка 170
кроуник 20, 157
кукушки 257
кульбаба 36, 190
кульбака 36, 190
купальница 184
кутовка 184
куриная слепота 101,
105
куряча сліпота 55, 185
курячі глазки 99
курячі очки 99, 100
лапчатый горошек 29
лепец 34
лесовая волошка 148
летучки 189
ломатник 186
ломоноос 60
лопух 239
лып трава 57
любжа 253
люби мене не покинь 254
любжа 30, 69, 253, 254,
255, 256
любжи 254, 255
любковая зелень 253
любысток 213
май 191
малвка жовтая 196
маслянка 35, 181
матери Божіей слезы
94, 103
матери Божией слезы
156
матери Марии сереж-
ки 120

- материнка* 53
матирка 76
медунка 46, 106
медунка-болотьяна 46
медяник-зілля 196
медянички 196
межисперстник 129
межисперщиця 129
молодецька кров'я 17, 71, 156
молочай 15, 188
молочак 15
мороз 39
мыльня трава 36
мята 214
мята 224
наголоватки 147
наголоватки красний
цвіт 147
наголоваток 147
наголоваток белый 147
наголоваток желтый
147
наголоваток фіолетовий 147
наголоводки 147
натягач 52, 182
натяж 52, 182
не руш мене 37
нехворощ 223
нечуй вітер 25, 74
одинарник 124
оксамит 121
оксамит коштовий
121
оксамит 121
осінчак 39
осінчук 39
осінь 39
осот 237
очанка 20, 66
павани вічки 99
павлині очі 99
павлиньї глазки 99
первенець 37, 137, 195
первоцвіт 194
петрив батиг 89, 230
петрів батиг 89, 231
петрів хрест 89
петров крест 89
петрові батоги 89, 231
петрові батоги 210
петровы батоги 40, 146
петрушка 214
підбіл 12
підкопитник 28
плоскось 76
повій 123
подорожник 44, 191
подуїчки 189
полевой будяк 145
полин 211, 225, 228
полян 212
полян 212
польський репей 109, 237
попове гуменце 190
поповы яйца 127, 254
поранник 204
порезник 204
поризник 204
пречистыя слезы 94-95, 103
припутень 199
проскурень 26
проскурки 26
проскурник 26
прострїл 32
пуговник 119
п'ятиперстень 129
п'ятиперстник 129
развод трава 57
ракові шийки 29
раковы шейки 29
ранник 204
рачешейки 29
рачки 29
резак 33
репехи 145
репик 238
реп'ях 238
реп'ячі 247
ризак трава 33
рогоз 122
рогоза 122
рожа 18
розрив 37
ружжа 15
ручка божої матері 92
ряби зозульки 258
рябья зозульки 258
ряст 195
сапожки 118
свиняче зілля 60
святоянское зелье 158
семисильник 130, 131
сердечная трава 154
сережки 120
серенькая зязюля 258
серпоріз 59-60
синеголов 144
синька 229
синий наголоваток 147
синька 229
сліпак 99
сліпий мак 99
сліпота 193
слезки 104
слепота 100
собачи язички 200
сокирки 27
солнцева сестра 36, 230
сон 31, 75, 90, 106
сон богородицы 90, 106
сон зелье 31, 75
сон-трава 31, 52, 75, 90, 106
сорокозуб 135
сорочі лапки 194
стоголовник 136
стоколенец 136
стоколенник 136
сторчець смольний 256
страхолох 244
стягач 204
свяхорень 59
тріскавець 50
тріскатий 50
тріскучий 50
трава від 99 хвороб
160
тригольник 128
триножник 128
трипутень 199
трипутник 199
троїноголовяк 128
троян 128
тысячаголов 136
удодів чобіт 118
хрест трава 128
хрещате зілля 128
хруставець 50
циганки 112
чарнобиль 220
чеботки большие 119
чепчик-матерзанка 82
черевички 118
черевички божої матері 92
чернобыля 223
черсаки 31
чистик очный 105
чоботки малые 119

чорнобиль 224
 чортове ребро 68
 чортолох 241, 243
 шелест 50
 шелковая трава 122
 шелкун 122
 шовкова трава 122
 шовковица 122
 шовкун 122
 щербак 229
 biža krovca 71, 156
 bodak 32, 236
 bodlak 236
 bod'ak 32, 236
 boľyholov 51, 65
 boža krivca 17, 71, 156
 boža travka 157
 božderevok 157
 brat sestroju 164
 bud'ak 236
 czornobyl 224

Русинский

болотне зілле 42, 183
 видюк 99
 видюх 99
 гадинниця 196
 головатень 64
 жаруха 169
 жидівска шапка 113, 188

Гуцульский

головатень 147

Болгарский

аглика 195
 агличичина 195–196
 адлика 196
 акма и акмово 165
 ангелика 195
 ангелинка 195
 арабски езикъ 115
 арабско просо 110
 арапка 108
 баба 203
 баба марта 38
 бабина душица 84
 бабино винце 81
 бабино уо 85
 бабино ушинць 85
 беличка 196
 белия вятър 154

d'adok 85, 240
 devasyl 54
 devatosyl 54
 dev'asyl 131
 dev'atosyl 131
 dev'atosylnyk 131
 did 85, 240
 didovnyk 85, 240
 Ivan krov 71, 156, 158
 kolkovnyk 32
 kolučka 235
 kolučnik 235
 kosaryky 28
 kosateň 28
 kosatyk 28
 kosyteň 28
 krov Is. Xrysta 71, 156
 krov šv. Ivana 71, 156
 krovavec 17, 71, 156
 krovavnyk 17, 71, 156
 hupnyk 238

жидик 113, 188
 зазулька 257
 зазулячі чобітки 118, 257
 здрячий мак 99
 иванова голова 64
 ключики 89, 193
 ковпак 117

белочка 196
 белочка 196
 бий-бий-копър 60
 бий-бий-тѣпанче 60
 блатна трева 42, 183
 блатник 43
 богородична трева 157
 бодил 236
 бодиле 236
 бодило 236
 бодливо тръне 236
 боже дръвце 222
 божи дръвце 222
 божи дърво 222
 божие дърво 222
 божо дръвце 222
 божо дърво 222

mokravnyk 31
 mokrec 31
 mokreč 31
 mokroveč 31
 mokryca 31
 mokryneč 31
 molodečka krov 71, 156
 pauky 190
 pekučka 169
 plešiveč 190
 prozirmik 32, 155
 prydrožnyk 44, 229
 trijka 128
 trojan 128
 trozilla 128
 Xristova krovca 17, 71, 156
 zdorova trava 160
 zdorovnik 160
 żywokost 54

козелець 185
 козулька 117
 лента 119
 материнка 82
 парюка 169
 прилип 34
 psieczy moloczko 15

босилек 148
 бутурак 246
 брат 86
 брей 79
 будил 236
 булкин вѣньць 82
 бутрак 246
 бутраче 246
 бърдовка 191
 бърдовка 191, 232
 бял пелин 220
 вампир 39
 вахлачка 110, 115, 237
 великденче 41
 великдень 41
 вий-вий-караджа 60
 виленa коса 78

- вилино сито 247
 влашица 111
 влашка 108
 влашки ябълки 110, 237
 влашко грозде 109
 влашко кокиче 111
 водопийка 17, 229
 волово око 98
 вратица 197
 възликдънче 41, 191
 възлеще 115, 238
 георгиевденче 40
 гергевка 40
 гергъви бабки 40
 гергевка 40
 гергъвденче 40
 гергъви баби 40
 гергъвче 40, 87
 гергювче 185
 главесто тарнье 239
 главесто тръне 239
 главоч 239, 240
 главуляк 147
 глиставо билъе 218
 глистна трева 218
 глухарче 191
 глушило 191
 глушина 191
 глушка 191
 глушник 191
 глушниче 191
 глюшина 191
 гола мома 232
 голям прострел 24
 голяма решетка 247
 гороквец 196
 гороквецъ 196
 гороцвекъе 196
 гороцвет 16, 180, 196
 гороцвете 196
 горчива трева 45
 гроговец 196
 гровокец 196
 гротвец 196
 гръцка коприва 111
 гръцка маточина 110
 гръцки киселец 110, 115
 гръцки орех 108
 гулия 240
 гурчивкъ 230
 гьолчел 38
 гьоче 38
 гърчка 108
 гюргъвденче 40
 девесил 133
 ден и нощ 165
 джорджованка 185
 джурджевец 185
 джурджуванка 185
 дива попадийка 187
 диви очета 66, 166
 дивы очета 97
 димитровче 41, 87
 думитрофчъ 41
 дядово винце 81
 еглика 195
 еглича 195
 егличе 195, 196
 едностърка иглика 197
 еневичка 87
 еневка 87
 енево пиленце 41
 енево цвете 41, 87
 еньовка 87
 еново биле 41, 87
 енювче 41, 87
 есенен минзухар 39
 есенна каченка 39
 есенче 39
 етърва 82
 жабица 17
 жабуняк 43, 184
 жабърняк 43, 184
 желта млечка 15, 188
 желтеника 180
 желтурче 180
 женска клинава трева 81
 женско клинавиче 81
 живовлак 202
 живовлек 202
 живовляк 202
 жилавец 202
 жилавецъ 202
 жилавичи 202
 жиливо цвете 231
 жиловецъ 202
 жиловлак 202
 жиловлек 202
 жиловляк 202
 жиловник 202
 жиловрат 202
 жиловрът 202
 жилоглав 202
 жлъчка 45, 191, 230
 жълта игличина 196
 жълтеника 180
 жълти турти 17
 жълти фунди 17
 жълто великденче 41
 жълто егличе 196
 жълтурче 180
 жълчка 230
 жюрка 169
 зайцовъв киселец 115
 звъника 50
 здравец 58
 здравинче 58
 здравецъ 58
 зеленика 13
 зелениче 13
 зимзелен 13, 38
 златна свекърва 81
 златна чашка 16, 180
 златно цвете 16, 180
 злато цвете 180
 зли етърви 82
 злъчкъ 230
 иванковка 41, 87
 иглек 195, 196
 иглика 195, 196, 197
 игличе 196
 игличина 195, 196
 игличка 196
 иринкина душица 86
 казачки 110, 237
 казашки бодил 110, 236, 237
 калугери 27
 камилешки трън 235
 камилски трън 235
 камилско тръни 235
 капи-коса 190
 карамфил 176
 катраника 46, 211
 келавица 190
 келавче 190
 келявост 190
 келявщина 190
 киселец 46, 110
 кишлек 46
 кишляк 46
 клинавиче 243
 ключанка 193
 кокоша слепота 101
 комоника 221
 комунига 197
 коприв 177
 коприва 169, 171, 177
 кукавичино цвъкье 197
 кукувиче цвъкье 197
 кукувичи сълзи 265
 кукувично цвъкье 197
 кън-кън-къната 60
 кървавиче 187
 кървинос 187
 лепен 238

- ливадар* 265
литик 34
любика 165
любимчица 165
любичец 165
любичеца 165
любичица 165
лютивец 183
лютик 183
лютика 183
лютиче 183
лютиница 183
магарешка млечка 15, 188
магарешки бодил 235
магарешки будил 235
магарешки трън 235
магарешки тръни 245
магарешко тръне 235
мазнец 35, 181
мазно-кокалче 35, 181
мазно кокалче 35, 181
майчин лис 83
майчина душица 82
марина душица 86
марта 38
мартенче 38
маслениче 189
материка 82
материна душица 82, 86
матерка 82
маточина 110
мащика 167
маясълчи 234
мераклива трева 158
метил 43
метилява трева 43
метла 147, 228
метлига 147
метлика 147
метлинка 147
метличе 147
метличина 147
метличка 147
метлянка 147
меча стъпка 195
мечо ухо 195
миризлив главоч 240
миша опашка 210
мишкини бодили 236
млечка 15, 188
млечок 15
модра метла 144, 147
модрика 13, 144, 229
момина сълза 80
момински срам 69
момкова сълза 105
московско трънче 110, 237
мразец 39
мразовец 39
мустачки 78
мъжка клинава трева 81
мъжко клинавиче 81
мъжко срамниче 69
невестина сълза 82, 105
недопийка 17, 229
немско грозде 109
немско кафе 232
нижи-нижи-сламка 60
обичниче 58
овчо руно 16
огърлица 120
осът 32, 237
отрочачка 191
очета 166
очица 97
падикос 190
пади-кос 190
пауново око 99
пекралида 191
пелин 211, 225, 228
пелинь 225
перуника 265
пети-пърс 194
петложилка 202
петожил 130, 202
петожили 130, 202
петожилка 130
петопърс 194
петопръст 194
петрожилка 202
петружилка 202
пикларида 191
пикралида 191
пикрарида 191
пикрирадика 191
пиши-пиши-кукла 60
пл'уска 182
плюскавиче 50
подбяла 12
подплет 44
поп-поп-попадия 60
порезниче 155
порязаното биле 32, 155
порязниче 32
посекливо биле 160
посеково биле 32
посечена трева 32, 155
посяково биле 155
потайник 44
пресечка 247
прикрарида 191
припътница 44
прострел 24
пуксървичца 187
пус-пус-кръвчица 60
пятожили 130, 202
пятопръст 194
пятопръстница 194
пятопръстница 129
пятопръстъ 129
репей 238
решетка 247
ружа 177
румънка 112
руски трън 110, 237
руско грозде 109
ръчица 67, 130, 250
ръчицка на св. Богородица 93
самовилско цвекъе 197
самовилско цветъе 197
самодивско цвекъе 197
свекървин езикъ 81, 115
свекървини очи 81
сводница 187
сгъргуц платънци 203
сечено биле 32, 155
синецвет 13, 144
синковец 144
сино цвекъе 144
синок 144
синчец 144, 152
силь пелин 220
сильото цвете 144
сия билка 13, 144
сия жлъчка 13, 229
сия жълчка 229
сия злъчка 229
сия метла 144
сия млечка 229
сияк 144
сияче 144
сиячка 144
сираче 38
скрипалец 50
скрипалка 50
скърбуц-скърбуц-платънце 60, 203, 210
слязовка 31
слети коса 190
страшник 55, 244
страшниче 55

стръгук-стръгук 203
стръгук-стръгук-платънце 203
сучи-тъчи 203
съкървин изик 81
съкървина глава 82
сълзица 104
сън-сън-котка 60
съчи-тъчи 203
табашка метла 154
татарско грозде 109
тегавец 202
тегаец 202
тегец 202
теговец 202
тегувец 202
титало 86
трескавиче 186, 187
три етърв 82
трънест главоч 240
трънова гулия 240
трън-таралеж 236
турска коприва 111
турски карамфил 111
турче 112
турчен 110, 237
турчен палапук 112

Македонски

гороцвет 196
гороцвете 196
дебелика 58
жабурун 184

Сербски

ајдучки бунар 31
амбрели 239
бабика 84
бабица 84
бапка 84
бейтуран 216
богородичино тесто 94, 157
боквица 207
босиљак 227
була 112
буника 51, 52
виденова трева 106
видова трава 77, 106
видованка 106
видовача 106
видовица 40, 106
видовка 40, 106
видовка трава 106

тъжак 265
тъчи-платно 203
тъчи-тъчи-платно 60, 203, 210
тъчи-тъчи-стан 203
тягавец 202
тяговец 202
француско грозде 109
френско грозде 109
христово цвете 197
цариградско грозде 109
циганка 111
циганско грозде 110
циганско жито 110
цигогория 230
цигънче 112
цървения вятър 154
червено великденче 41
черкезки тръни 110, 237
черкезко тръне 110, 237
черно вятърче 154
чернобелник 220
чернобял пелин 220
чубрица 197

жабурун 184
лепаец 58
петопръст 194
рака од Пречиста 92,

250
христосово цвеќе 197

жеже 52, 169
жежежара 52, 169
жежеже 52, 169
жежежика 52, 169
звонца 50
зечије уши 201
змијино цвеќе 39, 191
камила 24
камилица 24
кашљара 56
кисељак 46
клобучик 27, 117
клобучић 27, 117
коприва 177
крсти куме дете 128
крупна камила 24
крупна камилица 24
крупна титрица 24
лампа 189

лепљива трава 34
 лико 177
 магарећа бода 235
 магарећа боца 235
 магаређији трн 235
 маџи реп 28
 мачков реп 28
 метлјина 147
 метла 228
 метлиње 228
 метловина 147
 миришавка 47
 мишији реп 28
 млађ 37
 млађа 37
 млечика 189
 модра сјекавица 152
 мразова сестрица 39
 мртва жагра 52
 мртва коприва 52
 мушки обзев 78
 обзев 78
 од грознице 55
 ожигавица 169
 околочен 152

Хорватский

bogorodičina trava 93, 157
višji četer 45
žabinač 43, 184
žabljak 43, 184
zelenica 13
zelenika 13
zlatica 17, 180 *netresak* 223

Сербохорватский

бабина душица 84
бажуљак 149
бакина душица 84
богородица 93, 157
богородичина трава
 11, 20, 71, 93, 157, 270
богородичица 93, 157
болиглав 187
босиљак 148, 149
босиље 149
босиок 149
броћ 268
васлеђен 149
велики корен 54
велико зеље 54
велсаген 149
веслиген 149
веслиђан 149

оштрик 33
паламида 238
пелен 227, 229
пеленче 227
петопрстац 129
попина катица 117, 118
пусти баба коњу крв 60
рањеникова трава 56
рогожа 122
рогоз 122, 177
ружа 22, 227
сат 189
свећа 189
сводница 187
ситни чичак 24
слатка трава 46
слатковина 46
смрдљива трава 47
смрдлуша 47
смрдуша 47
столика 136
столистац 136
титрица 24
трава мајке божје 21,
 71

zvonačac 159
zvončac 159
klinčac 227
kononica 221
ljutić 183
maslačak 189

весличен 149
видац 66
видова трава 66
водотија 17, 229
водоплав 17, 229
врањица 181
вучјак 238
главоболка 51, 65
главоболно зеље 51, 65
главоболчица 51, 65
злог 268
гороцвет 16, 180
госпина трава 93, 157
госпино зеље 20, 93,
 157
госпино цвеће 93, 157
даниноћ 165
два брата крв 140

трава от кашља 56
турчинак 112
ћурков слинац 201
ћуркова креста 201
христова крв 21, 71
циганске бубе 112
чичак 24
чкаљ 235, 238
vranjino oko 98
zubatac 67
zubatka 67
klobučić 117
krstac 128
netik 37
oštrica 33
paričina 118
pervenac 137
petoperst guščji 129
petoprst 129
petrov kèrst 89
povojnica 123
suznica 94, 103
trolist gorki 128
četverokrilaš 128

netresk 223
netrest 223
pelinak 227
prostrjeljenik 32, 155
сјекавац 236

девесиљ 54, 131
девесиље 54, 131
дед 85, 240
деде 85, 240
дивља салата 232
дикино око 66, 97, 166
ђурђевак 40
ђурђевац 185
ђурђевче 185
жабљак 43, 184
жабокрек 43, 184
жабокрек 43
жабодчун 43
жара 174
желудњак 53, 69
жиловњак 202
жувеница 55

- жуђеница* 188
зимзелен 13, 38
златица 180
иванова трава 158
иванџица 158
изјед 183
искрица 182
јаглика 195
јесењи кађун 39
јунак-трава 134
кађун 265
кађунак 265
кесица 27
кесица мајке божје 27
кисељак 46
клобучик 27, 117
клобучић 27, 117
кључарица 89, 193
коњско копито 28–29
копитњак 28
коприва 169, 170, 173, 177
кропива 169
лопух 239
лисичњак 181
лопух 239
лопушина 239
љубица 47
љубиџица 58
љутик 183
љутић 183
мајкина душица 82, 83
мајкине очи 99
мајчина душица 82
маслачак 189
маслице 35, 181
материна душа 82
материнка 82
матерка 82
мађаха 167
мађахица 167
мађуха 167
мачије очи 99
мачкине сузе 30, 70, 104
меслитчен 149
милованка 165
млечика 16
мљечњак 16, 188
модар цвијет 13, 229
модра сјекавица 145
мукавица 55
невен 58
новчић 181
овчица 195
од два брата крв 140
- од девет брата крв* 140
окољеч 146
оселско копито 28
петолиста 129
петолистица 129
петоножац 129
петопер 129
петоперец 129
петопрстак 129
петопрстац 129
петопрстица 129
петопрстка 129
петопрстница 129
петопрстовка 129
подбел 12
подбео 12
подбил 12
попина погачица 190
попино гумно 190
попова муда 69
прамалиће 195
прострелник 32, 155
прострељено зеље 32, 155
развиће 145
развијче 145
развиљак 145
развиљиће 145
репух 239
ружа 19
сараџенско пишено 107
сирота 167
сиротица 167
срамак 69, 74
стидак 69, 74
стриц 240
сунцоглед 99
трава од грознице 192
трава од девет мракова 134
трава од изјед 186
трава св. Ивана 158
трипутац 199
троврсна љубица 128, 166
тропутац 199
удовица 167
феслићан 149
феслитчан 149
babka 203
badalj 236
badelj 236
badilj 236
beli trn 235
bosa 236
- bocak* 236
bocika 236
bodič 236
boljjača 236
bogorođičina ruka 158
bokvica 201
boleglav 51, 65
boliglav 51, 65
božje drvce 222
vela bokvica 201
velika bokvica 201
veliki trpotec 199
vesnačak 195
vidac 66
vidica 66
vimenjak 251
vražji beg 159
glavač 147
glavinac 147
glavoč 239
gorovet 16
gospin cvit 157
gospina ljubica 165
gospina ručica 157–158
gospino cviče 158
gospino zelje 158
dan-i-nocka 168
devesil 54
dremovac 249
duga bokva 201
dugi trputac 201
žabinač 184
žabjak 184
žabnica 184
žabokrek 184
žagačica 169
žagavica 169
žara 169
žarnica 169
žegavica 169
žgavica 169
žigavica 169
žilovlak 202
žučenica 188
žutenica 188
zornica 66
zubica 229
isusova ruka 250
ivanje zelje 158
ivanjica 158
ivanjčica 158
jaqlac 195
jaqlika 195
 jagoca 195
jagoce 195

- jovov cviet* 258
kaljužnica 43
kaziput 229
kervara lekarska 70
komonika 221
komonjika 221
komonka 221
konjsko rebro 201
krepotec 199
krstoruka 250
krstova ruka 250
krvara 17, 70
krvavi kortien 157
kukavica 257
kukavični vez 257
kukovca 257
kukovec 257
kukovica 257
kupalnica 184
lepča 238
lepir 238
lepušina 238
lipavica 34
lopušina 239
ljubica 165
mačoha 167
mala bokvica 201
marina bokva 201
marina bokvica 201
marina ručica 158
mlčer 15
mlčika 15
mličak 188
mliečnjak 188
mljekača 188
- modrec* 13, 144
modrica 144, 229
modrocvet 13, 144
mošnica 254
muda 254
mudan 254
mudavac 254
nokatac 29, 67
ovčji jezik 200
ožegavica 169
ožigavica 169
ožiguja 169
osat 237
ostak 237
očanica 66
pasja jaja 254
pasja muda 254
pasja mudanca 254
pawenka zelenčko 13
pelin 211
plamenica 16
plaviček 144
plavka 144
pljuskavica 157
podrimunak 249
področnik 229
popina pogačica 190
popino gumno 190
popovo gumance 190
pramaliče 195
pramalist 195
prilipača 34
prvi cvit 195
ranjenik 160
repuh 238
- repuška* 238
repušina 238
ripalj 238
ripanj 238
ripilica 238
ripnjak 238
šerpak 33
sikavčina 236
sikavica 236
sinokvet 13, 144
široki trputac 199
šjekavac 236
srpak 33
štrbka 229
strela 236
stric 240
stričak 240
stričnjak 240
svinac 190
terput 199
trava svetog Ivana 158
treputac 199
trnak 235
trnjak 235
trnovka 235
trput 199
trputac 199
turka 110, 237
harbuda 146
hrbut 146
hrbuta 146
crna boca 236
crnobil 220
crnobilj 220
crnobilnik 220

Словенский

- babín koren* 203
babina 203
babja dušica 84, 203
babji list 203
babji trebuh 84, 203
babna 84, 203
blavečje 144
blavičtje 144
bodak 236
božje drevce 222
- dèd* 85, 240
drač 236
žiličnjak 202
kopitnik 28
kri svetoga Janeža 156
mačeha 167
nastrk 223
natresk 223
natrsk 223
natrst 223

- nedotika* 37
netresk 223
ožagalice 169
ósət 237
pelin 211
repjè 239
roža svetega Janeža 158
sirotica 167
solzice Marijine 94
trpotec 199

Чешский

- aksamitník* 121
aronová brada 113
babí list 84, 203
babí ucho 203
babík 203
- babka blysk* 181
berani jazyk 201
blejskavka 181
blišť ačka 35, 181
blysk 35, 181

- blyškač* 181
blyškáč 35, 181
blyštek 181
bodlak 236
boží drevce 222

- bylina sv. Jana* 88, 214
bylina sv. Petra 194
cigánka 112
cikánka 112
čakánek 146
čekánek 146
čekanka 44, 72, 146, 231, 232
černidlo 14
černobýl 220
černýš 14
červánči 13
červený zvonček 159
črnýš 14
den a noc lesnie 165
dewěsil 133
dewětsil 133
dvoják 127
gorżikwiat 16
hanička 232
hastrmánek 43
hastrmani šaty 43
hojka 204
charba 146
charpa 146
charva 146
chrpa 146
jazyček 201
jednokwitek 124
ježek 236
jitrocejl 205
jitrocel 205
jitrocěl 205
kolka 235
konvalinka 265
kopřiva 169, 174
krevníček 17, 71, 156
krvavé kořeni 17, 70
krvavník 17, 71, 156
krvistrěb 70
kukačka 257
kukučka 257
kvítí Panny Marie 93, 157
l'ubenička 158
l'ubovník 158
laska 158
láska 58
laskavec 158
láskavý kořeni 158
liščí varle 256
lopuch 239
lopún 239
maceška 167
macoška 167
malá čечetka 24
malá dorotka 24
malá husička 24
malá šešetka 24
maslenka 35, 181
masná buchta 35, 181
materi dauška 82
materi douška 82
materie dausska 82
milovník 158
mleč 15
mléčník 15
mnohoštet 138
mnohowlasec 138
modráček 144
modrák 144
mud'átka 256
mudatka 254
nedotyka 37
netřesk 223
netýkalek 37
netýkalka 37
oset 237
ostříž 33
palačka 169
pás sv. Jana 88, 214
pcháč 246
peluněk 225, 226
pelyn 211
pelyněk 211
pětiprstka 129
petrklíč 89
petrklíč 89, 194
Petrůw klíč 89, 194
plakun 102
plamenčice 16
plamenčík 16
plamének 16, 180
plamínek 16, 180
prostřeleneč 32, 155
pryskyřník 182
ranocel 205
řepík 239
sinokvět 13, 144
sirotka 167
sirotky 167
skorocel 205
slepý mak 99
slzički Panny Marie 95, 104
slzički Sw. Marie 95, 103–104
slzowka 94, 103
smetanka 189
srpek 33
srpenec 33
st. Jana pás 119
světlik 105
sviní ucho 201
ščerbák 146
šelkovice 122
šterbák 229
štěrčák 146
trezalka 159
třílistník 128
trojlistník 128
velká čечetka 24
velká dorotka 24
velká husička 24
velká šešetka 24
vemenik 251
vemennik 251
vličí mléko 15
vlky 238
volí ucho 201
volovo ucho 201
volské ucho 201
vrani oko 98
vstavač 255
výmenik 251
wémennik 251
wimennik 251
wstawač 254
zaruzie 181
zezulka 257
zimozeleň 13, 38
zimozeleň 13, 38
zimostráz 13, 38
zimostráž 13, 38
zimozel' 13, 38
zimzelen 13, 38
zimzeleň 13, 38
zlatolěčka 17, 180
zly mnišek 27
zubowa bylina 67
zvonček 159
zwonec 159
žabi mléko 15
žabi oko 99
žabi trawa 43
žabinec 43
žabník 43
žahavka 169
žaróch 181
žarúšek 181
žaržina 181
zdešenec 159
žeružel 181
žežulka 257
žid 111
židovínik 113
židovinnik 113
židoviny 111
židovská čerešňa 111

židovská jahoda 111

Старочешский

božie drevce 222
den a noc 168
jietrocěl 205
mud'átka 255
nechrastě 223

Словацкий

aronová brada 113
bodliak 236
cigánka 111
čemerice 45, 182
čemerka 45, 182
charba 146
jatrocel 205
klučíky 89, 193

Словинский

žigavica 169

Польский

aaronova broda 113
aaronowa broda 90
aksamitek 121
aksamitka 121
babi uch 85
babicha 84
babie ucho 85
babie uszy 85
babie zęby 67
babiesz 85
babka 84, 203
babka długa 201
babka świętojańska 209
babka zaostrzona 201
babyjusy 85
baranie języki 200
baranki Najświętszej Panny 93
batizki św. Piotra 231
batizkie św. Iwana 231
batogi św. Jana 231
bez arabski 109
biała bukwica 196
białasy kwiatek 144
białawy kwiatek 144
bicz boży 231
blahut 144
blawat 144
blawatek 144
bobka 203

židovská vanilka 47, 112

pleška 190
plesnivec 16
řimský hrách 115
skorocěl 205
sv. Jana bylina 158

kolocer 205
kolocier 205
koprva 169
lopúch 239
nedotyka 37
psí jazyk 201
repík 239
scorocel 205

bodlak 236
bodziak 236
boże drzewko 221
boże drzewko 222
brodawnik 193
bylica 215, 216
chaber 146
chabrek 146
cukiercja 230
cykoryja 230
czekanka 85, 232
czworolist 128
dłoń Chrystusowa 67, 92, 96, 130, 250
dłoń Krystowa 92
dłoni Chrystusowy 92
dłoni Krystowy 92
dmuchawiec 189
dwulistnik 127
dziady 85
dzień i noc 165
dziewięcśl 133
dziewiosł 131
dziurawiec 156
dzwonek Panny Marii 159
dzwonki 159
dzwonki Matki Boskiej 93
dzwonki panny Maryi 159

девесил 133

svatě Maří košile 94
svatěho Jana kořenie 158
vlčí hrách 115

scorocial 205
skorocel 205
světlak 144
volové ucho 201
všetkým zelinám mati 83
židova brada 113
žihl'ava 169
zelina Panny Marie 94

franciowate zile 114
gers 78
gerszyca 78
głowacz 147
główienka 147, 152
golaqek 144
gryka 108
haber 146
iskarka 17
Ivanowa hołowa 88
jabtuszkza Najświętszej Panienki 93
Jana św. pas 88
jaskier 17, 182
jasne kwiatki 144
jazyczki 200
jednojahoda 124
jedwab polny 122
jężšová krevka 17
języczki 200
jim dlężi tim lep'ě 39
Jobowa lze 94, 103
kapturki niebieskie 27, 117
kapturnica 117
klucze ś. Piotra 194
kluczyki 89, 193
kluczyki świętego Piotra 89, 194
kolpak 117

- kopyto* 28
korzeni św. Piotra 90
kościan 147
koszyczki Najświętszej Pani 93
kozi powój 123
krew Chrystusa 71, 156
krew Jezusa 91
krew św. Jana 71, 156
krewiec 71, 156
krewka Matki Boskiej 156
królowna 85, 232
krvavik 17
krvavnik 17
krwiściąg 70
kukaweczka 257
kukawka 257, 261
kuroślép 101
kurzyslép 101
kwardostój 233
lapian 239
lilia świętego Józefa 91
lisje jajka 127, 254
lnek Matki Bożej 92
lopian 239
łopuch 215, 239
łysina 66
łysina ś. Piotra 90
łysina św. Piotra 66
ły Matki Boskiej 95
macierzaduszka 82
macierzyduszka 82
maciorka 83, 84
maciurka 83
macoszki 85, 164
maje 191
majki 38
mandragora samica 80
mandragora samiec 80
marie mlecz 94
matka wszystkiego ziela 83
matka zielna 83
Matki Boskiej ziele 94
męska krew 71, 156
męska stałość 85
mitra 117
mlecz 16, 188
mlic 16, 188
mnich 190
mnisza głowka 190
mniszek 27, 190
modracz 144
modraczek 144
modrak 144
modre kwiecie 144
modrokwiat 144
modryk 144
modrzyniec 13, 144
motyli powoj 123
netrzsek 223
nietrzasek 223
nietykalek 37
niezydówka 114
nocydzień 165
obuwik żółty 118
orzech włoski 108
oset 237
oset Panny Mary 94
osetek Najświętszej Pani 93
osetek Najświętszej Panny 94
Pana Jezusa rany 231
panieńczyne włosy 66, 77
panieńska stałość 85
panna-baba 77
pantofelki Matki Boskiej 92
pantofelnik 118
paraliżowe ziele 197
perwiosnka lekarska 137
pięcio perst 129
pięciornik 129
pięćperst 129
pierwiasnka polna 37, 195
pierwiosnka biała 196
pierwiosnka czarna 196
pierwiosnka kluczyki 37, 195
piohun 211
Piotrowe batogi 231
plaszczeniec 116
pleska 190
plesz 190
plomieńczyk 16
plomiennik 16, 180
podorożnik 44, 229, 231
podorożnyk 198
podróżnik 44, 191
podróżnik 44, 198, 229, 232
poganka 108
pohanka 108
pokrzywa 169, 177
popia głowa 190
powończyk 123
powój lejkowy 123
powoj motyli 123
powój polny 123
powojka 123
powojńczyk 123
powojnica 123
powojnik 123
pryszczeniec 182
przekłeta panna 232
rączki Chrystusowy 92
rączki Krystowy 92
rękawiczka Matki Boskiej 93
rogoza 122
rogozina 122
rogoża 122
rzep 239
rzepień 239
rzepik 239
rzeżucha 33
sičkih zielów matka 83
sierpnica 33
siostra z bratem 85, 164
siostrzyczka 85, 232
siwe kwiatki 144
slunecznik 230
smółka 47
stonogowiec 136
storczyk 256, 258
suchotnik 233
swieczki 105
swietlik 105
swietojańskie ziele 88, 214
swini mlecz 16, 188
swini pysk 190
syn nad oycem 25
szczerbak 229
ślepoty 193
św. Iwana batiżkie 88
św. Iwana hrabki 88
św. Jana głowa 88
światliczki 144
świętego Jana korzenie 158
świętego Piotra korzenie 89
światliczki 144
tatarka 108
taterka 108
trojan 128
trzilistik 128
twardostój 233
tysiącznik 137
warkocze Matki Boskiej 93
warkocze Najświętszej

Panienki 93
warkoczki Najświętszej
Panienki 93
warkoczki Najświętszej
Panny Marii 93
wasilka 148
wdówki 85, 164
włosy Matki Boskiej 93
wołoszkę 148

wołoszki 148
wołowe oczy 98
wouczy zub 188
wronie oko 98
zajęcza krewka 71, 156
zeruza 181
ziele czworolistne 128
zieżułka 257
zubowa bylina 67

zwończek 159
zwońiec 159
żabie oczka 99
żegawka 169
życzka 169
żagawica 169
żagawka 169
żegawka 169
żidovska wisznia 111

Старопольский

boże drzewko 222
bożedrzewce 222
czartopłoch 33, 241
kuroślep 101, 197
kurzimor 197

pleśniwiec 16
pleszka 190
pleszyki 190
scorocel 205
skorożęc 205

skoroźrza 205
skoroźrze 205
wilczy groch 115
włoski groch 115

Верхнелужицкий

jazyčk 201
kopřywa 169

połon 211
žahalca 169

Нижнелужицкий

kopšywa 169
modrack 13, 144
módrac 144

módrak 13, 144
poluń 211
polyń 211

škorodwica 205
škorodwicka 205
žagajca 169

Лужицкий

babduška 82, 84
dwójlišćik 127
jenojahodka 124
kluč petrowy modry 89
kluče pětř zolty 89, 194
kokulinda 257
konjaca krej 17, 71, 156
košťranc 147
kóštšenc 147
macoška 167
macuška 167

mlóčen 15
njedótka 37
njedótkliwje zele 37
njedotkliwka 37
noc a zeń 165
plomjenčica 16
rogoža 122
stupnički 27, 118
swětlik 105
syrotka 167
wjelče mloko 15

žeruš 181
žoruž 181
zubica 67
бутрове квѣтки 35, 181
бутрове рожички 35, 181
масленка 35, 181
млочнак 16, 188
млочова рожка 16, 188
смјетанка 189

Кашубский

bab'è zelé 203
bab'ì jazčèk 203
bolëoče 186
dmuχ'ąjk 189
dm'uxovka 189
gap'è nóżk'ì 181
gojQcé listk'ì 204
jazčèk 200
jazčèk'ì 200
křoska 17
lësé jQzčèk'ì 200

lëtewka 108
p'qc'žilek 130, 202
p'qcožilk'ì 130, 202
p'qczilk'ì 130, 202
p'qczilki 130, 202
přëdróżnik 44, 198
ptâšë jazčèk'ì 200
scigáč 204
v'atrâčk 28
wřodník 204
wřodowé lëstë 204

wřod'ownica 204
žid 201
židk'ì 201
židka 113
žilník 202
žogawica 169
žogovka 169
žëdovnica 113
žëdovsk'ì smrod 113
žëdovsk'è jablka 113

Гуральский

babka sičkih zielów
matka 208

głowianka 147
matki boskiej lezki 94

Праславянский

*čъrnobyľ 220
*kopriva 169

*kropiva 169
*ostricъ 240

*osъtъ 237

Латынь

barba aron 90
barba aronis 90
filius ante patrem 25

herba catholika 109
herba iudaica 109
herba Sancti Petri 159

matris animula 82

Греческий

βασιλικόν 48
παργώνιον 108

ωκμιον 48
**τάτρι(ον)* 108

**τετραγώνι(ον)* 108
**τέτρι(ον)* 108

Новогреческий

pikralida 191

Литовский

grikai 108

Латышский

pelejumi 211

Немецкий

Salep 248
Tausendguldenkraut 136

Арабский

sahlab 248

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агриппина св. 87, 166, 172, 184, 185
ад 194
Адам 29, 64, 70, 90, 270
аист 73
ангина 233
астма 153, 160, 197
бабочка 73, 259
багровый 252
баня 54, 70, 115, 166, 172, 178, 182, 184
бархат 121
башмак 27, 118
белая грыжа 20
бели 19, 20, 179, 219
белый 12, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 49, 65, 66, 69, 72, 74, 76, 77, 80, 83, 92, 93, 94, 95, 96, 103, 123, 133, 163, 168, 188, 189, 190, 196, 206, 221, 226, 227, 232, 252, 253, 257, 263, 264
беременность 125, 160, 219, 251
бесплодие 11, 73, 76, 132, 219, 250, 261, 270
блеск 18, 35, 181, 187
близнец 17, 22, 72, 125
блоха 59, 171, 228
бог 15, 22, 41, 48, 70, 73, 113, 114, 132, 175, 177, 209, 237, 245, 249, 251
богинка 26, 159, 162
Богородица 11, 20–21, 30, 52, 65, 71, 79, 86, 91, 92–95, 103, 106, 116, 120, 126, 135, 156, 157, 229, 234, 243, 250, 251, 270
бок 124, 160, 172, 243, 245
болото 43, 116, 183, 187, 262
борода 66, 78, 90, 240
бородавка 53, 54, 70, 122, 192, 220
брат 17, 21, 22, 23, 35, 72, 85, 87, 126, 140–141, 162–164, 165–166, 168, 176, 232, 251, 261, 270
бронхит 178, 196, 197, 204, 207
бурый 99, 111, 245, 254
вампир 39, 268
Василий св. 48, 114, 150
Василий Блаженный 48, 150
вдова 46, 132, 168, 176
вдовец 176
ведьма 53, 172, 214, 215, 242, 246, 268
веник 166, 172, 177, 184, 216, 259
венок 22, 40, 58, 68, 125, 139, 154, 158, 171, 172, 174, 207, 214, 215, 216, 222, 225, 261
верблюды 230, 235
весна 38, 39, 42, 95, 137, 171, 191, 193, 194, 195, 217, 258, 262
веснушки 192
вештица 129, 173
Вид св. 40, 77
вила 129, 162
вкус 10, 45–46, 68, 111, 112, 181–182, 183, 191, 193, 196, 198, 211, 225, 228, 230, 232, 268, 269
Влас св. 171
вода 15, 16, 18, 20, 31, 32, 41, 42–43, 58, 92, 93, 96, 106, 153, 160, 170, 172, 174, 179, 191, 207, 208, 212, 213, 216, 222, 227, 247, 269
водобоязнь 186, 192
водянка 179, 186, 192, 220, 245
водяной 43
водяной черт 41
Воздвижение 48, 152, 224
Вознесение 16, 189
вол 265, 267
волдырь 52, 182
волк 132, 156, 260
волосы 66, 77–78, 92, 150, 179, 190, 244, 247
воробей 41, 114, 261, 262
ворон 73
восемь 131
второй 41, 42, 73, 137, 228
гадание 10, 14, 23, 30, 40, 41–42, 52, 69, 77, 78–79, 96, 127, 137, 158, 160, 161, 173, 177, 209, 216, 222, 243, 263
гадюка 192, 249, 258
гангрена 245
гастрит 204, 219

- гвоздь 92, 129
геморрой 20, 77, 179, 187, 192, 207, 220, 233, 234, 245
гениталии 30, 69, 79, 253–254
Георгий св. 15, 29, 33, 40–41, 43, 51, 58, 87, 90, 170, 171, 173, 174, 194, 195, 198, 216
гермафродит 164
Гертруда св. 217
гипертония 192
глаз 14, 20, 31, 39, 40, 53, 55, 66–67, 70, 87, 91, 95, 97–102, 104, 105–106, 107, 138, 144, 153, 166, 185, 186, 197, 207, 208, 259, 261
глисты 133, 179, 206, 207, 217, 218, 221, 245
гнедой 245
голова 23, 29, 30, 51, 57, 64–65, 72, 75, 80, 82, 88, 89, 90, 95, 106, 136, 146–147, 158–159, 173, 178, 179, 197, 200, 209, 212, 215, 216, 218, 237, 242, 243, 244, 248, 270
головные уборы 27, 113, 116, 117, 123
головокружение 197
голубой 13, 65, 96, 99, 101, 116, 143–145, 149, 151, 229, 242
горло 53, 55, 56, 196, 244
горький 14, 45–46, 47, 176, 181–182, 183, 191, 193, 196, 211, 225–226, 228, 230, 232
горячка 153, 186, 217
греки 108
гроза 41, 209, 222–223
гром 32, 41, 170, 172, 173
грудь 16, 17, 68, 94, 124, 160, 167, 172, 179, 191, 197, 212, 228, 233, 243, 248
грыжа 56, 186, 207, 244, 248, 256, 257, 268
губы 186
гусенок 39, 191
гусь 73
два 20, 35, 50, 58, 69, 77, 78, 79, 80, 84, 87, 106, 125–127, 129, 137, 138, 139, 140
двадцать один 134
двенадцать 124, 132, 134, 138, 139, 242
двойной плод 73
двойня 73
девочка 49, 69, 79, 83, 96, 127, 174, 224, 261, 263
девяносто девять 160
девяносто семь 178
девять 33, 35, 54, 85, 124, 131–134, 138, 139, 140, 141, 152, 243
деготь 46, 200, 211, 241, 246, 268
дед 80, 85, 240
день 65, 74, 165, 270
деньги 125, 129, 181
десна 208
десять 139
дети 18, 22, 23, 26, 30, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 68, 69, 70, 72, 73, 76, 78, 79, 81, 83, 89, 96, 115, 121, 123, 127, 130, 132, 139, 149, 152, 159, 160, 167, 173, 174–175, 177, 187, 189, 193, 194, 197, 209, 210, 212, 214, 215, 216, 218, 228, 230, 233, 239, 244, 245, 247, 248, 250, 251, 253, 256, 257, 261, 263, 264, 265, 269
диабет 192
диарея 161, 179, 207, 218
дизентерия 161, 205, 206, 207, 233
дождь 31, 102, 114, 188, 239
домовой 242
дорога 44, 85, 95, 129, 132, 198–200, 208, 209, 210, 229, 231, 232
дочь 74, 75, 83, 96, 167, 226
Духов день 171, 212
дьявол 72, 155, 215
Ева 70
евреи 31, 48, 91, 112–114, 115, 188
еж 236
жаба 43, 187
жаба (болезнь) 53
жгучесть 46, 52–53, 99, 112, 168, 176–177, 180, 181, 211
железо 208, 211
желтая грыжа 19
желтуха 17–18, 22, 55, 134, 179, 192, 207, 220, 233, 245, 267
желтый 12–13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 28, 72, 89, 99, 100, 101, 102, 119, 120, 122, 126, 127, 133, 140, 141, 154, 155, 162, 164, 168, 180–181, 186, 188, 193, 196, 233, 260, 267
желудок 33, 53, 68, 160, 171, 179, 186, 192, 201, 205, 206, 207, 217, 218, 219, 233, 245, 248
желчный пузырь 19, 230

- жена 48, 69, 70, 71, 75, 77, 176, 177, 200, 225, 226, 252–253, 263
- жених 77, 132, 194, 209, 260, 267
- «женские» растения 30, 57, 69, 72, 76–87, 92–96, 106, 122, 127, 131, 177, 253, 255, 263, 267
- живот 16, 33, 55, 57, 90, 133
- жир 35, 181, 187, 250
- жук 73, 112, 254
- журавль 73
- загадка 14, 33, 64, 66, 84, 145, 189, 237
- заговор 18, 58, 65, 91, 95, 104, 171, 178, 206, 241, 245, 246, 247
- замок 129
- заноза 33, 208
- запах 10, 47–49, 52, 61, 72, 80, 81, 82, 112–113, 115, 126, 133, 149, 150, 159, 165, 186, 211, 228, 268, 269
- запор 197, 245
- зяцц 73
- звук 49, 50
- зеленый 13–14, 17, 19, 38, 43, 80, 111, 112, 122, 151, 158, 162, 168, 173, 198, 200, 212, 220, 221, 224, 225, 227, 240
- змея 74, 90, 197, 241, 242, 247, 265
- змея 39, 40, 56, 124, 156, 177, 191, 206, 208, 220, 222, 223, 224, 249, 269
- знахарь / знахарка 20, 21, 84, 165, 203, 220, 241, 246, 249, 255
- зоб 56
- золото 15, 16, 194, 200, 206, 224, 267
- золотой 14, 66, 180, 188
- золотуха 18, 56, 122, 133, 152, 167, 178, 179, 220
- зрачок 20, 66
- зуб 67, 74, 89–90, 113, 135, 46, 171, 192, 206, 207, 208, 209, 232, 249, 250
- Иван Коприван св. 171
- игла 155
- игра 59, 60, 189, 193, 209–210, 239
- Иисус Христос 21, 31, 48, 68, 71, 79, 89, 91–92, 94, 95, 114, 141, 149, 154, 155, 157, 197, 230
- импотенция 69, 127, 255
- индюк 201, 222
- инцест 21, 72, 164, 166, 168
- Иоанн св. 14, 15, 21, 22, 40, 42, 53, 65, 68, 71, 72, 87, 88, 90, 95, 119, 124, 126, 129, 152, 157, 158–159, 165–166, 168, 172, 173, 174, 184, 209, 214–216, 218, 223, 234, 239, 242, 243, 254, 259, 268, 269, 270
- Иов 258
- Иосиф св. 91
- испуг 33, 40, 57, 72, 74, 81, 159, 222, 243–244, 247
- Иуда 48, 72, 74
- ишиас 178
- калмыки 110, 115
- капор 27, 117
- капюшон 27, 117
- караконджул 213
- кашель 56, 153, 160, 167, 177, 178, 192, 196, 197, 207, 225, 233, 245
- кила 55, 56
- Кинга св. 21
- кислый 46, 111, 183
- клад 89, 129, 138, 156, 194
- ключ 28, 89, 193–194, 198, 206
- кобыла 245, 267
- кожа 34, 52, 53, 68, 70, 111, 112, 121–122, 133, 138, 154, 160, 167, 178, 179, 182, 186, 187, 193, 203, 204, 205, 206, 211, 231, 244
- коклюш 207, 245
- колдун / колдунья 67, 171, 242
- колики 33, 172, 243, 267
- колодец 31, 209
- колокольчик 25
- колотье 33, 56, 90, 124, 243
- колтун 77, 133
- конь 28, 48, 129, 132, 200, 221, 224, 246, 249, 267
- копыто 28
- коричневый 94, 112
- корова 16, 56, 93, 135, 152, 166, 170, 172, 186, 189, 209, 215, 221, 222, 241, 242, 245, 247, 267
- короста 29, 68, 167, 179, 182, 186, 245
- коршун 262
- костер 53, 172, 173, 180, 215, 243, 269
- кость 23, 54, 160, 186
- Крапивное заговенье 174
- красная грыжа* 20
- красный 13, 14, 15, 16, 17, 18–19, 20, 21, 22, 23, 24, 29, 44, 71, 74, 77, 91, 92,

- 93, 99, 106, 110, 112, 114, 119, 126, 127, 141, 145, 156, 158, 161, 180, 196, 207, 220, 221, 237, 259, 264, 267, 269
- крест 48, 92, 114, 149, 152, 157, 262, 268
- крещение 15, 96, 115, 123
- «крещение кукушки» 96, 209, 261–263
- кровь 11, 15, 18–19, 20, 21, 22, 24, 33, 48, 54, 56, 59–60, 70–71, 91, 92, 93, 94, 95, 114, 140, 141, 150, 157, 160, 161, 175, 179, 191, 192, 201, 204, 205, 206, 207, 219, 220, 221, 233, 240, 245, 264, 270
- кропило 48
- круглый 30, 57, 65, 68, 69, 79, 90, 94, 96, 120, 263
- кукушка 27, 70, 73, 83, 104, 107, 115, 118, 200, 209, 249, 253, 254, 257–263, 264
- курая слепота 55, 100, 105, 185, 192, 266
- кураца 22, 23, 51, 59, 100, 114, 186, 264, 267
- ладонь 130, 239, 251, 253
- лазореваый 137, 143, 151
- лапа 29, 68, 130, 181, 198, 253
- лебедь 73, 225, 226
- левый 79
- легенда 10, 21, 31, 44, 47–48, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 74, 75, 83, 85, 87, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 103, 106, 114, 126, 144, 148, 149, 150, 157, 161, 162, 163, 164, 167, 194, 200, 218, 230, 231, 232, 234, 237, 250, 269, 270
- легкие 133, 160, 179, 196, 207, 245
- лиловый 86, 162
- лихорадка 25, 43, 49, 55, 74, 137, 153, 177–178, 186, 187, 192, 196, 207, 208, 217, 249, 267
- лицо 18, 40, 53, 77, 79, 95, 138, 203, 225, 227, 228
- лишай 70, 179, 244
- локоть 68
- ломота 153, 160, 177, 186, 217, 218, 232, 245, 248
- лошадь 32, 55, 132, 182, 186, 221, 224, 249
- лысына 189–190
- лягушка 43, 75, 116, 122, 184
- магия 12, 15, 18, 21, 30, 32, 33, 47, 57–59, 61, 64, 69–70, 75, 96, 124, 127, 129, 130, 132, 138, 152, 155, 159, 161, 165, 170, 178, 179, 193, 197, 208, 211, 213, 216, 220, 221, 222, 231, 234, 238, 239, 246, 247, 250, 251, 254, 261, 263, 264, 265
- Маккаевея семь мучеников 41, 242
- мальчик 59, 69, 79, 96, 101, 127, 151, 231, 261, 263
- малярия 97, 154, 179, 186, 187, 191, 207, 218, 233, 245
- мамуна 26
- масло 35, 54, 94, 113, 129, 155, 179, 181, 187, 189, 193, 208, 245
- матка 27, 54, 82, 83, 179, 219, 249
- мать 40, 47, 80, 81, 82–83, 86, 93, 103, 106, 148, 149, 159, 171, 175, 194, 211, 214, 215, 226
- мачеха 81, 85, 106, 164, 167, 224
- мед 46, 47, 58, 78, 129, 178, 191, 192, 193, 196, 207, 225
- медведь 24, 106, 110, 115
- медицина народная 12, 17, 18, 19, 33, 38, 43, 47, 53–57, 61, 62, 64, 72, 75, 78, 84, 91, 96, 97, 105, 107, 127, 130–131, 133, 138, 139, 152, 153, 154, 167, 177–179, 182, 186, 191–193, 196–197, 201, 203, 204–208, 217–223, 229, 232–234, 243–247, 248–250, 257, 267–268, 270, 271
- менструация 11, 18–19, 20–21, 53, 71, 73, 77, 93, 94, 96, 157, 160, 179, 186, 207, 217, 219, 220–221, 270
- мигрень 197
- митра 117
- Моисей 112
- молния 41, 173, 209, 238
- молоко 15, 16, 40, 56, 59, 94, 152, 170, 171, 172, 188, 191, 196, 209, 215, 242, 247
- монах 27, 189, 222
- моча 56, 153, 157, 167, 177, 179, 192, 197, 207, 233, 244, 245
- мочевой пузырь 154, 192, 197, 245
- муж 30, 48, 58, 70, 72, 76, 77, 149, 174, 175, 176, 227, 241, 249, 252–253, 255, 263, 269
- «мужские» растения 20, 30, 55, 57, 64, 69, 76–80, 81, 85–92, 95–97, 122, 127, 131, 151, 255, 256, 267
- муравей 73, 137
- мышь 24, 210, 228, 247
- нарыв 52, 160, 182, 186, 202, 204, 205, 206, 244
- насморк 196

- невеста 22, 58, 76, 77, 82, 105, 125, 132, 151, 177, 216, 260
- немцы 109, 232
- нечет 127, 138, 267
- нечистая сила 26, 33, 41, 49, 83, 166, 172, 180, 212, 214, 216, 237, 240, 241–242, 247
- нога 29, 53, 54, 68, 153, 154, 181, 186, 200, 204, 206, 208, 233, 250, 263, 264, 267, 268
- ногти 29, 67, 248
- ночь 22, 35, 39, 40, 41, 53, 73, 74, 76, 78, 81, 93, 152, 158, 165, 166, 168, 171, 172, 173, 208, 212, 215, 216, 217, 239, 242, 264–265, 270
- оберег 10, 18, 21, 26, 33, 46, 49, 53, 126, 129, 139, 159, 161, 165, 180, 197, 209, 213–214, 222, 228, 268
- обирачка 40
- обувь 27, 64, 116, 118–119, 198, 200, 222, 239
- овод 177, 269
- овца 34, 40, 43, 58, 89, 125, 208, 230, 235, 230
- огонь 15, 16, 17, 23, 138, 158, 172, 173, 180, 207, 215, 226, 238, 241, 247
- одежда 23, 34, 64, 112, 116–119, 123, 124, 170, 238, 239, 267
- один 124–125, 138, 253, 260, 270
- одиннадцать 131
- ожог 161, 205, 207, 233, 244
- олень 250
- онучи 123
- опухоль 53, 56, 120, 129, 133, 204, 206, 220, 232, 233
- оранжевый 13, 155, 260
- Орион 88
- орисница 139
- осел 28, 235, 245
- отворот 253
- отец 25, 47, 72, 74, 80, 85, 87, 140, 149, 163, 175, 240, 246
- Павел св. 193, 237
- падчерица 167
- палец 29, 35, 67, 68, 78, 94, 128, 129–130, 194, 250, 252, 253, 255, 263, 267
- паралич 220, 245
- парша 167
- Пасха 41, 174, 209, 216
- пегий 245
- первый 10, 18, 22, 37, 38, 39, 40, 41, 70, 73, 78, 87, 95, 96, 132, 137, 152, 170, 171, 191, 195
- Перун 85, 240, 265
- перчатка 92
- песня 21, 23, 25, 33, 38, 46, 47, 48, 58, 59, 71, 72, 74, 150, 151, 152, 162, 163, 165, 166, 173, 175–177, 194, 197, 215, 225, 227–228, 258, 269
- пестрый 249, 252, 258
- св. Петр 28, 40, 88–89, 146, 159, 174, 175, 193–194, 198, 210, 230–231, 232, 234
- петух 23, 30, 41, 59, 181, 194, 264
- печень 19, 43, 153, 160, 161, 191, 192, 205, 207, 219, 220, 233, 245
- платье 34, 116, 229
- плач 38, 55, 97, 104, 107, 152, 241, 261
- плесень 16, 211
- повойник 123
- подагра 161, 179, 187
- подкова 129
- покойник 17, 22, 41, 42, 48, 49, 72, 141, 150, 216, 224, 241, 242, 251
- полночь 39, 76, 81, 152
- полотенце 15, 65, 123
- понос 20, 33, 54, 56, 157, 201, 206, 207, 218, 232, 233, 248
- порез 155, 160, 167, 204, 205, 218
- порча 135, 159, 161, 183, 241, 242, 249, 254, 255, 267
- посуда 26, 64
- похороны 161, 209, 228, 262, 267
- почка 19, 153, 154, 161, 179, 197, 220, 245
- пояс 88, 119, 212, 214, 216, 265, 267
- поясница 68, 119, 152, 154, 178, 216, 233
- правый 79
- приворот 30, 31, 34, 57, 68, 69, 74, 127, 129, 138, 152, 155, 158, 161, 234, 251, 254, 255, 256, 257, 264
- простуда 91, 133, 153, 154, 177, 178, 192, 196, 217, 232, 233, 245
- прыщ 52, 53, 114, 182, 186, 193, 244
- птица 29, 73, 98, 99, 224, 259, 261

- пуговица 119, 120, 145
пуп 138, 207
пуповина 76
пурпурный 91
пчела 137, 177, 205, 228, 269
пять 28, 35, 67, 93, 129–130, 138, 140, 181, 194, 202, 210, 250, 253
пятьдесят 136, 139
рак 29
рана 21, 52, 56, 57, 90, 122, 154, 156, 157, 160, 167, 178, 179, 183, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 220, 233, 244, 245, 246, 249
ревматизм 55, 91, 160, 161, 167, 177, 178, 187, 192, 197, 218
ресницы 14, 66
рогожа 122
роды 11, 27, 92–93, 160, 219, 250, 270
рожа 133, 192, 207, 267, 268
роженица 16, 32, 67, 92–93, 96, 170, 191, 207, 213, 216, 219, 222
розовый 19, 20, 21, 76–77, 102, 110, 136, 168, 260
роса 31, 91
рука 29, 35, 50, 53, 60, 65, 67, 68, 92, 110, 130, 140, 157, 174, 182, 186, 194, 198, 206, 208, 213, 215, 216, 225, 228, 234, 239, 240, 246, 250–251, 261, 263, 267
рукавичка 30
русалка 41, 46, 49, 53, 66, 144, 148, 162, 172, 212, 213, 214, 215, 228
рыжий 188
самовила 40, 197
самодива 162, 171, 197, 213
сатана 183
свадьба 15, 22, 74, 125, 132, 161, 176, 255, 260
свекор 33
свекровь 72, 81, 175, 225
свеча 66, 105, 172, 210, 212, 243, 268
свинка 197
свинья 60, 111, 114, 246
сглаз 170, 267
селезенка 18, 192, 233
семь 35, 130–131, 139, 202, 223
сербы 21, 71, 114, 140–141
сердце 19, 30, 53, 68, 78, 80, 102, 133, 134, 154, 175, 179, 186, 232, 249, 255
серебристый 16
серебро 16
серый 16, 150, 168, 200, 245, 258
серьги 120
сестра 14, 21, 22, 23, 35, 36, 39, 48, 66, 71, 72, 79, 81, 85, 86, 87, 126, 140, 162–164, 165, 166, 168, 175, 176, 184, 230, 232, 270
синий 13, 14, 15, 17, 18, 21, 23, 45, 49, 66, 71, 72, 77, 83, 89, 96, 102, 106, 111, 114, 126, 143–145, 153, 155, 162, 163, 164, 168, 220, 229, 231, 252
сиреневый 111
сирота 38, 83, 85, 164, 167, 168, 224, 226
сифилис 114, 245
сказка 47, 116, 149, 175, 200, 223, 224, 241, 261
скот 15, 32, 40, 47, 60, 87, 93, 125, 152, 160, 166, 170, 171, 208, 215, 222, 235, 237, 242, 246, 247, 269
сладкий 46, 113, 197, 267
слеза 21, 22, 36, 43, 70, 83, 84, 94–95, 96, 102, 103–104, 107, 153, 156, 200, 225, 257, 258, 259–263
слепота 22, 40, 55, 77, 97, 99–102, 105, 106, 107, 153, 185–186, 187, 192–193
собака 29, 33, 34, 49, 64, 115, 146, 154, 200, 217, 232, 238, 239
сокол 48, 98
солнце 18, 22, 36, 39, 41, 99, 100, 106, 114, 126, 165, 185, 191, 223, 230
соловей 75
солома 53, 101, 159
соль 139, 178, 268
сон 31, 52, 54, 75, 90, 106
сорок 35, 134–135, 136, 139
сорока 260
спазмы 197, 220
Спас 41
спина 82, 124, 170
«спорыш» 125
сто 35, 135–136, 139, 199
Страстная неделя 212
судороги 68, 220, 221
сукно 122, 267

- сустав 55, 177, 191, 207, 218, 231, 267
сын 25, 75, 85, 96, 103, 140, 148, 156, 194, 214
сыпь 29, 53, 68, 70, 160, 167, 178, 179, 182, 187, 193, 196, 233, 244, 257
татары 33, 108–110, 115, 220, 223, 234, 235, 237, 240, 242, 246, 254
теща 81
тиф 245
тоска 25, 31, 36, 58, 74, 86, 102, 152
травник 34, 37, 70, 75, 124–125, 133, 134, 141, 159, 177, 178, 211, 217, 252, 256
трахея 233
третий 41, 137, 171, 200, 224, 226
три 41, 65, 69, 73, 79, 82, 95, 96, 124, 127–128, 134, 137, 138, 139, 176, 199, 210, 239, 242, 261, 263
тринадцать 138
Троица 66, 148, 174, 212, 213, 239, 268
туберкулез 207, 220, 245
турки 71, 92, 107, 108, 112, 114, 115, 140, 237
туфля 27, 92, 118
тысяча 35, 136, 137, 139
уж 47, 56, 75, 149, 175
упырь 246
урок 135, 209, 231, 267
Усекновение главы Иоанна Предтечи 65, 170
усы 78
ухо 85, 161, 192, 195, 201, 207, 210, 245
ушиб 160, 204, 205, 221, 249
фиолетовый 21, 92, 103, 126, 145, 147, 162, 168
форма 10, 17, 24–34, 43, 57, 64, 66, 67–68, 69, 70, 72, 75, 77–79, 85, 90, 91, 92, 94, 96, 103, 104, 106, 112, 113, 116–120, 123, 124, 127, 130, 131, 136, 140, 145–147, 155, 181, 187, 188, 190, 193–194, 198, 200–201, 203, 210, 229, 231, 239, 249, 250–253, 254, 264, 270
хвост 28, 59, 99, 210, 238, 247
хлеб 14, 45, 89, 93, 145, 157, 208, 218, 225, 227, 228, 231, 234, 246, 268
холера 179, 233
царица Елена 48, 114, 149, 206
цвет 12–24, 35, 49, 57, 61, 66, 71, 72, 74, 75, 76–77, 79, 81, 87, 94, 96, 99, 100, 101–102, 103, 107, 111, 112, 115, 116, 126, 127, 141, 143–145, 146, 150, 153, 154, 155, 156, 158, 161, 162, 164, 165, 168, 180, 181, 182, 187, 188, 193, 196, 197, 211, 220–221, 229, 234, 252, 259, 260, 262, 267, 269, 270
цинга 207, 233, 244
цыгане 21, 71, 73, 110, 111, 112, 114, 115
цыпленок 23
чайка 73
чаровница 152, 234
чародей 132, 159, 260
чахотка 191, 196, 197, 221, 233, 244, 267
черви 57, 122, 171, 245–246, 247, 269
черный 14, 23, 27, 69, 71, 98, 99, 111, 112, 114, 115, 123, 125, 183, 219, 220, 223, 243, 245, 252, 263
черт 16, 30, 33, 41, 67, 96, 115, 130, 145, 159, 212, 217, 234–235, 237, 241, 250, 253
чесотка 54, 68, 70, 122, 167, 244
чет 127, 138, 262, 267
четыре 35, 108, 125, 126, 128–129
чирей 70, 202, 204, 205, 233, 244
чума 132
шапка 14, 113, 117, 135, 188, 189, 225, 267
шелк 22, 122, 170, 267
шесть 130, 159
шляпа 27, 117
экзема 191, 192
эпилепсия 56, 179, 186, 219, 220, 247
этимология народная 29, 32, 36, 59, 103, 108, 132, 151, 156, 203, 270
ягненок 29, 40, 93, 125
язва 56, 178, 179, 186, 204, 205, 233
язык 29, 56, 81, 200–201, 210, 252
яйцо 175, 216, 259
ястреб 73, 262
ятровь 82, 254

Научное издание

Валерия Борисовна Колосова

**Лексика и символика
славянской народной ботаники**

Этнолингвистический аспект

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
22,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6